

КОРАБЛИ
БЕЗ
ПРИСТАНИ

Книга первая

Двое солдат, сражавшихся по разные стороны баррикад, оказываются связаны общим делом с бывшей монахиней и известным наёмным убийцей, чудом избежавшим позорной казни. Их жизни висели на волоске, но судьба дала им второй шанс и свела вместе. Однако они лишь капли в кипящем водовороте страстей Большой Земли. Им предстоит преодолеть разногласия и принять вызов враждебного мира, чтобы найти своё истинное предназначение. Предназначение, способное погубить их окончательно.

Действие первой книги цикла разворачивается в бывшем Сотторийском царстве — некогда могучем государстве, ныне разделённом на великие княжества — на пороге большой войны.

Корабли без пристани

У каждого пути есть начало

Юральф

«Дисциплина есть основа каждой армии. Только тот солдат, который знает своё место как в казарме, так и на поле брани, может привести свою отчизну к триумфу. Времена дикарей с их безумной жаждой крови позади, и теперь побеждает тот, кто совершит меньше ошибок. А не будет ошибок — не будет и победителя. Но такое время не настанет, ибо весь род человеческий стоит на ошибках».

Дариен Великий «Победная сотторийская грамота».

Юральф хорошо помнил день, когда попал в армию. Все первые шестнадцать лет жизни он провёл в селе близ Чернополя, крупного города на Юге Новоградской республики. Вместе с отцом, дедом и двумя братьями они только и делали, что пахали, копали, рубили и таскали. Мать же со своей старшей дочерью были всегда заняты готовкой, шитьём или воспитанием младшей сестры Юральфа.

Дни тянулись долго, и в немногие моменты безделья Юральф отправлялся на берег реки Двианы, откуда открывался завораживающий вид на Чернополье и его окрестности. Юноша всегда думал о том, что же было за тем местом, где бескрайняя река впадала в небо. Увы, в своей жизни он видел лишь село, окрестный лес, куда часто ходил за дровами, да само Чернополье, откуда они привозили некоторый провиант.

Незатейливая деревенская жизнь прервалась, когда в село прибыл глашатай республики в сопровождении шестерых дружинников. Он торжественно объявил, что на последнем Вече в Новом Граде было принято решение об увеличении числа гарнизонов в государстве. Глашатай зачитал приказ, согласно которому каждая сельская семья, независимо от того, платит она оброк или нет, должна предоставить в ряды республиканской армии по одному молодому человеку.

Юральф не думал долго. Он сходу объявил родне, что намерен стать воином и покинуть село. Его братьев, не сильно желавших рисковать жизнью, это обрадовало, но родители согласились не сразу. Лишь напоминание о вечевом приказе, по которому каждая семья, не выполнившая постановление, теряла свою землю и дом, заставило их пойти на уступки.

После напутственных речей от отца и долгих объятий от матери, Юральф покинул родной дом и вместе с группой других юношей отправился вслед за глашатаем в город. Так для него началась новая жизнь, полная звона стали и брони, пота и крови. И эта новая жизнь ему нравилась, пока настоящая война не показалась на горизонте.

Как всё началось, никто толком не знал. Кажется, Гаальтская принцесса должна была выйти замуж за сына Новоградского посадника, но вместо этого её выдали за принца Томании. Или наследника Раванского ханства. Или за койвского князя. Воякам подробностей никто не сказал, им лишь отдали приказ биться насмерть с гаальтским войском.

Два дня маршировал на юг полк под начальством Тукесара, могучего седовласого полководца. Лишь на самой границе им попался передовой отряд гаальтцев. Врагов было в десять раз меньше, поэтому победа себя ждать не заставила. Форсировав границы Гаальта, Тукесар повёл воинов на ближайший крупный город, Бельф. Когда до города осталось чуть больше дня ходу, разведчики доложили, что навстречу идёт вражеский полк. Тукесар распорядился разбить лагерь на одиноком холме посреди степи и готовиться к битве на рассвете.

Юральф весь вечер провёл у костра в компании сослуживцев, из которых почти все были такими же юнцами, как и он сам. После четырёх лет в армии они многому научились на тренировочных площадках, но настоящая битва им предстояла впервые. Лишь один из сидящих у костра солдат мог похвастаться подобным опытом. Его звали Авдий, а было ему чуть больше тридцати.

— Да, я помню ту славную битву, — начал он свой рассказ после недолгих уговоров. — Лет десять назад король Летары задумал отнять у нас некоторые территории. Наша армия была тогда не так сильна, ведь все деньги уходили на строительство новых городов. Правительство так хотело освоить новые границы, что забыло об уже существующих. Я тогда служил там, в Смолине. Всех нас подняли рано утром и без лишних разговоров отправили на войну. Летарцы были хорошо подготовлены... Онагры, баллисты, даже чародеи. Республика никогда не любила колдунов, поэтому нам пришлось полагаться на сталь. Летарские маги одним залпом огненных шаров пробивали огромные бреши в наших рядах, а мы отвечали лишь стрелами да копьями, сгоравшими еще на подлёте. Один из таких шаров пролетел в паре сажень от меня, и я почувствовал этот дикий магический жар... Но не остановился. Я бился как мог, как в последний раз. Нас теснили, нас убивали, но я держался. Я перестал считать, скольких я убил, после двадцатого. К тому же, рано или поздно, я знал, убили бы и меня... Вокруг стонали и умирали мои сослуживцы, они не верили, что Светоносные позволили бы нам проиграть... Они не позволили! Мы услышали горны с Юга. Это Повское царство ударило по врагам Светоносных. Их баллисты залили летарцев таким огненным дождём, что даже чародейство не помогло. Мы тогда выиграли, отстояли свою землю. Выиграем и сейчас!

Солдаты, восхищённые ярким рассказом, переглянулись. Юральф изо всех сил попытался представить себя на месте Авдия, но не смог. Какого это было, убить двадцать врагов? Юральф не знал. За четыре года службы ему не довелось забрать чью-то жизнь.

— Нам бы твою уверенность, старина Авдий, — прохрипел подошедший к костру лучник с косматой бородой. Ему было за сорок и опыта он имел больше, чем все сидящие у огня вместе взятые.

— А что может пойти не так? — удивился Авдий, поправляя сальные патлы. — Светоносные с нами.

Лучник сделал большой глоток из своей фляги. Запахло водкой.

— И с Койвом, и с Повском, и с Ярополем. Кто там ещё в него верит? В Гаальте половина народу верит, в Бельфе и того больше. Так с чего бы ему именно за нас быть? Тогда-то мы защищали свою землю, а сейчас на чужую прём.

— Наше дело всё равно правое! — возмутился один из молодых бойцов. — Гаальт нарушил соглашение!

— Так нам говорят, — бородач кивнул. — А им — совсем иначе. К тому же, мы ещё с той войны уроков не выучили, так и сжигаем магов да чародеев на площадях, а вот говорят,

что новый жених принцессы Гаальтской — самый что ни на есть чернокнижник. Не знаю, врут ли, но завтра нам не поздоровится.

Лучник громко рыгнул и пошёл по своим делам.

В ту ночь Юральф не спал. Не спали и остальные в его отряде, но все молчали. Никто не решился поделиться опасениями. Где-то вдалеке до самого утра гремел гром, но ни капли дождя не упало на сухую землю. Земля ждала крови.

Едва солнце показалось над горизонтом, со стороны города донёлся барабанный бой. Вскоре стали видны и сами гаальтцы. Они шли стройными рядами в сторону холма. Их было чуть меньше, чем новоградцев, да и находился их противник на превосходящей высоте, но полк шёл уверенно, как будто их было в десять раз больше.

— Готовьте баллисты! — проорал Тукесар.

На край холма выкатили шесть баллист средних размеров и ещё две побольше. Стрелки поднесли огромные снаряды, смазали их горючим маслом и начали целиться. Едва гаальтцы вошли в зону поражения, полководец скомандовал стрелять.

Восемь стрел разом взлетели, и масло на их наконечниках воспылало от трения об воздух. Снаряды устремились к цели, но уже на подлёте вдруг замерли, а через пару секунд уже взмыли обратно в воздух и направились прямо туда, откуда прилетели. Новоградцы не сразу поняли, что происходит. Лишь часть из них успела разбежаться прежде, чем горящие пики вонзились прямо в баллисты, разбрасывая во все стороны пылающие головёшки.

Поднявшись и отряхнувшись, Юральф услышал неистовый вопль Тукесара. Разгневанный потерей всей техники сразу, он принял одно из самых необдуманных решений в своей жизни: атаковать лоб в лоб.

Вынужденные подчиниться, солдаты издали боевой клич и понеслись вниз по склону холма. Первыми летели копейщики, за ними мечники, в том числе и Юральф, а сзади встали на изготовку стрелки. Конница заходила на врага с фланга.

Вскоре раздался звон стали и полилась кровь. Юральф не мог определить, кто побеждает, он лишь слышал чьи-то крики и видел, как кто-то то и дело ничком падает на поросшую клевером землю. Солдаты перемешались, и Юральф наконец увидел перед собой не обтянутую синей тканью спину товарища, а тяжело вздымавшуюся грудь в бирюзовой гаальтской накидке.

Враг был весь покрыт железной чешуёй лат, а в руках держал могучую двуручную секиру. Гаальтец ударил без замаха, и Юральф, стиснув зубы, выставил ему навстречу щит: раздался глухой звон. Противник рыкнул и замахнулся. Не в силах пошевелиться, Юральф вновь поднял щит. Непрочное железо оказалось бессильно перед тяжёлым ударом, и секира пробила его, остановившись в считанных сантиметрах от шлема Юральфа. Гаальтец дёрнул рукоять, но к своему недовольству обнаружил, что его оружие застряло в покорёженном щите новоградца.

Отойдя от потрясения, Юральф, крепко вцепившись в щит левой рукой, нанёс удар клинком прямо по голове врага. Тот пошатнулся и отпустил секиру. Как следует замахнувшись, новоградец атаковал вновь. На этот раз с головы гаальтца упал шлем и Юральф смог взглянуть на своего обидчика: кожа его отдавала зеленым, а глаза горели тёмным огнём.

«Чернокнижие» — мелькнула обжигающая мысль.

Гаальтец яростно зарычал и достал из-за пояса короткий меч. От первого удара Юральф уклонился, второй парировал, но после третьего его оружие с глухим звуком ударилось оземь. Новоградец в ужасе попятился от чернокнижника, пока не споткнулся об чей-то труп. Враг встал прямо над ним, замахнулся и вдруг замер, когда нечто со свистом вонзилось ему чуть ниже пылающих глаз. Недолго думая, Юральф вскочил, схватил свой меч и вогнал его под чешуйчатую броню гаальтца.

Осознание, что от его руки впервые кто-то погиб, захлестнуло новоградского юношу. В ушах застучала кровь, а по рукам и спине пробежал озноб. «Вот я и сделал это, — подумал он. — Спасибо за помощь, безымянный стрелок».

Нечеловеческий вопль, раздавшийся сзади, подействовал отрезвляюще. Крепко схватив меч, Юральф развернулся и увидел то, что превосходило даже бешеного гаальтца с огненными глазами. В трёх десятках сажений от него тяжело шагал самый настоящий демон. Он был ростом как три взрослых мужчины, весь словно скрученный из корней и веток чёрного дерева, а в груди его пылало, разливаясь по всему телу, такое же тёмное пламя, как в глазах воина с секирой. В коряжистой руке демон сжимал огромную, в полторы сажени, шипастую булаву.

— Проклятые чернокнижники, — прохрипел сидящий на камне новоградец с разбитым лицом.

— Сучары! — вторил ему запыхавшийся после битвы сразу с тремя противниками старшина.

— Чтоб их черти драли, такой же елдой, как у этого! — подключился молодой копейщик, сидевший накануне у костра.

Сражение несколько затихло, едва чудище вышло на поле битвы. Гаальтцы расступились, пропуская его вперёд, а новоградцы в ужасе попятились. Осознав, что вечно отступать нельзя, несколько воинов выдвинулись навстречу врагу. Среди них был и Авдий, яростно потрясывающий своим двуручным клинком.

Они атаковали одновременно с забежавшими с фланга всадниками. Копья и стрелы пронзили чёрное тело чудища, но побеспокоили его не больше навозной мухи. Одним взмахом могучей булавы он снёс троих всадников, чья кровь влилась в алый поток, бежавший вниз с холма. Развернувшись, он снёс головы ещё двоих кавалеристов, после чего был вновь атакован Авдием и компанией. Вид того, как тело вчерашнего рассказчика рвётся, словно тряпичная кукла, набитая внутренностями, ещё долго стоял перед глазами Юральфа.

Перед смертью одному из солдат удалось ранить огненную тварь. Острый меч вошёл прямо туда, где у людей находится колено, и демон яростно заревел, посыпая всех искрами из ветвистой груди. Воодушевлённые относительным успехом товарища, новоградцы ринулись на тварь всем скопом, но враг был к этому готов. Сделав два шага назад, демон что-то громко зарычал, и на земле вокруг него стали один за другим проявляться огненные символы. Почувствовав неладное, Юральф отступил подальше. Несколько сослуживцев последовали его примеру.

Едва руны образовали вокруг твари замкнутый круг, яркая вспышка озарила после битвы. За ней последовал грохот и горячая волна, снёсшая Юральфа. Он пролетел несколько сажений прежде, чем тяжёлый удар об землю выбил из него весь воздух.

Поднялся Юральф не сразу. С трудом выпрямившись, он откашлялся, освобождая рот и горло от налетевшей земли. В глазах рябило, а в ушах звенело, но по крайней мере он был жив. Не все могли похвастаться и этим. Демон стоял примерно там же, где и до этого, а

вокруг него громоздился целый бурелом искорёженных и обожжённых тел, как чужих, так и своих. Оставшиеся на поле битвы новоградцы, меньше половины от начального числа, пытались перегруппироваться, но озверевшие гаальтцы быстро добивали отставших от остальной группы бойцов.

Решив, что делу уже не поможешь, Юральф побежал. Он бежал долго, преодолевая ноющую боль во всём теле. Отдалившись от поля брани, он скинул с себя кольчатый шлем и кольчужную рубашку с поясом и браслетами. Ножны он решил оставить. На всякий случай.

Теперь бежать стало легче, но боль всё равно усиливалась с каждым шагом. В следующий раз Юральф остановился, когда за спиной уже не было слышно звона мечей и рыка демона.

В горле пересохло, а от солёного жгучего пота щипало глаза. Кое-как утеревшись промокшей рубахой, Юральф огляделся в поисках водоёма. Ни озёр, ни прудов он не увидел, но вдалеке его внимание привлекли растущие в ряд, словно вдоль речки, деревья. За неимением лучших вариантов, новоградец направился туда, уже не бегом, но быстрым шагом.

Юральф потерял счёт времени, но предположил, что путь до деревьев занял у него около часа. Измождённый воин пробрался через осиновые заросли и, к своему великому счастью, вышел к воде. Речка была узкой, а берега её обрывистыми, но главное, что она не пересохла после засушливого лета.

Спускаться было неудобно, поэтому солдат решил пройти чуть подалее в поисках более пологого места. Удача улыбнулась ему совсем скоро, за ближайшим поворотом: здесь берега были абсолютно ровными.

Обрадовавшись, Юральф смело зашагал вперёд, но тут же замер: прямо посреди реки спиной к нему стоял обнажённый темноволосый мужчина. Слегка продвинувшись вперёд, новоградец достал из ножен окровавленный меч. Мужчина по-прежнему стоял спиной, но по напряжённым плечам было видно, что чужака он заметил.

— Эй, — голос Юральфа прозвучал неожиданно сипло.

— Здравствуй, — купающийся говорил негромко, но уверенно, без дрожи. Правда, с лёгким акцентом. — Ты кем будешь?

Незнакомец медленно развернулся к юноше своим небритым лицом и внушительным достоинством.

— Меня зовут Юральф Менфольн.

Мужчина прошёлся безразличным взглядом по изодранной синей рубахе с четырёхконечной звездой, гербом Нового Града, и окровавленному клинку.

— Так значит битва состоялась? — незнакомец сощурился и закусил губу. — Полагаю, не в вашу пользу.

Юральф настороженно осмотрелся. На берегу кроме него и голыша не было никого. Лишь тонкие осинки, кусты шиповника, да гора тряпья — видимо, одежда незнакомца...

— Дерьмище...

По спине Юральфа словно прополз ледяной змей. Из-под кожаных ботфорт, куртки и брюк торчал край светлой бирюзовой материи с лапками грифона, флаг Гаальта.

— Так ты из них!? — юноша сжал рукоять меча и шагнул к воде. — Вы, проклятые сукины...

— Тихо, тихо! — мужчина испуганно вытаращил глаза и поднял руки. — Я не желаю тебе зла.

— Сейчас-то нет, конечно! — к Юральфу понемногу возвращался голос. — Никакой брони, а твой единственный клинок болтается между ног! Тут и чернокнижники не помогут.

— Послушай! — воскликнул незнакомец. — Поэтому я и здесь! Мне со всей этой дьявольщиной не по пути! Я местный, живу в Бельфе! Вернее, жил... Пару недель назад к нам в казармы приехал какой-то странный тип, говорили, что чернокнижник. Мы решили, что это не наше дело, но спустя ещё неделю он явился к нам с каким-то чаном, полным багровой жижи. Сказал, что грядёт война с Новым Градом, велел выпить эту дрянь. Говорил, кто выпьет, не будет чувствовать боли и усталости. А я-то не дурак, знаю, чем чреваты эти варева чернокнижьи! Я отказался, некоторые тоже. Нас схватили и отлупили до полусмерти. Били долго, кого-то резали, пытались вынудить выпить херотень эту. С неделю подержали в подземелье, а вчера я сумел вырваться. Благо, приближалась битва и ловить меня было особо некому.

Юральф пригляделся и увидел, что тело незнакомца было от бёдер до шеи покрыто запёкшимися ранами и синяками. Он сплюнул и опустил меч.

— Честно тебе говорю, воротит меня от всего этого дерьма! — мужчина вышел на берег. — Ты, я так понимаю, сам видел, чего они там наворотили.

Юральф угрюмо кивнул.

— Слушай, раз уж ты здесь, значит ты, как и я, дезертир. Обратного в войска нам нельзя: четвертуют. Стало быть, все эти гербы у нас на груди — не более, чем тряпки.

Он наклонился, вытащил свою бирюзовую накидку и с усилием разорвал её пополам, после чего кинул обрывки в шиповник. Юральф, потупив взгляд, сделал то же самое, оставшись в итоге совсем без рубашки.

— И что теперь делать? — спросил он. — Ни одежды, ни дома, ни даже страны.

Незнакомец широко улыбнулся.

— Перед тем, как сбежать, я наведалься к сестре. Попрощаться, знаешь ли. Она работает в постоялом дворе и много чего знает. Пару дней назад у них останавливался какой-то старик, искал себе бравых ребят, готовых стать его охраной. Говорит, груз какой-то надо перевезти. Само собой, за деньги. Вот только все нормальные ребята ушли воевать, а головорезы тамошние его не устроили.

— Ты думаешь, мы бы устроили?

— Я недурственно стреляю из лука и дерусь, ты... Ты, по крайней мере, знаешь за какую сторону держать меч. Выглядим мы не по-бандитски.

— Вот только я новоградец. Видишь ли, нас тут в последнее время не жалуют.

— И никогда не жаловали, — мужчина махнул рукой. — Да и вообще, старик сам, судя по акценту, с севера. Рекалия или вообще Дикие Земли. Таким насрать, откуда мы.

Юральф вздохнул.

— И как же нам его нагнать?

— Когда старик уезжал, его предупредили о битве, а он сказал, что переждёт её у старого знакомого на делянке. Сестричка всё выяснила, делянка недалёко отсюда, можем успеть до заката. Что скажешь?

Не имея никаких других вариантов, кроме как шипастая дубина демона или высокая новоградская виселица, Юральф согласился.

— Славно, — незнакомец кивнул. — А теперь искупаемся — и в путь.

Стянув с себя всю насквозь потную одежду, Юральф вошёл в речку. Вода была тёплой и в самом глубоком месте едва доставала до середины бедра. Тщательно ополоснувшись,

новоградец вышел на скользкий берег. Всё это время его меч лежал в двух шагах от незнакомца, но тот и не думал к нему прикасаться.

Одевшись во что было, Юральф и его спутник — как оказалось, звали его Ардук — отправились в странствие по полям. Обстановка вокруг была спокойной: солнце мягко припекало голый торс бывшего новоградского солдата, а ветер мягко шелестел в сочной изумрудной траве. Сложно было поверить, что совсем рядом гремела битва и лились реки крови.

Спустя несколько часов ходьбы, когда ноги Юральфа уже начали звенеть громче вечевого колокола Нового Града, путники упёрлись в деревянную ограду, за которой начиналось гречневое поле. Ардук, недолго думая, ловко перемахнул через забор. Юральфу этот трюк дался чуть тяжелее.

Вдвоём они пересекли поле и вышли к большому бревенчатому дому и такому же сараю. На лужайке рядом туда-сюда вальяжно расхаживал красавец-петух, а возле сарая стояла большая крытая повозка, запряжённая двумя мощными лошадьми.

Дверь в дом со скрипом открылась и навстречу чужакам выбежал низкорослый крепенький мужичок с роскошными седыми усами и топором наперевес, за ним семенило двое чуть повыше, видимо сыновья. Следом на крыльце показалась дама преклонного возраста в цветастом платке со своей круглолицей дочкой. Последним из дома вышел престарелый мужчина в длинном сером плаще. При ходьбе он опирался на длинную палку.

— А ну, суки, я вам щас поворую! — завопил коренастый хозяин фермы. — Ох, щас вам хрены подрежу, а потом — бошки! Ворюги дряные!

— Стойте, сударь! Подождите! — Ардук выставил вперёд раскрытые ладони. — Мы не желаем вам зла!

— А ну как же, скоты! Вон, меч у дружка твоего окаянного.

Юральф медленно вынул клинок из ножен и откинул его в сторону. Ардук одобритительно кивнул.

— Видите, сударь! — продолжил гаальтец. — Никакие мы не воры!

— Да? — хозяин почесал лысеющую голову. — Тогда какого хрена на моей грече забыли?

— Мы бы хотели поговорить с вашим гостем!

Хозяин дома раздул усы, опустил топор и посмотрел на жену. Та лишь пожала плечами.

— А чегой-то вам от него надо?

— Господин Вермейер! — обратился Ардук уже к мужчине с палкой. — Мне о вас сказала сестра...

— Асиль, я полагаю, — голос у старика был низкий и очень тёплый. — Прелестная дама из гостиницы в Бельфе. У неё ваши глаза, друг мой. Дайте вспомню... Ардук, верно? Она говорила, что у неё есть брат с таким именем.

Дезертиры переглянулись. Старец мог похвастаться невиданной для своих лет памятью.

— Ну что же ты стоишь, Бертольд? — обратился старик к хозяину дома. — Положи свой топор и завари гостям отборного сбитня. А я пока с ними пообщаюсь.

Он отвёл гостей к большой повозке.

— Продолжим, — Вермейер провёл рукой по коротким седым волосам. — Асиль действительно сказала мне о своем брате, но, насколько я помню, он был под стражей.

— А она сказала, почему? — Ардук насторожился.

— Я бы предпочёл услышать это из ваших уст.

— Я был против чернокнижия, воспротивился командованию.

— Так, — старик явно был удовлетворён. — А вы, друг мой? Тот меч, что вы так небрежно бросили на поляну моего старого друга Бертольда, явно сделан мастерами Новоградской Республики. Так кто же вы?

— Юральф Менфольн, — молодой новоградец слегка преклонил голову. — Из Чернополья.

Вермейер кивнул.

— И что же вас свело вместе в час войны?

— Счастливая случайность, — Ардук похлопал нового товарища по спине. Запечённая солнцем кожа отозвалась жжением.

Старик осмотрел свою повозку, затем вновь повернулся к путникам.

— Раз вы здесь, полагаю, вам известно о том, что я ищу в некотором роде «компанию». И, скорее всего, вы заинтересованы.

— Больше нам податься некуда, — подтвердил Юральф. — Так что и куда вы собираетесь везти?

— Что-то, куда-то, — туманно ответил старик.

— Слушайте, — Ардук сдвинул свои густые брови. — Почему бы сразу не сказать, что к чему?

— Потому что я и сам этого не знаю, — Вермейер широко улыбнулся. Юральф отметил, что зубы у него выглядели необычайно хорошо для старика. — Я не знаю, что, куда и когда мы повезём. Не знаю, зачем.

— А в чём тогда смысл?

— Смысл в том, что я такой же, как и вы. Вечный странник, корабль без пристани. На месте мне не усидеть, но и странствовать один я уже с трудом могу. Годы не те, да и опасностей становится всё больше. Война, знаете ли.

— И что мы будем делать? — не понял Юральф.

— Отправимся по миру, посмотрим новые места. Попутно будем зарабатывать как-нибудь. Разберёмся.

Юральф задумался. Старик рисовал какие-то туманные перспективы, но и других вариантов новоградец перед собой не видел. Какая-то его часть была невероятно рада такой возможности пуститься в свободное плавание. К тому же, еще утром он каким-то чудом избежал смерти от рук пылающего потустороннего чудовища. Стало быть, сама судьба подкинула ему сначала Ардука, а теперь и этого сутулого старика с длинной палкой для ходьбы. Юральф открыл было рот, но Ардук, словно прочитав его мысли, был первым.

— Когда выдвигаемся?

— Завтра утром, — старик улыбнулся. — А пока насладимся гостеприимством Бертольда. Дочерей у него, кстати, две.

Дезертиры устало переглянулись и прошли вслед за Вермейером в бревенчатый двухэтажный дом, откуда уже приятно потянуло мятой и душицей.

Агата

«Учение Светоносных не учит нас рецепту вечного счастья или безграничной силы. Оно лишь рассказывает нам, каким должен быть настоящий человек. Человек с большой буквы. Но тот, кто усвоит все их уроки и, что сложнее, сумеет их применить, может найти то самое счастье и силу».

Патриарх Соттории Алибер, «Исповедь Праведника».

Агата всегда любила читать. Бабушка научила её этому ещё в самом раннем детстве, когда девочка едва научилась ходить. Шкаф в их большом доме в Редване всегда был заполнен самыми разными книгами: от древних пыльных фолиантов до новейших сборников рецептов из Раванского ханства или Нового Града. Агату всё это интересовало: и в каком году Сотторийское царство пало под натиском Великого ханства, и сколько соли нужно для лучшего борща на свете.

В их доме всегда пало вкусной едой. Мать вставала спозаранку и принималась за готовку. Их семья была знатной, но Лилия слишком любила хлопотать на кухне, чтобы позволить своему мужу, знатному боярину Фегору, пустить туда прислугу.

Агата любила те времена. Любила родителей, пусть отец и пропадал целыми днями в палатах Редванского князя. Любила четверых братьев, старую бабушку, служанок, убиравших её постель и купавших её. Но всё вдруг изменилось.

Ранним весенним утром, во время посевной, забили колокола центрального собора. Четырнадцатилетняя Агата никогда раньше не слышала такого звона, но чувствовала сердцем, что случилось что-то неладное. Отец накануне не вернулся из княжьего дома, а мать всю ночь и всё утро беспокойно слонялась по дому.

С улицы раздались чьи-то отдалённые крики. Агата вместе со старшим братом Торвином выбежала из дома, не обращая никакого внимания на увещевания служанок и бабушки. Жили они в пяти минутах ходьбы от рыночной площади, куда брат и повёл сестру.

Они вышли на площадь со стороны длинных торговых рядов. Напротив возвышался пятиглавый белокаменный собор, справа находился дом князя, а слева начинались жилые двухэтажные постройки. По грязной брусчатке бежали перепуганные чем-то люди. Кто-то искал убежища в храме, остальные же, судя по всему, стремились покинуть город. Вдалеке, со стороны границы, над крышами домов поднимался густой чёрный дым.

Агата дёрнулась было в сторону княжьих палат, но Торвин схватил её за тонкую бледную руку.

— Но папа там! — возмутилась она. — Давай найдём его! Он знает, что случилось.

— Нельзя мешать им работать, — отрезал брат. Ему было уже семнадцать, и он всегда оставался предельно серьёзен.

— Но...

— Пойдём!

Брат с сестрой просеменили через площадь и завернули на узкую улочку, по которой им навстречу и бежали люди. Обычно полные яблок, моркови и всевозможных трав прилавки пустовали. Окна в домах были закрыты ставнями, а некоторые и вовсе заколочены. Агата почувствовала запах горелого.

Раздался гул. Кто-то закричал. Испуганные люди слегка расступились, и взору ребят предстали ряды солдат. Они были одеты иначе, чем Радванская дружина: вместо кольчуги на них была светлая хорошо выделанная кожа, головы их покрывали лишь лёгкие матерчатые повязки. Кто-то был вооружён короткими изогнутыми мечами с раздвоенными концами,

кто-то длинными пиками, кто-то двумя лёгкими топорами. Гул усилился. Это били их барабаны.

Агата стояла как замороженная и смотрела, как пришельцы догоняют тех, кто не успел убежать. Вот сутулый пожилой мужчина получил сразу две пики под лопатку, а сразу за ним топоры высокого воина превратили голову красивой девушки в кровавую кашу. Не в силах пошевелиться девочка смотрела лишь, как голодные до крови воины становятся всё и ближе, и ближе...

— Агата! — яростный крик Торвена заставил её подпрыгнуть. — Агата, ты сдурела!? Бежим!

Она качнула головой и нырнула вслед за братом в небольшой вонючий переулочек. Они пробежали его до конца, огибая пустые бочки из-под рыбы и перепрыгивая через разбитые ящики. Вслед за этим они пересекли двор поросшего плющом купеческого дома и вскоре оказались на довольно широкой пыльной улице, ведущей из города в сторону Ярополя. Звуков резни здесь уже слышно не было, но виден был дым, ставший еще гуще.

Торвен молча направился вниз по пустынной улице.

— Стой! — воскликнула Агата ему вслед. — Ты куда, мы ведь живём в другой стороне?

— Подальше отсюда, — отрезал брат, не оборачиваясь.

— Мама, бабушка, малыш Кими! — не унималась девочка. — Они ведь все там!

Торвен резко остановился, подняв облако пыли.

— Ничего мы не поделаем! — прикрикнул он. — Они дойдут до дома раньше, чем мы. Так хоть кто-то выживет! Ты знаешь, кто там был, на той улице?

Агата отрицательно качнула русой головой.

— А я знаю! Я видел их флаги, слышал о них. Это шаадамарцы, когда-то они даже Великому ханству дали бой. Их солдат называют Кровожорами. Знаешь почему? Потому что они пускают реки крови своих врагов. И пьют её. Понимаешь, Ресничка? Пьют!

— Но... Где наша дружина? Она ведь сильнее!

— А вот на этот вопрос я тебе ответить не...

Торвен вздрогнул и запнулся, когда на его плечо упала тяжёлая ладонь в перчатке с обрезанными пальцами.

— *Quieshanor namean, theikvo*, — словно прошипел вышедший из подворотни бритоголовый солдат с короткой щетиной и маленькими, как у свиньи, глазами.

Агата немного знала этот язык. Знала, что на нём раньше говорили многие племена и что даже сейчас им пользуются некоторые язычники. Например, целое государство Шаадамар.

— *Lietre mahi*, — почти без акцента потребовала она отпустить брата. Солдат лишь рассмеялся.

Из соседних переулков и дворов на улицу высыпали разъяренные шаадамарцы с оружием наготове. Почти у всех клинки были омочены в крови.

— Ты неплохо знаешь Речь Старых Холмов, девочка, — практически пропел высокий худощавый человек с изящной секирой в длинных руках. Под щекой у него была запекшаяся рана.

— А вы — сотторийский, — Агата надеялась, что вежливость спасёт её.

— *Tenet leh!* — бритоголовый призвал командира расправиться с детьми.

— *Atta!* — одёрнул его высокий. — Как тебя зовут, девочка?

— Агата.

Торвен — его крепко держали двое шаадамарцев — исподлобья взглянул на сестру.

— Скажи мне, Агата, — командир подошёл к ней и присел. — Ты хочешь жить?

— Не разговаривай с ним, — процедил Торвен и сразу же получил крепкий удар под скулу.

— Отвечай, — чужак выпрямился и провёл острым лезвием по жилистой шее девочки.

— Хочу.

— Хочешь, чтобы он жил? — командир ткнул секирой в грудь Торвена.

— Хочу.

— Тогда вы пойдёте за мной.

Солдаты переглянулись. Большинство из них не одобрило этого решения.

— Раздевайтесь! — приказал худошавый. — Быстро!

Торвен попытался вырваться, но получил сразу череду жестких ударов. Под пристальным взглядом солдат он сорвал с себя рубашку и брюки. Шаадамарцы перекинулись колкими замечаниями.

— А ты чего ждёшь? — командир задрал голову.

— Агата...

— Молчать! — главарь захватчиков яростно пнул Торвена по печени. — Если хочешь жить, девочка, делай, что говорят.

Агата кивнула и неуверенно стянула дорогое сиреневое платье, привезённое купцами из Раванского ханства. Вслед за ним на пыльной дороге очутилась лёгкая нижняя рубашка и панталоны. Под всей этой одеждой была вполне сформировавшаяся молодая девушка, что вызвало приступ возбуждения в рядах иноземцев.

— А теперь идём.

Шаадамарцы повели ребят прочь из города. Половина из них шла впереди, остальные дышали в спину бедным заложникам. Когда Агата хотела взглянуть на родной город, острое копье тут же впилося ей в плечо. Она вздохнула и пошла дальше. Торвен же смотрел исключительно себе под ноги.

Через час они свернули с дороги и отправились вглубь чащи. Агата мысленно надеялась, что Люди Леса, о которых ей часто рассказывала бабушка, вдруг покажутся из-за стволов и перебьют чужаков, но встречались им лишь птицы да белки. Спустя некоторое время впереди показался лагерь шаадамарцев: с десятков палаток вокруг большого кострища.

Командир посовещался с часовыми и позвал пленников в большой шатёр. Внутри всё было устлано коврами и пахло маслом. Кроме них внутри находилось еще шестеро врагов.

— Итак, — главарь деловито сложил руки на груди. — Вам повезло. Мы позволяем вам жить среди нас. Конечно, не на равных правах. Вам предстоит многое сделать, чтобы доказать свою верность. Для начала нужно выбить из вас всю яропольскую дурь...

Двое верзил с повязками на лицах подняли Торвена и поволокли его к столбу в центре шатра. Приковав его цепями, они тут же нанесли несколько ударов по и без того измученному телу мальчика. Правая половина груди, живот и ноги Торвена были сплошь покрыты лиловыми синяками, но он и не думал плакать или просить пощады.

— Продолжим, — командир сплюнул в сторону пленника.

Один из двух верзил взял со стола короткий прямой нож. Огонь жаровни играючи сверкал на остром лезвии. Шаадамарец сделал резкое движение, оставив порез на ребрах узника. Тот закусил губу и заскулил, после чего второй амбал хлестко ударил его по голове. Раздался мерзкий хруст.

— Осторожно, чёрт побери! — командиру это не понравилось. — Ты его так убьёшь! Дай сюда!

Первый верзила послушно склонил голову и протянул нож. Главварь вальяжно подошёл к Торвену и приставил лезвие к его животу. Острие ножа описало полукруг, оставляя за собой легкий белый след, скользнуло вниз через копну черных кучерявых волос.

— Тебе ещё нужна эта штука? — заискивающе спросил командир. Торвен затрепыхался. — Если да, присягай на верность Шаадамару, обещаю служить, делать всё во благо новой родины.

— Пошёл нахер, — прошипел пленник.

— Ну тогда поступим иначе.

Главварь вернул нож верзиле и резким движением снял свои кожаные брюки. Его достоинство было побольше, чем у Торвена, и уже пребывало в полной боевой готовности. Он что-то выкрикнул на своём языке, но Агата разобрала лишь «сюда» и «девчонка».

Её тотчас схватили под руки двое стражников и подтащили к командиру. Тот уже ухмылялся, потирая руки. Девочка попыталась вырваться, но хватка шаадамарцев оказалась слишком крепкой. Её силой развернули спиной к главварю и заставили согнуться на четвереньках. По округлым щекам Агаты полились слёзы.

Тем вечером они с Торвеном вместе сидели у костра поодаль от остальных. Брат обхватил свои колени и покачивался взад-вперёд, направив стеклянный взгляд в пустоту. В это время года ночи были еще холодные, так что захватчики смилостивились и выдали пленникам по серой накидке из грубой ткани. Накидка эта кололась и плохо пахла, но это было лучше, чем ничего.

На щеке у Торвена было выжженное клеймо в виде ромба с кругом внутри — герб Шаадамара. Оно показывало, что он присягнул на верность новым хозяевам. Его вынудили присягнуть.

Воспоминания в голове Агаты смешались и стали размытыми. Она помнила, как её держали крепкие руки, помнила резкую боль между ног, струйку крови, стекающую по бедру. Помнила и ненавидела себя за то, что позволила этому случиться.

— У их врача есть кротомский порошок, — произнёс вдруг Торвен, не сводя застывшего взгляда с тлеющих головёшек.

— Что это? — отстранённо переспросила Агата.

— Мы изучали такое в княжеской школе. Кротом — это где-то на Востоке, около Холмогорья. Там растут травы, которых нет у нас. Из одной такой травы делают кротомский порошок. Им очень хорошо прижигать раны, но при контакте с огнём он сильно воспламеняется.

— И что? — не поняла девушка.

Торвен молча достал из-под накидки ладонь. На ней лежал маленький серый мешочек.

— Но как? — Агата спросила слишком громко, что привлекло внимание стоящих чуть поодаль стражников. По-сотторийски они, к счастью, не говорили.

— Тихо! — шикнул брат. — Мне обрабатывали раны после того... Ну ты поняла. Я сумел стащить один мешочек.

— И что мы будем делать? — Агата покосилась на шаадамарцев. Те насторожено шептались между собой.

— Ты — бежать, — отрезал Торвен. — Я отвлеку их, метну порошок в костёр, а там — будь, что будет. Главное, ты убегай. Далеко.

— Торвен!

Трое стражников выдвинулось в сторону ребят.

— Беги, — он поцеловал её в лоб. — Только одну вещь мне пообещай: ты не вернёшься ни за мной, ни за родителями. Беги на Запад, подальше от Редвана, от Шаадамара.

— Я не...

— Прощай, Ресничка.

Торвен выпрямился, отодвинул сестру в сторону и шагнул навстречу стражникам. Те настороженно остановились и оголили клинки. Мальчишка не остановился. Шаг за шагом он приближался к врагам, крепко сжимая кротомский порошок.

— Steff, theikvo! — один из шаадамарцев замахнулся раздвоенным мечом.

Торвен не ответил. Он побежал прямо него, по ходу отправив неприметный серый мешочек в костёр.

Вспышка света залила лагерь. Кто-то пронзительно закричал, звякнула сталь. Во все стороны от костра разлетелись яркие искры и обгорелые деревяшки. Волна жара накрыла Агату. Он успела удалиться от лагеря саженей на пять, но её всё равно повалило с ног, а в нос ударил резкий запах серы.

Девушка тут же поднялась, отряхнулась и побежала дальше. Последний завет брата эхом отдавался в её голове. Она не собиралась возвращаться в Редван, она бежала.

Так она и брела, голая и израненная, по тёмному холодному лесу. День по меньшей дважды сменился ночью, а она всё шла. Казалось этим дебрям не будет конца. Питалась она изредка попадавшимися под ногами ягодами. Люди из Редвана предпочитали обходить эти чащобы стороной: даже самые отчаянные грибники не рисковали заходить так далеко. Но Агате пока везло: дикие звери и лесные духи не попадались ей на пути.

Однажды лес закончился. Она преодолела очередной бурелом, прошла через густой колючий кустарник и вдруг оказалась на дороге. Обычной просёлочной дороге, проложенной в обход леса. По другую сторону деревьев уже не было: лишь бескрайние поля до горизонта.

Агата решила пойти по дороге, и уже совсем скоро сзади раздался топот копыт. Она испугалась, что её догнали всадники Шаадамара, но на деле это оказалась большая повозка с тентом. На её борта были нанесены символы Светоносных.

Повозка была заполнена женщинами, одетыми одинаково: длинные черные платья с широкими рукавами, белый пояс с церковными знаками и платок на голове. Они тут же принялись всячески обхаживать бедную девочку: напоили её ледяной водой, накормили вкусными лепёшками, помыли и одели.

Когда её позвали присоединиться к женщинам, Агата сразу согласилась. Она не знала, куда ещё податься. Женщины пообещали отвезти её к себе, сделать одной из них. По дороге они рассказали ей всё, что знали, о произошедшем в Радване. Но знали они, к сожалению, лишь то, что город разрушен, а князь попал в плен.

Ехали они несколько дней, но это было несравнимо лучше походов в диком лесу. Женщины готовили на костре еду, рассказывали интересные истории. И молились. Молитва для них была целью всего дня. С неё они начинали утро, ей предваряли трапезу, ей заканчивали вечер.

Вскоре повозка привезла их к величественной крепостной стене из серого камня. За тяжёлыми воротами высилась многоярусная колокольня. Агата слезла на землю и восторженно огляделась.

Монастырь стоял в чистом поле, лишь в самой дали виднелись одинокие домишки. По лугам вокруг стен умиротворённо бродили коровы и козы, изнутри доносились крики петухов.

С этого дня для Агаты началась новая жизнь. Её с радостью приняли в обители, обучили основам местного быта. Вскоре она уже была такой же, как и все: в серых одеяниях, платке, молящейся на коленях. Так и продолжалось последующие двадцать семь лет.

— Грустная у тебя история, — протянул её собеседник, отпив ещё немного монастырской медовухи.

Агата лишь молча кивнула. Очередным прохладным утром к воротам монастыря подъехала телега, напоминающая ту, на которой Агата когда-то сама прибыла сюда. Старик, управлявший ею, заявил, что ищет крова на несколько дней, чтобы обновить запасы и двинуться дальше со своими спутниками. Настоятельница удовлетворила его просьбу, попросив при этом помощи с одной напастью.

— Мы потеряли уже четвертую часть всей скотины за последний месяц, — сообщила она в тот день за трапезой. — Не знаю, что уж её пожирает, но это надо прекратить. Старейшины из деревень говорят, будто плотояд завёлся в полях. Спутники у тебя молодежавые, выглядят сильными. Пускай посмотрят.

Старик согласился. Его товарищи, двое похожих друг на друга высоких черноволосых мужчины без лишних разговоров схватили снаряжение и на рассвете отправились по наводке старожилов. Сам же путник ждал в обители в компании медовухи, выпечки и голодных до общения с мужчинами женщин.

— Весёлого мало, — согласилась Агата после затянувшегося молчания. К этому моменту остальные монахини уже разошлись по своим вечерним делам, и трапезная почти опустела.

— Честно говоря, сомневаюсь, что кто-то здесь оказался от хорошей жизни, — старик прищурил водянистые серые глаза.

— Почему вы так говорите? — Агата возмутилась, но не слишком сильно.

— Разве я не прав? Вы заперты в этих стенах посреди полей, якобы служите Светоносным. Честно говоря, на их месте я бы предпочёл, чтобы мне помогали реальными делами. Как мои ребята.

— Что-то я не вижу, чтобы в вашу честь основали церковь, — съязвила женщина.

— И то верно, — старик рассмеялся. — Но разве тебе самой никогда не хотелось вырваться отсюда? Пожить настоящей жизнью, посмотреть мир. Поверь, вокруг столько всего интересного: Ярополье, Рекалия, Шаадамар... — Агата вздрогнула. — Светоносные на тебя за это не обидятся, уж поверь.

— Неважно, чего я хочу, — слова старика задели её за живое. — Я принесла Обет, я служительница этого монастыря. И буду ей до конца своей жизни...

— Пока тебя не похоронят под собором... Иронично, что даже после смерти тебе не выйти за эти стены.

Продолжить разговор им помешали крики со двора. В трапезную влетел один из двух бравых ребят. Его чёрные волосы торчали во все стороны, а острокнутое лицо блестело от пота.

— Янек! — тяжело дыша, воскликнул он. — Пойдём!

Агата побежала на улицу вслед за стариком. В центре монастырского сада на скамейке

лежал второй воин. Его грудь была накрыта пропитанной кровью тряпкой.

— Что случилось? — настоятельница Оллена была недовольна: её вечернюю молитву прервали.

— Юральф, расскажи ей, — попросил старик.

— Мы выследили эту тварь, — начал первый воин. — Плотояд, или как его? Здоровая такая горбатая мразь, похожа на помесь человека и волка.

— Жуть какая! — раздалось из толпы монахинь.

— В общем, нашли мы его в каком-то заброшенном сарае в паре вёрст от деревни, — продолжил Юральф. — Нашли, да вот что дальше делать, толком не продумали. Попытались его окружить. Я зашёл сзади, попытался зарубить, но он убежал. Ардук выстрелил издалека, попал куда-то в грудь. Да вот только тварь не остановилась, а рванула на него. Вцепился он ему в бок, но я, как подошёл, сразу зарубил скотину. Вот.

Юральф вытер пот со лба и вытряхнул из тряпичной сумки уродливую полусобачью-получеловеческую голову. Та прокатилась по дорожке и остановилась у ног Оллены. Кто-то из монахинь вскрикнул, а кто-то, напротив, с любопытством приблизился к герою.

— Отличная работа, — настоятельница довольно причмокнула. — А другу вашему срочно нужна помощь.

— Ещё бы, — отметил Юральф.

Агата сделала шаг вперёд.

— Я помогу.

Оллена кивнула.

Ардука перенесли в пустую келью. С трудом разрезав плотную кожаную куртку, Агата изучила повреждения и принялась за работу. Длилось всё это несколько часов, после чего она, по локоть в крови, наконец вышла в прихожую, где её всё это время ждали настоятельница, старик и Юральф.

— Как всё прошло? — спросил Янек.

— Плотояд чуть не порвал ему лёгкое, — Агата покачала головой. — Мы вовремя остановили кровотечение. Я всё зашила, но потребуются по меньшей мере пара-тройка недель, прежде чем он снова сможет сражаться.

— Но он будет жить? — переспросил Юральф.

— Однозначно.

Оллена довольно улыбнулась.

— Агата — одна из лучших в вопросах врачевания. Я знала, кому доверяю жизнь вашего друга.

— Стало быть, всё разрешилось хорошо, — радостно объявил Янек.

— Именно, — настоятельница кивнула. — Плотояд мёртв, а ваш спутник жив. Всё просто замечательно. Итак, насчёт вашей награды...

— Я не возьму денег, — отрезал вдруг старик.

— Но, как же без награды?

— Нет, награда как раз-таки будет. Но возьму я не деньги. А её.

Оллена и Агата изумлённо переглянулись.

— Вы не можете забрать Агату, она сестра монастыря, она принесла Обет.

— Ещё как могу, — Янек прищурился. — Поверьте, Оллена, без неё нам дальше не обойтись. Никогда не знаешь, когда попадётся следующий плотояд, а врача под рукой может и не оказаться. Мы помогли вам, и теперь просим взамен совсем немного.

— Проклятье, — настоятельница положила свою пухлую ладонь на затылок. — Хорошо-хорошо. Этот плотояд был слишком большой проблемой, и раз уж ваш товарищ чуть не погиб, помогая нам... Но уйти вам придётся затемно. Если другие сёстры увидят всё это...

Дальше Агата её не слушала. Она собрала в мешок всё необходимое: книги, сменную мантию, святую воду. Убедившись, что Ардука перенесли в повозку достаточно бережно, она прыгнула внутрь вслед за ним и вскоре покинула обитель, где провела последние 27 лет.

Солнце уже показалось над горизонтом, когда она подошла к Янеку, сидящему на козлах и тихо произнесла одно-единственное слово.

— Спасибо.

Варион

«Кровь есть начало всего. Она даёт Жизнь, она символизирует Смерть. Кровь обладает силой. Тот, кто сумеет совладать с этой силой, обретёт власть над самим бытием. Но такое благословение может вмиг обернуться бременем. Не каждый готов взять в свои руки бразды мироздания».

«Чёрная рукопись», Салман Кровавый, последний пророк Бога-Ворона

— Назови своё имя, — спокойно попросил помощник прокурора Эдвин фон Гардр, обмакнув перо в густые чернила.

Узник усмехнулся. В тусклом свете единственного в подземелье факела его глаза выглядели еще темнее, чем обычно.

— У меня их столько было, милорд, что всех и не упомянуть. Как если бы вы попросили меня назвать, с кем я трахался в прошлом месяце.

Гардр покачал головой.

— Настоящее имя, — потребовал он уже более грозно.

— Мать называла меня Дейл Броуворд, — поведал узник. — Но этой шлюхе доверять нельзя.

Эдвин лишь молча вывел на чистом пергаменте несколько слов.

— Вообще-то, в последние несколько лет обыватели называли меня Химерой. Может, слышали?

Помощник прокурора кивнул.

— Поэтому ты и здесь, Броуворд. Не за красивые глаза, уверяю тебя. Скольких ты убил, сам-то не сбился со счёта?

— Сбился, — признался Химера. — Сбился после первой десятки. То есть лет восемь назад.

Гардр вновь кивнул и вывел аккуратным почерком, проговаривая строчку себе под нос: «Признаётся по меньшей мере в десяти убийствах».

— Стой-ка! — возмутился узник. — Ни черта я не признавался! Да и было это ещё в Алледане!

— У Летары с Алледаном может и есть разногласия, — начал Гардр. — Но тебе зачтётся и то, что ты совершил там. И в Меравии, и даже, да простит меня Великий Свет, в Грохтцегоре.

— Да я там гостил-то три дня! — негодовал Химера.

— И успел устроить поножовщину в таверне, — подтвердил помощник прокурора. —

Сам король Августур повелел выдвинуть против тебя всё, что только возможно.

— Вот говнюк, — насупился узник.

— Что есть, то есть, — вздохнул Гардр. — Король был в ярости, когда узнал, что Химера из Меравии плотно осел у нас в Басселе. Послал сюда отряд из своей личной гвардии вместе со следователем из столицы. Это было ещё до того, как ты убил главу местного казначейства.

— Не по своей же воле.

— Понятное дело, что тебя наняли. А я пришёл в этот отвратительный подвал только для того, чтобы выяснить, кто именно.

— Путём беседы? — Химера издал похожий на смех рычащий звук.

— Надеюсь, что именно так. Мы бы, конечно, могли заняться пытками... Но ведь утром тебя так или иначе казнят, так зачем же усложнять себе последнюю ночь?

Убийца пождал губы. Он, конечно, был далеко не дурак и знал, что его ждёт. Больше полутора лет король Летары вёл за ним охоту и, наконец, поймал. Надеяться на милость ему не приходилось.

— Ну так что, Броуворд?

— Не называй меня так, как называла эта тварь, — процедил сквозь зубы Химера.

— Да уж... — Гартр тяжело вздохнул. — Мамашу свою ты не жалуешь.

— Хочешь знать, почему?

Помощник прокурора перевёл тяжёлый взгляд на двух латников, карауливших выход из подземелий бассельской тюрьмы, и пожал плечами.

— Ночь долгая, почему бы и нет.

Было время, когда меня действительно звали Дейл Броуворд. Давно, в Алледане. Мы жили на окраине столицы, Гроуджена. Жили в гнилой хибаре. Когда-то, конечно, это был приличный большой дом. Если быть точным, во времена моего прадеда. Он был знатным плотником: говорят, несколько крепостей Алледана построил. Но мне, если честно, плевать.

Отца своего я и знать не знал. Кто-то считал, что он был залётным моряком. А кто-то — братом моей непутёвой мамашы. Ума не приложу, как она не угробила меня во младенчестве. Дом ей в принципе нужен не был: она почти всегда пропадала в кабаках. Одно время работала в борделе. Мне тогда было десять или одиннадцать, и она любила таскать меня с собой.

С раннего детства мне приходилось шастать по улицам Гроуджена в поисках съестного. Сначала я крал яблоки, потом хлеб, потом вяленое мясо. А затем решил, что лучше воровать деньги. Как оказалось, было это не так уж и просто. Очень уж люди берегли свои драгоценные мешочки.

Когда я подрос, мы с парой других охламонов сколотили банду. Сколько нам было-то? Кажется, по тринадцать. С ними у нас особо не заладилось: мы часто спорили, и каждый всё делал по-своему. Однажды у нас всё пошло совсем криво, и одного парня поймали и на всякий случай убили. Ну, так вышло.

После этого я стал работать один. Продал то, что не успела пропить моя мамаша, на выручку купил себе толковый нож. Теперь было легче добиваться своего. Я наконец-то стал хорошо есть и одеваться. А к шестнадцати убил свою первую жертву.

Глупым был, не знал, на кого не стоит залупаться. Попался мне в переулке один уж очень смышлённый мужик. Говорил с северным акцентом. Он меня враз обезоружил.

— Ты что? — говорит. — Жить надоело?

Я чуть было в штаны не наложил.

— Ладно тебе, — он вдруг улыбнулся, словно я был его старым другом. — Вижу, в тебе есть искра. Выполнишь одно моё поручение, я и забуду про этот случай. А ещё заплачу.

Ну а я что? Конечно, согласился. Только вот поручение было так себе. Мне нужно было убить одного малоприятного типа, продавца сапог. Я долго думал и сомневался, но тут загорелось что-то в груди. Наверное, та самая искра.

В лавку сапожника я пришёл перед самым закрытием. Народу уже не было, и он собирался домой. Я попросил его задержаться, отвёл подальше от входа и вогнал свой добротный нож ему прямо под кадык. Помер он, естественно, быстро и с кровью. Грязно вышло, неумело.

Я думал, мне потом хреново будет, ну, там, совесть. Ничего подобного. Наоборот, я словно загорелся. Мужик слово своё сдержал: заплатил, да так, что мне на новую куртку хватило. На остатки я пошёл по кабакам да по девкам.

Утром вернулся домой и увидел каких-то кабанов в прихожей. Я сначала думал, по мамкину душу пришли, ан-нет: по мою. Схватили меня под руки, нож сразу забрали, ничего не поделать было. Потасили меня на улицу в какую-то подворотню. Я кричал, рыпался, так мне хорошо так напнули, я аж отключился.

Как проснулся, увидел, что сижу в каком-то сарае. Просидел там часа три, потом принесли поесть. Еда была отвратная, но моя мать даже такого не варила. За тарелкой пришёл какой-то старичок. Я спросил у него, что случилось. Он сначала не хотел болтать, но потом рассказал, что моя сердечная матушка проигралась в кости. Возможность оттрахать её ценилась в городе невысоко, так что ей ничего не оставалось... Да, чёрт подери, она продала меня в рабство местным головорезам. Насколько я понял, меня должны были отправить куда-то в Скаальд или вроде того.

Но не срослось. К вечеру я услышал возню за дверью, а потом в мою каморку зашёл тот самый мужик, которому я помог накануне. Он выглядел как чёртов псих: глаза широко открыты и не моргают, а в руках окровавленный меч. Он освободил меня, вывел на улицу. По пути я успел насчитать полдюжины мёртвых головорезов.

— Как вы меня нашли? — спросил я. — Зачем?

— Ты что, дружище, думал, что я тебя оставлю просто так плавать в открытом море после вчерашнего? — он потрепал меня за плечо. — Я следил за тобой всю ночь, пока ты пил как чёрт в пабах и кувыркался со второсортными девками. Видел, как тебя утащили сюда. Местная банда, мало что о них знаю. Когда чуть тише стало, принялся за дело. Вот.

— А теперь-то что?

— Завтра я уезжаю из Алледана.

— Можно с вами?

— Нет, дружище, исключено. Сегодня я за тобой приглядел, но в няньки твои не нанимался. Однако тебе тоже советую уезжать. Ты вступил на новый путь, друг, но будь осторожен. Твоя искра скоро разгорится в пламя — не позволяй ему тебя поглотить. Думаю, это тебе поможет. А теперь прощай.

Он дал мне простой кинжал в кожаных ножнах, и я решил поступить именно так, как было сказано. Уехать. Но сначала нужно было кое-с-чем разобраться.

В ту ночь мне повезло: мать ночевала дома. Не думаю, что она хоть сколько-нибудь горевала по мне. Когда я пришёл, она сидела по пояс голая на своей древней кровати и пила что-то из плесневелой фляжки. Меня она не сразу заметила сквозь пьяный угар.

— Дейл? — она не верила своим глазам.

— За что? — спросил я. Сначала спокойно. — За что!? Я думал, что нельзя быть худшей матерью, чем ты была до этого! Как же я, чёрт подери, ошибался.

— Что ты такое говоришь, Дейл? — она затрясла своими рыжими кудрями. Хотя волосы у меня чёрные, от отца... — Я же хотела, как лучше. Почему ты злишься? Так лучше для всех! Тебя бы кормили, мне бы не пришлось...

— Заткнись! — я заорал необычайно громко. До сих пор удивляюсь, как мне глотку не разорвало тогда. — Не смей оправдываться!

— Сынок, Дейл, милый... — она схватила меня за ладонь. Пахло от неё так же, как от кровати в борделе.

— Не трогай меня!

Я ей треснул. Сильно. Она отскочила, упала на колени и схватилась за ужаленную щёку. Она смотрела на пол, потом перевела взгляд на меня. В тот момент, думаю, она увидела то самое пламя. Я тоже его почувствовал. Я полез за пояс, взял подаренный кинжал, шагнул к ней. Казалось, она в миг протрезвела. Попыталась что-то сказать, но язык заплетался от страха. Я сжал рукоять и вогнал лезвие прямо промеж её измятых грудей.

Следующие полчаса прошли как в тумане. Помню лишь, как собрал свои скудные пожитки, какие-то жалкие гроши. Помню, как вышел на улицу и ушёл из Гроуджена. И с тех пор не возвращался. С тех пор Дейл Броуворд умер, и родился Химера Варион.

— Отвратительно, — тяжело вздохнув, оценил Эдвин фон Гардр. — Я, конечно, не оправдываю твою матушку...

— И не надо, — отрезал Химера. — Дружище, уже лет десять прошло, я и забыл, как её зовут.

— Не ври, — помощник прокурора покачал головой. — Мою мать зарезали на улицах Басселя уже тридцать три года назад, но я помню её всем своим сердцем. А убил её такой же, как и ты.

— А вот тут неправда! — возмутился узник. — Я такой мелочью не занимался. После того, как я уехал из Гроуджена, моя карьера убийцы пошла по нарастающей. Мелкие купцы, потом побогаче. Солдаты, пара священников, потом и лорды. И всё за достойную плату.

— Как же ты, такой успешный, попался в руки бассельской гвардии?

— У меня было чёткое правило: постоянно находиться в движении. Я приезжал, выполнял не более двух заказов и уезжал в другой город. Никто даже не успевал спохватиться. Эти идиоты лишь потом узнавали, что некий Химера проезжал мимо, зарезал пару людей и всё такое. А я в это время уже где-нибудь в Годаране.

— Но в Басселе ты осел подольше... По меньшей мере три случая.

— И вновь, друг мой, я стал жертвой женского коварства...

Странствовал я немало. Как и сказал, не больше двух заказов в каждом городе. Путешествовал в основном на кораблях: всё-таки в море меньше шансов быть пойманным.

Были у меня и кое-какие связи среди капитанов. Один Златозуб чего стоит. А уж дочь его... Ну да ладно, это я отвлёкся.

В Бассель я приехал восемь месяцев назад из Повска. Мне тут сразу понравилось: узкие улочки, пологие крыши, высокий шпиль главного собора... В Повске-то в Светоносных верят, а не просто в Свет, вот у них всё и по-другому. А тут — благодать.

Первое дело взял, не задумываясь — всего лишь мелкий фермер. Зато платили здорово! Остановиться решил в обычном постоялом дворе на окраине. Недорого, но приятно. У тамошнего хозяина была дочь. Алиса.

Девять грёбанных лет я обходился куртизанками, но на неё запал сразу. У неё были красивые золотистые волосы, голубые, как Годаранской море, глаза, а голос звучал так мягко, что аж на языке сладко становилось... В общем, стал я за ней бегать. Долго пришлось её добиваться, но я смог. Мы стали ночевать друг у друга в комнатах... Ну, ты понимаешь.

Временами я осознавал, что нельзя было так поступать. Второй заказ уже маячил на горизонте, нужно было думать, куда ехать дальше. Но я не мог оторваться от неё: от пахнущих лавандой волос, от мягкой груди... Я даже думал бросить убийства, но больше ничего в жизни не умел.

Наконец, я взялся за новое дело: пришлый проповедник из Годарана. Никаких сложностей для меня не возникло, я просто выполнил свою работу и получил тугой мешок с монетами. И вот тут-то и возник вопрос: остаться или уехать? Признаться, думал я недолго. Решил предоставить выбор Алисе.

Да, я рассказал ей всё о себе: кем был, кем стал, что наделал. И она поняла! Ну, так мне показалось. Я открыл свою чёрную душу, а она не отвернулась! Не отвергла меня. Ну я и загорелся, остался с ней. Следующие четыре месяца были как в раю...

А потом мне предложили заказ. Третий. Я помнил своё правило: два убийства в одном городе, не больше. Но, чёрт побери, как заманчиво всё смотрелось: главный казначей Басселя... Настоящий вызов и оплата соответствующая. Если уж тебя так интересуется, заказ сделал его чёртов племянник с какими-то местными бандюгами. Видимо, мальцу не хватало монет при таком богатом родственничке.

Я, конечно, загорелся этой идеей, но не хотел нарушать своё правило. Опять рассказал обо всём Алисе.

— Берись! — сказала она. — Это же такой вызов! Ты можешь показать всем, насколько Химера хорош.

Ну я и решил показать. В первую очередь, конечно, ей самой. Я всё спланировал идеально: время, место, тактика. Я убил его! Чёрт подери, я проткнул своим кинжалом одну из самых охраняемых туш в Басселе! Я, Химера, убийца лордов! Как же я был горд! Пока конечно, не вернулся в свою комнату.

— Там меня уже ждали. Я не считал, сколько их было, но вырубил меня быстро. А она стояла и смотрела, как меня бьют, связывают, тащат... Вот и очнулся я уже тут, в этом обоссанном подземелье. А дальше и ты пришёл, — Химера сплюнул в тёмный угол. — До сих пор не верю, что она меня сдала.

— Занимательная у тебя история, — признал Гардр. Во время всего рассказа он что-то старательно строчил, а теперь поставил жирную точку. — Мог бы написать мемуары. Жаль,

поутру тебя повесят.

Варион сглотнул подступивший к горлу ком. Он так увлёкся повествованием, что забыл о том, что его ждёт. Эдвин фон Гардр слушал внимательно, но интерес его был в первую очередь профессиональный. Теперь у него была вся история Химеры и его убийств, да ещё и из первых уст.

— На этом, полагаю, закончим, — помощник прокурора свернул пергамент и поднялся из-за стола. — Спасибо за сотрудничество.

— Гардр! — голос Химеры прозвучал неожиданно высоко. — Ты сам-то придёшь на казнь?

— Сомневаюсь, — Эдвин потупил взгляд. — Дел у меня завтра очень много, да и не люблю я подобные мероприятия посещать...

— Тогда, — узник запнулся. — Не поминай лихом.

— Прощай, Варион.

Шаги помощника прокурора и двух стражников ещё долго эхом раздавались по темнице, и в этом гуле Варион слышал колокол, звонящий по нему.

На центральной площади собралось, казалось, всё население Басселя. Обычно казни проходили в другом районе, но по особому случаю эшафот соорудили прямо у стен Собора Всех Святых. Толпа жужжала, как пчелиный рой, обсуждая предстоящее зрелище. Большинство этих обывателей так или иначе знало о некоем убийце лордов, оставившем своей след от Теремгора до Гаальта.

— Ну-ка, где он там, убивец наш? — вопил краснощёкий дедок в дырявой куртке.

— Никак знаменитость завезли? — этот остряк в шляпе с пером был то ли поэтом, то ли бардом.

— А может и не такой уж он плохой? Свет его знает, сколько наш казначей наворовал! — донеслось из задних рядов. Поднялся гул неодобрения.

— Тишина! — бургомистр Басселя вышел на мостки в сопровождении личной гвардии. Выглядел он гордо, словно самолично разбил Великое ханство. — Дорогие дамы и господа, лорды и ремесленники, купцы и землепашцы! Сегодня — великий день. Сегодня перед судом нашим и Великого Света предстанет тот, кто последние несколько лет держал в страхе весь цивилизованный мир. Мы все слышали ужасающие вести из Велеодора, Повска, Герсонеса и Легердена! Слышали об ужасающих убийствах, которые хладнокровно совершил Химера! Никто не был в безопасности, пока это чудовище гуляло на свободе. Как знать, может быть, именно вам было суждено стать его следующей жертвой? Но этому не бывать, ибо Химера был остановлен, схвачен, и случилось это именно на нашей благословенной земле! И сейчас вы станете свидетелями того, как алледанский монстр, летарский душегуб, убийца лордов ответит за свои грехи!

Толпа возликовала, в воздух полетели шапки, платки и даже ботинки. Кто-то из женщин оголил грудь. Варион пытался разглядеть в толпе Эдвина фон Гардра, но тот сдержал слово, данное днём ранее. Алисы тоже не было видно. Но Химере всё же удалось разглядеть лицо, которое показалось ему знакомым: чуть поодаль от основной массы зевак стоял, опёршись длинную палку, седовласый мужчина с хмурым лицом и тяжёлым взглядом. По правую руку от него настороженно оглядывался молодой чернявый солдат с ножнами на поясе.

— Толай!

Чьи-то лапы грубо схватили Вариона за шкурку и поволокли к виселице. В горле запершило, а желудок начал выписывать кульбиты под аккомпанемент неистово бьющегося сердца. Почувствовав, как ледяной пот заливает глаза, Химера замер и выпрямился. Нет, не таким его запомнит народ!

— В лучах Великого Света я, архиепископ бассельский, приговариваю тебя к смерти! — завыл стоящий рядом с бургомистром старец в расшитых золотом и рубинами одеянии.

— Обычно за этим следует предложение отпустить грехи перед смертью, — произнёс вдруг градоначальник под неодобрительный взор архиепископа. — Но сегодня мы эту часть опустим. Начинайте.

Химера закрыл глаза. Он слышал, как разматывали конопляную верёвку, почувствовал резкий пинок по правое колено, задержал дыхание. Решив взглянуть смерти прямо в лицо, он поднял веки, но увидел не то, что ожидал.

Зрители вдруг разошлись по сторонам, оставив в центре толпы свободный круг, в центре которого стоял высокий мужчина в одеяниях цвета воронова крыла. На обеих его ладонях плясали языки багрового пламени, а земля вокруг пят искрилась.

— Бехенхарт!?! — недоуменно завопил бургомистр. — Да как ты смеешь...

— Нет, Локхерт! — прервал его чародей. — Как ТЫ смеешь объявлять мою библиотеку собственностью города? Как ТЫ смеешь забирать моё имущество?

— Послушай...

— Ты зашёл слишком далеко, Локхерт, — маг отправил огненные шары в воздух и те с треском разорвались над головами горожан. — Своим вторжением ты испортил годы кропотливой работы, десятилетия! И всё ради чего? Ради наживы! Ты сам погубил этот чёртов городишко со всеми его бестолковыми жителями!

С этими словами он достал из-под мантии серебряный жезл с вырезанными по всей длине рунами.

— Ты что задумал, Бехенхарт? Мои арбалетчики уже держат тебя на прицеле!

— И славно. Ритуал уже начат. Одно моё слово — и всё сгорит.

Народ начал в панике разбегаться.

— Одумайся... — решил вмешаться архиепископ.

— Я всё решил. Очень мило с твоей стороны собрать столько людей в одном месте, Локхерт. Очень удобно... — Бехенхарт поднял жезл вверх и прокричал несколько слов на непонятном Вариону языке.

Раздался грохот, затем языки пламени вырвались во все стороны, испепеляя всё на своём пути. Стусток огня попал в эшафот прямо там, где стоял бургомистр, отчего конструкция мигом сложилась, как спичечный домик.

Варион, чудом не обратившийся в прах, выбрался из-под тлеющих обломков и оказался на покрытой серым пеплом площади. Тем, кто стоял подальше, повезло выжить и отделаться ожогами. Собравшись с силами, Химера побежал подальше от пепелища, ловко огибая скрюченные фигуры раненых.

Резко завернув за угол, он вылетел на рыночную улицу, где налетел прямо на седовласого старика с палкой. Тот пошатнулся, но не упал благодаря своему спутнику. Варион чертыхнулся и собрался было бежать дальше, но путь ему преградил меч черноволосого воина.

— Ты чего? — не понял Химера.

— Ты преступник, — презрительно процедил мечник. — Тебе место на том свете.

— Прекрати, — одёрнул его старик. — По-моему, сами боги сегодня послали того безумца на площадь, чтобы спасти эту заблудшую душу.

— Заблудшую!?! — возмутился воин. — Это опасный преступник, а ты зовёшь его заплутавшей овечкой?

— Все мы заслуживаем шансов на искупление.

Варион отшатнулся и посмотрел в прищуренные серые глаза старика, окруженные сеточкой морщин. Глаза, похожие на те, что он впервые видел в тёмном переулке в Гроуджене.

— Вы... — начал Химера неуверенно. — Вы случайно не были в столице Алледана лет эдак десять назад?

— Сын мой, — старик откашлялся. — Я странствовал так много, что уже не упомяну, где был и когда.

— Тёмный переулок, вечер, юноша шестнадцати лет... Вы это не помните?

— Молодой человек, вы задаёте мне вопросы, на которые я точно не смогу ответить. Уж простите. Пора нам двигаться, до границы путь неблизкий.

— Куда вы едете? — спросил вдруг Варион.

— Везём товары в Сердамар по просьбе местного купца, — спокойно поведал старик. — Им там на Севере жутко не хватает хорошего пива. Тебе с нами по пути?

— Янек... — мечник поднял правую руку. — Ты же не хочешь его взять...

— Спокойно, Юральф, — Янек улыбнулся. — Если ему с нами по пути, выбор за ним.

Варион впал в ступор. Боги ли это были, или сам чёрт, ему был дан второй шанс. Егс вытащили из петли, но зачем? Чтобы он снова доверился спокойному взгляду серых глаз, пошёл по другому пути?

— Я хочу с вами! — воскликнул он. — В Сердамар, или куда там? Неважно!

— Не хватало нам только Химеры, убийцы лордов, — пробурчал Юральф.

— Нет больше никакого убийцы лордов! — объявил наёмник, стиснув кулаки. — Остался только Варион!

Янек деловито пожал плечами и причмокнул.

— Ну что ж, Варион, добро пожаловать в наш отряд. Ты не ранен? Не волнуйся: если задело, Агата вмиг обработает все ожоги.

— Вот это забота, — буркнул Юральф себе под нос.

— Пойдёмте же, пока ещё какой-нибудь маг не сошёл с ума, — старик рассмеялся. — Успеть бы до заката реку перейти.

Варион кивнул и зашагал вслед за новыми спутниками, оставив позади покрытую сажей площадь. Новая жизнь уже готовилась восстать из пепла старой.

Упавшая корона

Пролог

«Великий Оазис степей, зелёный город Асхат-Раван раскинулся там, где Её Величество Гавала впадает в Бескрайнее море. Сияющие дворцы и подпирающие небесный свод башни поразят даже самого искущённого гостя с Севера или из Западных королевств. Но нельзя забывать, что весь этот шик построен на кровавом наследии Великого Ханства Эলেখедара. Кровь эту не под силу смыть даже водам Гавалы».

Ирудавон Саломай «Заметки Новоградского Купца».

— Готовь швартовы! — капитанский голос громыхнул в утреннем воздухе.

Корвен Михель, подобрав полы мантии, поднялся по крутому трапу и оказался на залитой солнцем палубе могучего Койвского судна «Константин Второй». Корвен, будучи одним из главных дипломатов своего княжества, часто путешествовал, но опыта поездок по воде до сего дня почти не имел.

Михель с интересом смотрел за слаженной работой матросов, носивших туда-сюда огромные канаты толщиной в руку, попутно спуская паруса.

— Чего вылупляешь? — раздалось сбоку неподдельное негодование.

— Что, простите? — Корвен повернулся и увидел перед собой насквозь вспотевшего матроса с обёрнутым вокруг шеи канатом.

— С дороги, говорю, — мужик решительно продолжил свой путь, едва не снеся дипломата.

Раздраженно поджав губы, Корвен собрался было подняться на мостик и переговорить с капитаном, как вдруг на палубе возник личный помощник Михеля, Сламлен. Тому едва исполнилось двадцать, но парнем он был необычайно смышлённым. Во всяком случае, для уроженца Ярополя.

— Говорят, прибываем, — Сламлен искренне улыбнулся во весь рот. — Скорее бы почву ощутить под ногами.

— И заодно избавиться от хамящей черни, — Корвен покачал головой.

— Не серчайте, сударь. Они по-другому не умеют. Как привыкли друг к другу обращаться, так и к нам теперь. Они бы и великого князя крепким словцом обозвали бы, стой он на вашем месте.

Корвен, пожав плечами, подошёл к свободному борту. Почти двухнедельное путешествие по одной из великих рек мира, Гавале, подходило к концу, что не могло не радовать душу соскучившегося по твёрдой земле дипломата. Высокие башни храмов Асхат-Равана, столицы Раванского ханства, были уже совсем близко.

«Константин Второй» шёл вторым из трёх в небольшой веренице кораблей. Первым и последним были хорошо укрепленные боевые суда Койвского Княжества. Ведущий корабль уже встал на якорь в гавани Асхат-Равана, в паре верст от того места, где Гавала впадала в

Бескрайнее море.

Вёслами подойдя к огромной каменной пристани, «Константин» пришвартовался. Убедившись, что пажи взяли все нужные вещи, Корвен позвал Сламлена и косматого стражника Беремира. Втроём они прошли по скрипучему трапу и оказались на твёрдой, пусть и чужой, земле.

В нос сразу ударил сильный запах благовоний и пряностей, какие в Койве можно было найти лишь на самых дорогих рынках. Здесь же, казалось, сама вода пахла подобным образом. По пристани то и дело проходили торговцы рыбой, шелками и красивыми безделушками. Люди в Асхат-Раване тоже выглядели совсем иначе: смуглые, с раскосыми глазами. Женщины носили длинные шёлковые одеяния светлых тонов, покрывавшие их с головы до пят, а мужчины как один были одеты в мешковатые костюмы с широким поясом.

— Всех девок укутали, поглазеть не на что, — пожаловался сам себе Беремир.

— Поглазей на архитектуру, — предложил Сламлен, показывая на высокую восьмигранную башню с плоской крышей. — Это бошохар, оттуда местные священники зовут верующих в храм на молитву.

— Да и хер бы с ними, — стражник пожал могучими плечами. — Я сюда не молиться приехал.

На причале гостей уже ждала целая толпа. Около дюжины конных копейщиков выстроились полукругом, в центре которого стоял невысокий совершенно безволосый человек в богатых одеяниях, окруженный рослыми солдатами в пластинчатой броне и с ятаганами на поясе. Вокруг всего этого собрались зеваки, привлечённые зрелищем трёх огромных кораблей в гавани.

— Шегелян-ашар! — тонко провозгласил лысый.

— Ашар-ашар, — Корвен кивнул.

— Мы рады приветствовать гостей на своей благодатной земле. Меня зовут Богул, — практически без акцента продолжил глава делегации. — Великий хан выражает своё почтение гостям с Севера. Он уже ждёт нас в своей резиденции.

— Не во дворце? — уточнил удивлённый Корвен.

— Ах, вы не слышали? — Богул удивлённо выгнул брови, единственную растительность на его круглом лице. — Мехетай, старший сын нашего великого хана Чекетулая, пал в битве с дикими племенами чуть более недели назад. Город в трауре, а во дворце проходит церемония прощания. Хан слишком уважает своих гостей, чтобы заставлять их ждать его аудиенции, поэтому встречу решено не переносить.

— Потрясающе, — поджав губы, кивнул Корвен. — Отправимся же в резиденцию.

Михель, Сламлен и Беремир погрузились в поданную специально для них карету, запряжённую златогривыми жеребцами. К ним присоединились Богул и двое подоспевших с «Константина Второго» солдат Койвской гвардии. Остальным достались повозки победнее.

Карета отправилась в путь по широким улицам Нижнего Базара, прилегающего к порту района столицы. По обе стороны тянулись бесконечные прилавки со всевозможными редкими для Койва товарами: диковинные фрукты, изысканные ткани, необычные кинжалы, славящиеся на весь мир своей прочностью.

— Советую посетить Ханский Рынок, — Богул прищурился. — Он рассчитан на людей побогаче, поэтому и качество там соответствует цене.

— Спасибо, учту, — равнодушно произнёс Корвен.

— Я вижу, вы не в духе, — констатировал Богул. — Тяжёлое плавание?

— Не из лёгких, — подтвердил койвский дипломат.

— В таком случае не буду вас утомлять ещё больше.

Мысленно поблагодарив лысого представителя местной власти, Михель отвернулся к окошку. Карета уже покинула Нижний Базар и приближалась к самому центру города, ханскому дворцу.

Многие в Сотторийском крае, в том числе и в Койве, всячески осуждали здешнюю религию за излишнее навязывание принципов и всяческое ограничение свободы людей, но увиденное Корвенем заставило его усомниться в этих словах. Койвский кремль, в котором жил и правил великий князь, был закрыт для простолюдинов. Крепость была обнесена белокаменной стеной высотой в семь саженей, а все входы и выходы охранялись лучшими бойцами княжества. Ханский же дворец стоял в самом центре широкой площади с раскидистыми деревьями, величественными фонтанами и статуями. Никаких стен, никаких ворот.

Вскоре карета затормозила у дверей большого двухэтажного здания, стоящего на берегу озера в небольшом отдалении от центра города. Подоспевшая стража открыла двери экипажа и помогла пассажирам спуститься на покрытую песчаником дорогу.

Вслед за Богулом гости прошли внутрь строения и оказались в широком атриуме, в центре которого бил фонтан в виде дельфина. Вдоль стен дежурили широкоплечие молодцы с ятаганами и пиками. Койвская пятёрка поднялась по широкой лестнице, затем проследовала по длинной устланной коврами галерее, после чего стража распахнула для них сияющие золотом двери в палаты хана.

Зал был просторный и невероятно светлый. Стена в нём, по сути, была одна, остальные же три представляли собой череду ведущих на балкон арок. В центре комнаты располагался искусственный прудик, возле которого на тахте распластался немолодой мужчина в расшитом золотом и самоцветами халате. Его раскосые глаза смотрели на чужаков прямо и как бы свысока. По-хозяйски.

Богул и сопровождающие его стражники разом упали на колени и запричитали что-то на тохорском языке. Хан дослушал их до конца и, что-то коротко ответив, жестом разрешил подняться, после чего вновь перевёл взгляд на гостей.

— Шегелян-ашар! — поздоровался Корвен на правах главы делегации.

— Ашар-ашар, — хан кивнул и жестом показал на свободные тахты по обе стороны от него.

Койвцы заняли места вокруг пруда, Богул же сел по правую руку от своего господина. Хан Чекетулай что-то скомандовал своим слугам и вскоре в зал внесли кувшины с вином и блюда с яствами.

— Попробуйте нашу белугу. В Сотторийском крае такие не водятся, — перевёл Богул предложение хана.

— Спасибо за гостеприимство, — Корвен кивнул.

— Это еще не все, — лысый подмигнул.

Двери вновь распахнулись и в зал буквально впорхнули невероятно красивые темноволосые девушки. Из одежды на них были лишь повязки из шёлка вокруг бёдер. Они прошли между тахтами, сделали оборот, и, томно улыбаясь, начали танцевать.

— Так вот оно что, наконец-то! — неподдельно возликовал Беремир.

Сламлен зарделся и попытался отвести взгляд, а койвские гвардейцы довольно переглянулись. Даже Корвен, привычный к подобным зрелищам на светских сборищах

своего княжества, оказался поражён необычной красотой южных девушек.

— На улицах они все скромные, — довольно произнёс Богул. — Но дома становятся развратнее любой сотторийской блудницы.

— Давайте всё же приступим к переговорам, — произнёс, оторвав наконец взгляд от танцовщиц, Михель. — Мы ведь здесь с рабочим визитом.

— Не сомневаюсь — согласился Богул, выслушав ответ хана. — Но прежде, давайте займём наших товарищей чем-нибудь поинтереснее скучных разговоров о политике.

— Это чем же?

Чекетулай хлопнул в ладоши и девушки прекратили свой танец. Они подошли к пруду в центре комнаты и выстроились в ряд. Хан подозвал одну из них, красотку с самой большой грудью в комнате, а, возможно, и во всём Раване. Девушка упала на колени перед господином, выслушала его команду, аккуратным движением раздвинула полы его халата и принялась за дело. Подмигнув остальным, хан предложил всем последовать его примеру.

Беремир и стражники тут же выбрали себе по красавице и разбрелись по углам зала, а Сламлен лишь смущённо замотал головой на все призывы.

— Так-то лучше, — произнёс хан на ломаном сотторийском языке.

— Вы, наверное, знаете нашу непростую ситуацию на Западе, — заискивающе сказал Корвен.

— Ещё бы, — ответил хан устами Богула. — Чума свирепствует, становится сильнее.

— Она пришла из Томании. Там болезнь уже косит целые города. Всё начиналось как местная проблема, но теперь...

— Когда чума перешла ваши границы, вы встрепнулись. Могли бы позаботиться обо всём раньше. Хотя, конечно, зачем помогать соседям? Это ведь их проблема.

— Никто не думал, что всё станет так серьёзно! — занервничал Корвен. — Гаалыт и Томания тоже не беспокоились, пока счёт погибших не пошёл на сотни. А теперь, это проблема всего мира! Годаранская империя собирается закрыть свои границы, Повское княжество строит стену, а в Новом Граде пробил вечевой колокол.

— А великий койвский князь послал гонцов в Асхат-Раван? Какую помощь вы от нас ждёте?

— В государстве кризис. Не прошло и пары месяцев, как закончилась война против яропольцев. Борьба с чумой добьёт казну, если вы не поможете!

Хан рассмеялся так громко, что ублажающая его девушка вздрогнула от испуга.

— А почему меня должна волновать казна Койва? — Богул продолжил перевод. — У нас был уговор: вы выплачиваете долг до первого месяца зимы. Иначе... Вы сами всё понимаете.

Корвен сглотнул подступивший к горлу ком. В Койвском кремле всё прекрасно понимали. Понимали, но не хотели мириться.

— Пятнадцать лет назад — продолжил хан. — Небезызвестное царство Ватария задолжало нам очень много. В два раза больше, чем вы. Мы ждали долго, а они всё умоляли нас простить хотя бы часть долга. Или продлить срок... Но мы ждали достаточно. Раванкханат всегда берёт своё, и я надеюсь, что великий князь Геровен это осознаёт. Излишне напоминать, что Ватарии ныне не существует, а в Раване на одну провинцию больше, чем пятнадцать лет назад.

— Угрожаете? — крепко стиснув челюсти возмутился Корвен.

— Предупреждаем, — отрезал хан уже без помощи переводчика. — Вы знали, на что

идёте.

— При всём уважении, великий хан, — заговорил вдруг Сламлен своим мягким голоском. — Всей мощи ханства едва ли хватит, чтобы захватить Койв быстро и безболезненно. Потери будут с обеих сторон. Прольётся много крови.

— Мы не станем захватывать Койв, зачем нам лишние проблемы? — Чекетулай рассмеялся. — Но своё возьмём.

При всём своём патриотизме Корвен почему-то был уверен, что так и будет. Михель уже представил, как возвращается ко двору князя Геровена не солоно хлебавши. Что его ждёт потом? Топор палача, сырые стены подземелий или просто выговор? Зависит от настроения князя.

— Сударь хан! — Сламлен вдруг вскочил с места и подошёл к хозяину резиденции. Щеки его горели. — Койв — славное государство с огромной историей и традициями! Нам просто нужна помощь в трудное время! Ваш Солнцеликий бог завещал вам любить и помогать, а вместо этого вы продолжаете захватывать наши земли и угрожать нашим людям. Прячете свою жестокость под маской благоденствия! Ваше счастье, что нет единства среди тех, кого вы порабощаете! Помяни моё слово, хан: близок тот час, когда Раван заплатит за всё!

На несколько мгновений воцарилась тишина, даже стоны наложниц по углам затихли. Хан отодвинул от себя девушку, поправил халат, поднялся и вытянул правую руку. Невесть откуда взявшийся мальчишка-слуга вложил в нее длинный узкий кинжал. Великий хан шагнул вперёд и вогнал лезвие точно под кадык помощника койвского дипломата.

Сламлен попытался вскрикнуть, но из разорванного горла донеслось лишь противное бульканье. Прежде чем хоть капля крови упала на дорогой ханский ковёр, Чекетулай схватил мальчишку за грудки и швырнул его в прудик. Вода вмиг стала багровой.

Корвен хотел было подняться, но тут же ощутил холод клинка у подбородка. Как оказалось, наложницы умели чуть больше, чем казалось поначалу. Михель посмотрел сначала на поигрывающую ножом девушку, чьё выражение лица было таким же, как и пять минут назад, а затем — на хана, деловито вытирающего свой кинжал узорчатой салфеткой.

В углах зала началась потасовка, довольно быстро закончившаяся пленением всей немногочисленной койвской стражи. Беремир, даже стоя на коленях, то и дело поглядывал на обнажённых, но вооружённых, красавиц.

Один из гвардейцев попытался было вскочить, но тут же был успокоен тремя копьями, попавшими в спину аккурат между пластин. Корвен до крови закусил губу, а Богул с ханом обменялись довольными взглядами.

Михель смутно помнил, что произошло дальше. Он лишь почувствовал, как его взяли под руки и повели куда-то, тыча в спину острыми копьями. Видел длинные коридоры, ведущие вниз ступени. По пути с него сорвали одежду и украшения, а затем швырнули в тесное сырое подземелье. Дверь за ним с шумом хлопнулась и вокруг осталась лишь тьма.

Глава 1.

"Река Шанкара — одна из самых неудачливых во всей Соттории. Она берёт исток в оживлённом и известном Белом Озере, но ведёт она на далёкий Север, где раскинулись Дикие Земли, полные непроходимых лесов и болот. А живут там лишь дикари, отвергающие любую власть над ними, и чуждые людям нечестивые твари".

Ирудавон Саломай, "Заметки Новоградского Купца".

Обдуваемая всеми ветрами Взморская крепость стояла на высоком утёсе, возвышаясь над скованными льдом водами Онорского моря. Внимательный взгляд ещё за десяток вёрст мог заприметить приплюснутые башни, подпиравшие серое зимнее небо.

У подножия каменных крепостных стен раскинулся веером небольшой город, типичный для северных земель Новоградской Республики. Дома тут представляли собой приземистые хатки, покрытые сизым мхом и лишайником, где под одной крышей ютились и люди, и скот: такие в остальной части страны было не найти. Местные жители, закутанные в несколько слоёв плотной кожи, выходили на улицу только ради работы: за дровами для обогрева, за мясом или водой.

Запряжённая двумя скакунами дребезжащая повозка проехала по некоему подобию главной дороги: широкому каменистому коридору, упирающемуся одним своим концом в ворота крепости. Местные недоброжелательно поглядывали на пришлых и настороженно перешёптывались, нехотя прервав свои дела.

У самых ворот повозку встретила пара задубевших на холоде стражников, держащих обмёрзшими пальцами древки бердышей.

— По какому вопросу явились? — пробормотал из-под шерстяного шарфа один из бойцов.

— Доброго дня и спокойной службы, друзья, — Янек Вермейер спустился с козел и учтиво поклонился. — Не далее, как неделю назад, мы были в Сердамаре и узнали, что Кромвур, мой старый товарищ, нуждается в помощи.

— Вы знакомы с господином? — недоверчиво переспросил стражник.

— А вы у него спросите, — посоветовал Янек.

Солдат кивнул и, пройдя сквозь маленькую калитку, скрылся за стеной.

— Нас точно пропустят? — Юральф выпрыгнул из повозки на морозную землю, растирая обмёрзшие кисти.

— Не сомневайся, — Вермейер улыбнулся своим особым образом: не только губами, но сразу всем лицом.

— А накормят? — спросила голова Вариона, просунувшаяся сквозь складки толстых шкур, закрывавших повозку.

— А это, друг мой, уже зависит от кого, как ты себя поведешь... Что ж, пойдёмте же!

Раздался грохот, и створки ворот медленно раздвинулись. Путники вернулись на места, и повозка со скрипом сдвинулась с места. Юральф откинулся на свой мешок из овечьей шерсти. Внутри повозки было довольно просторно, тепло и пахло пряностями, которые так любил Янек.

— Что, приехали? — не отрываясь от потрёпанной книги спросила Агата.

— Почти, — подтвердил Юральф.

Варион радостно поднялся и надел купленную недавно меховую куртку. Юральфу в подобном выборе одежды не нравилось отсутствие какой-либо практичности: в отличие от его длинного плаща, куртка едва доставала до верха ягодиц и к тому же не имела капюшона. Не лучший вариант для сурового севера.

— Хоть ноги разомну! — едва повозка замерла, бывший наёмный убийца отодвинул шкуры и выпрыгнул наружу.

Агата утеплилась серой накидкой с выцветшей пряжкой на груди и последовала за Варионом. Юральф растолкал сопящего на боку Ардука и вышел за спутниками на мороз. Тем временем Янек уже всю беседовал с высоким бородатым мужчиной лет пятидесяти. Увидев, что все товарищи собрались, Вермейер размашистым движением пригласил их проследовать за бородачом.

Кромвур провёл их по устланной дырявым ковром каменной лестнице, затем по тёмному коридору и, наконец, ещё одной лестнице поменьше: на сей раз деревянной. Юральф вошёл вслед за ним в неожиданно просторный полукруглый зал: в центре стоял длинный почерневший от времени деревянный стол с дюжиной стульев вокруг, стены были увешаны коврами и картинами, а в дальнем конце комнаты потрескивал камин.

Варион в несколько прыжков оказался в потёртом кресле у очага, Агата с любопытством повернулась к большому стеллажу с книгами, а остальные не спускали глаз с Кромвура. Тот сурово обвёл глазами всех присутствующих и вдруг рассмеялся.

— Как же я рад тебя видеть, старик! — прокаркал он хрипло, оказавшись в объятиях Янека. — Сколько лет?

— Шесть, — констатировал Вермейер, хлопая старого товарища по спине.

— Никак соскучился?

— Конечно. А ещё слышал, что тебе помощь нужна.

— Там всё не так просто, — мигом помрачнев, произнёс бородач.

— Не сомневаюсь, раз уж твоя дружина не справилась, — Янек кивнул. — Поверь, наш отряд на многое способен. Ах да, я же вас не представил! Друзья, знакомьтесь: Кромвур, голова Взморья, воевода, выпивоха и просто хороший человек.

Вермейер поочерёдно назвал всех своих спутников.

— Рад вас видеть, — сказал Кромвур. — Друзья Янека — мои друзья. А что же это у вас за отряд такой?

— Весьма разносторонний, — ответил с кресла Варион.

— Мы странствуем по миру, помогаем людям, ну, и ищем возможности заработать, — объяснил Юральф, расстегивая плащ. В крепости было весьма тепло.

— Эдакий «отряд спасения», — добавил со смешком бывший убийца.

Кромвур предложил гостям горячительный напиток и все с радостью согласились. Юральф взял потускневший стакан, пригубил немного отдающей полевыми цветами жидкости и тут же почувствовал, как приятное тепло расходится по груди и животу. Голова крепости свой кубок осушил враз и с задумчивым видом подошёл к широкому окну, выходящему на замёрзшее море.

— Неплохой у вас тут вид, — отметил Ардук, прищулив зелёные глаза. — Море, знаете ли.

— Что же это за море такое, которое зимой замерзает? — буркнул Кромвур. — Вот на

юге, али ещё где — вот там море, а тут... Так, озерцо.

— Говорят, тут проходят холодные течения, — сообщила Агата. — Вроде бы противоположный берег не замерзает там, где Рекалия.

— Начхать, если честно, как там в Рекалии, — Кромвур принял ещё пошла. — Тут у нас и летом кораблей не дождёшься. И правильно: на кой чёрт им сюда идти? Дальше-то только Дикие Земли. Мне когда сказали, что головой крепости поставят, я обрадовался шибко. Оказалось, что зря. Приписали к Взморью, а тут что делать-то? Вече-то, когда в Новом Граде собирается, говорят всё время: надо-де на Севере укрепляться, народ туда стягивать, а то в столице уже тесновато становится, да и Дикие Земли себе бы прибрать, пока Ярополь не подсуетился.

— И как, получается? — поинтересовался Юральф. Ему самому было трудно поверить, что те замученные крестьяне за стенами крепости и толстосумы из Чернополя жили в одной стране.

— А как оно получится-то? — Кромвур рассмеялся. — Тут местных-то не удержать. Больше половины года тут холодно, не растёт почти ничего. Ходи только охотиться в окрестностях, правда, до Диких Земель полчасы езды на хромой кобыле, так что опасно. Для местного люда высочайший успех — попасть в крепость стражей али прислугой.

— В Сердамаре всё, конечно, получше, — признал Янек. — Там в постоялом дворе мы и узнали, что гарнизон Взморья принимает любую посильную помощь в одном опасном деле. За вознаграждение.

— Так-то оно так, — подтвердил голова крепости. — Только дело-то очень опасное.

— Не тяни, дружище, говори, что случилось.

Кромвур забегал глазами, сделал пару звучных глотков из бутылки и вновь перевёл взгляд на море.

— Ведьма завелась за рекой. Говорят, давно уже, но проблемы сейчас только начались. Всю живность вокруг города распугали охотой своей, так что приходится теперь мужикам ходить подальше. Кто посмелее, те в Дикие Земли забрались. Там и видели, как ведьма мертвецов поднимает из диких деревень. Чудом успели мужики домой вернуться, а потом за неделю померли все шестеро. А за ними и семьи их заболели, соседи. Короче, начало Взморье вымирать. Решили старейшины, что ведьма та проклятие наложила и оно теперь бродит по городу.

— И чего же вы придумали? — Янек уселся в кресло напротив Вариона.

— Ни хрена нам тут не понятно, — Кромвур ругнулся. — Знаем только, что ведунья не остановится, пока все не перемрут. Вот и решили, что найти её надо и убить. Послали отряд на север: пятеро бойцов. Да вот только никто из них так и не вернулся, хотя времени немало прошло. Поэтому нам и нужна помощь. Сто пятьдесят шеленей, если удастся найти наш отряд или хотя бы то, что от него осталось. Четыреста за голову ведьмы.

— Превосходно, — Янек положил руку на плечо старого друга. — Думаю, мы возьмёмся за это. И что-то мне подсказывает, что тебе-таки придётся раскошелиться.

— Только говорят, что из Сердамара вышел большой отряд. Если они вас опередят...

— Тогда нам стоит торопиться, — засуетился Варион.

— Не советую выходить сегодня, — предупредил Кромвур. — Темнеет нынче рано, а после заката в Дикие Земли лучше не соваться.

— В таком случае выйдем с утра, — решил Янек. — А пока отдохнём с дороги.

— Так а отряд этот из Сердамара нас не обойдёт пока мы тут отдыхаем? —

обеспокоился Юральф.

— Полно тебе. Ежели ночью туда сунутся, их самих искать придётся, — Кромвур загоготал на всю крепость. — Я поселю вас в гостевом доме. Он у нас обычно пустует. Сейчас скажу, чтобы помещения разогрели, не волнуйтесь. На ужин сегодня должна быть оленина. Как и всегда, сука. Выпивки у нас тут ещё достаточно, на всех хватает. Вечером сходите в купальни, отдохнёте. Кстати, если хотите, тут ещё и девочки есть. Не новоградский бордель, конечно, но чем богаты...

— Мне у вас тут уже нравится! — Варион расплылся в улыбке и осушил свой бокал.

Ардук тем временем жестом подозвал к себе Юральфа.

— Что думаешь? — полушёпотом спросил гаальтец. — Не слишком-ли опасно?

— Возможно, — признал новоградец. — Хотя должен признаться, чувство опасности у меня притупилось за последний год. Того плотояда в Ярополье я боялся куда больше, чем какую-то ведьму с болот.

— Тот плотояд мне чуть лёгкое не вырвал, — напомнил Ардук.

— Надеюсь, ты усвоил урок, — Юральф улыбнулся и потрепал товарища по плечу.

Паулина глубоко вдохнула и ощутила запах смолы. Именно ароматы ей больше всего нравились в бане. К тому же, в зимнее время было особенно приятно ощутить на своём теле горячий пар.

Она смахнула со лба выступивший пот и зажмурилась. За стенами из дубовых брёвен сейчас царил пурга, убивающая жителей окрестных деревень холодом и отсутствием пищи. Однако здесь, в горячей парилке, обо всём этом можно было забыть хотя бы на несколько минут.

Паулина ополоснула своё худое бледное тело разогретой на печи водой, насухо вытерлась и оделась. Нормальный человек бы не стал зимой выходить из дома в таком облачении: тонкие брюки из кожи, туго обтягивающие ноги, лёгкая льняная рубашка и тканевая накидка с капюшоном. Паулина и не была нормальным человеком: с самого детства мать приучала её к суровым условиям, запрещала носить тёплую одежду и даже обувь.

Снег хрустел под её босыми ногами, пока она шла до их низенькой избушки, чьи окна горели в ночи посреди тёмного леса. До ближайшей деревни было около часа ходьбы, так что случайные путники сюда никогда не забредали.

Внутри было тепло, пусть и не так, как в бане. Мать хлопотала над очагом, добавляя в своё очередное варево разные травы и иногда всё перемешивая. Единственная в избе комната была вся заставлена различной колдовской утварью: склянками, котлами, книгами, свёрнутыми в рулон картами и зарисовками.

— Напарилась? — недовольно поинтересовалась мать. В здешних местах её знали, как Аделиду Крюконосую, страшную ведьму с болот, хотя нос у неё был вполне нормальный и выглядела она как вполне миловидная дама лет пятидесяти.

Паулина лишь молча кивнула.

— Напарилась значит, — Аделида понюхала содержимое маленького холщового мешочка и сморщилась. — Вместо этого лучше бы поучилась жаротворящий отвар готовить. Никак он у тебя не получается, а учиться ты и не хочешь.

— Ты разве без меня не справишься? — голос Паулины звучал тонко и безразлично.

— Так я же не вечная, — мать взмахнула руками. — А ты, дура, этого никак не поймёшь.

— Ещё успею научиться.

— Это ты так думаешь, — колдунья отложила черпак и направила взгляд узких серых глаз на свою дочь. — Я опять их видела. Во сне. Мне явился дух моего отца и сказал, что за нами уже идут. Потом я их увидела: они ехали на гнедых конях, держали копья, мечи и луки. А позади шествовала сама Смерть на вороном скакуне. Наша смерть.

Аделида замолчала и как ни в чём не бывало занялась отваром. Паулина села на подстилку из волчьей шкуры и опустила голову. Уже несколько месяцев мать постоянно упоминала неких «их», которые должны были прийти с юга и принести гибель. Зачем кому-то приходиться в лесную глушь и убивать их, девушка не знала.

— Держи, выпей, — мать протянула ей чашу с дымящимся зельем. — И ложись уже спать. На рассвете пойдёшь в деревню за солониной.

Паулина молча выпила отвар. В этот раз он показался ей куда слаще чем обычно. Сон захватил её почти сразу. Тело онемело, в глазах сгустилась темнота, а разум словно отправился в полёт.

Спала она беспокойно. Вокруг то и дело ярко вспыхивали образы, сотрясая её голову изнутри. Она видела заснеженный лес, склоны оврага, усеянные останками крупных животных... Видела лицо, то и дело проступающее среди прочих видений: лицо молодого мужчины с ниспадающими на лоб чёрными локонами, острым взглядом карих глаз, тонкими губами, скривившимися в ухмылке. Для смерти он выглядел чересчур хорошо.

Утро наступило внезапно. Паулина всегда тонко чувствовала момент, когда холодное солнце поднималось над горизонтом, озаряя Дикие Земли. Мать ещё спала в дальнем углу комнаты, накрывшись толстым одеялом.

Паулина умыла лицо снегом и собралась в путь. В деревню она всегда надевала сапоги и тёплую куртку, чтобы не вызывать лишних вопросов у простых людей. Некоторым было очень тяжело принять то, что она уже забыла само чувство холода, в то время как люди вымерзали целыми деревнями.

Дороги в диком лесу, конечно, не было и Паулина шла по ориентирам. Прямо до дерева с раздвоенным стволом, затем направо до поросшего мхом валуна, налево до высокой берёзы, сломанной пополам и прямо до деревни.

Примерно на середине пути началась метель. Ветер завыл меж стволов, вихрем закручивая летящий с неба снег. Видимость упала, и Паулине пришлось замедлить шаг, а временами и вовсе нащупывать дальнейший путь.

Её левая нога за что-то зацепилась, и девушка рухнула в сугроб. Поднявшись и отряхнувшись, она увидела, что её сапог обнажил покрытый ошмётками гнилой плоти череп, принадлежавший, по всей видимости, оленю. Слегка отдышавшись, Паулина продолжила путь в поисках сломанной берёзы.

Тут из-за снежной пелены показались силуэты. К ней, застревая в сугробах, вышел мощный гнедой конь. Всадник был одет в грубую дублёнку, поверх которой он носил тусклую латную кирасу. На поясе висел меч с длинной рукоятью. Вскоре за его спиной показалось ещё с дюжину бойцов.

— Стой, девочка! — воскликнул, перекрикивая ветер, всадник.

Паулина замерла.

— Мы из дружины славного князя Сердамарского, да хранят его Светоносные! — объявил боец. — Ты сама откуда будешь?

— Из... Из деревни, — с трудом выдавила из себя девушка.

— Говорят, в лесах этих ведьма живёт. Будто бы прокляла она один городок неподалёку. Не знаешь ли ты случайно, где эта самая ведунья обитает? Мы собираемся нанести ей визит. Паулина замотала головой.

— Очень жаль, девочка, — всадник поправил свой капюшон. — Что ж, сами значит найдём. От нас и сам чёрт не спрячется!

Бойцы рассмеялись, затем затянули какую-то песенку и пришпорили коней. Паулина до крови закусилла нижнюю губу и бросилась вперёд, подальше от сердамарской дружины. Она не знала, зачем им понадобилась её мать, но была уверена, что встреча эта не сулила ничего доброго. Уж слишком часто Аделида рассказывала о всадниках, несущих ей смерть.

Вечер в крепости Взморья прошёл довольно весело. «Отряд спасения» отужинал в большой трапезной вместе с Кромвуром и остальным гарнизоном, после чего каждый нашёл себе дело по вкусу. Агата попросила себе книгу из местной библиотеки и отправилась в спальню гостевого дома, Янек остался побеседовать с главой крепости, а остальные члены отряда пошли в купальню, где обсуждали предстоящий поход за крепкой выпивкой.

— Я вот такого холода никогда не чувствовал, — сообщил Юральф, наслаждаясь тёплым бассейном.

— Я разок зимой в Годаране оказался, так там и то теплее было, — Варион сидел на у противоположного борта, обнимая сразу двух местных девок.

— Готов поспорить, время ты там провёл не зря, — Юральф недоверчиво прищурился.

— Уж поверь, — убийца игриво подмигнул своему спутнику и принялся что-то нашептывать чуть полноватой проститутке с редующими волосами.

Юральф почувствовал на себе взгляд Ардука и пожал плечами. С Варионом они путешествовали уже почти месяц, но он никак не мог признать товарища в Химере. Слишком много жизней тот забрал ради собственной наживы.

— Я тут услышал кое-что, — заговорил гаальтец. — Янек и Кромвур обсуждали былые времена, и упомянули войну с Рекалией лет тридцать назад. Я вот даже не знал, что наш старик войнами увлекался.

— Да какая там война? — Юральф презрительно хмыкнул и отхлебнул немного самогона. — Рекалию страной-то не назовёшь. Нам в военной академии рассказывали, что это просто союз племён. Такие же Дикие Земли, решившие стать государством.

— А ты академиков своих больше слушай, — Варион оторвался от груди брюнетки и скривил физиономию. — Сам-то много про рекальцев знаешь? Дикие звери, любители друидизма и жертвоприношений, пьют кровь всяких тварей... Про «жареный цветок» слышал?

— Цветы жрут? — не понял Юральф.

— Ага, как же, — Варион затянулся самогоном из бутылки.

— «Жареный цветок» — это традиция диких племён, — пояснил Ардук, погрузившись в воду по самую шею. — Всех молодых девчушек из захваченных селений жаривают и едят всем скопом.

Юральф почувствовал, как тошнота подступает к горлу, и поспешил залить её терпким

пойлом. В купальне воцарилась тишина, вскоре нарушенная причмокиванием Вариона, прильнувшего к шее проститутки.

— Ребят, не завидуйте, — отреагировал бывший убийца на недовольные взгляды спутников. — Возьмите и себе, тут на всех хватит. Девки — единственный товар, которого везде в достатке.

— И то верно, — согласился изрядно захмелевший Ардук. — Эй, кто-нибудь! Давайте сюда ещё парочку!

В купальню вбежали ещё две обнажённые девицы. Юральф жестом отказал одной из них, вылез из бассейна и, одевшись, отправился по длинной галерее в гостевую спальню.

Отряду предоставили длинную комнату под самой крышей. Обстановка была простая: четыре кровати, шкаф для одежды, стол и кресло. Окна выходили на город, в столь поздний час пребывающий в темноте. Янеку, как старому товарищу, выделили личные покои по соседству с Кромвуром.

Когда Юральф вошёл, Агата стояла на коленях у своей кровати и что-то нащёптывала. Услышав скрип половиц, она дёрнулась растеряно взглянула на новоградца. Тот виновато потупил взгляд.

— Прости, не хотел тебя прервать.

— Ничего, я уже заканчивала, — женщина выпрямилась и расправила серую ночную рубашку. — Да и вообще, это просто старая привычка.

— Да уж, — Юральф вздохнул. — Двадцать пять лет в монастыре... Я бы повесился.

— Двадцать семь, — поправила Агата. — Да, многие вешались или топились в надежде на лучшую жизнь по ту сторону. Я же считаю, что они просто показали свою слабость.

— Пусть так, — Юральф присел на кровать напротив неё. — Я вот не знаю, что там после смерти, и предпочёл бы не торопиться перейти черту.

— Всею своё время, — согласилась Агата. — Выходите на рассвете?

Новоградец кивнул.

— Да хранят вас Светоносные, — женщина подняла глаза к потолку. — Надеюсь, мои врачебные навыки не понадобятся.

Юральф не ответил.

— Ну что же... Вечер поздний, пора спать, — Агата легла на кровать и накрылась шерстяным одеялом. — Доброй ночи.

— Доброй ночи.

Утро выдалось тихим и безоблачным. Бойцы спокойно позавтракали омлетом с копчёной олениной и уже в полном снаряжении встретились у ворот крепости. Янек ждал их, покуривая трубку. Выглядел он напряженно.

— Вот примерный план местности, — подоспевший Кромвур вручил Юральфу грубо нарисованную карту. — Идти вам надо вдоль ручья. Дойдёте до реки — переходите смело: она замёрзла накрепко до середины весны. Там уже по карте идите в деревню дикарей, по следам отряда, так сказать. Они как раз должны были там начать свой поход, поискать проводника.

— Понятно, — Ардук кивнул и поправил свой лук.

— В таком случае, удачи, — Кромвур тяжело улыбнулся. — Надеюсь увидеть вас живыми.

Голова Взморья отправился обратно в крепость.

— Послушайте, друзья, — произнёс Янек, когда их оставили одних. — Не стоит недооценивать это место. Дикие Земли неспроста до сих пор не заняло ни одно государство. Если уж где и можно чертовщину повстречать, то именно здесь.

— Не волнуйся, — Юральф потрепал старика по плечу. — Так просто нас не согнуть.

— И не трахнуть, — не мог не добавить Варион.

Идти пешком было непривычно, к тому же неожиданно поднявшаяся вьюга добавляла неудобств. Через пару километров от лагеря путники увидели целую груду мёртвых тел, лежащих на склоне холма. Трупы были покрыты тонким слоем льда и снега, что сдерживало гниение.

Среди мертвецов показался живой человек. Слегка покачиваясь, он перешагнул через одно из тел и затопал в сторону отряда. Ардук в два отработанных движения достал лук и стрелу с белым оперением, Юральф обнажил длинный клинок, а Варион, отойдя чуть в сторону, выхватил из-за пояса кинжал.

— Стой! — прокричал Ардук.

— Эй, придурок, ты чего!? — возмутился незнакомец. В руках он держал длинную палку с заострённым концом.

— Стой, говорят! — подключился Юральф. — Что ты тут делаешь? Ты их убил?

— Убил!? Вы совсем чокнутые? Убил целое кладбище!?

— В смысле, кладбище? — Ардук ослабил тетиву.

— Кладбище это наше, взморское, — мужик описал окружность концом своей палки. — Они все померли от ведьмино проклятья.

— И вы просто бросили их на снегу? — недоумевал Юральф.

— А что с ними делать? Сейчас зима — почва замёрзла, яму не выроешь. По воде не пустишь: даже море льдом покрыто. И жечь тоже не вариант, потому как дрова живым нужнее.

— Пойдёмте, — позвал Варион. Ему на этом могильнике стало немного не по себе.

— Топайте, — согласился незнакомец. — Нечего тут смотреть.

Отряд продолжил движение и спустя еще полчаса борьбы со снегом и ветром вышел на берег оледеневшей Шанкары — реки, по которой проходила граница Новоградской республики и Северных Диких Земель. Во время перехода под ногами путников пару раз раздавался лёгкий хруст, но в целом переправа выглядела безопасной.

Вскоре пурга поутихла. Пробираясь через снежные завалы, группа достигла густого бурелома. Согласно карте, именно за ним и ждала их безымянная деревня северных дикарей.

— А не боитесь, что нас тоже ведьма проклянёт? — спросил Варион, перебираясь через очередной поваленный ствол. Эта мысль его мучала ещё с прошлого вечера.

— Лучше об этом не думать, — отмахнулся Ардук.

Отряд вышел на небольшую опушку, в центре которой было установлено несколько идолов. Приблизившись к капищу, Варион обнаружил, что на каждом из идолов имелись повреждения: длинные рассечки, как от топора и точки, похожие на отметины от стрел.

— Не задерживайся там! — прикрикнул Юральф. — Деревня уже близко.

Он был прав: им не пришлось сделать и полсотни шагов прежде, чем бурелом закончился. Сразу за ним начинались хаты, похожие на те, что во Взморье. Между домами неспешно прогуливался косматый рыжеволосый мужик в оборванных мехах и с самодельным молотом из палки и большого камня.

— Мы пришли с миром! — Ардук вышел вперёд, подняв ладони к серому небу.

— Откуда? — гаркнул издали дикарь с ошутимым акцентом.

— Взморье, — ответил гаальтец, опустив руки.

Мужик на мгновение задумался, после чего кивнул и ткнул молотом в сторону домов.

Группа продолжила движение и вышла к единственному дому, непохожему на остальные. Именно к нему вели со всех концов деревни вереницы следов в снегу.

Внутри здание представляло собой эдакую смесь рынка и таверны: у противоположной от входа стены тянулся длинный прилавок с мясом, сыром и самогоном, а остальное пространство занимали небольшие квадратные столы, вокруг которых в этот ранний час располагалось около десятка местных с недобрыми взглядами.

— День добрый, — учтиво поздоровался Юральф с женщиной, стоящей за прилавком.

— Ага, — кивнула та покрытой оспинами головой.

— Мы пришли из Взморья, — продолжил новоградец. После его слов разговоры местных затихли. — Несколько дней назад сюда отправился один отряд. Они искали проводника из местных.

— Не было такого, — отрезала продавщица. — На кой им сюда приходить?

— Говорят, ведьма у вас тут живёт, — Варион взял кусочек жареного мяса, приготовленный на пробу. — Она прокляла охотников из Взморья, и теперь город вымирает.

— Какая к чёрту ведьма? — раздалось со стороны столиков. — Никто их не проклинал.

— Сами виноваты, да? — Варион ухмыльнулся и попробовал мясо на зубок. «Жестковато».

— Сами, — подтвердил худой мужчина, похожий на седого лиса.

Сосед ткнул его локтем в бок, требуя замолчать. Бывший наёмный убийца удовлетворённо кивнул. Юральф и Ардук тем временем продолжили выведывать информацию у дамы за прилавком. Убедившись, что внимание всех присутствующих направлено не на него, Варион незаметно скользнул в небольшую дверку позади прилавка.

Спустившись по узкой лестнице, он оказался на местной кухне. По правую сторону потрескивали в жаровне угли, а слева вдоль стены тянулись стеллажи с различной утварью, в основном котелками и половниками. Варион прищурился, увидев посреди черпаков, вилок и приправ нечто знакомое.

Он зажал маленький кружок покрытого пятнами металла между большим и указательным пальцами и подошёл поближе к свету жаровни. В отблеске пляшущего огня ему удалось разглядеть некое подобие четырёхконечной звезды, часть герба Новоградской республики. Такие бляшки он уже видел на плащах солдат, охранявших крепость Взморья.

Спрятав находку во внутренний карман не самой тёплой, но удобной куртки, Варион пересёк комнату и вошёл в смежное с кухней помещение, где, видимо, хранились запасы провизии. Стены здесь не были утеплены, чтобы остатки мяса не гнили. «Как взморское кладбище», — с ухмылкой подумал убийца.

Среди оленьих голов и шкур Варион сразу увидел то, что опасался найти: несколько очищенных от плоти человеческих черепов смотрели на него пустыми глазницами. Рядом с ними лежало ещё четыре бляшки Нового Града.

Сзади скрипнула дверь.

— Чего тут шастаешь? — недовольно прохрипел долговязый мужичок с бородой, похожей на лобковую шерсть. — Чужакам нельзя.

— Спокойно, — Варион поднял левую руку как бы показывая свои мирные намерения. Как бы.

Мужичок настороженно осмотрел комнату, задержав взгляд сначала на черепках, а затем на незваном госте. В его глазах читались недобрые мысли.

— Пойду-ка я.

Варион сделал шаг. Затем ещё один. Поравнявшись с дикарём, он заметил неуклюжее движение с его стороны и поспешил ударить первым. Заранее приготовленный в правой руке кинжал вонзился в горло мужика, перебив голосовые связки. Тот попытался закричать, но получился лишь сдавленный хрип.

Убийца вытер клинок о висящую на стене шкуру и поспешил наверх. Там его встретили настороженные взгляды как местных, так и пришлых. Юральф вопрошающе изогнул брови, на что Варион лишь пожал плечами.

— Ты чего там нюхал? — пробурчал один из деревенских, выше и шире остальных. Видимо, их лидер.

— Да так, думал ещё какие вкусности отыщу, — алледанец изобразил глупую ухмылку. — Ваш товарищ спустился и доходчиво объяснил, что искать там нечего. Он сейчас поднимется, только проверит, не стащил ли я чего.

— О как, — старшина понимающе хмыкнул. «Вот идиоты».

— Мясо, кстати, не дожарено, — пожаловался Варион даме за прилавком. Та нечленораздельно высказала своё недоумение. — Но ничего страшного, вы же с таким мясом нечасто работаете. Я всё понимаю. Да и завалить таких бугаёв непросто было. Как, кстати, звали эти рёбрышки, не спросили?

— Ты к чему клонишь? — не понял Юральф. Не понял, но на всякий случай положил правую ладонь на рукоять меча.

Зато дикари оказались неожиданно смышлёнными. Двое верзил встали и перегородили выход, а ещё трое обступили гостей. Главварь стоял чуть в стороне.

— Времена-то и правда голодные выдались, правда? — Варион аккуратно вытащил из-за пояса короткий меч. — Вот только зачем до такого опускаться? Пошли бы во Взморье, стали бы людьми Республики. Так нет, вам же свободы хочется! Дикари, что тут скажешь? Кстати, я обманул насчёт вашего товарища. Он уже не поднимется. И да, кое-что я всё-таки стащил.

Он знал, к чему шло дело. Понимая, что драки уже не избежать, он решил просто потянуть время, дать остальным возможность подготовиться.

Дикари атаковали первыми. Кто-то метнул в Вариона стул, но меткости ему не хватило. Лезвие меча бывшего ассасина вспороло кожаный жилет главаря, заставив того взреветь то ли от боли, то ли от ярости. Дикарь выхватил из-за пояса какое-то подобие кинжала и одним рывком оказался на расстоянии пальца от Вариона. Тот увернулся в сторону, пнул вождя под колено и метнул его за прилавок, остановив продавщицу, уже выхватившую топор для мяса.

Юральф тем временем уже уложил двоих нападавших, остудив пыл остальных. Дикари лишь покачивались в нескольких метрах от чужаков, пофыркивая и выкрикивая гадости. Ардук же, предпочитавший атаковать издалека, неуверенно отошёл к стене, старясь не мешать более умелому товарищу.

Встретившись взглядами с Новоградцем, Варион едва заметно кивнул в сторону выхода. Нужно было поскорее выбираться на улицу. Алледанец резко разорвал дистанцию до дикарей и саданул одному из них клинком по плечу. Остальные, рассвирепев при виде крови товарища, кинулись за убийцей.

Ардук почти в упор вонзил стрелу в неприкрытую спину одного из врагов и тут же взял

на прицел хозяйку мясного прилавка. Химера в это время заложил изящную дугу вокруг тлеющего очага и попытался поймать последнего дикаря на противоход. Тот ушёл в сторону и попал точно на выставленный клинок Юральфа.

— Валим, пока остальные не прочухали! — воскликнул бывший ассасин.

Друзья рванулись в объятия морозного воздуха, влетевшего им навстречу через приоткрытую дверь, но уже на пороге Химера почувствовал плотный удар по спине: оставленная в живых продавщица решила проводить его броском мясного топорика. Лишь чудом удар пришелся обухом.

Грязно выругавшись, алледанец продолжил бежать за товарищами, уже отбившимся от набежавших дикарей.

Вариону, отставшему от остальных, пришлось несколько сложнее. Отбившись от двух атак, он рванул в сторону чащи. Плотная зимняя одежда стесняла движение, из-за чего увернуться от третьей он уже не мог. Дикарь не был вооружён, но его широкий кулак выбил весь воздух из лёгких алледанца, заставив того упасть на колени.

Варион зажмурился и попробовал вдохнуть поглубже. Внутри всё словно загорелось, и огонь этот перекинулся с груди на живот, плечи, а затем и на голову убийцы. Вновь выхватив меч, он наотмашь рубанул с закрытыми глазами и к своему удовлетворению почувствовал, как клинок рассекает плоть врага.

Поднявшись, он добил дикаря точным уколом в шею. Сзади уже летел ещё один, но Химера не оставил ему никаких шансов. Дикарь так ничего и не осознал даже в тот момент, когда упал на снег, хватаясь за вспоротый живот.

Внезапно свет для Вариона померк, а затылок буквально закипел. К горлу подкатила волна тошноты, и утренний омлет тут же оказался на заснеженной земле. Выпрямившись, Химера открыл глаза и увидел сначала молот, разбивший ему голову, а потом и рыжеволосого дозорного, несущегося на него с выражением первобытной ярости на лице и изогнутым мечом в короткой руке.

За спиной дикаря возникла ещё одна фигура поменьше. Она вытянула вперёд руки и скрестила пальцы, изобразив причудливый знак. Рыжий вдруг остановился, словно невидимая лапа схватила его за голень, и рухнул в сугроб. Неистово матерясь, он поднялся, но Варион решил не терять время зря и встретил врага изящным ударом меча прямо под челюсть.

Вторая фигура тем временем приблизилась, и Химера смог разглядеть её. Перед ним стояла довольно высокая миловидная девушка лет восемнадцати в полушубке. Она испуганно смотрела на него большими изумрудными глазами.

— Ты... Ведьма? — Варион сделал шаг назад.

— Ты ранен, — тонко проговорила она, подходя к нему.

— Ерунда.

— Да нет же, у тебя кровь!

Варион осторожно коснулся рассечённого затылка и скорчился от приступа боли. Колдунья схватила его под руку.

— Садись, я помогу.

Убедившись, что преследователей больше не видно, Юральф присел на поваленный ствол сосны и отдышался. Он никак не мог понять, с чего это сражение вообще началось. Химера как всегда был у себя на уме.

Нашёл Вариона он почти сразу. Тот сидел на широком пне в компании юной девушки с волосами серыми, как пепел. Она приложила руки к затылку убийцы и что-то нашёптывала. Юральф ощутил лёгкое покалывание на коже.

— И что это такое было? — громко спросил новоградец, перешагивая через труп дикаря с пробитым горлом.

— Неплохая заварушка, — Варион хихикнул.

— Сиди смирно, — попросила девушка. Ей не было и двадцати.

— Как наш стрелок? — Химера насторожился. — Жив?

— Надеюсь, — Юральф не знал, куда подевался Ардук. Из деревни они ушли разными путями. — А это кто? Тоже из этих?

Девушка замерла и испуганно посмотрела на новоградца. Он знал, что вид у него сейчас был угрожающий: плащ в нескольких местах порвался, губа была разбита, а с обнажённого клинка капала кровь.

— Знакомься: ведьма с болот, — Химера рассмеялся и похлопал девушку по плечу, отчего та вздрогнула.

— Ведьма!?! — Юральф тут же принял боевую стойку. — Какого лешего ты с ней якшаешься?

— Она мне жизнь спасла, — убийца пожал плечами. — А потом ещё заговорила рану так, что даже боли теперь нет.

— А ещё она прокляла целый город, и за её голову дают четыреста шеленей!

— Вот тут ты не прав. Ведьмы тут не при чём. Расскажи ему.

— Охотники видели, как моя мать занималась ритуалами в лесу, — дрожащим голосом произнесла колдунья. — Она нашла падшего оленя и просто собирала его органы. Они хотели забрать его себе, но мать им не позволила. Заклинанием она обрушила несколько деревьев, те струсили и убежали.

— А потом придумали историю про ведьму-некроманта, поднимающую трупы, — Химера кивнул.

— Но они же все померли потом, — Юральф всё равно не хотел верить этим рассказам.

— Оленя, даже мёртвого, им выследить в тот день так и не удалось, — продолжил Варион. — Они пошли в деревню к нашим новым знакомым, хотели попросить у них мяса, да вот только им самим мало было. Те рассвирепели, но драться не решились.

— Потому что не такие отбитые были, как ты, — проворчал новоградец.

— Но им же нужно было куда-то гнев девать, — Химера оставил комментарий без внимания. — На выходе из деревни им попалось то самое капище. Они как следует отхлестали идолов копьями и топорами. Кто-то из местных это действие увидел и решил наказать. Уж не знаю, как именно. Моя ставка на то, что ночью дикари пробрались в город и отравили либо воду, либо скотину.

— Мама бы не стала проклинать их, ей бы было жалко тратить силы на мелких охотников, — сказала девушка, поправляя серые локоны.

— Хорошо, допустим так, — Юральф всё-таки убрал меч в ножны. — А с дикарями что за история?

— Помнишь отряд, который пошёл за ведьмой? — Химера протянул новоградцу небольшой медный жетон. — Вот, что от них осталось. Ну, ещё черепа среди отходов.

Юральф скривил лицо и накрыл рот рукой. В памяти всплыли необычно вида рёбрышки на прилавке.

— Так что сто шеленей у нас в кармане, — Варион не без труда поднялся. — Спасибо, подруга.

Девушка хотела что-то ответить, но замерла, когда из-за деревьев раздались голоса. По меньшей мере десять человек что-то не в лад голосили. Юральфу этот мотив был знаком.

— Чёртовы дикари, — сквозь зубы прошипел Химера, хватывая меч.

— Нет, — одёрнул его Юральф. — Я знаю эту песню, мы сами её пели в Чернополье. «Слепой генерал» — гимн армии Республики.

Новоградец вышел навстречу приближающимся всадникам, выставив вперёд раскрытые ладони.

— Да здравствует великий Новый Град! — воскликнул он.

— Да не угаснет огонь славы его! — прокричал командир колонны вторую часть армейского приветствия. — Как ты забрался в эту глушь, брат?

— Мы с товарищем пошли за дровами, да заплутали, — вступил в беседу Варион, старательно имитируя местный говор.

— Вот как, — всадник взглянул сначала на тела дикарей, затем — на окровавленный клинок Химеры. — В засаду попали?

— Да, хотели ребята поживиться, — соврал Юральф.

— А тебя, девочка, я помню! — оживился командир. — Ты же с деревни, да?

Колдунья неуверенно кивнула.

— Мы её как раз проводить хотели, — подыграл Варион.

— Дело ваше, — отмахнулся витязь. — Вы себя берегите. Мы, конечно, ведьму местную прикончили, но в Диких Землях и без неё опасностей хватает. Что ж, бывайте.

Колонна продолжила свой путь по заснеженному лесу. Едва они скрылись из вида, девушка упала наземь и накрыла голову руками. Юральф недоумённо взглянул на Химеру, но тот лишь покачал головой.

— Вставай, околеешь же, — Варион попытался поднять колдунью, но та отстранилась.

— Как убили? — всхлипывая, спросила она. — Убили ведьму? Мою мать? За что? Зачем? Она никого не трогала, не проклинала!

— А им об этом сказать забыли, — уныло пояснил убийца.

— Не верю! — девушка взревела и воздух вокруг неё всколыхнулся, потревожив галдящих на ветвях ворон. — Не верю!

Колдунья подорвалась с места и побежала сквозь бурелом. Чертыхнувшись, Химера побежал за ней, не оставив Юральфу иного выбора, кроме как последовать его примеру. Бежала девушка быстро и без усталости, ловко маневрируя между иссохшими стволами. Мужчины же то и дело застревали в высоких сугробах и запинались о корни и упавшие сучки.

Вскоре ведьма остановилась. Юральф ещё на подходе почувствовал резкий запах горелой древесины, так что его несколько не удивил вид пожарища посреди леса. Дом сгорел дотла, а стоящее рядом строение — видимо, баня — ещё пылало, выбрасывая в морозный воздух клубы едкого дыма.

Волшебница опёрлась на сосну и медленно сползла вниз. Она была не в силах сдержать слёзы, но и отвести взгляд от тлеющих брёвен тоже не могла. Варион встал рядом с ней и положил руку на худое плечо. Они молчали.

Когда Ардук добрался до крепости, глава гарнизона вышел лично, чтобы его встретить. Увидев, что гаальтец был один, Кромвур и подоспевший Янек разом пошатнулись. Ардук поспешил рассказать им всю историю. Закончил он тем, как сбежал из враждебной деревни, и добавил, что Юральфа с Варионом больше не видел. Ни живыми, ни мёртвыми.

Его долго отпаивали чаем и самогоном. Он сидел с горячей чашкой в тёплом полукруглом зале, пока Агата, что-то причитая, осматривала его на предмет ранений. Отогревшись, они вышли на смотровой балкон, где всё это время дежурил Янек. Вместе они смотрели вдаль, на замёрзшую Шанкару. Видели они лишь серое небо, безжизненный лес, птиц, кружащих над вершинами деревьев, да столб чёрного дыма.

Ардук не мог сказать, через сколько он увидел тёмные точки, движущиеся по белому полю. Он прищурился и разглядел три фигуры, прокладывающие дорогу через снежную пелену. Походку двух из них он узнал сразу.

Вскоре путники добрались до ворот крепости. Когда створки распахнулись, Ардук увидел серьёзного, но измождённого Юральфа, как всегда самодовольного Вариона и незнакомую девушку, испуганную и заплаканную. Их тут же проводили в полукруглую комнату.

Пока заваривался чай, Юральф поведал историю их злоключений в лесу с момента потасовки в деревне. Рассказал об осквернённых идолах, дикарях-людоедах и убитой сердамарскими витязями ведьме. Агата, осматривая затылок Вариона, отметила, что рана будто бы заживала по меньшей мере несколько дней.

Янек многозначительно посмотрел на Юральфа. Они отошли в коридор и о чём-то приглушённо спорили. Ардук вышел к ним, но успел услышать лишь часть разговора.

— У неё обесцветились волосы, — Вермейер ещё никто не выглядел таким недовольным. — Ты знаешь, что это значит? Знаешь? Чернокнижие. Так выглядят волосы тех, кто практикует чёрную магию. И ты хочешь, чтобы она ехала с нами. Думаешь, ты можешь командовать?

— Я не собираюсь командовать, — отрезал Юральф. Его узкие глаза словно стали шире. — Ты знаешь, как всё обстояло на самом деле. Девочка не виновата, что её мать убили по ложным обвинениям. Ей даже податься некуда! Ты уже однажды принял в отряд наёмного убийцу, за которым кровавый след тянулся до самого Годарана! Одно я знаю точно: её я тут не оставлю. Не хочешь брать? Тогда дальше без меня!

— Чёрт подери, Юральф, — Янек сжал кулаки. — Хорошо! Мы берём её под твою ответственность... Ардук? Ты что думаешь?

— Я верю Юральфу, — гаальтец посмотрел в глаза товарища и кивнул. — Если он не хочет её бросать, то и я не брошу.

— Да будет так, — Вермейер опустил голову. — Тогда уезжаем немедленно. Местные винят ведьму во всех грехах, и не хватало ещё, чтобы они узнали, что её дочь здесь, в крепости. Я поблагодарю Кромвура за гостеприимство, а вы берите девчонку и ждите меня у повозки.

Сборы заняли совсем немного времени, и вскоре повозка вновь прогрохотала по улицам Взморья под неодобрительные взгляды местных. Колдунья, казалось, совсем не понимала, что происходит. Она просто забилась в угол и, обхватив колени, уставилась в пол. С момента прибытия во Взморье она так и не сказала ни слова.

— Куда мы вообще едем? — устало поинтересовался Варион.

— Какая разница? — отозвался, лёжа на спине, Юральф. — Янек-то уж точно знает, куда путь держать. Главное, подальше отсюда.

Ардук промолчал. Он закрыл глаза, вдохнул запах пряностей и представил, что находится где-то далеко от холодных северных земель. Подальше от ведьм и людоедов.

Глава 2.

— Добро пожаловать в столицу Новоградского Востока!

Спустя почти неделю езды по снежным заносам отряд прибыл в Белоозеро. После северных пустошей это место казалось настоящей колыбелью цивилизации. Радостные торговцы встречали гостей на самом въезде в посад, хвастаясь изобилием своих товаров. Не обращая на них внимания, Янек направил повозку напрямик в центр города.

Попасть в кремль оказалось на удивление легко: Вермейер лишь показал охране какой-то свёрток, и те тотчас поспешили открыть ворота. Сам Янек при этом был немногословен: он лишь объявил общий сбор на следующий день, а до тех пор дал всем вольную.

— Не припомню, чтобы старик был таким злым, — заметил Ардук, разместившись в просторной трёхместной комнате под крышей гостевого дома.

— Я тоже, — Юральф кивнул. — Должно быть, что-то случилось во Взморье.

— Мы оба знаем, что именно. Кто.

Новоградец тяжело вздохнул и сел на скрипучую кровать. За всё время они едва ли услышали от Паулины хотя бы десяток слов.

— Нельзя было её бросать, — Юральф отстегнул ножны и бросил их на пол.

— Я с тобой согласен, ты же знаешь, — Ардук сел рядом с товарищем. Волосы его уже заметно отросли, и он стал похож на молодую копию Янека. — Думаю, нам пора развеяться.

Оставив оружие в гостевых покоях, товарищи отправились в город. Агата идти с ними отказалась, сославшись на усталость и желание разговорить Паулину. Та сидела на табурете у окна женской комнаты, не сводя глаз с беспокойных вод Белого озера. Химера же поспешил покинуть кремль ещё в первые минуты своего пребывания там.

Белозёрский посад был полон всевозможного люда: купцы деловито расхаживали вокруг своих лавок, стража скучающе караулила заснеженные улицы, а простой народ увлечённо занимался своими делами. Юральф вдохнул приятную смесь ароматов мяса, рыбы и жареных овощей.

Рыбу здесь можно было найти на каждом углу: её сушили, парили, варили, коптили, скармливали многочисленным кошкам. Бескрайнее озеро, давшее название древнему городу, не замерзло даже самой лютой зимой, так что местным рыбакам всегда было, чем заняться.

— Зеньки разуй, — вознегодовал молодой щербатый парень в дурацкой круглой шапке.

Засмотревшись на небольшую причудливую церковь, Юральф не заметил, как протаранил его плечом.

— Прошу прощения.

— У попов проси, — огрызнулся парень. — Я твои извинения в карман не положу.

— Расслабься, — посоветовал Ардук, понизив тон. — Не ищи неприятностей.

— А ты странно говоришь, — заметил щербатый. — Откуда будешь, чёрт тебя дерит?

— Издалека, — холодно проговорил гаальтец.

— Ну-ну, — парень сплюнул под ноги собеседника. — Ещё увидимся.

Местный зашагал в сторону кремля, оставив Ардука полушёпотом возмущаться насчёт

«оборзевшей шпаны». Юральф лишь про себя порадовался, что его товарищ не назвал своего истинного происхождения: после вспыхнувшей войны Гаальт в Республике не жаловали.

Устав от бесцельного шатания по людным улицам, друзья завернули в первый понравившийся кабак. Внутри царил запах дурмана и каких-то неизвестных Юральфу благовоний. Свободно было лишь несколько столов, и выбор их пал на дальний от входа угол.

Пышногрудая дама с золотистыми кудрями принесла им по большой кружке местного крепкого пива с пряностями. Уже довольно скоро им потребовалась новая порция, а затем и ещё одна. Окружающий гомон располагал к пьянству.

— Доброго вам вечера, молодые люди, — раздался тонкий женский голос. Юральф даже не заметил, как за их столом стало на одного человека больше.

— Приветствую.

Девушке было на вид чуть за двадцать. Она была одета довольно богато: расшитая кружевами голубая блузка с длинными рукавами, серебряная цепочка, виднеющаяся в её разрезе, необычного вида кольцо из чёрного камня. Кожа её была смуглой, а тёмные, как кольцо, глаза смотрели уверенно и слегка игриво.

— Вижу, вы тоже не местные, — она заказала себе пшеничного меравийского пива. Один из самых дорогих сортов.

— Это почему? — Юральф не торопился ей доверять.

— Здешние все по кучкам сидят, — девушка пожалала плечами. — Меня, кстати, Дейя зовут.

Мужчины переглянулись и представились в ответ.

— Юральф? — Дейя кокетливо накрутила тёмный локон на изящный пальчик. — Это в чью честь такое необычное для этих мест имя?

— В честь прадеда. Он из Скаальда.

— Неплохо, — оценила девушка. — А ты, Ардук, откуда будешь?

— Издалека, — гаальтец не торопился поделиться чем-либо с дамой. Всем своим видом он выказывал недоверие.

— Вот как? — Дейя качнула прелестной головой. — Послушайте, я так же, как и вы, никого тут не знаю. Я сама из Койвского княжества. Мой отец — видный дипломат, а мать... Она далеко. Работаю на крупное торговое общество Койва, занимаюсь закупками. Наш корабль сегодня ночует в Белоозере, а завтра уходит, пока река по новой не замёрзла. Вот. Я достаточно открылась?

Юральф кивнул, но намерений девушки всё равно понять не мог. Тем не менее, он решил открыться в ответ и поведал ей основные моменты своей жизни. Ардук в течение всего рассказа лишь иногда закатывал глаза да вздыхал.

— И что, вы просто колесите по миру? — Дейя выглядела восхищённой.

— Именно, — выпивка окончательно расслабила Юральфа.

— Так здорово! Сплошная романтика и никакой скуки! — девушка отхлебнула пиво и многозначительно облизнула губы. — А где вы остановились?

— В кремле, — буднично ответил новоградец, заставив собеседницу поперхнуться. — Что-то не так?

— Не так? Да вы, должно быть, важные шишки!

— Мы-то нет, — Юральф пожал плечами. — Зато у наставника нашего есть кое-какие связи. Мы и сами не в курсе.

Дейя хотела что-то ответить, но тут дверь кабака распахнулась, и в проёме появилась уже знакомая друзьям щербатая физиономия. На этот раз в сопровождении трёх товарищей покрупнее.

— Что за херня!? — парень обвёл трактир глазами и не обнаружил ни одного свободного стола.

— Спокойно, Двилен! — призвал из-за стойки пузатый трактирщик. — Народу нынче много.

— А кто, интересно, они такие, чтобы занимать наши места? — Двилен снял с пояса пузырьёк и сделал глоток. — Так, быстро вышли! Быстро!

Дейя лишь с улыбкой покачала головой и сказала что-то о местных нравах. Юральф же напрягся, жалея, что оставил оружие в комнате. Их с щербатым взгляды встретились.

— Твою-то мать! — взвизгнул Двилен. — Смотрите, кто здесь! Слепошарый идиот и его друг «издалека»! На моём месте сидят, пьют, потаскух обхаживают!

Юральф изо всех сил сдерживался, чтобы промолчать, но Ардук решил ответить.

— Мы пришли первыми, — его голос звучал как никогда жёстко.

— На моём месте! — не унимался парень.

— Пошёл вон, — Ардук до хруста сжал кулак.

— Нет, вот ты мне ответь сначала! Откуда будешь, далёкий?

— Свободное княжество Гаальта и Немфа, — реплика вызвала в зале бурю негодования. — Место, где неприято называть незнакомых женщин потаскухами.

— Гаальт значит, — Двилен торжествующе улыбнулся и обвёл взглядом бурлящий зал. — Тот самый Гаальт, что в нашей стране всё повыжег вокруг Чернополя, да ещё и с помощью чернокнижников? Получается, твои собратья наших убивали там, на войне?

— Я не ничего не имею общего с теми, кто там, — Ардук заскрежетал зубами.

— Это точно, ты, похоже, трус, — щербатый повёл носом. — Ты скажи мне лучше: много ли демонов в твоей заднице побывало? Говорят, в Гаальте это нынче нормально.

Воцарилась тишина, нарушаемая лишь хрустом костяшек гаальтца.

— Что-то не нравится? — Двилен ухмыльнулся. — Давай перетрём на улице.

Едва за местной шайкой захлопнулась дверь, Ардук сорвался со своего места под гул публики. Юральф виновато взглянул на Дейю, и последовал за другом.

Ардук стоял в переулке за кабаком, окружённый четвёркой шпаны. Трое из них обзавелись увесистыми корягами, а Двилен перекидывал из руки в руку небольшой нож.

— Как-то нечестно получается, — стараясь подавить нервозность, заметил Юральф. — Дали бы ему лук да отошли подальше, он бы здорово порезвился. Моя ставка: четыре выстрела — четыре трупа.

— Ты-то чего вылез? — пробурчал здоровяк с дубиной. — Тебя не звали.

— Друга в обиду не дам.

— Ух, какой честный нашёлся.

Юральф успел заметить, как скрытый во тьме переулка товарищ здоровяка делает замах. Не без труда уклонившись от тяжёлого орудия, он перенёс вес тела на левую ногу и обрушил тренированный кулак под рёбра нападавшего. Тот зарычал и тут же получил удар под челюсть, отчего пошатнулся и ударился в стену соседнего здания.

Сам здоровяк решил не терять времени и попытался огреть Юральфа по голове. Новоградец не успел уйти в сторону, и удар пришёлся по лопатке. Стиснув зубы, он перевернулся и пнул бугая по колену, выбив того из равновесия. Ардук к этому времени

обезвредил одного из амбалов и сейчас пятился в сторону товарища. Лезвие ножа смотрело ему прямо в грудь.

Из мрака переулка вышла тень. В свете далёкого фонаря блеснула сталь, Двилен схватился за живот и осел на землю. Его, слегка покачиваясь, обошёл Варион с презрительным выражением лица.

— Со спины... Нечестно, — проговорил Двилен. Его бок был весь вспорот и сочился кровью, но рана не выглядела смертельной.

— С честью мне не по пути, — Варион поправил волосы. — Но друзей моих трогать не позволю.

— Как благородно, — отметил не без уважения Ардук.

— Не за что, — Химера икнул и вытер губы. — Советую вам бежать, пока стража не подросла. Я их, если что, отвлеку.

— А сам? — спросил Юральф.

— Сбор ведь завтра в полдень, — Варион спрятал кинжал за пояс. — Там и увидимся.

Ассасин вышел на свет, показался подросшей стражей и принялся бежать. Едва они исчезли из поля зрения, Юральф и Ардук отправились на ту сторону переулка, где их уже ждала Дейя.

— А вы умеете отдыхать, — отметила девушка с коротким смешком. — Мне даже жаль, что я пропустила всё действие. Ну что, куда собираетесь?

— С меня хватит гуляний, — отмахнулся гаальтец. — До завтра.

— Будь осторожен! — крикнул ему вслед Юральф, но ответа не дождался.

— Итак... — Дейя выдержала многозначительную паузу. — Чем займёмся?

— Хороший вопрос.

— Пойдём, взглянешь на наш корабль, — девушка подмигнула. — У нас там и что-нибудь покрепче пива найдётся.

Ардук зачерпнул ещё немного горячей воды и выплеснул её себе на спину. В парилке гостевого дома ему удалось слегка успокоиться, но чёрные мысли продолжали терзать его сознание. Стоило ему закрыть глаза, он вновь видел долины и города Гаальта. Даже спустя почти год странствий по свету забыть горящие глаза простых бойцов, заражённых демонской кровью, было невозможно. Из них сделали монстров, пригодных лишь для войны.

— Ардук? Прости, я не знала, что ты уже вернулся.

В дверях парилки стояла абсолютно обнажённая Агата. Гаальтец сквозь толщу мыслей о родине отметил, что выглядела бывшая монахиня вполне хорошо для своего возраста: длинные каштановые волосы спускались с округлой головы на внушительную, пусть и слегка обвисшую, грудь, а широкие бёдра плавно переходили в стройные ноги, достойные любой молодой женщины.

— Ничего, — голос Ардука звучал безжизненно.

— Ты не против, если мы тоже попаримся?

Лучник поднял правую руку, как бы приглашая.

— Пойдём, — Агата высунулась за дверь и за руку привела в парилку Паулину.

Рядом с ней волшебница выглядела совсем крохотной. Лишь в последние пару дней она начала хоть что-то есть. Рёбра её выступали под небольшой острой грудью, а на плечах и

бёдрах, казалось, совсем не было «мяса».

Увидев Ардука, девушка испуганно застыла, но Агата успокоила её. Они сели на полок рядом с гаальтцем. Волшебница при этом усиленно делала вид, что никого, кроме неё, в парилке не было.

— Она по-нашему вообще понимает? — поинтересовался стрелок.

— Прекрасно, — Агата провела ладонью по белым волосам девушки. — Она просто слишком многое пережила. Ты же сам всё слышал.

Ардук кивнул. Историю о смерти ведьмы от рук витязей он знал хорошо.

— Вам не понять, — проговорила вдруг Паулина. — Всё, что я знала, было в той избе. Я прожила там семнадцать лет, выходя лишь до деревни. Мать никогда не брала меня с собой в города. А теперь нет ни дома, ни её.

— Я понимаю тебя, — слегка отстранённо сказала Агата. — Я жила в большом доме однажды. С родителями, братьями. А потом пришли плохие люди. Намного хуже тех, что были в лесу. Они забрали у меня всё, — женщина запнулась. — Всё, что было.

— Это правда? — Паулина слегка оживилась.

Агата кивнула. Колдунья положила ей на плечо худенькую ладонь.

— Мы все здесь такие, — тяжело произнёс Ардук. — Янек называет нас кораблями без пристани, поэтому мы и странствуем в открытом море. Мы все что-то потеряли. Родину, дом, любимых.

— Поэтому мы понимаем тебя, как никто другой, — продолжила Агата. — Поверь, с нами тебе ничего не грозит.

— Этот Янек меня ненавидит, — сказала Паулина, опустив голову. — Это из-за того, что я колдунья?

— У Янека в последнее время просто нет настроения, — пояснила бывшая монахиня. — Насколько мне известно, во Взморье он получил неприятные вести.

— Вот как? — Ардук встрепенулся.

Агата кивнула.

— Я мельком застала их разговор с Кромвуром. Они обсуждали гонцов с Севера, а затем попросили меня выйти. Выглядели они паршиво.

Стрелок задумался. Янек нечасто выказывал интерес к мировой политике, и эта его озабоченность выглядела по меньшей мере странно.

— Спасибо, — выпалила вдруг Паулина, поднявшись. — Спасибо, что не бросили меня в лесу, что не отдали в город.

— Ты не нас благодари, — Ардук вздохнул. — Это Юральф и Варион тебя привели, поручились за тебя. Мы лишь доверились их мнению.

— Они хорошие, — девушка кивнула. — Раз вы их друзья, вы тоже хорошие.

— Надеюсь, и ты станешь нашим другом, — Агата одной рукой обняла Паулину. — Добро пожаловать в отряд.

Юральф прикрыл глаза от удовольствия и упал на подушку. Он смутно помнил, как попал на борт торгового судна «Золото Дейна». Как от весёлой выпивки дело перешло к страстному сексу в каюте, он не помнил вообще.

Дейя подошла к столику и налила себе немного сока из графина. Юральф приподнялся на локтях и зачарованно следил за изгибами её тела. Голова его кружилась то ли от страсти, то ли от водки.

— Всегда пить хочу после этого, — пожаловалась девушка. — Сок будешь?

— Водки лучше.

— Думаю, тебе хватит, — она присела на край кровати и провела пальцем по животу Юральфа. — Ты же что-то говорил про важное собрание завтра.

— Точно, — подтвердил новоградец. — В полдень в кремле.

— А вот нужно оно тебе? — Дейя легла на бок, подперев прелестную голову ладонью. — Мы отдаём швартовы на рассвете. Тебе найдётся место, поверь. Мне как раз не помешал бы такой стражник, как ты. Сильный, храбрый, честный...

С каждым словом она опускала ладонь всё ниже и ниже. Где-то между храбростью и честью она, что называется, взяла Юральфа за живое.

— Не могу, — почти простонал он. — Я не могу предать Янека.

— Разве это предательство? — Дейя слегка прикусила нижнюю губу новоградца.

— Для меня — да, — он приподнял её и посадил на себя. — Янек принял меня, когда я думал, что всё потерял.

— Думаешь, без тебя они не справятся? — девушка дотронулась губами сначала до его груди, потом живота и, наконец, ещё ниже. — Тот парень, что помог вам в переулке выглядел надёжным. Пускай поработает за двоих.

— Нет уж, с Химерой я его не оставлю, — Юральф притянул Дейю к себе и вцепился губами ей в шею.

— Ты сказал «Химерой»? — девушка вдруг отстранилась. — Тем самым, который убил кучу народа в Западных королевствах? Но я слышала, что его казнили.

— Пытались, — новоградец пожал плечами. — Но зараза просто так не умирает.

Дейя поднялась, взяла бутылку с водкой и сделала большой глоток из горла.

— Спасибо за ночь, Юральф, — произнесла она. — Тебе стоит поторопиться в кремль, ведь завтра важный сбор.

Он с трудом поднялся, не понимая, что произошло. Ноги слушались его неохотно, а голова и вовсе словно пыталась отправиться в свободный полёт.

— Прощай, — сказала Дейя, когда он оделся и уже открыл дверь каюты. — Возможно, ещё свидимся.

Шатаясь и борясь с тошнотой, Юральф поднялся по широкой улице, ведущей от порта к кремлю. Когда он вошёл в гостевую комнату, Ардук уже мирно похрапывал в своём углу. Кровать Вариона осталась нетронутой.

«Вот сука, — подумал он в пьяном угаре. — Даже здесь мне всё испортил».

Проснулся Юральф от буравящего взгляда Ардука. Гаальтец выглядел свежим и отдохнувшим, в отличие от своего друга. Даже не смотря в зеркало, Юральф знал, что представлял собой жалкое зрелище: опухшее лицо, круги под пустыми глазами, ссадина под скулой.

— Сбор через полчаса, — объявил стрелок.

Стиснув зубы, новоградец поднялся. Желудок его тут же неистово зарычал, требуя положенный завтрак.

— Я взял тебе каши, — Ардук протянул деревянную миску, полную пшёнки с мёдом.

Юральф жадно накинулся на остывший завтрак, после чего умылся, оделся и уже в гораздо лучшем состоянии отправился в княжеские палаты. В малом зале, где должно было пройти собрание, во главе длинного стола уже сидел Янек, явно прошедший бессонную ночь,

Агата с неожиданно живой Паулиной о чём-то шептались по правую руку от него, а слева, подперев голову кулаком, скучал Варион.

— Я уж думал, ты не появишься, — сказал Химере Юральф.

— А опоздал в итоге ты, — ассасин подмигнул.

— Приступим, — прокашлявшись, начал Янек. Он дождался, пока все займут свои места. — Друзья, всё это время мы с вами бок о бок колесили по свету, искали своё предназначение. Теперь мы его нашли. Нам предстоит послужить высшей цели.

— Звучит серьёзно, — хихикнул Варион. Недобрый взгляд Вермейера его тут же успокоил.

— Великое Ханство пало сотни лет назад, — продолжил старик. — Однако, его тень вновь нависла над нами, пусть и несколько в ином виде. До того, как Онорское море покрылось льдом, разведчики из Взморья ходили по нему в Скаальд. Там состоялся совет Большого Севера. На него пришёл и король Грохтцегора, и император Годарана Люций. Но был там и посланник Чекетулая, великого хана южных степей и пустынь. Насколько стало известно, император Люций продал Раванскому ханству некий могущественный артефакт. Если это так, Чекетулай готовится к войне, и тогда первым под удар попадёт Койв. Проблема в том, что Вече не воспринимает угрозу всерьёз.

— Подожди-ка, — Варион поднял руку. — Ты же не думаешь, что нам под силу остановить Раванское ханство?

— Однозначно, нет, — Янек покачал головой. — Но мы можем передать князю Геровену то, что поможет ему и его народу в предстоящей битве.

Вермейер положил на стол увесистую шкатулку из чёрного дерева, стянутую цепью из серебра.

— Что это? — спросил Юральф.

— Это то, что помогло нам одолеть Рекалию тридцать лет назад. Это было нашим с Кромвуром и местным князем секретом и хранилось в самых закромах крепости Белоозера. Я не скажу вам, что внутри. Пока что. Но наш с вами долг — доставить шкатулку в целости и сохранности ко двору Геровена. Вы со мной?

Члены отряда переглянулись.

— Мы ведь корабли без пристани, — произнёс Юральф, поднявшись. — Нам не важно, куда плыть. И коль скоро у нас есть шанс совершить нечто важное, чем бы оно ни было, да будет так. Я с тобой, по-прежнему.

— Я тоже, — Ардук встал и кивнул.

— До самого конца, — присоединилась Агата.

— И я, — голос Паулины заставил Янека слегка вздрогнуть.

— Мы пойдём вместе, — Химера улыбнулся во весь рот. — Пока смерть не разлучит нас.

Глава 3.

"Во тьме, что каждые вечер падает на наши земли, живут те, кому чужды мы, наши чувства и наши ценности. Во тьме, что окутывает наши города своей пеленой, бродят те, кто питается нами и нашим страхом. Во тьме нет жизни — лишь погибель. Но никакая тьма не одержит верх над тем, кто целиком отдаётся Священному Свету. Истинно верующим открыты все пути".

Священное Писание Света. Книга Создателя.

Софья ускорила шаг, невзирая на боль и усталость. Судя по времени, до дома оставалось всего ничего, но огни её родного села были, казалось, всё дальше и дальше. Бедняга почти бежала, растрепав рыжие кудри, но силы быстро покидали её.

Она уже предчувствовала нагоняй от матери, за то, что вернулась так поздно. Софья часто бегала в соседнюю деревню Чёрный Бор, но впервые задержалась так поздно. До этого они с Оданом расставались засветло, и она успевала домой к ужину, но на сей раз их встреча затянулась допоздна. А стемнело по-зимнему рано.

Одан представлял собой всё, о чём только могла мечтать простая пятнадцатилетняя девчушка из деревни в глухих полях. Ему было почти двадцать, он работал с отцом на большом участке, умел первоклассно валить деревья, выгонять скот, рубить мясо. А ещё он выглядел как настоящий князь: высокий, с крепкими жилистыми руками, волнистыми светлыми волосами и глазами василькового цвета. Он давно хотел познать её всю, и в этот раз Софья была не в силах противостоять его чарам.

Ночь становилась всё холоднее, а тонкий проеденный молью полушубок не мог полностью защитить её от пронизывающего ветра, дувшего со стороны озера. Через тонкие подошвы она чувствовала каждый камешек на дороге, на что ступни то и дело отзывались пульсирующей болью.

Днём путь до Чёрного Бора занял у неё от силы полчаса. Домой же она не могла попасть уже по меньшей мере час. Заблудиться было невозможно: Софья шла по единственной в округе дороге. Серая стена безжизненного зимнего леса оставалась по левую сторону, справа же простирались укрытые снегом поля. Она знала этот путь как свои пять пальцев.

Огни села оставались всё так же далеко, и Софья почувствовала, как глаза наполнились слезами. От бессилия ей хотелось упасть на холодный грунт и зарыдать. С самого детства она слушала истории о тех, кто таится в ночи: упыри, кровопийцы, некроманты, а также более привычные, но не менее опасные волки и медведи. Девочка со всей силы закусила губу, чтобы случайным звуком не привлечь какого-нибудь шатуна.

— Софья! — раздалось в ночи.

Она замерла и огляделась. Вокруг было ни души.

— Милая моя! — голос стал ближе. Софье он показался до жути знакомым.

Она неуверенно шагнула вперёд.

— Куда же ты? — раздалось за самой её спиной. Теперь она узнала голос. — Одари меня поцелуем, дорогая, и я согрею тебя!

На мгновение ей захотелось повернуться и поприветствовать свою любовь. Однако она с большим трудом могла верить, что Одан следовал за ней от самого Чёрного Бора. Да и «милой» он никогда её не называл.

— Повернись! — голос исказился и задрезжал, словно битое стекло.

Собравшись с силами, Софья сорвалась с места. Она бежала, забыв про боль, и слышала за спиной чьи-то быстрые шаги. Огни деревни становились теперь всё ближе и ближе, заставляя её сердце биться всё чаще.

Впереди появился силуэт. Долговязый мужчина стоял посреди дороги, положив ладони на бёдра, и слегка покачивался из стороны в сторону. Софья не рискнула звать на помощь: было в этой фигуре что-то пугающее. Наверное, его излишне спокойный вид. Слишком спокойный для того, кто в одиночку ушёл в ночное поле посреди зимы.

Девушка сошла с дороги и направилась в лес. Окончательно выбившись из сил, она забежала за ствол могучего дуба, упала на колени и зажмурилась, ожидая услышать над ухом тяжёлое дыхание.

Ничего не произошло. Софья поднялась и осторожно, стараясь не шуметь, вышла из-за дерева. Дорога была совсем близко, а по ней быстрым шагом шёл человек. Он был иным, чем тот спокойный. Этот силуэт здорово сутулился и явно куда-то спешил. Шёл он прямо навстречу тому, что преследовало Софью.

Дождавшись, когда шаги стихнут, девушка выбралась из леса и поспешила домой. Село было уже совсем близко, она даже чувствовала запах горящих в нём костров. В их доме горела лучина. Для Софьи это было плохим знаком. Она уже видела испуганное лицо матери, суровую отцовскую походку, розги в его руках.

Войдя внутрь, она лицом к лицу столкнулась со старшим братом. Барв дежурил у порога с массивным топором в руках. Вид у него был испуганный.

— Ты где шатаешься, чёрт возьми? — Барв приставил топор к бревенчатой стене. — Мы тут уже все переволновались.

— А матушка?

— Она выпила настой и уснула, ей отец велел, — брат показал короткой рукой в сторону родительской кровати. — Ты бегала к тому гаду с Чёрного Бора, да?

— Он не гад!

— Замолчи, — шикнул юноша. — Бабка-ведунья сегодня приходила в церковь. Знаешь, что она молвила? Говорила, будто слышит, как лешие в лесу кричат. Сказала, в поля не соваться, особенно ночью.

Софья мысленно вернулась в рошу у дороги. Сейчас она вспомнила странное чувство, возникшее, когда она выбиралась обратно на дорогу. Словно кто-то буравил взглядом её спину.

— Отец-то где? — продолжил Барв уже спокойнее. — Скоро зайдёт? Ох, не знаю, что было бы, не найди он тебя...

— Отец? — девушка вздрогнула. — Никто меня не находил, я сама пришла.

— Что? — брат вновь забеспокоился. — Он уложил мать спать, мне велел стоять на стрёме, а сам пошёл за тобой. Сказал, пойдёт по дороге. До самого Чёрного Бора, если потребуется! Ты что, его не видела?

Софья с ужасом вспомнила сутулую фигуру, прошедшую мимо неё прямо навстречу беде.

— Не видела, — соврала она.

— О, Светоносные, — Барв накрыл голову широкими ладонями. — Нет, всё с ним будет в порядке! Не может быть иначе! Вот только он теперь и правда до Бора пойдёт, раз тебя не нашёл.

— Что нам делать?

— А что поделаешь? Спозаранку пойдём за ним, объясним, что да как. А тебя надо выпороть за такое! Раз он не может, я сам это сделаю.

— Не надо! — взмолилась Софья.

— Быстро!

Опустив голову, она повесила полушубок на гвоздь. Брат зашёл в горницу, а вернулся оттуда с охапкой ивовых розог. Под его тяжелым взглядом она прошла к высокой деревянной тумбе и, опёршись на неё руками, согнулась и задрала своё серое платье.

Пока Барв хлестал её розгами, она плакала. Но не от боли. Она снова вспомнила тяжёлые шаги за спиной, тёмный силуэт на дороге и отца, бегущего прямо на него. Мысленно она молила Светоносных о том, чтобы утром отец пришёл и отхлестал её ещё сильнее. Главное, чтобы пришёл.

Янек очень редко доверял кому-либо, кроме себя, управлять повозкой. Даже во время долгих перегонов он до последнего отказывался идти спать. Тем не менее, иногда он всё же уступал место на козлах. Правда, не всем.

Юральф был одним из тех, кто изредка удостаивался чести вести отряд вперёд. Всё из-за того, что новоградец сразу поладил с обоими скакунами: пегим Свистом и гнедым Разбегом. Бывало, во время стоянок он мог провести целый час, расчёсывая и подкармливая лошадей. Всё это он полюбил ещё во время обучения в чернопольской казарме.

Очередным морозным утром, когда Янек решил-таки вздремнуть, Юральф гнал лошадей по извилистой дороге сквозь заснеженный бор, иногда согреваясь белозёрской водкой из потёртой фляги.

Когда покрывавшие повозку олени шкуры раздвинулись, новоградец поспешил спрятать выпивку. Янек любил, чтобы на козлах сидел трезвый человек. Однако наружу показалась не его покрытое седой щетиной лицо. Паулина слегка улыбнулась при виде Юральфа и заняла место по правую руку от него.

— Не против? — спросила она.

— Всегда рад компании, — новоградец пожал плечами. — Как ты себя чувствуешь?

— Намного лучше.

— Мы правда переживали, когда ты с нами не разговаривала и ничего не ела.

— Просто я вас боялась. Думала, вы такие же как... — девушка поёжилась. На ней была надета лишь лёгкая туника. — Не важно. Теперь я вижу, что вы совсем другие.

— Рад слышать, — Юральф улыбнулся. — Тебе что, не холодно?

— Я не мёрзну, — спокойно ответила волшебница.

Путь они продолжили в тишине. Паулина при этом не спускала глаз с окружавших тракт стройных сосен. День выдался пасмурным, и бор смотрелся угрожающе под крики многочисленных ворон.

— Плохой лес, — отстранённо произнесла колдунья.

Юральф вопросительно изогнул брови.

— Мёртвый, — пояснила Паулина.

Новоградец лишь поёжился и подогнал лошадей. Вскоре они пересекли небольшую

деревеньку, после которой лес закончился. Дорога круто завернула налево и вышла к заснеженному полю.

Спустя несколько минут Юральф заметил впереди стаю ворон. Те кружили прямо над дорогой, и их скрежещущий крик эхом разлетался по округе. Приблизившись, лошади задёргались и остановились. Среди вороха перьев распластался труп.

Юральф схватил меч и прыгнул на дорогу. Он попытался разогнать ворон, но те никак не хотели делиться добычей. Тогда Паулина подняла правую руку, что-то прошептала и крылатые падальщики вмиг разлетелись по сторонам.

Тело принадлежало взрослому мужчине. Одет он был просто: рваная дублёнка, штопанные штаны и сапоги с отваливающейся подошвой. Единственными ранами были следы от вороньих клювов на щеках и шее. На лице бедолаги застыло выражение полнейшего ужаса.

— Кто же его так? — Химера подкрался незаметно.

— Точно не разбойники, — Юральф покачал головой.

— Что делать будем? — Варион сплюнул в сторону леса.

— Бросать на дороге нельзя, — произнёс из-за спин Янек.

— С собой повезём? — Химера скорчил недовольную физиономию. — Новый член отряда, так сказать?

— Не носи вздор, — Вермейер занервничал. — Чуть дальше по дороге есть село, отвезём его туда.

Решив дальше не спорить, Варион притащил большое льняное полотно и с помощью Юральфа завернул в него тело. Погрузив труп в повозку, отряд продолжил движение и уже скоро вышел к частоколу, окружающему село.

Янек вновь занял своё место и повёл лошадей мимо одинаковых бревенчатых избушек к центру села. Люди, занимающиеся своими обыденными делами, никак не отреагировали на их появление, зато стайка собак, почуяв мертвечину, увязалась за повозкой.

— Мы что, выгрузим его посреди рынка? — спросил Юральф, когда Янек дал лошадям команду остановиться.

— Ради всего святого, прекратите задавать idiotские вопросы, — Вермейер поморщился. — Сегодня день поклонения, и почти всё село можно найти в одном месте.

Он указал на стоящую напротив деревянную церковь с одним куполом. Юральф кивнул. Вся жизнь маленьких новоградских сёл крутилась вокруг храмов. Вместе с Янеком и Агатой они прошли через низкий проём.

Внутри пахло воском и потом. Несколько десятков людей обступали пьедестал, с которого глубоким басом пел священник в простом чёрном одеянии. Некоторые падали на колени, но большинство просто стояло, уставившись в пол. Агата прошла в передние ряды и сложила руки на груди.

Священник закончил молитву воззванием к Светоносным и хотел было уже удалиться, но Агата подозвала его к себе и что-то прошептала на ухо. Служитель удивлённо покосился на неё, затем кивнул и обратился к прихожанам.

— Братья и сестры! Прошу минуту вашего внимания! Сегодня к нам в село прибыла служительница Светоносных из далёкого монастыря в Яропольском княжестве. Она говорит, что на дороге от Чёрного Бора обнаружено тело некоего мужчины. Нет ли среди нас тех, кто потерял кого-то сегодня ночью?

Толпа возбуждённо загудела. Люди озадаченно оглядывались по сторонам, и лишь одна

женщина замерла на месте и затряслась, всхлипывая. Священник положил руку ей на плечо и попросил проследовать за Агатой.

Женщине было едва ли больше сорока, но на лице её уже проявились глубокие морщины. Её вывели из церкви и направили прямо к повозке. Увидев лицо мертвеца, она заревела ещё сильнее.

— Это мой муж! — прокричала она. — Филь, мой муж!

— Спокойно, — Янек аккуратно обнял её. — Ужасная потеря, но слезами ты ему точно не поможешь. У тебя есть дети?

— Двое, — мысль о детях заставила женщину чуть успокоиться.

— Тогда ты должна быть сильной, — Вермейер взглянул ей в глаза и продемонстрировал свою теплейшую улыбку. В последнее время он так делал очень редко.

Отряд отвёз женщину с телом мужа к дому на окраине села. Священник тоже изъявил желание поехать. Изба эта ничем не отличалась от остальных: почерневшие брёвна, косо́й забор, захламлённые сени. Внутри их ждал невысокий рыжий парень и его веснушчатая сестра. Узнав печальные вести, сын обхватил голову руками, а дочь поспешила залезть на печь, накрылась одеялом и отвернулась к стенке.

— Полагаю, надо двигаться, — произнёс Варион, стоя в дверях. — Нам ещё Койв спасать.

— Не торопись, — Ардук вошёл в избу и положил руку на плечо убийцы. — Что-то тут нечисто, надо выяснить.

— Согласен, — Юральф вздохнул.

— Нечего тут делать, — Химера напрягся. — По всему миру люди нынче умирают.

— Ты видел его лицо? — новоградец перешёл на полусёпот. — Он не просто умер. Уверен, тут замешана нечисть.

— И давно мы в истребители нечисти записались? — не унимался ассасин.

— Мы помогаем людям, — Юральф заметил, что хозяйская дочь повернулась к ним. — Ты сам назвал нас отрядом спасения, помнишь?

Янек всё это время стоял в углу, скрестив руки на груди.

— Что скажешь? — обратился к нему Ардук.

— Конечно, нам нужно спешить в Койв, — произнёс Вермейер. — Но, если вы чувствуете, что здесь творится что-то неладное...

— Да, творится! — вмешался в разговор Барв. — Бабка предупреждала! Она говорила!

— Какая бабка? — переспросила Агата.

— Бабка-веду́нья, — пояснил священник, сморщившись. — Сумасшедшая колдунья, живёт на отшибе. Вечно говорит ересь.

— Не ересь! — возмутился хозяйский сын. — Она говорила не приближаться к лесу по ночам! Говорила!

— Забудь о ней, — посоветовал святой отец, коснувшись ладонью головы юноши. — Она просто спятила и ищет людского внимания. Давно надо её отдать под княжий суд!

— Скажите, батюшка, — Янек подошёл вплотную к священнику. — Вы не верите в чертовщину?

— Я верю, что Свет защищает тех, кто ему верен, от всякой заразы.

— Как нам найти эту бабку? — спросил Юральф.

— Вы совершаете очень большую ошибку...

— Отвечайте на вопрос, — холод в голосе Янека заставил священника вздрогнуть.

— Она живёт за кладбищем, — сообщил Барв. — Найти её легко.

Оставив скорбящую семью с Агатой и Янеком, Юральф пешком отправился к ведунье в компании Вариона, Ардука и Паулины. Девушка буквально горела от желания увидеть кого-то подобного ей. С момента гибели матери других ведьм она не встречала.

Домик старухи находился в жутком месте. За сельским частоколом начиналось довольно большое кладбище, одним концом упирающееся в холм, на вершине которого в тени раскидистой ивы стояла покосившаяся изба с заколоченными окнами. Звуки живых существ затихли: лишь ветер скрипел сухими ветками.

Ардук остался у ограды погоста, держа наготове лук. Остальные трое двинулись к зловещему дому. Входная дверь пронзительно заскрипела, когда Варион бесцеремонно распахнул её. Юральф на мгновение замер и продолжил путь, лишь убедившись, что их никто не встречает.

Внутри избы царил полумрак и лёгкий запах гнили. На столе посреди горницы горело несколько чёрных свечей, чьё пламя выхватывало из темноты кучи тряпья и всевозможной утвари. Паулина смотрела на всё это с неким благоговением. Химера пересёк комнату, осмотрел содержимое высокого стеллажа и взял широкую покрытую рунами серебряную чашу, как бы прицениваясь.

— Положи, где взял, — прошипела хозяйка избы. Тряпье в одном из углов зашевелилось и среди обрывков шерсти показалось сморщенное лицо. — Ты всяко не знаешь, как с ней управляться.

— Здравствуй, бабушка, — Химера пытался выглядеть спокойно, но чашу всё вернул на место. — Я так, посмотреть.

— Чего вам надо тут? — старуха поднялась, скрипя костями.

— На чай зашли, — Варион натянуто улыбнулся.

— Мы насчёт того, что творится в лесу, — Юральф поспешил прервать нерадивого соратника.

— Вот как, — бабка скрипуче рассмеялась. — Так, а чего там творится? Меня же вечно спятившей величают. Поп местный вообще велел изгнать, а то и камнями побить. Негоже мол меня слушать.

— Мужчина из деревни погиб сегодня ночью на дороге, — продолжил новоградец. — Мы уверены, что от лап нечисти.

— Вот как?

Старуха прокашлялась и подошла поближе к свету. Вид у неё был страшный: один глаз затянуло белой пеленой, зубы почти все сгнили, а на маленьком носу торчала огромная волосатая бородавка. Юральф неосознанно нащупал рукоять меча.

— Ты не волшебница, — произнесла вдруг Паулина. — В тебе нет энергии.

— Энергии? — бабка вновь рассмеялась. — Энергия есть во всём, дорогая моя. Нет, сжечь дом силой мысли или призвать молнию я, конечно, не могу. Тут ты права: я не волшебница.

— Тогда кто же ты? — не понял Юральф.

— Человек, — ведунья подошла к нему, источая зловоние. — Такой же человек, как ты или ваш товарищ, что стережёт снаружи. Только вот я додумалась глянуть на мир шире. Оказалось, не нужно рождаться с неким даром, чтобы стать частью неизведанного мира. С ним можно подружиться.

— И ты подружилась с тем, что живёт в лесу? — настороженно спросил Химера.

— Там живут лешие, не более того. С ними подружиться легко. Они ведь хотят-то только лес свой защитить. А сам бор уже давно мёртвый. Ты то, девочка, уже наверно почувяла это: ни дриад, ни нимф: только лешие. А они зла уж точно не желают селянам.

— Но мужик-то умер, и явно не от рук разбойников, — стоял на своём Юральф. — И нашли мы его у самого леса, на дороге.

— Вот именно, — бабка повысила голос. — Около леса, а не в нём. Лешие из бора не выходят. Его убило то, что живёт на полях. Я слышала, как лешие кричали об этом.

— Кто же это?

— А вот ты сам и спроси у них.

— У леших?

Вместо ответа старуха подошла к одному из своих шкафов. Что-то приговаривая, она порылась в нём и достала небольшую сучковатую ветвь. Поводив ей перед своим носом, ведунья довольно причмокнула.

— Подожди это в лесу, и леший выйдет, — голос бабки звучал как-то потусторонне. — Там и получите ответы. Мне же вам больше нечего поведать.

— Спасибо, — Юральф кивнул.

— Ты мне вот в чём подсоби, — оживилась вдруг старуха. — Коль найдёшь эту мерзость, скажи селянам, что я-то права была. Особенно попу этому. Ух, как он меня не любит.

— Обязательно, бабуль, — Химера загоготал. — Ну что, лешего пойдём искать?

— Он почти догнал меня, — призналась Софья после получаса вопросов. — Я слышала, как он бежит. А там, на дороге, другой был. Станный. Стоял ровно, будто ждал меня. Я — в лес, а он за мной не пошёл почему-то. И тогда там отец пробежал. Я же не знала...

Она уткнулась Агате в грудь и заплакала. Монахиня вопросительно взглянула на Янека, но тот лишь пожал плечами и отхлебнул сбитня. Ребята ушли к ведунье уже почти час назад. Слегка оправившись от горя, хозяйка предложила гостям перекусить.

— Что угодно могло быть, — Вермейер захрустел баранкой. — Я хоть и долго путешествовал, с нечистью стараюсь не связываться. Люди мне как-то роднее.

— Что же ты, дитя, молитвой не пыталась защититься? — священник сидел за столом, но к еде не притронулся.

— А что ваша молитва, отец Сарий? — насупившись, спросил Мерв. — Не думаю, что сам Священный Свет опалил бы этого упыря.

— Вот такое неверие и погружает наш мир во тьму, — Сарий вздохнул.

— А те трое, что до этого пропали? — не унимался хозяйский сын. — Они-то где? Небось тоже этот гад их слопал.

Устав от споров и плача, Агата вышла на улицу. Свист и Разбег мирно дремали у крыльца, не обращая никакого внимания на бродящих вокруг кур. Монахиня вдохнула полной грудью и почувствовала лёгкий запах кострища. Где-то вдалеке раздавались звонкие детские голоса вперемешку с редкими возгласами взрослых. На мгновение она словно вернулась на улицы старого доброго Редвана.

— Что же ты, сестра, меня не поддержала? — отец Сарий подкрался незаметно.

— Простите, батюшка, — Агата опустила голову. — Слишком много Светоносных было в моей жизни. Иногда хочется забыть о прошлом.

— Прошное, дорогая сестра — это то, что делает нас такими, какие мы есть. И уж от

него нам точно не сбежать.

Он потрепал её по плечу и зашагал прочь от избы. Агата достала из-под плаща маленькую шкатулку, взяла самокрутку и закурила. Дым тут же ударил ей в голову, заставив забыть хотя бы на минуту о мертвецах на дороге и Светоносных.

Ветка зажглась только с третьей попытки. Химера скривил лицо и напомнил, что спичек у него осталось всего-то ничего. Юральф не обратил на него никакого внимания. Сейчас его волновали более важные вещи.

Они стояли на опушке посреди замёрзшего бора. Ветер завывал, поднимая вихри снега и заставляя ёжиться всех, кроме Паулины. Девушка стояла неподвижно, уставившись в пустоту.

— Не придёт никакой леший, — отмахнулся Варион. — Облапошила нас старуха.

— Тсс, — Ардук поднёс палец к лицу. Юральф знал, что слух и зрение у гаальтца были острее, чем у остальных членов отряда.

Где-то хрустнула сухая ветка. Стайка клестов зашелестела крыльями. Ароматный древесный дым наполнил лёгкие, вызвав лёгкое головокружение. Юральф принял чуть более широкую стойку, направив остриё меча кверху.

— Опустит оружие, сынок, не заставляй меня сердчать, — глубокий низкий голос заставил новгородца вздрогнуть.

На опушку вышел сутулый старик в длинных зеленоватых лохмотьях и с сухими листьями в спутанной бороде. При ходьбе он опирался на длинную палку с острым нижним концом. Глаза его излучали необычный зелёный свет.

— То-то же, — леший довольно улыбнулся, когда Юральф спрятал меч в ножны, а Ардук опустил стрелу. — Ну, зачем пожаловали?

— Вопрос у нас есть, — произнёс Юральф.

— Слушаю.

— В поле завелся какой-то монстр, убил по крайней мере одного сельчанина. Бабка-ведунья сказала, вы можете знать, кто это.

— Ырка, — в голосе лешего слышалось презрение. — Полевой чёрт. Мы его почуяли ночей эдак двадцать назад. Повеяло его гнилью издалека... Опасный он.

— Ырка так ырка, — Варион пожал плечами. — Как найти его?

— Он сам всех находит, — лесной дух тяжело вздохнул. — Днём его не сыщешь, а появляется он только ночью. И тогда наступает его время. Он находит заплутавшего человека, манит его, зовёт знакомым голосом. Стоит с ыркой заговорить — всё, считай пропал ты. Не выгонишь его уже из головы. Догонит, выпьет всю кровь. Только в лес он зайти не может. Боится он нас. Боится деревьев.

— Откуда он вообще берётся? — спросил Ардук, опасливо оглядываясь.

— Заблудшая душа, — леший присел на сухой пень. — Только вот охотится он не один. Только появившись, ырка ищет себе помощника. Он высасывает из бедолаги душу, и так появляется уртух. Он во всём помогает ырке и к тому же не боится ни деревьев, ни леших. Ходит весь в чёрном, а на месте души пустота. Так что лучше сторонитесь ночных полей.

— Нет уж, — отрезал Юральф. — Прятаться мы точно не будем.

— Именно, — поддержал Химера. — Как эту тварь убить?

— Убить? — дух захохотал. — Уж явно сложнее, чем вас. Бросьте вы эту затею да идите своей дорогой.

Больше лесий не сказал ни слова. Лишь поднялся и, кряхтя, скрылся среди стволов и веток. Отряд же поспешил обратно сквозь чащу. Несмотря на все уверения хозяина леса, Юральф был настроен серьёзно.

Янек их затею поддержал неохотно. Ему явно не терпелось вручить великому князю Геровену свой тайный груз, а ночёвка в Светом забытом селе шла вразрез с этим планом. Агата же проявила большую решимость и даже захотела присоединиться к ночному походу.

— На закате выходим, — объявил Юральф отряду, собравшемуся во дворе перед избой. — Будет тяжело, но мы должны выстоять.

— Как скажешь, генерал, — Варион наигранно приложил кулак к груди.

Стемнело довольно скоро. Отряд вышел на дорогу ещё засветло и распределился по разным её участкам. Ардук занял место в роще, откуда простреливалась большая часть тракта. Однако опускающаяся тьма могла стать серьёзным препятствием для стрелка.

Чуть правее от него, прислонившись к сосне, сидела Паулина. Юральф и Варион же затаились вниз по дороге, ближе к селу. Ардук не видел друзей, но чувствовал их присутствие.

Агате досталась самая сложная роль. Ей, как и маленькой Софье днём ранее, предстояло выйти одной на тёмную тропу и идти вперёд, невзирая на страх. На всякий случай Янек выдал ей маленький серебряный кинжал, но полагаться на него было бы легкомысленно. Ардук смазал наконечник стрелы зажигательным маслом и приготовился.

Агата тяжело вздохнула и прошла мимо частокола. Отряд ушёл из села около часа назад и уже наверняка занял свои позиции у тракта, но ей всё равно было боязно. С большим трудом она заставила себя сделать первые шаги по сумрачной дороге.

Вскоре из села перестали доноситься какие-либо звуки: не стало слышно ни стука инструмента, ни гула пьяниц. Лишь ветер, шелест веток и крик кружащих высоко в чёрном небе ворон. Птицы ждали добычу.

Агате казалось, что она идёт уже целую вечность. Товарищей она не видела, но успокаивала себя тем, что ырка не увидит их тоже. До самого последнего момента, когда сталь пронзит тело чудовища.

Вдалеке раздался душераздирающий крик. Агата нащупала рукоять серебряного кинжала под накидкой и затаила дыхание. Она чувствовала на себе чей-то взгляд, и этот кто-то был в поле.

Из темноты впереди вынырнула фигура. Монахиня выхватила клинок и направила его в сторону силуэта. Человек замер и поднял руки кверху. Он сделал шаг вперёд и в тусклом свете луны стало видно худощавое узкое лицо отца Сария.

— Сестра? — голос священника дрожал. — Что ты делаешь на дороге в столь поздний час?

— Вышла прогуляться и заплутала, — Агата постаралась изобразить улыбку. — Какое счастье, что вы тут. А то ведь люди погибают.

— Но я-то ещё жив, — Сарий рассмеялся. — Нечисть не властна над теми, кто в неё не верит. Она живёт в наших головах.

— А вы сами откуда идёте? — попятившись, спросила монахиня.

— Из Чёрного Бора вестимо. Меня попросили провести службу по одному почившему старцу. Пойдём же, сестра: я доведу тебя до села.

Сделав первый шаг, священник вдруг вскрикнул и упал на дорогу. В бедре его торчала рукоять лёгкого метательного ножа. Раздались шаги, и на дорогу вышли Варион и Юральф с горящими факелами. В их свете осунувшееся лицо Сария выглядело почти мёртвым.

— Что это было? — воскликнула Агата.

— Это был Химера, — пояснил Юральф слегка виновато. — Чутьё, говорит.

— Ещё какое, — Варион кивнул и достал из-за пояса короткий меч. — Ну что, отец, расскажешь? Чего в поле-то делал?

— В каком поле? — прохрипел Сарий, безуспешно пытаясь подняться.

— Да у тебя ноги по колено в снегу! — ассасин пнул священника по голени. — Давай, батюшка, говори! Или тебя можно называть уртуком?

— Откуда ты... — святой отец захрипел, голос его исказился.

— Говорю же, чутьё, — Варион вытащил нож из бедра Сария, заставив того заскулить от боли. — Где господин-то твой?

Священник молча показал дрожащей рукой в поле.

— Зови, — приказал Юральф, сурово сдвинув брови. — Быстро.

— Не могу...

— Можешь, — Паулина появилась незаметно. — Я чувствую вашу связь.

— Быстро, — повторил новоградец.

Сарий с трудом поднялся на колени и широко раскинул руки. Глаза его загорелись потусторонним светом. Он издал нечто похожее на рык, и что-то из глубины полей ответило ему.

Отряд тем временем отошёл в сторону. Агата осталась одна. Она стояла, не в силах пошевелиться, и чувствовала, как что-то приближается к дороге. Сердце билось всё чаще.

Около самой дороги существо замедлилось. Агата видела, как два демонических мутно-жёлтых глаза замерли у обочины, изучая её. Затем грунт захрустел, и перед ней возник сам Ырка.

Ростом он был примерно с неё, но при этом сильно горбился. Из одежды на нём лишь болтались истлевшие тканевые обрывки вокруг шеи. С головы до ног он был покрыт гнилыми пятнами, а из плеч и бёдер торчали кости.

Агата попятилась к лесу. Ырка издал скрипящий звук и двинулся за ней. В голове её при этом стали появляться предательские мысли: «Остановись, не бойся. Он не желает тебе зла, стой...».

Пылающая стрела просвистела в ночи, вонзившись в грудь чудища. Ырка взревел и попытался её вытащить, но тут же получил вторую в живот. Ардук знал своё дело. Чья-то сильная рука схватила Агату за запястье и отвела в лес. Мимо неё пробежал Юральф с мечом наперевес.

Ырка ещё пытался сопротивляться, но вскоре его крики затихли. Монахиня вместе с Варионом и Паулиной вышла на дорогу. Посреди тракта лежали два тела: Сарий, тяжело дыша, смотрел на звёзды, а Ырка не подавал никаких признаков жизни. Тело уродца было вспорото от живота до глотки.

— Ну вот, упырь, ты и сдох, — объявил Варион, триумфально водрузив высокий сапог на грудь чудища.

Ырка не сдох. Издав резкий вопль, он схватил полуразложившейся лапой голень убийцы и дёрнул на себя. Лицо Химеры оказалось на расстоянии одного пальца от морды чудовища.

Раздался хлюпающий звук и Варион затрясся в конвульсиях. Юральф в прыжке

попытался пронзить ырку мечом, но тот перекатился в сторону, ломая древки воткнутых в него стрел, и вскочил на ноги, словно не было никаких ранений.

Новоградец рубанул наотмашь, но тварь оказалась стремительнее. Ырка прыгнул вперёд и снёс Юральфа с ног. Ещё одна стрела вонзилась в плечо уродца, но тот не обратил на неё никакого внимания. Гниющие пальцы сомкнулись на шее бойца.

— Вы же не надеялись одолеть его? — прохрипел Сарий. — Он сожрёт вас всех.

— Не сегодня.

Агата выхватила кинжал и вонзила серебряное лезвие под лопатку ырки. Его плоть зашипела, появился тошнотворный запах. Чудище отпустило Юральфа и уставилось демонскими глазами на дрожащую монахиню.

Ырка попытался сделать шаг, но у него ничего не вышло. Неведомая сила схватила его в свои тиски и отбросила назад, к лесу. Приблизившись к ненавистным деревьям, уродец взвыл, словно волк.

— Долго я не продержусь, — Паулина медленно вышла из-за сосны, направив полусогнутые пальцы на ырку.

— Как нам убить его? — завопил подоспевший Ардук.

— Огонь остановил его, — вспомнила Агата. — Твоя первая стрела была огненной, и она его остановила, пусть и ненадолго.

— Чёрт, масла осталось всего-ничего, — стрелок достал из-за пазухи маленькую склянку. — Ну да ладно. Варион, спички!

Пока Ардук выплёскивал остатки зажигательного масла на хрипящего ырку, Химера дрожащей рукой протянул маленький коробок. Агата зажгла спичку и бросила её в уродца. Ырка тотчас вспыхнул, а крик его разлетелся по всей округе.

— Я знаю, что делать, — сказала вдруг Паулина.

Прокричав заклинание, она подняла горящее чудище в воздух и резким движением метнула его в самую лесную чащобу. Ырка завопил ещё сильнее, когда позади него загорелась пара зелёных глаз. В отблеске пламени Агата видела, как горбатый старичок замахивается длинным посохом.

Крики нечисти утихли. Стали слышны лишь возмущения ворон, оставшихся без пира, да хрип Сария. После смерти господина он словно уменьшился и окончательно ослабел.

— Ну и что нам с ним делать? — спросил Ардук. — Неужели так оставим?

— Я священника убивать не буду, — произнёс Юральф, покачиваясь. — Пусть и без души.

— Оставьте меня, — слабо проговорил Сарий. — Я заслужил... Просто помолюсь перед смертью...

Соратники угрюмо переглянулись и как один пожали плечами. Обрато в село они шли в гробовой тишине.

Оставив Агату в повозке наедине с пострадавшими, Ардук подошёл к нервно курящему у крыльца Янеку. Это была уже третья подряд трубка. Вермейер искоса взглянул на стрелка и протянул тому мешочек с дым-травой. Тот ответил отказом.

— И что ты на это скажешь? — отрешённо сказал Янек, глядя на сверкающие в вышине звёзды. Ночь выдалась благодатной.

— Мы убили его, — ответил Ардук. — Спасли людей. Что тут можно сказать?

— Вы чуть не погибли, — старик закашлялся. — И что бы было тогда? Всем людям не

поможешь, как бы мы того ни хотели. От нас, возможно, зависит будущее целого княжества. Мы не можем так сильно рисковать.

Ардук промолчал.

— Отправляемся немедля, — заявил Янек, вытряхнув трубку. — Ты за поводьями.

Лошади промчались мимо опустевшей теперь сельской церкви и вышли на тракт. Когда несколькими часами позднее начало светать, на горизонте стали видны массивные пики Вороньих гор. Переход через них грозил стать настоящим испытанием, но Ардук решил не думать о том, что готовит будущее. Он просто откинулся на козлах, подогнал лошадей и стал наслаждаться красивым утренним видом.

Глава 4

«Один из древнейших городов бывшей Соттории, вырос на месте старой крепости козлоголовых Упиров. Здесь сливаются Доннет и Керемес — две реки, наречённые отцом и сыном народами Старых Холмов. И ныне носит он имя того, кто его отбил у нелюдей сотни лет назад — Койв, град златоглавый».

«История Койва с древнейших времён», Урсул Черговский

Ульмер Глойт торопился, как мог. В такой спешке разглядывать красоты Белой галереи было невозможно, хотя Ульмер знал, что многие в Койвском княжестве готовы были продать свою душу лишь для того, чтобы взглянуть на это чудо.

Длинная галерея из белого камня с необычными для Сотторийского края витражами соединяла Малые и Большие палаты Койвского кремля. По всей её немалой протяжённости стояли монументальные скульптуры, изображающие князей и героев, начиная со времён падения Сотторийского царства. В ясные дни солнечный свет, преломившись в цветных витражах, заливал галерею почти волшебным светом.

Но сейчас Ульмер спешил. Будучи старшим советником Великого князя, он был обязан приходить на заседания Малого совета вовремя. Уж очень Глойт боялся растерять доверие князя, завоеванное с таким трудом.

Советники уже собрались. Геровен, как и подобает князю, сидел во главе накрытого вином и фруктами стола, поглаживая русую бороду. По левую руку от правителя с озадаченным видом перешёптывались глава казначейства Витий, чей богатый фиалковый кафтан едва сходил на огромном животе, и старый как сам Койв митрополит Агассон. Сейд Михель, верховный дипломат, лишь изредка поглядывал на шумных соседей да поправлял воротник новой подбитой мехом мантии.

Поздоровавшись, Ульмер занял место между хмурым медвежеподобным воеводой Догомаром и смуглолицей чародейкой Семарой.

— Опаздываешь, — с лёгкой насмешкой на круглом лице отметил Витий. — Негоже старшему советнику так поступать.

— Часы ещё не пробили, — напомнил Ульмер. Его раздражали нападки казначея. — Стало быть, я вовремя.

— Отставить распри, — спокойно, но твёрдо произнёс Геровен. В его голосе слышалась сталь. — Малый совет объявляю открытым.

Все семеро поднялись и поклонились висящему позади князя ростовому портрету Дариена Великого, последнего царя Соттории.

— Что у нас на границах, Догомар? — спросил Геровен, когда все уселись.

— Гарнизоны вдоль Гавалы страдают от нехватки людей, Ваше Величество, — гулкий бас военачальника словно обволакивал слушателей.

— И как же мы должны обороняться от раванцев? — слегка гнусаво спросил Сейд. — Нужно отправить туда людей с запада. Чума — это плохо, но, думаю, им самое место на южных границах.

— Пока нет никакой нужды обороняться от Раванского ханства, — возразил Догомар, сжав огромный кулак. — Мы следим за ситуацией. Мои советники считают, что угрозы нападения в ближайшее время нет. Раван не настолько силён, чтобы позволить себе кровавую войну с Койвом.

— У нас кризис, — напомнил Ульмер. — Казна пустеет, а проблем меньше не становится. Скажите, дорогой Витий, скоро ли может настать момент, когда мы будем не в состоянии содержать хотя бы такую армию, как сейчас?

— С чего такие мысли? — казначей заёрзал на высоком стуле.

— Это возможно, — Сейд Михель слегка занервничал. — Если чума продолжит распространяться вглубь страны, у нас возникнут большие проблемы. Если наш народ будет голодать и вымирать, победа Раванскому ханству достанется весьма легко.

— Мы принимаем все необходимые меры, — заверил Витий. — Глуп тот, кто не верит в стойкость великого Койвского княжества. Несказанно глуп.

Ульмер устало вздохнул. Он знал, что ремарка была адресована ему.

— Мы должны трезво оценивать ситуацию, — заговорил Геровен. — Нельзя недооценивать угрозу, господин казначей. Но и заранее рисовать мрачные картины тоже не стоит.

— Как говорится, надейся на лучшее, а готовься к худшему, — сказал Ульмер.

— Вот и займитесь подготовкой, — потребовал великий князь. — Что у нас с чумой? Есть успехи?

— Увы, Ваше Величество, успехи только у самой чумы, — Глойт покачал головой. — В зоне поражения уже четырнадцать деревень и пять сёл. Вчера гонцы сообщили о случаях чумы в пределах Левца. Царь Повска в ближайшее время рассмотрит запрет на торговлю с нами. Годаранская империя уже закрыла границу для наших кораблей и караванов. Доходы падают, а место наших купцов готовятся забрать новоградцы.

— Чёртовы паникёры, — Догомар плеснул себе вина и залпом выпил.

— Они делают то, что нам следовало сделать, едва только чума появилась в Томании, — заявил Михель.

— Нельзя просто так обрывать торговые связи, если их нечем заменить, — возмутился Витий. — Прошу прощения, дорогой Сейд, но вы, очевидно, мало понимаете в денежных делах.

Дипломат сжал губы, но промолчал.

— Вот видите, господин великий князь, к чему приводит ересь! — проскрипел митрополит Агассон, потрясывая плешью. — Надо было безбожников карать ещё раньше, огнём и мечом!

— Мы уже обсуждали это, — напомнил Геровен. Он всегда проявлял уважение к митрополиту, вступившему в должность ещё при его отце. — Не будем тратить время и думать, что же следовало сделать. Сейчас нас волнует то, что сделать ещё предстоит. Какие будут предложения, господа советники?

— Я связывалась с чародеями Томании, — певуче произнесла Семара. — Их способ борьбы с чумой прост: огонь. Маги направляют пламя в самый рассадник заразы. До этого у них было около пятидесяти заражённых поселений, теперь же не более двадцати.

— Конечно, чёрт побери, они же их сжигают! — воскликнул Догомар. — Нет поселения — нет заразы, так получается?

— Исключено, — отрезал князь.

Ульмер ухмыльнулся. Он и в страшном сне не мог представить, что Геровен разрешил бы испепелить Левец.

— Как бы оно ни было, мой господин, прихожане говорят некоторые не очень хорошие вещи, — Агассон закашлялся. — Дескать, недостаточно твёрдые решения князь принимает. Мол, жёстче надо.

— Жёстче? — Геровен заиграл желваками. — Мягкотелый я значит?

— Из столицы Раванского ханства не вернулось шесть человек, — напомнил Сейд. — Включая моего брата, вместо которого я здесь и нахожусь. Чекетулай плюнул Койву в лицо, а мы утёрлись и попросили добавки.

— Да-да, — вторил митрополит. — Люд простой говорит, надо было ответить на оскорбление...

— Ответить!?! — Геровен вскочил и ударил кулаком по столу. — Вы что, думаете, я не хочу ответить? Да, нам был брошен вызов. Только вот незадача: армия Раванского ханства на подъёме, как и сама страна. Их города не умирают от чумы, они не воевали меньше полугода назад с Ярополем, они, чёрт возьми, богаче и, к тому же, знают военное дело не хуже нашего. Ввязываться в кровопролитие, в котором погибнут тысячи наших людей? Простите, друзья, но это вызов, который мы принять не готовы.

Воцарилось молчание. Ульмер хорошо помнил тот день, когда «Константин Второй» пришёл в порт без главного дипломата и его свиты. Корвен Михель был хорошим советником: менее импульсивным, чем его брат.

— Совет окончен, — сквозь зубы сказал Геровен.

Князь удалился без обыденного ритуала прощания с портретом Дариена. Витий и Агассон поднялись, оба с большим трудом, и поспешили по своим важным делам. Догомар последовал за ними.

— Никогда его таким не видела, — удивилась Семара, потянувшись.

— Я служу ему меньше трёх лет, — Ульмер вздохнул. — Но если я что и выучил, так это то, что гордость Геровена лучше не задевать.

— Похоже, на Раванское ханство это не распространяется, — Сейд добавил несколько слов на неведомом Глойту языке. — Неужели твои чародеи не видят ничего из того, что нам уготовано?

— Мы маги, а не пророки, — Семара провела рукой по своим идеально прямым рыжеватым волосам. — Редко кого одаряют видения, уж поверьте. И порой их лучше не видеть. Так спокойнее.

— Не будет никому покоя, пока не падёт Раванское ханство, — Михель поднялся и расправил мантию.

— Они сильны, Сейд, — проговорил Ульмер. — Геровен прав: мы не готовы к битве.

— Великое Ханство тоже было сильно, — не унимался дипломат. — Однако его больше нет на картах.

— Тогда была и Соттория, — Глойт тяжёло вздохнул. — А ныне среди нас единства нет.

— Стало быть, хватит нам воевать с Ярополем и Новым Градом. Есть проблемы и посерьёзнее. Настало время объединиться.

— Твои бы мысли князьям в головы, — Ульмер горько усмехнулся.

После совета Глойт поспешил покинуть кремль. Центральные улицы города кишели людьми, несмотря на лёгкий морозец. Все вельможи выходили за белокаменные стены только в сопровождении отряда вооружённой охраны, Ульмер же обходился лишь одним стражником.

Коросар был отставным капитаном городской гвардии Басселя и много повидал на своём веку. После сорока пяти его вынудили освободить место более молодым бойцам, а сам он подался в наёмники и из подтянутого румяного летарца вскоре превратился в поджарого койвца с густой щетиной.

В борделе «Красное дерево» всегда кипела жизнь. Приходил сюда Ульмер со вполне конкретной целью: как старший советник князя, он обязан был держать руку на пульсе городской жизни. А в публичном доме, столь популярном среди людей всяких слоёв, можно было сочетать приятное с полезным.

— Сирень как раз освободилась, — отрапортовала леди Кассандра, едва Глойт показался в дверях.

Старшая смотрительница борделя, пышная темноволосая дама чуть за сорок, хорошо знала предпочтения состоятельных гостей. С Ульмером их связывало богатое прошлое, полное страстей и секретов.

— Как твои дела, Касс? — советник учтиво поклонился.

Смотрительница не сразу ответила, лишь обвела взглядом увешанную бордовым тюлем гостиную. В центре неё на диване зазывно извивались две совсем молодые девахи. Ульмер их ранее не встречал.

— Трое моих хороших девочек сбежали на той неделе, — со вздохом поведала Кассандра. — Вот, ищу им замену. Иногда приходится совсем зелёных брать.

— Пускай смолоду учатся, — рот Коросара растянулся в улыбке.

— А тебе лишь бы поменьше, да? — притворно вознегодовала дама. — Вон, на диване новенькие сидят. Опробуешь?

— Даже не знаю, человек-то я опытный, — стражник изобразил задумчивость. — Уговорила, хорошо.

— Уж уговаривать-то пришлось! — Кассандра всплеснула руками. — Так что, Сиренечку звать?

— Зови, — Ульмер кивнул. — Комната та же?

— Та же. Держи ключ.

Глойт прошёл по привычному пути на второй этаж. Замок щёлкнул, и дверь со скрипом отворилась. Ульмер повесил меховую накидку в потёртый шкаф, ополоснул лицо в стоящем в углу тазу с холодной водой и сел на выдавшую виды кровать с балдахинном. Та издала знакомый скрип.

Сирень пришла через несколько минут. На ней были, как всегда, плотные кожаные штаны и белая застёгнутая лишь до середины сорочка. На шее болтался бессменный кулон в форме золотой рыбки. Ульмер не знал, сколько она тратила на дорогую заморскую краску, но находил её сиреневые волосы, ниспадающие на узенькие плечи, чертовски привлекательными.

— Давно не виделись, — поздоровался Глойт.

— Так ведь не заходишь, — говорила Сирень с лёгким западным акцентом. — А я тут думаю: вдруг что случилось?

— Дела государственной важности, — Ульмер жестом подозвал куртизанку.

— Конечно, важный человек ведь, — девушка подмигнула и расстегнула рубашку. — Но ты не думай, что у нас тут важных особ больше не бывает. Один, кстати, о тебе спрашивал.

— Вот как? — советник напрягся. — И кто же это был?

— Ты же знаешь: имён здесь не принято называть, — Сирень забралась на кровать и принялась массировать затёкшую спину Ульмера. — Высокий, длинные чёрные волосы. Похож на породистого коня. Приходил недели две тому назад. Сказал, что с Севера. Узнавал, есть ли у нас что на старшего советника князя. Грязь, знаешь ли.

— А у вас есть? — Глойт хрустнул шеей.

— Так мы знать не знаем, кто у нас старший советник, а кто младший, — куртизанка хихикнула. — Так что ушёл мужик не солоно хлебавши.

Ульмер на несколько мгновений задумался. Внезапный интерес неких важных персон в Койве редко сулил что-то хорошее.

— Чего замер? — возмутилась Сирень. — О державе думаешь?

— А как о ней не думать? — Глойт попытался рассмеяться. Вышло не очень убедительно. — Проблем всё больше и больше. Я всегда считал Койв великим государством, но сейчас я даже не уверен, как долго он ещё простоит.

— Неужели правду говорят про войну? — девушка села на край кровати рядом с советником. — Но ведь князь выступал перед народом, обещал, что всё будет в порядке. Мол, прошла эпоха войн.

— Люди волнуются?

— Ты даже не представляешь. Как проблемы какие начнутся, у нас клиентов больше становится, так всегда. Вот сейчас их больше, чем когда-либо. Словно надвигается что-то такое, перед чем они все натрахаться решили до конца жизни.

— И что говорят?

— Кто — про чуму, кто — про войну, кто — про деньги.

— Князю это не понравится...

— А князь сам не всем нравится, уж поверь! — девушка поднялась и всплеснула руками. — А тот, который о тебе спрашивал, и вовсе что-то говорил о переменах власти. Что Геровен нас в пучину тащит.

— Я тебе так скажу, — Ульмер взял её горячую ладонь. — Чему быть, тому не миновать. И когда эта тьма нагрянет, мы должны быть едины. Каким бы ни был Геровен, он наш князь. И мы будем верны ему до самого конца.

— Послушай, — Сирень упала на кровать. — Ты сюда пришёл ораторствовать или всё-таки для другого?

— Как всегда, дорогая. Как всегда.

— Ну так иди же сюда.

Домой он пришёл уже затемно. После борделя Ульмер вернулся в кремль, разобрался с запросами купцов и проповедников на аудиенцию великого князя, а после поспешил в свой уютный двухэтажный дом из белого камня на высоком берегу Доннета.

Внутри пахло овощами, которые так любила Мира Глойт. Родилась она в далёком Шаадамаре и любовь ко всему, что растёт в земле, принесла с собой оттуда. Мире было чуть

за сорок, но выглядела она отменно: иссиня-чёрные прямые волосы, приятное чуть вытянутое лицо с широкими скулами, узкий разрез глаз. Ульмер благодарил Светоносных за то, что Шеала родилась похожей на мать.

— Как совет? — спросила Мира, показавшись в тёмной прихожей.

— Хуже, чем я ожидал, — признался Глойт.

Жена молча вернулась на кухню и наложила немного ароматного рагу на серебряную тарелку. За едой они почти не разговаривали. Мира всегда тонко чувствовала настроение других людей и не любила тревожить их ещё больше.

Поев и помывшись, Ульмер отправился на второй этаж, в комнату дочери. Шеала сидела у стола, читая толстую книгу в свете лампадки. Отца она заметила, лишь ощутив его руку на своём щупленьком плече.

— Прости, я увлеклась, — она виновато посмотрела на Ульмера. Немногие тринадцатилетние девочки обладали столь умным взглядом.

— Не слишком большая книга-то? — советник присел на свободный стул. — Осилишь?

— Большая, но интересная, — Шеала пожалала плечами.

Она прикрыла том, оставив палец на нужной на странице. В тусклом свете стала видна надпись: «История Койва с древнейших времён. Урсул Черговский». Ульмер улыбнулся. Эту книгу ему пришлось изучить вдоль и поперёк во времена обучения в княжеской академии.

— Ты знал, что Гаальт принадлежал раньше нам? — девочка почти подпрыгивала на стуле. — И что князь Асдвиг завоевал даже Повск, а потом умер, а потом его сын отказался от земель?

— Знал, а вот многие уже и позабыли, — Ульмер погладил дочь по голове. — А ты помни. Кто прошлого не помнит, тот повторит былые ошибки. Так мне учителя говорили.

— А мой учитель говорит, что скоро война, — Шеала перешла на полусёпот.

— Вот как? — Глойт вздохнул. — Чушь это всё. Великий князь не допустит войны.

— Ты уж за ним проследи, — девочка крепко обняла отца.

Ульмер закусил нижнюю губу. Он не любил врать дочери, но и забивать её чистый разум лишними проблемами тоже не хотел. Война будет, советник знал это. Война — лишь вопрос времени, её не избежать. Вопрос в том, каким будет Койв, когда она нагрянет.

Глава 5.

— Скоро весна, — со сдержанной радостью произнёс Янек, глядя на скрытые во тьме пики Вороньих гор.

— Здесь это совсем не чувствуется, — пожаловалась Агата, приплясывая у костра в двух плащах.

— На этом перевале ветер не затихает никогда, — Вермейер бросил самокрутку в сугроб. — Даже летом здесь пробирает до костей.

— Отличный выбор пути! — донесся из повозки дрожащий голос Вариона.

— В обход слишком долго, — Янек покачал головой. — Лучше немного померзнуть, чем прибыть лишь на горящие руины Койва.

Ардук молча подошёл к костру, не спуская глаз с жаркого пламени.

— А почему всё-таки тебя так заботит судьба этого города? — спросил Юральф, закончивший кормить лошадей. — Среди нас койвцев нет, насколько я знаю.

— Меня заботит мир, — ответил старик. — Койв — это олицетворение всего, что нам дорого: Ярополь, Повск, Новый Град... Если он падёт — мы следующие.

— Грустно всё это, — Юральф фыркнул. — Пойду-ка я спать.

Ардук вновь промолчал. С него сорвало капюшон, но он его не поправлял. В ушах завывал морозный горный ветер, словно пытаюсь ему что-то сказать.

«Король».

— Думаешь, Раван заключил союз с Годаранской империей? — стуча зубами, поинтересовалась Агата.

— Нет, что ты. К счастью для нас, союза никакого нет, — Янек начертил носком тяжелого сапога какие-то узоры на снегу. — Простая продажа артефакта. Годаранцам главное — деньги. А уж для чего артефакт этот послужит — дело пятое. Наплевать им на наши далёкие заботы.

— Может, это правильно? — монахиня пожала плечами. — Во всяком случае, их люди не знают горестей войны уже давно.

— Ты знаешь, дорогая, я очень устал после сегодняшнего перехода и хочу вздремнуть. Думаю, тебе тоже стоит отдохнуть. Давай же не будем забивать голову политикой.

— Ардук, ты дежуришь? — спросила Агата на полпути к повозке.

Гаальтец лишь медленно кивнул. Оставшись один, он продолжал смотреть в костёр. Ветер всё так же шептал ему в окоченевшее ухо: «Ты хочешь быть королём?».

Варион ненавидел просыпаться от резких звуков. Каждый раз, когда такое случалось, он одним движением вскакивал, хватал оружие и выискивал глазами опасность. Сердце при этом бешено колотилось, вызывая в заспанной голове раскатистое эхо.

В повозке, обтянутой несколькими слоями шкур, было темно. Наощупь Варион пробрался сквозь ящики и мешки с провиантом навстречу доносящемуся снаружи грохоту. По пути он задел ногой что-то мягкое, ответившее ему недовольным стоном.

Утренний свет ударил в глаза, вынудив алледанца закрыться ладонями. Солнце, похоже, поднялось уже давно, а Ардук должен был разбудить Вариона ещё до рассвета.

Привыкнув к свету, Химера осмотрелся. За ночь снег лишь слегка припорошил перевал, а ветер чуть утих. Небо было ярко-голубым, с несколькими пухлыми облаками, окружавшими горные вершины.

Разожжённый накануне костёр потух. Рядом с пепелищем крупный покрытый серой шерстью скальный кот пытался протиснуть голову в прокопчённый жестяной котелок. Морда животного всякий раз оказывалась слишком широкой, и котелок лишь отлетал в сторону и ударялся об окружающие кострище камни.

— Твою-то мать, — прошептал Варион, крепко сжимая рукоять меча.

Учув незваного гостя, скальный кот повернул голову. Не спуская с алледанца круглых похожих на подсолнухи глаз, животное медленно зашагало к нему. Размерами кот был со среднего мужика, но с гораздо более острыми зубами. Химера поднял клинок.

— Это ещё что? — проговорила Паулина, выпрыгнув из повозки вместе с Юральфом.

Увидев их, хищник замер и оскалился. Раздался прерывистый рык.

— Скальный кот, — Юральф тоже выхватил меч. — Опасная тварь.

— Оно и видно, — заметил Варион. Между жёлтых зубов кота застряли ошмётки

плоти. — Как бы нам его завалить?

— Не надо его валить.

Паулина сделала шаг вперёд. Химера попытался её схватить, но она тут же вырвалась. Кот при этом зарычал ещё сильнее и слегка припал передними лапами к скалистой земле. Колдунья продвинулась ещё чуть-чуть. Рык хищника перешёл в скуление, а сам он попятился, словно нашкодившая дворняга.

— Кыш! — Паулина подняла правую ладонь, и скальный кот бросился бежать, ловко цепляясь за камни острыми когтями.

Варион с Юральфом переглянулись и разом пожали плечами.

— И как бы мы без ведьмы жили? — Химера издал смешок.

— Не называй меня так, — Паулина обиженно нахмурилась.

— Прости-прости.

Колдунья носила лишь лёгкую тунику да самые обычные брюки. Серые волосы на непокрытой голове трепал суровый ветер. Она утверждала, что не чувствует холода, но Вариона знобило от одного взгляда на её летнее обмундирование.

— А где, чёрт возьми, Ардук? — вспомнил Юральф, встрепенувшись.

Химера обвёл взглядом весь их скромный лагерь, окружённый неприступными скалами. Гаальтца нигде не было. Тела, к счастью, тоже.

— Куда он делся? — испуганно спросила Паулина.

— Вариантов тут немного, — Юральф сплюнул в снег. Через перевал шла одна единственная дорога. — Назад или вперёд.

Это Варион знал и без него. Вопрос, конечно, был в том, зачем Ардуку понадобилось уходить посреди дежурства. Химера осторожно стянул перчатку и, закусив губу, дотронулся до оставшихся от костра головёшек. Холодные.

— Кострище уже остыло, значит Ардук ушёл давно, — поведал алледанец.

Агата и Янек тем временем тоже вышли на улицу.

— Неужели он сдрейфил? — спросил у товарищей Варион. — Испугался гор и побежал назад?

— Не может быть, — отрезал Юральф. — Ардук смелее любого в этом отряде.

— А если на него кто-то напал? — предположила Агата.

— Вряд ли этот кто-то прошёл бы мимо повозки в таком случае, — Янек покачал головой. — Да и Ардук дал бы нам знать.

Отряд замолчал, затих и ветер. Не слышно было даже ворон, наречённых хозяевами этих гор. Молчание заставило Вариона вздрогнуть. Ни в одном другом месте тишина не была такой оглушающей.

Больше книг на сайте - Knigolub.net

— Никто не чувствует себя странно? — спросил вдруг Юральф, потирая правый висок.

— Меня подташнивает, — призналась Агата. — Я думала, дело в горном воздухе.

— У меня шумит в ушах, — продолжил новоградец. — А ты, Химера, ничего не чувствуешь?

— Разве что с утра в штанах чуть менее туго, чем обычно, — Варион натянул ухмылку. На деле всё было гораздо хуже.

С того самого момента, как пару дней тому назад отряд покинул низины Республики и начал путь по перевалу Чёрного Ключа, алледанца одолевало чувство беспокойства. В груди постоянно жгло, а тело знобило, словно от сильной простуды. Закрыв глаза, Варион видел

непонятные образы, которые никак не могли сложиться в цельную картинку.

— Очень плохая тут энергия, — сказала Паулина, задрав голову. — Я такого никогда не видела.

— Оно, конечно, возможно, — допустил Янек, недоверчиво глядя на волшебницу. — Много крови здесь пролилось в прошлом. Ещё до времён старой Соттории в горах обитал другой народ. Тёмный. Они были хозяевами гор. Они, а не какие-то вороны. Приходилось обходить их стороной, отчего путь между Ярополем и Архероном был длиннее в несколько раз. А если кто пытался пробраться по перевалу Чёрного Клюва, тёмный народ их просто уничтожал. Не одна армия навеки осталась здесь, в этом ущелье.

— Я читала про Тёмный народ, — замороженно сказала Агата. — У них же была целая империя.

— Была, — подтвердил Янек. — Задолго до людей они правили этими землями. Да только прошло их время.

— Но след-то остался, — заметил Юральф. — И Паулина его чувствует.

Колдунья кивнула.

— Энергия повсюду.

— В таком случае, стоит как можно быстрее найти Ардука, — Янек встрепенулся. — Поскольку уйти он мог лишь вперёд или назад, разделимся на две группы. Варион и колдунья пойдут вперёд, остальные на повозке — назад. После полудня мы развернёмся и отправимся вдогонку за первой группой.

Варион нахмурился. Янек весьма легко отправлял его с Паулиной в неизвестность.

— Подождите! — воскликнула колдунья.

Она запрыгнула в повозку и вскоре вернулась с небольшим ящиком в руках. Поставив его перед отрядом, Паулина откинула крышку. Внутри было несколько склянок с жидкостями разного цвета.

— Жаротворящий отвар, — сказала девушка, взяв широкий пузырьёк с мутно-оранжевым зельем. — Должен был уже настояться. Я взяла это всё в Белоозере.

Отряд по очереди сделал по глотку отвара. Лишь Янек решительно отказался, не желая «травиться ведьминским пойлом». Паулина при этом расстроено опустила голову. Вкус у зелья был неприятный, похожий на землю, но тепло, разом залившее нутро Вариона, оказалось весьма кстати.

— Вперёд! — скомандовал Янек.

— Надеюсь, ещё встретимся, — Варион подмигнул товарищам и, взяв Паулину за худенькое запястье, направился в холодную неизвестность.

Ночной снегопад не был сильным, но всё же сумел замести все следы. Каждый шаг Паулины и Вариона сопровождался лёгким хрустом, за которым следовали реплики потревоженных птиц. Вороны сидели практически на каждом уступе и следили за путниками, пробиравшимися по ущелью.

Паулину они мало заботили. Её беспокоила струящаяся вокруг энергия: горы помнили былые сражения, даже если те уже давно стёрлись из памяти людей. Иногда, они пытались напомнить об этом ныне живущим. Колдунья чувствовала всё это очень тонко. С каждым метром энергия становилась всё осязательнее, и Паулина уже не сомневалась, что идут они в нужном направлении.

Варион тоже что-то чувствовал. Его обычно чуть сторбленная спина вытянулась, голова в капюшоне откинулась назад, а зрачки сузились. Правая рука убийцы покоилась на рукояти простецкого меча из потемневшей стали.

— За что Янек так со мной? — спросила наконец девушка. Этот вопрос её мучал с первых дней пути.

— Таков уж он, — безразлично ответил Химера. — Думаю, дело в твоей матери. Очевидно, Янек не сильно жалуется ведьм... Колдуний.

— Я же зла ему не желаю, — Паулина вздохнула. — Никому не желаю!

— И я это знаю, — Варион кивнул. — Вот только моё слово значит не сильно много.

— Юральф тебя недолюбливает. Говорит, ты плохой человек.

— Я был плохим, — алледанец резко остановился. — Всё изменилось с тех пор.

— А может ли всё так вдруг поменяться?

— Может. При особых обстоятельствах, — Варион вновь зашагал. — Будь я плохим, разве стал бы рисковать своей шкурой, выслеживая ырку в ночном лесу?

— Как знать...

— А ты, Паулина, как думаешь? Я плохой?

— Я думаю, что мир не делится на плохих и хороших. Все мы для кого-то герои, а для кого-то — враги.

Варион усмехнулся, но промолчал. Колдунья правда так считала. Даже те, кто убил её мать, не были злодеями. Они просто исполняли свой долг.

Вскоре ущелье стало заметно шире. Горы с одной из сторон отступили, оставив лишь небольшую возвышенность. На дальнем её конце виднелось что-то, похожее на башню. Паулина видела, как там пульсирует энергия.

— Думаешь, он там? — настороженно спросил Варион.

— А ты?

— Ты явно видишь больше, чем я, так что предпочту довериться твоему мнению.

Паулина вздохнула и огляделась. Чуть впереди ущелье сужалось ещё сильнее прежнего, да и потоки там ослабевали. Сомнений не оставалось: Ардук был в зловещей башне под отвесной скалой.

— Не будем терять времени, — решил Варион, срываясь с места.

Пробираться по нагорью, усеянному камнями разных размеров, было непросто. Нога Паулины то и дело соскальзывала в укрытые снегом щели между булыжниками, и Химере приходилось её вытаскивать.

Добравшись до утёса, они оказались у ворот самой настоящей крепости. У подножия скалы зиял широкий чёрный провал, ведущий вглубь пород. Двери, когда-то закрывавшие вход, были приветливо распахнуты. Варион выхватил меч и шагнул в тёмный проём. Паулине оставалось лишь последовать за ним.

После ночного отдыха кони обычно шли вперёд резво и уверенно, но на сей раз Свист и Разбег двигались тяжело и неохотно. Янек как мог подгонял их, но ничего не менялось. Юральфу даже стало скакунов: на перевале им было так же трудно, как и людям.

Спустя несколько часов езды повозка развернулась. Ардук отправился в обратную сторону, и это становилось всё более и более очевидно с каждым новым шагом четырёх пар

копыт. Янека этот факт, казалось, совсем не удивлял.

— Нам следовало сразу всем вместе пойти в одну сторону, — раздосадовано заметил Юральф.

— Так мы же не знали, в какую именно, — старик пожал плечами.

— Я сразу чуял, что надо идти вперёд, — не унимался новоградец. — Скажи ещё, что ты считал иначе.

— Я считаю лишь, что не стоит принимать необдуманных решений, которые могут стоить нам дорого, — Янек не шелохнулся.

— Но Химеру и Паулину ты оправил вперёд, тем не менее. Разве это не может стоить им жизни?

— Может, — Вермейер искоса взглянул на Юральфа. — А может и не стоить. В любом случае, их ждёт достойное испытание.

— Испытание? — новоградец подпрыгнул на козлах. — Какое ещё испытание? Без них нам до Койва будет непросто добраться, да и неправильно это!

— Не будь столь категоричен, друг мой. Я же помню, что ты не питаешь сильной любви к Вариону. Не думаю, что ты будешь долго скорбеть, случись что...

Юральф не стал отвечать. Не проронив ни слова, он отправился в полумрак повозки, где Агата с интересом изучала очередную книгу. Химера часто говорил, что она вскоре перечитает все библиотеки Сотторийского края.

— Станный поступок, — проговорила монахиня, не отрываясь от дела.

— Ты слышала?

— Вы говорили довольно громко, — Агата пожала плечами. — Но ведь насчёт Вариона он прав: ты его не особо жалуешь.

— Нет, он, конечно, убийца. Факты есть факты.

— Но?

— Но я, чёрт подери, не хотел бы, чтобы он сгинул в Вороньих горах. Он меня не раз выручал, в конце концов.

— Но изменить своё отношение ты не готов?

— Прошлого уже не поменять, — отрезал Юральф, садясь рядом с монахиней. — А ты сама-то что думаешь?

— Они смогут за себя постоять, — Агата закрыла книгу, и отложила её в сторону. — Ардук, Паулина, Варион... Они сильные. Иногда мне кажется, что я единственное слабое место во всём отряде.

— Ты что такое говоришь? — Юральф возмутился неподдельно. — Без твоей помощи мы бы и до гор не доехали. Как ты тогда Ардука перевязала, помнишь? Он бы истёк кровью и умер. А потом, по пути в Бассель, когда меня разбойничья стрела в плечо ранила. Она же была чем-то смазана и, если бы не ты, я бы от отравы сдох. Да и ырку того ты знатно на нож насадила. Нет уж, подруга, слабых мест у нашего отряда нет. А если и есть, то это точно не ты.

Он пододвинулся поближе и обнял Агату. Та благодарно прижалась к его груди.

— Иногда я думаю, как бы всё было, останься я дома двадцать восемь лет назад, — отстранённо произнесла монахиня. — Если бы не напал Шаадамар. Была бы сейчас при дворе редванского князя, может поехала бы в Ярополь. Родители, братья были бы живы...

— Неблагодарное это дело — гадать о прошлом, — Юральф вздохнул. — Настоящее — оно куда интереснее, чем кажется.

— Ты прав. Но я не могу иначе. Столько лет прошло, а мне снятся те дни... Нет, никакой не монастырь. Нападение на мою родину. Ты представляешь, я же так и не узнала, как та война закончилась.

— Правда?

— Да. Столько книг перечитала, а про это — ничего.

— А нам в армии говорили, — Юральф сжал свободный кулак. — Шаадамар тогда взял Редван почти сразу же, после чего пошёл дальше, но уже наткнулся на отряды княжества. Бились не на жизнь, а на смерть. В конце концов договорились отдать Редван захватчикам в обмен на мир. Те, конечно, отказались. Им земли новые не нужны, только лишь деньги да рабы. И попробовали они дальше пойти, на Тунай, но попали в кольцо. Король шаадамарский хотел поскорее мир заключить, да вот только князь Андвиль слишком злой был. Приказал всех до последнего перебить. Так и выиграло Яропольское княжество войну.

— Они хотели отдать Редван Шаадамару? — ошарашенно переспросила Агата. — Наш Редван? Да этот князь в своём уме?

— Уже точно нет: он умер лет десять назад. Его сын, говорят, куда жёстче правит. Войны только так развязывает. Как правило, побеждает.

— Да вот только я теперь к Ярополю отношения никакого не имею, — женщина всхлипнула.

— Неправда, — возмутился Юральф. — Родина всегда останется родиной. Хоть ты за Великий Океан уплыви.

— Надеюсь, ты прав, — Агата приподнялась, упираясь ладонью ему в середину груди. — Спасибо, что поддержал.

Она подалась вперёд, но Юральф в последний момент уклонился от поцелуя.

— Ты что? — новоградец поднялся.

— Прости, — женщина виновато опустила взгляд. — Просто подумала... Двадцать семь лет в монастыре, Юральф, двадцать семь. А попала я туда в пятнадцать. Понимаешь, к чему я?

— Понимаю. Но я так вот просто не могу.

— А в Белоозере смог, я слышала от Ардука, — Агата посмотрела на него с укоризной.

— Тут в другом дело, — он запнулся, вспомнив ночь с Дейей. — Ты — часть команды, для меня было неправильно так поступить. Если так хочется, обратись к Химере, он точно будет не против.

— Варион спит со всем, что похоже на женщину и подаёт хоть какие-то признаки жизни. Хотя насчёт последнего я не уверена, — Агата поморщилась. — Хотелось бы чего-то... Почище.

— Прости, не могу, — повторил Юральф. — Да и Янек совсем недалеко.

— Понимаю, — монахиня закивала. — Ну что ж, притворимся, будто ничего не было.

— Попробуем.

Повозка тем временем плавно остановилась. Держа ладонь на рукояти меча, Юральф высунулся наружу. Они стояли у довольно широкого места, где скалы расступались на невиданное доселе расстояние.

Янек шагал рядом с повозкой, задумчиво разглядывая вереницу следов, ведущих от перевала в сторону отдалившихся гор. Принадлежали отпечатки двум людям: один был покрупнее, а второй — вернее, вторая — поменьше.

Юральф встретился взглядом со стариком, и они одновременно кивнули. Здесь.

Эхо гулко разлеталось по тёмному петляющему коридору, сопровождая каждый шаг Вариона. Идти приходилось на ощупь, а ледяной камень стен обжигал ладони даже сквозь перчатки. Паулина семенила чуть позади, тщетно пытаясь осветить путь магией.

— Не получается? — Химера старался говорить потише, чтобы не потревожить эхом то, что могло обитать в древней крепости.

— Здесь другая энергия, мне сложно на неё настроиться, — посетовала девушка.

Коридор вдруг стал прямым. В темноте Варион не заметил ступеней перед собой и, забыв об осторожности, громко выругался. Насупав путь, он всё же поднялся, насчитав при этом девять ступеней.

Эхо наверху было уже другим, а камень под ногами сменился на металл. Во мраке впереди раздалось шипение, и алледанец попятился, мысленно отсчитывая шаги до лестницы. Из тьмы не показалось никаких чудищ, зато по обе стороны один за другим вспыхнули синим пламенем факелы.

В их свете Варион увидел, что стоит на широком мосту из чёрного металла, расписанного непонятными знаками, а внизу была лишь бездна. На противоположном конце с грохотом распахнулись ещё одни ворота.

Химера жестом позвал Паулину за собой и начал движение. За воротами начинался ещё один коридор. Стены из того же металла были все испещрены таинственными письменами и уходили высоко вверх, скрываясь во мраке. Вариона охватил ужас, когда он попробовал представить, кто же мог построить нечто такое в скалах.

— Энергия усиливается, — подала голос Паулина.

Химера мог это ощутить и не будучи волшебником. Казалось, с каждым шагом воздух вокруг вибрировал всё сильнее, а образы в голове вспыхивали ярче. По всему телу выступил ледяной пот.

— Поклонитесь! — зловещий голос раздался откуда-то спереди.

Варион с Паулиной испуганно переглянулись. По её взгляду Химера понял, что ему не померещилось.

Продолжив путь, они вскоре оказались на развилке. Коридор расходился в трёх направлениях: направо и налево вели одинаковые проходы, а впереди начиналась широкая лестница, чья вершина была скрыта в темноте.

Справа раздался грохот. Варион выхватил меч и настороженно огляделся. Шум повторился, на сей раз слева. Химера услышал, как тихонько пискнула Паулина.

— Не бойся, — произнёс он не слишком уверенно. — Прорвёмся.

— Тогда сам почему дрожишь?

Алледанец закусил нижнюю губу. Он старался быть хладнокровным, но выстроенная внутри горы крепость вытягивала из него всю храбрость.

Из темноты показалась фигура. На Вариона, покачиваясь, стремительно шёл бледный человек в лохмотьях. Глаза его горели потусторонним светом, таким же, как и факелы в коридорах. При ходьбе он выгибался, словно пытаясь скинуть с себя невидимые оковы.

Человек бросился вперёд, выставив скрюченные пальцы. Варион отпрыгнул в сторону и нанёс врагу под поясницу крепкий удар ногой. Тот захрипел, развернулся и повторил атаку. На сей раз Химера сам подался ему навстречу, направив левый кулак под рёбра.

Замёрзшие костяшки словно ударились о стену, раздался хруст. Варион стиснул зубы и схватился за запястье. Противник схватил его за ворот куртки и швырнул в пол. От удара и без того тусклый свет погас почти полностью.

Собравшись с силами, Химера поднялся и увидел, что обитатель мёртвых залов схватил Паулину и, прижав её к холодной стене, сомкнул бледные пальцы на шее колдуньи. Девушка хрипела и извивалась, но противостоять не могла.

Подобрав меч, Варион разогнался и вонзил клинок под лопатку монстра. Чудище не погибло. Неистово застучав зубами, оно всё-таки отпустило Паулину, а само развернулось и яростно атаковало алледанца.

Химера хотел уклониться, но меч застрял в покорёженных рёбрах врага. Крепко стиснув челюсти, он приготовился принять удар. Твёрдый кулак, словно кувалда, обрушился сверху вниз Вариону на ключицу. Всё левое плечо пронзила острая боль.

Одержимый замахнулся для повторного удара, когда его голову поглотил синий огонь. Яростно рыча, он отпрыгнул в сторону, тщетно пытаясь сбить пламя. Паулина отправила вдогонку мощное заклинание, добившее тварь. Тяжело дыша, колдунья отбросила факел в сторону.

Варион не без труда поднялся. Вся левая рука разрывалась от боли, а спину сводило от пребывания на ледяном полу. Он попытался сделать шаг, но устоять не смог. Паулина подхватила алледанца за здоровую руку и помогла выпрямиться.

— Давай попробую заговорить раны, — предложила девушка с испуганным видом.

— Не трать силы, — Варион пытался бравировать. — Колдовать в этих залах трудно, сама же сказала.

— А как же ты? Ты нам живой нужен.

— Никто ещё от сломанной ключицы не умирал, — Химера рассмеялся, а плечо отозвалось болью.

— Не умирал. Но если она тебе помешает, когда нападут следующие...

Варион промолчал. Он не был уверен, что очередная схватка не закончится для него плачевно. Ему не нравилось, когда кто-то указывал на его слабость, но поддержка Паулины оказалась на удивление приятной.

— Пойдём, дорогая, — Химера похлопал колдунью по щупленькому плечу. — Нам ещё товарища выручать.

Подъём по лестнице занял много времени. Под конец пути Варион уже с трудом перебирал затёкшими ногами, а Паулина то и дело останавливалась, чтобы перевести дыхание. Добравшись до вершины, они оказались в просторном круглом зале, освещаемом огромным канделябром.

В центре зала высился трон, сделанный из горных пород, а на нём гордо восседал скелет в тёмных одеяниях с усыпанной камнями короной на почерневшем черепе. Вокруг трона копошилось несколько фигур. Одну из них Варион узнал сразу.

Ардук изо всех сил боролся с обступившими его синеглазыми одержимыми. Их было четверо, но напасть всем скопом они почему-то не решались. Гаальтец то и дело отражал очередную атаку своим клинком.

— Ардук! — воскликнул Химера, осторожно шагая навстречу товарищу.

— Варион, — сдавлено произнёс тот, переводя взгляд на алледанца. — Тебя здесь быть не должно...

— Это кто же такое сказал?

— Я стану королём, Варион, — взгляд у Ардука был яростный. — Никто мне не помешает!

Одержимые кинулись врассыпную, когда он атаковал. Один из них оказался недостаточно расторопным, и клинок гаальтца рассёк обмёрзшую шею, а голова покатилась по ледяному полу.

Остальные трое ринулись на Вариона. Памятуя о проблемах, которые вызвал даже один из них, алледанец выставил меч и попятился. Паулина вызвала мощную волну энергии, сбив их с ног, но эффект оказался недолгим.

Один из одержимых кинулся прямо в грудь Вариона, откинув того к лестнице. Меч выскользнул из рук и предательски застучал, скатываясь по ступеням. Существо село на алледанца и замахнулось.

По лестнице из чёрного железа Юральф бежал с огромной скоростью. Звуки битвы где-то наверху вынудили его на время забыть о не поспевающей позади Агате. Когда навстречу прокатился знакомый меч, он уже почти добрался до конца пути.

Выскочив в тронный зал, Юральф едва не наступил на Химеру. Убийца распластался на полу, прижатый посиневшим человеком с горящими глазами. Монстр уже занёс костистые кулачищи, обхватив один другим.

Недолго думая, новоградец обнажил оружие и что было сил рубанул по запястьям врага. Лезвие не без труда пробило твёрдую плоть, и кисти, так и оставшись сжатыми, покатались по железному полу.

Сбив одержимого точным пинком, Юральф его обезглавил и переключился на вторую тварь, пытавшуюся подобраться к Паулине сквозь череду заклинаний. Лезвие вскрыло облысевший череп, но монстр не погиб. Обхватив клинок крючковатыми пальцами, он что было сил потянул его на себя, обезоружив Юральфа.

Паулина выглянула из-за сизого плеча. Взгляд её изменился: глаза расширились и словно потемнели. Колдунья раскинула руки и прокричала заклинание. Пламя опоясывающих зал факелов задрожало, поднялось в воздух и легло ей на ладони.

Одержимый замер, выпустив лезвие. Его собрат, бьющийся с Ардуком около трона, тоже развернулся и, словно зачарованный, смотрел на танец огней. Паулина выставила вперёд правую руку и пламя с неё тотчас перекинулось на чудище возле Юральфа. После недолгой агонии одержимый рухнул замертво.

Второй попытался скрыться за тронном, но синий огонь, заложив дугу, настиг его и отправил к сородичам. Расправившись с врагами, девушка вдруг задрожала и, опёршись о железную стену, осела вниз. Не до конца осознавая происходящее, Юральф подобрал клинок и подошёл к ней.

— Что... Что это было? — его голос слегка дрожал.

— Не знаю, — Паулина накрыла лицо ладонями. — Мне так страшно!

— Всё хорошо, — Юральф изо всех сил старался поверить в собственные слова. — Надо выбирать.

— Я в порядке, спасибо, что спросил, — дал о себе знать Варион. — Только пара костей сломана, да в ушах шумит аки на день всех святых.

— Я рад за тебя, — без эмоций произнёс новоградец.

— Ну а то, — крихтя, Химера поднялся. — Ардук, какого чёрта!?

Юральф обернулся. Ардук, воспользовавшись затишьем, подошёл к трону и снял с восседавшего на нём скелета чёрную корону. Гаальтец держал сокровище перед глазами, рассматривая его в свете вновь вспыхнувших факелов.

— Положи! — воскликнула Агата. В пылу битвы Юральф не заметил, как она его догнала. — Не делай глупостей, тебе это ни к чему!

— Я хочу быть королём, — холодно ответил Ардук, не спуская глаз. — И я им стану!

— Вот именно, — потусторонний голос разнёсся по залу. — Кто они такие, чтобы этому помешать?

— Никто, — процедил гаальтец.

— Никто, — согласился голос.

Агата бросилась к трону, едва не споткнувшись по пути об обезглавленное тело одного из одержимых. Она попыталась вырвать корону из рук Ардука, но с криком убрала руки, едва коснувшись её.

— Она не для тебя, — гаальтец покачал головой. — Она моя, я её заслужил.

— Именно.

— Не вздумай! — прокричала вдруг Паулина, заклинанием выбивая корону из его рук.

Ардук с безумным видом наблюдал, как сокровище со звоном укатывается к стене. Он попытался пойти за короной, но Юральф подбежал к нему и перекрыл путь, крепко сжимая меч и надеясь, что пользоваться им не придётся.

— Уйди, — почти прорычал Ардук.

— Очнись, дружище, — взмолился новоградец. — Не знаю, что за морок засел в твоей голове, но ты не должен поддаваться.

— Он тебя не понимает! — голос из тьмы стал громче. — Тебя никто не понимает, поэтому тебе не место среди них! Твоё место на этом троне, с короной на голове. Отсюда ты сможешь наказать этих ничтожеств, проучить их!

— Не разбрасывайся словами, когда сам прячешься, — посоветовал Варион в пустоту. — Легко тебе говорить, когда тебя не видно. Я бы тоже такой смелый был на твоём месте.

— И то верно, — позади трона раздался скрежет. — Лицом к лицу куда убедительнее.

Из темноты в центр зала вышло нечто, внушающее животный ужас. Фрагменты чёрной латной брони, позвякивая, прошествовали вокруг трона, поддерживаемые бесплотной синеватой сущностью. Зажатый в пустой перчатке длинный меч волочился по полу, высекая искры. Юральф почувствовал, как по спине бегут мурашки.

— Я крайне сожалею о своём поступке, — проговорил Варион.

— Заткнись, — одёрнул его Юральф.

— Вы, жалкие людишки со своими жалкими королевствами, — проскрежетал фантом. — Как вы вообще посмели нарушить покой великого Согхерона!?! Думаете, вы правители этой земли?

Доспехи медленно приближались. Новоградец, стиснув зубы, ждал. Оказавшись на расстоянии удара, призрак занёс огромный меч. Выгадав момент, Юральф сумел уйти от сокрушительного удара. Лезвие рассекло воздух совсем рядом с ним и звонко ударилось о пол.

Сократив дистанцию, он попытался ударить в бесплотную руку, не надеясь при этом на успех, но латная перчатка и браслет вдруг сомкнулись, и клинок нашёл лишь сталь. Фантом

рубанул наотмашь, и теперь Юральфу пришлось парировать. Удар вышел невероятно сильным, откинув бойца на несколько метров.

Остальной отряд был не в силах что-то поделать, поэтому новоградец не мог позволить себе разлёживаться. Вскочив, он отбил очередную атаку Согхерана и сходу протаранил плечом чёрный нагрудник.

Фантом подался назад, обескураженный решимостью противника. Юральф попытался развить успех, но его следующая атака была отражена. Последующий удар выбил новоградца из равновесия, и на его скулу тут же обрушилась тяжёлая латная перчатка.

— Хватит! — воскликнул Ардук, при виде рухнувшего наземь товарища. — Остановись.

— Командуешь? Ты что, король? — раздался грохот, видимо, означающий смех.

— Не трогай его!

Затаив дыхание, Юральф наблюдал, как фантом опустил занесённый меч и повернул вычурный латный шлем.

— Согхерон! — прокричал вдруг голос, который новоградец меньше всего ожидал услышать в пылу битвы.

Опираясь на свою палку, Янек решительно шагал к центру тронного зала.

— Что? Как ты смеешь?

Вновь подняв своё оружие, призрак двинулся навстречу Вермейеру. Тот, оставшись предельно спокойным, выставил вперёд левый кулак и прокричал несколько слов на неприятном, отрывистом языке, непохожем на тот, что использовала для своих чар Паулина.

Пламя факелов дрогнуло, со всех сторон раздался гул. Фантом, неистово зарычав, остановился на месте и словно рассеялся. Чёрные доспехи с грохотом разлетелись по залу.

— Юральф? Янек? Что, чёрт возьми, творится? — сдавленно пробормотал Ардук, упав на колени и схватившись за голову.

— Ты едва не стал частью тёмного народа, — хмуро пояснил Вермейер. — Я боялся этого с того момента, как ты ушёл, но до последнего верил в лучшее.

— Кто это был? — испуганно спросила Агата, подбежав к старику.

— Хозяин этих мест, — Янек небрежно пнул латную перчатку.

— На кой чёрт ему короновать Ардука? — спросил Варион, покачиваясь.

— Ни на кой. Ему просто нужно было тело для физического воплощения, — Вермейер вздохнул.

— По-моему, он и без тела неплохо справляется, — заметил Химера, кивая в сторону Юральфа.

— Без физического воплощения он не может покинуть эти залы. А вот нам самое время уйти отсюда, — старик направился к выходу. — Не люблю, когда Свист и Разбег остаются надолго без присмотра.

Обратный путь занял совсем недолго. Варион сказал, что лестница для них с Паулиной показалась невероятно длинной, хотя Юральф едва ли насчитал на ней двадцать ступеней. Оказавшись на морозном воздухе, отряд поспешил к повозке. Янек вздохнул с облегчением, найдя своих лошадей в целости и сохранности.

— Чёрт подери, сколько же мы там плутали в этих коридорах, что вы нас догнали? — произнёс Варион, когда экипаж сдвинулся с места.

Юральф молча сел на подушку в своём углу. Химера полулежал напротив него, в то время как Агата хлопотала над его сломанной ключицей и кистью. Паулина смотрела в потолок из оленьих шкур, Ардук же провалился в сон, едва добравшись до повозки.

— Слушай, — сказал алледанец, глядя на Юральфа. — Как бы тяжело мне ни было, должен поблагодарить тебя. Спасибо, дружище. Без тебя бы мы сгинули.

Новоградец кивнул. Возможно, всё было бы гораздо проще, не отправь Янек их одних в тёмную крепость. Мотивы старика в последнее время оставались для всех загадкой, как и то заклинание, что он использовал, чтобы изгнать Согхерона.

Юральф посмотрел на Химеру, на его бледное измождённое лицо с растрескавшимися почерневшими губами и покрытую синяками руку. Он по-прежнему оставался кровавым убийцей. Но, тем не менее, он рискнул всем и отправился в тёмную неизвестность, чтобы найти товарища.

— Не за что, Варион, — мягко проговорил Юральф. — Я рад, что ты цел.

Алледанец улыбнулся и подмигнул, и новоградец ничего не оставалось, кроме как подмигнуть в ответ.

Глава 6

Ардук не сразу узнал себя в зеркале. Огромные мешки под уставшими глазами и осунувшееся серое лицо были ему непривычны. К тому же, над ним на славу поработал единственный брадобрей в Вороньем Утёсе. Было приятно избавиться от жёсткой надоедливой щетины.

— Как голова? — поинтересовался из-за спины Юральф.

— Всё так же.

Новоградец стоял в дверях умывальной комнаты, уперев руки в боки, и внимательно разглядывал товарища. Ардук при всём желании не мог дать ему ответа, который тот ждал. Он не мог вспомнить ничего до того момента, когда очнулся в холодном тронном зале внутри скалы.

— Янек сказал, мы будем пережидать непогоду здесь, — поведал Юральф. — Зима решила дать последний бой весне, и буря ожидается серьёзная, если верить местным ворожеям.

— А где он сам?

— Как всегда, у себя на уме, — новоградец пожал плечами.

— А Варион?

— В своей комнате.

Ардук кивнул и вышел из умывальной. Поднявшись на третий этаж постоялого двора, он постучал в одну из комнат для особых гостей. Негромкий голос с обратной стороны пригласил его войти.

— Снова здорова, — сказал Варион, лёжа поперёк двуспальной кровати. Его левая рука была вся перевязана.

— Привет-привет, — Ардук кивнул. — Ты решил раскошелиться на апартаменты?

— Не одному же старику шиковать, — Химера поднялся. — Так и пошалить с кем-нибудь удобнее.

— Не тяжело будет шалить с переломом-то?

— Друг мой, ты не представляешь каких дел можно наделать с одной рукой.

— Представляю, для этого даже второй человек не нужен.

Варион скользко хихикнул.

— Всякое бывает, старина, — алледанец поправил растрепавшиеся волосы. — Ты лучше скажи, как сам поживаешь. Вид у тебя тот ещё.

— Знаю, — отмахнулся Ардук. — Бывали у меня и лучшие времена.

— У всех бывали. Раньше для меня жить в такой комнате не было роскошью. Видел бы ты мои апартаменты в Басселе! Денег было вдоволь на лучших девок. Потом, правда, я на эшафот попал. Так лучше уж, как говорится, в дерьме, но живым, чем с тугой мощной в петле... Так ты чего пришёл-то? Рассказы мои послушать о прошлом?

— Хотел позвать тебя выпить, раз уж мы тут застряли.

— Выпить? Меня?

— Ну да. Юральф не хочет с нами: решил отдохнуть. Ты меня тогда пошёл спасать в

горах, а я толком тебя не отблагодарил. Так что угощаю.

— Интересный разговор, дружище... Пойдём!

Варион быстро накинул куртку, отказавшись при этом от помощи. Ардук развернулся, открыл дверь и чуть не снёс стоящую за ней Паулину. Девушка испуганно отшатнулась, едва не разлив содержимое небольшого горшочка в её руках.

— Ой, извини, я как раз хотела постучать, — произнесла она, глядя себе под ноги.

— Не за что тебе извиняться, — Ардук улыбнулся.

— Ты что-то хотела? — спросил Варион, выглянув из-за плеча товарища.

— Принесла настой, — Паулина приподняла горшочек. — Он поможет тебе поправиться.

— Спасибо большое, поставь его сюда, — Химера указал на круглый стол у стены.

— А ты сам уходишь? — девушка заметно огорчилась. — Просто его нужно пить, пока не остыл, иначе пользы будет меньше.

— Не беспокойся, у меня в планах принять другой, не менее действенный, настой вместе со стариной Ардуком. Присоединишься?

— Ты что, пить? Нет-нет-нет, я не пойду!

— Очень жаль, — Варион потрепал её по плечу. — Тебе стоит отдохнуть: ты здорово потрудилась в той крепости.

— Может быть, — Паулина пожала плечами. — Но мне не спится.

— Для этого люди и пьют. Чтобы спалось.

Звучно рассмеявшись, Варион отправился вниз по ступенькам.

Вороний утёс был очень тесным городом. Агата с трудом пробралась через лабиринт узких улиц и вышла на Балкон. Так местные называли укреплённый край утёса, на котором и была построена крепость. Вниз вела одна-единственная извилистая дорога, позади же была лишь стена Вороньих гор. Город был зажат между высотой и пустотой.

Балкон здесь играл ту же роль, что и набережные в прочих городах. Люди прогуливались вдоль него, отдыхали на скамейках, пели песни, пили водку и смотрели вдаль: но не на речную гладь, а на далёкие равнины Яропольского княжества.

Агата отошла в сторону от галдящей молодёжи и света факелов. Облокотившись на каменный бордюр, она заворожено уставилась на тёмные предгорья. Знать наверняка она не могла, но ей казалось, что смотрела она на Редван. Ей больше всего сейчас хотелось взглянуть на то, как город выглядит теперь. Но сворачивать с пути было нельзя, да и Ярополье они проходили лишь краем.

Ночь была слишком тёплой для зимы. С крыш звонко стекала вода, а люди с облегчением стягивали с себя меховые одежды. Небо было чистым, и на нём виднелись десятки мерцающих звёзд. Весна уже готовилась заступить на дежурство, но зима никогда не сдавалась так просто. Буря наступала, и было разумно переждать её в тесной коробке города.

— Хорошо сегодня, — раздавшийся прямо над ухом голос заставил Агату вздрогнуть.

— Вполне, — ответила она стоявшему справа мужчине.

Он был немолод, но красив. Густые зачёсанные назад седые волосы, гордый орлиный профиль, богатые одеяния. Мужчина опёрся на бордюр, широко расставив руки.

— Месфат, — представился он.

— Агата.

— Рад встрече, — мужчина изящно поклонился. — Скажите, дорогая Агата, вы верите в судьбу?

— Судьбу? — она нервно рассмеялась. — Говорите про любовь с первого взгляда? Вы что, собираетесь просить руки и сердца? Вынуждена вас разочаровать...

— Нет-нет, — Месфат закачал головой. — Увы, любовь тут не при чём. Я спрашиваю именно о судьбе. Верите ли вы, что с нами случается лишь то, что предначертано? Или же мы сами — творцы своего будущего?

— Вы к чему это клоните?

— Вижу, вы в замешательстве. Выглядите, словно потерялись. Я могу помочь вам найти свой путь, узнать свою судьбу.

— Это каким же образом?

— Не верите? Позвольте вас убедить...

Месфат крепко обхватил взял её руку крепко. Он поднёс её к лицу и закрыл глаза. Агата почувствовала лёгкую дрожь.

— Вы что делаете?

— Я всё вижу, — голос мужчины чуть изменился. — Вижу ваш дом в огне, ваших родных в крови, вас саму в чужих руках... Много лет спокойного течения, а затем вновь пороги и изгибы... Столько всего пережито, но сколько ещё предстоит пережить!

— Хватит! — Агата выдернула ладонь из его рук.

— Хватит, так хватит, — Месфат выглядел обиженным. — Вас можно понять: узнавать свою судьбу непросто.

— Не знаю, чего вы добиваетесь, но с меня довольно, — монахиня решительно развернулась и зашагала прочь.

— Только будьте осторожны! Судьба может вас ошпарить в любой момент! — крикнул Месфат ей вслед. — Во все времена мы совершали одни и те же ошибки. Шли за ложными вождями и платили за это кровью.

Агата старалась его не слушать, но давалось ей это с трудом. Слишком мало этот статный мужчина был похож на очередного безумца-проповедника.

Дорогу в постоялый двор она нашла не сразу, пришлось даже просить подсказки у местной стражи. Оказавшись внутри, она поспешила на третий этаж, чтобы проведать Вариона с его сломанной ключицей.

Уже наверху лестницы ей навстречу из-за поворота выскочила Паулина с небольшим горшочком в руках. Они столкнулись, и горячее варево вылилось прямо монахине на бёдра. Она вскрикнула.

— Прости! — воскликнула Паулина. — Я тебя правда не видела! Что же такое со мной сегодня?

— Ничего, я сама дура: неслась, как угорелая, — успокоила её Агата. — Через брюки не так горячо. Что это вообще было?

— Отвар для Вариона. Но вот только он ушёл с Ардуком, и я решила отнести отвар Юральфу, пока всё не остыло. Ему ведь тоже досталось.

— Как ушёл? — возмутилась монахиня, забыв об ошпаренных ногах. — С его-то рукой? А если в какую передрыгу попадёт?

— Это же Варион, — Паулина подняла плечи. Это всё объясняло.

Вернувшись в комнату, Агата поспешила снять пропитанные кипятком брюки. Ожоги

были довольно сильные, и она сразу же обработала их настоем ромашки. Оказавшись в кровати, женщина ещё долго не могла уснуть. Судьба и правда здорово ошпарила её.

«Утренний туман» не был привычной прокуренной таверной, пахнувшей спиртом и похотью. Конечно, здесь тоже пили и предавались плотским утехам в укромных уголках, но делалось всё это с неким особым местным духом. Атмосферу задавала спокойная музыка, которую играли на своих дудках и лютнях четверо бородачей в одном из углов. Люди старались разговаривать негромко и спокойно, чтобы не перебивать артистов.

— Как-то здесь необычно, — сообщил Варион, озадаченно озираясь по сторонам.

— У Яропольского предгорья есть свой шарм, — Ардук сделал глоток клюквенной настойки.

— Люди тут странные, — Химера незаметно указал на сидящих по соседству крепких ребят. Те полушёпотом общались со вполне дружелюбным видом.

— А что в них странного?

— Сидят себе, разговаривают, музыку слушают. Никто не выскивает глазами, с кем зацепиться, подраться.

— Они живут на самых границах княжества, стоят на постоянном дежурстве. Ты сам видел, что кроется в Вороньих горах, — Ардук окинул взглядом перебинтованную руку товарища. — Эти люди знают, как расслабляться. Если быть в постоянном напряжении, так и помереть недолго.

— Это уж точно, — Варион хрустнул шейей. — Я раньше, бывало, тоже от безделья маялся, искал, кого бы разукрасить по пьяни. Неосторожный был.

— Зная, какой ты сейчас, тяжело представить, чтобы ты был ещё неосмотрительнее, — Ардук рассмеялся.

— Представь себе, — алледанец хмыкнул. — Я разок хотел с одной красавицей из Вильгельма переспать, а она как раз в тот день замуж выходила. Задача не из лёгких, прямо сказать, но я как следует надрался в местном пабе, нашёл её, да и поведал, что за месяц до этого убил племянника ярла Вильтегала. А вильтегальцев тогда в Алледане не жаловали после того, как их наёмники бунт подняли в порту Седжена.

— Взял и сознался, что был тем самым Химерой? — переспросил Ардук. — И как, онс того стоило?

— Скажем так: свою брачную ночь она провела со мной, — Варион торжественно поднял бокал и выпил. — Правда, после этого муж её избил и отправил в монастырь. Но мне же лучше, а то она ведь и опознать меня могла. После этого я лишь раз открылся женщине.

— Очередная новобрачная?

— Не приведи Свет, — Химера поморщился. — Эту я правда любил. Хотел, что называется, зачехлить кинжал навечно.

— А оказался на эшафоте.

— Ей и спасибо, — алледанец наполнил бокал и тут же его осушил. — Сдала меня, будто не жили последние восемь месяцев вместе. Она, конечно, заплакала, когда солдатня бассельская меня забирала, но не знаю, насколько искренне. Подумать только, я ведь уже приценивался к лучшим кольцам местных ювелиров!

— Ты с ней больше не виделся?

— Когда уж там? Сразу как тот псих подорвался на площади, я с Янеком и сбежал. Ну, ты помнишь. Сразу погнали лошадей на Север, в Сердамар. Как знать, может, после Койва рванём обратно на Запад. Я бы вам там столько всего показал! В Летаре и Меравии летом и осенью проводят такие ярмарки! А собор в Басселе видал? Почти две сотни метров в высоту, а колокола-то как звонят! В Ледергене покажу вам одну лавку, где торгуют амулетами на все случаи жизни, а в Седжене на турнир бойцовский ходим. Ну и девочки, конечно. Куда без них?

— Было бы здорово, — согласился Ардук. — Не знаю только, как оно дальше будет.

— Главное до Койва добраться, а там посмотрим.

— Плохое у меня предчувствие насчёт «потом», — гаальтец всеми старался отгонять тёмные мысли. — Все эти готовящиеся войны, артефакты, тёмные крепости и шкатулки.

— Ты слишком забиваешь свою уставшую голову, братишка. Наверное, последствия того дерьма, которое забралось в твою голову в горах.

— Ты вот знал, что Янек может колдовать?

— Паулина говорит, это не колдовство, — Химера покачал головой. — Она не почувствовала в нём никакой особой энергии.

— Тем не менее, Паулина всего лишь девчонка, только вышедшая из леса, а не магистр магии. А Юральф мне сказал, что Янек сумел изгнать того призрака. Не матом же он его обложил!

— Церковь вот говорит, что любой человек может призывать высшие силы себе на помощь, если сам в них искренне поверит.

— И давно ты у нас такой верующий? А то по тебе не скажешь.

— А что, наёмный убийца не может быть верующим? Что за предрассудки? Хочется же верить, что после того, как меня заслуженно четвертуют на глазах у обывателей, с моей душонкой что-нибудь ещё случится. Не хотелось бы сгинуть в небытии.

— Не волнуйся, о тебе ещё долго будут помнить в Западных королевствах.

— Помнить-то будут, да какой в этом толк, если я сам уже не буду существовать?

— Думаю, я бы предпочёл раствориться в пустоте, нежели стать каким-нибудь ырккой или быть запертым в собственной крепости, пытаюсь найти тело какого-нибудь неудачливого путника.

— Это ты сейчас так говоришь.

Мужчины на время замолчали, занявшись настойкой.

— Ты так доверяешь Паулине? — Ардук наконец задал вопрос, так долго мучавший его.

— А ты нет? — ушёл от ответа Варион. — Ты же сам вступился за неё, когда Янек воспротивился.

— Я прежде всего доверяю своим друзьям. Вот и хотелось бы знать, так ли ты уверен в своём мнении.

— Не то слово, — твёрдо произнёс Химера. — Девочка потеряла всё. Мы все когда-то прошли через это.

— Не стоит забывать, что она росла со своей матерью, которая всё-таки была ведьмой с болот, — Ардук жестом попросил у официантки ещё одну бутылку с выпивкой. — Я просто надеюсь, что мы не совершили ошибку, взяв её с собой.

— Не уподобляйся Янеку, дружище, — Варион слегка повысил голос. Остальные посетители таверны смерили его недовольными взглядами.

— Янека я иногда вообще не узнаю, — гаальтец тяжело вздохнул. — Слишком уж его

задела ситуация с Раваном и Койвом. Он из тех, кто до сих пор свято верит в единство наших земель. Для него удар по Койву — это удар по его друзьям в Новом Граде и Ярополье.

— Сотторийские княжества уже почти две сотни лет враждуют и распадаются ещё дальше, — Варион ухмыльнулся. — Наивно думать, что Сотторийское царство ни с того ни с сего возродится.

— Остаётся только верить, — гаальтец вновь вспомнил о войне, разгоревшейся между его родиной и Республикой. — Правда, иногда я ужасаюсь тому, как мало знаю о человеке, за которым слепо иду через полмира.

— Ты бы ужаснулся ещё больше, если бы выяснил, как мало знаешь обо всех остальных.

— Не буди лихо пока оно тихо, — вспомнил Ардук любимую поговорку матери. Нужно было разрядить обстановку. — Кстати, позволь ещё кое-что узнать.

— Валяй.

— Вы с Паулиной здорово сблизились после поисков в той крепости. Часто о чём-то говорите, она ещё и отвары тебе целебные готовит.

— Ты на что намекаешь, дитя гаальта? — Варион прищурился. — Она просто потерянная девчонка, и вполне разумно, что она привязана к тому, кто вытащил её из-под руин старой жизни.

— Как знаешь, — Ардук подмигнул. — Я ведь не осуждаю, ты не подумай.

— Пей давай, — обычно бледные Химеры покрыл лёгкий румянец. — Не мелочись, раз угощать взялся.

То ли от доверия, то ли забывчивости, Варион забыл запереть комнату перед уходом. Паулина заметила это, лишь когда он уже покинул постоялый двор. Конечно, хозяин гостиницы утверждал, что опасаться путникам нечего, но доверять одним его словам было бы глупо.

Отмыв свой котелок от остатков целебного отвара, Паулина убрала его в сундук с остальной утварью, приобретённую в Белоозере. Правда, денег у неё тогда не было, и пришлось занимать у Юральфа.

Стараясь не скрипеть половицами, волшебница поднялась на третий этаж и осторожно приоткрыла дверь в покои Вариона. Свеча, беспечно оставленная им на столе, уже догорала. Самого алледанца по-прежнему не было.

Паулина пересекла комнату и подошла к кровати. Вещи Вариона были разбросаны повсюду: запасная пара перчаток на одной подушке, кинжал в ножнах на другой, порванная в битве куртка поверх одеяла, выпотрошенный рюкзак со всякой мелочью под столиком.

Среди кипы бумаги и флакончиков с маслом против обморожения Паулина увидела тонкую золотую цепочку. Потянув за неё, волшебница вытащила небольшой кулон. Щёлкнув замком, она его открыла. Внутри было нарисованное тонкой кистью изображение девушки и одна-единственная буква «А».

«Кем она была?» — подумала Паулина. На Агату дама совсем не походила: монахиня выглядела заметно старше. Стало быть, кулон этот — из его прошлой жизни. Видимо, Варион его слишком ценил, чтобы продать.

Паулине всё это было интересно: она хотела знать о нём больше. Ей снова вспомнилось улыбочное чуть островатое лицо алледанца. То самое лицо, что приснилось ей в последнюю

ночь в родном доме.

Девушка взяла в руки кинжал Вариона и медленно вытащила его из ножен, наблюдая, как огонёк свечи играет на потемневшей стали. Свой меч он потерял в крепости тёмного народа, оставшись без основного оружия. На кинжале почти не было отпечатков крови, потому как пользовались им нечасто.

Паулина села на край кровати и закрыла глаза. После злоключений во время поисков Ардука она словно стала сильнее: чётче ощущала окружающие потоки энергии, лучше ими управляла.

Она не спешила поделиться этим с остальным отрядом. Они до сих пор с некоторым недоверием спрашивали, как ей удалось так просто расправиться с одержимыми. Конечно, они ошибались. Контроль столь могущественной энергии дался ей с большим трудом, но, казалось, открыл перед ней новые горизонты. Словно закалил её разум.

Колдунья затаила дыхание, пытаясь настроиться на Вариона. Его следы были повсюду, нужно было лишь правильно их прочесть. Она крутила кинжал в руках, пока не появились, наконец, обрывистые образы. Паулина увидела какой-то шумный рынок, спину Химеры, лабиринтную меж прилавков. Он долго изучал это оружие и, убедившись в его качестве, протянул продавцу мешочек с монетами.

Теперь куртка. Он с интересом примерил её, поднял руки вверх, проверяя, насколько в ней удобно сражаться. Рядом на краю повозки сидел Юральф. Ему эта куртка не нравилась, он сам только что купил длинный меховой плащ для зимы...

Кулон. Этот переход дался Паулине сложнее всего. Она перенеслась далеко на Запад, увидела незнакомые улицы, необычные дома, вымощенные камнем дороги, ведущие к огромному храму, совсем не похожему на те, что они проезжали в Республике.

Варион шёл по этим улицам, держа за руку ту самую А. Они остановились на небольшой заполненной художниками площади у фонтана. Один из мастеров взял только что купленные у местного ювелира кулоны. Нарисовал в каждом по изящному портрету, вывел аккуратным почерком буквы: «В» и «А».

Паулина увидела спальню, похожую на эту. Варион что-то восторженно пересказывал своей возлюбленной. Та взяла его за руки, что-то ответила. Химера решительно кивнул и отправился куда-то.

Комнату заполнили солдаты. Удар. Темнота. Сырое подземелье. Человек в смешной шляпе и с пером в руках. Площадь, полная людей. Огонь. Ужас. Варион бежал со всех ног, не веря, что был ещё жив. Всё это время кулон был на нём. Он всё видел.

Отчаянно вдохнув побольше воздуха, Паулина открыла глаза. Свеча больше не горела. Дрожащими руками волшебница вернула все предметы на их места. Она хотела уйти, но не могла. Она легла на дальнюю от входа половину кровати и уставилась в тёмное окно, думая о том, что увидела.

Вскоре скрипнула дверь и раздались тяжёлые шаги вперемешку с нечленораздельным бурчанием. Варион бросил верхнюю одежду на пол и тяжело плюхнулся на кровать рядом с Паулиной. От него разлило крепким алкоголем.

Девушка не знала, успел ли он заметить её, прежде чем провалился в сон и захрапел. Не в силах пошевелиться она задавалась вопросом, видел ли он в этот момент улицы далёкого города и свою даму. Как же её звали?

— Алиса.

Сначала ей показалось, что говорит её собственное подсознание, но затем Варион вновь

сквозь сон повторил это имя. Алиса.

На завтрак помимо Агаты спустились лишь Янек, Паулина, да ещё два потасканного вида мужичка, собиравшихся, судя по разговорам, перевозить какой-то груз по перевалу.

Хозяин таверны с угрюмым видом вынес из кухни большую покрытую жиром сковороду с не самого лучшего вида омлетом. Раскидав пищу по тарелкам, он всё так же молча удалился восвояси.

— Что говорят в городе? — поинтересовалась Агата, с трудом проглатывая безвкусный омлет.

— Буря должна ударить сегодня ночью, — сообщил Янек, запивая еду стаканом молока. — Мы разумно поступили, оставшись в Вороньем утёсе. Говорят, на пути сюда метель погубила немало людей в Ярополье. Зато дальше будет куда лучше.

— Значит, скоро весна? — воспряла монахиня. — Даже не верится.

— Ближе к Койву станет совсем тепло, — подтвердил старик.

— Чудесно, — Агата повернулась к Паулине. — Позволь спросить, дорогая.

— Что? — колдунья встрепенулась.

— Где ты сегодня ночевала? Я уснула поздно, но тебя всё не было. Также и когда я проснулась.

— По-моему, очевидно, где она ночевала, — Янек нахмурился. — Два человека из отряда решили снять личную комнату подороже, но у меня девочки, понятное дело, не было.

— Варион? — Агата чуть не поперхнулась. — Ты что?

— Он просто забыл запереть комнату, и я пошла сторожить да уснула, только и всего! — поспешила оправдаться Паулина. — Он там лежит пьяный и даже не знает, что я там была.

— И пусть не знает! — строго сказала монахиня. — Нечего тебе за ним волочиться, он в этом деле непорядочный.

— Да я и не думала, ты что? — девушка вскочила.

— Успокойся, ты всю таверну разбудишь, — недовольно проворчал Янек.

— Да ну вас!

Паулина с обиженным видом покинула трапезную. Агата хотела окликнуть её, но передумала. Вместо это она ещё раз осмотрела зал, но так и не нашла лицо, которое искала.

— Янек, — произнесла она тихим голосом. — Сколько в Вороньем утёсе постоянных дворов?

— Только этот, — ответил старик, прищурившись. — А что, ты кого-то потеряла?

— Можно и так сказать.

Отодвинув остатки омлета, Агата вышла из-за стола и направилась к прилавку. Она дёрнула за свисающий с потолка шнурок, раздался звон. Вскоре за прилавком показался угрюмый трактирщик.

— Добавки? — лающе спросил он.

— Нет, спасибо, — женщина невольно поморщилась. — Я бы хотела узнать кое-что. У вас сейчас среди жильцов нет немолодого седого мужчины в меховой синей мантии?

— Единственный седой, что у нас сейчас живёт, сидел с тобой за одним столом, — трактирщик поковырялся в зубах. — Сейчас зима: гостей-то вообще мало. Только ваша

компашка, да двое контрабандистов... Купцов, в смысле.

— И на том спасибо.

Агата поднялась в комнату, оделась и поспешила на улицу. Она точно не знала, где искать вчерашнего знакомого, но доверилась чутью. Оно провело её сквозь череду резких поворотов и вывело прямо на Балкон.

Месфат был почти там же, где и днём ранее. Он сидел на скамейке, заложив ногу на ногу и смотрел на небо, которое к утру затянули тяжёлые сизые тучи. Увидев Агату, он поднялся и учтиво поклонился.

— Вы не удивлены меня видеть? — спросила монахиня.

— Конечно, я знал, что вы вернётесь, — Месфат улыбнулся. При свете он выглядел ещё приятнее. — Иначе зачем мне сидеть здесь с самого утра? Полагаю, вы всё-таки решились взглянуть судьбе прямо в лицо.

— У меня возникло чувство, что я должна это сделать.

— И правильно.

Месфат, как и накануне, обхватил её правое запястье, поднёс его к лицу и прикрыл голубые глаза. Его руки затряслись, и дрожь перекинулась на Агату. По телу её пробежал жар, словно где-то неподалёку подожгли кротомский порошок. Месфат затрясся ещё сильнее, прохрипел и отпустил её.

— Что такое? — поспешила узнать монахиня. — Вы что-то увидели?

— Разумеется, — голос Месфата звучал более сипло. — Нелегка ваша дорога, ой как нелегка. На дороге ведь много кочек и рытвин, а некоторые из них куда больше, чем кажутся. У вашей телеги четыре колеса, но одно уже начало трескаться и вскоре сломается окончательно. Надеюсь, у вас есть запасное. Иначе жар поглотит вас.

Не говоря ни слова больше, Месфат развернулся и стремительно удалился в направлении рынка. Агата попыталась его позвать, но не получила никакого ответа. Вскоре он скрылся в лабиринте городских улиц. Борясь с нахлынувшей дрожью, она поспешила обратно в трактир. Из комнаты она больше не выходила весь день.

К вечеру, когда уже стемнело, началась метель. Трактирщик предусмотрительно забил досками окна, так что отряд слушал неистовые завывания ветра снаружи, находясь при этом в полной безопасности.

Они все сидели в трапезной, но каждый занимался своим делом. Варион глушил медовуху стакан за стаканом, Юральф и Ардук играли в кости с контрабандистами, Янек подтачивал острый конец своей палки, а Паулина просто сидела, закрыв глаза. Агата же, как всегда, сидела с книгой в руках. Читать она, однако не могла. То и дело её взгляд отрывался от изящно выведенных чернильных строк и бегал от одного члена отряда к другому.

Возможно, один из них был тем самым треснувшим колесом. Так и было, Агата даже не сомневалась. Знал ли этот человек об этом? В чём именно выражалась эта трещина? Что случится, когда колесо сломается? На эти вопросы она ответить не могла, как едва ли мог и Месфат. Ответы эти хранило только само время.

Глава 7.

Огненная земля не знала, что такое холод. Бывало, с севера приходили послания, в которых князья и лорды описывали всевозможные напасти, пришедшие вместе с зимой, но

Рамул мог с трудом представить, какого это было на самом деле. Здесь, в обители Неопалимых, снега не бывало никогда.

Конечно, солнце не всегда светило над островами, но даже в самые дождливые годы на Огненной земле было тепло. Жители и гости архипелага всегда имели возможность прогуляться вдоль песчаных побережий и насладиться тёплыми водами Великого океана.

Пришельцев здесь всегда хватало. Проходящие суда с Большой Земли зачастую вставали на якорь неподалёку избегая надвигающихся штормов. Бывали здесь и гости с другой стороны океана. Как правило, все они останавливались в единственном на островах городе, обходя стороной обитель Неопалимых. Многие попросту побаивались таинственных бритоголовых магов, невосприимчивых даже к самому лютому пламени.

Рамул, конечно, знал, насколько нелегко было стать Неопалимым. Ему ещё в какой-то мере повезло: его предки уже не одну сотню лет жили в этой общине, и способности к управлению пламенем в нём были заложены с самого рождения. Обучение же тех, кто прибыл в обитель из других мест зачастую заканчивалось выносом обгорелого тела за стены.

Но даже Рамулу тренировки казались сущим адом. С раннего детства на него капали свечным воском, его окунали в кипяток и обжигали кострами, чтобы выработать стойкость к огню. Со временем учителя перешли к пламени, призванному магическим путём. Такой огонь был куда жарче и беспощаднее, чем обычный, древесный.

Ожоги проходили долго и первое время очень сильно болели. Зачастую учителя били по ещё не полностью зажившей коже плетьюми, чтобы процесс длился дольше. К двадцати годам волосы Рамула, неоднократно сгоравшие до корней, вовсе перестали расти.

Старейшины говорили, что так получается из-за многочисленных зелий и отваров, которые ученики пили на постоянной основе. Это имело смысл: даже у самых опытных и стойких из Неопалимых волосы всё равно продолжали гореть, что для пиромантов было недопустимо.

К своему тридцатилетию Рамул уже выглядел так же, как все настоящие колдуны обители: смуглая жёсткая кожа, безволосая голова и бордовые одеяния из негорючей ткани, созданной умельцами по ту сторону океана. Магу приходилось постоянно щуриться, чтобы защитить глаза от бесконечного жара, отчего его глаза стали уже.

С высоты прожитых лет Рамул вспоминал своё обучение с благодарностью. Он был невероятно горд называться одним из немногих Неопалимых. Одним из тех, кто мог испепелить целый вражеский отряд, при этом не получив ни единого ожога. Хотя эти времена уже остались в прошлом благодаря кодексу ордена. Три сотни лет назад, когда трое Неопалимых за щедрую плату сравняли с землёй одно из поселений на соседних островах, тогдашний лидер общины написал новый свод правил, запретив магам участвовать в войнах.

— Я знал, где тебя найти, — Мервер покрался как всегда незаметно.

Рамул пожал плечами и кивнул. Он каждое утро отправлялся отвесный берег острова, чтобы посмотреть на рассвет. Небо в этот день было чистым, и зрелище получилось особенно захватывающим.

— И что ты в этом нашёл? — пробурчал Мервер. — Солнце оно и есть солнце.

— Но каждый рассвет отличается от предыдущих, — завороченно ответил Рамул. — Пусть мы и не горим в огне, но жить вечно всё равно не будем. Так что каждый рассвет для меня как в последний раз.

— Чушь какая-то, брат, без обид.

Рамул лишь вздохнул, не спуская взгляд с горизонта. Он ничего не собирался

доказывать Мерверу. Тот был вполне способным двадцатилетним парнем, но бунтарский дух едва ли позволит ему стать настоящим членом ордена.

Мервер сказал что-то ещё, но Рамул не обратил на него внимания. Он весь сосредоточился на появившихся из-за соседнего острова кораблях. Сразу четыре могучих судна шли в сторону обители на полном ходу. Когда они приблизились, стало возможным рассмотреть одинаковые гербы на их парусах: солнце на треугольном щите и два скрещенных копья. Раванское ханство.

Маги поспешили предупредить старейшин, так что раванцев в бухте встречала целая делегация. Верховный хранитель ордена Ассий с личным помощником, Мервер с двумя товарищами и ещё четверо взрослых магов. Рамул стоял чуть впереди.

К берегу чужестранцы добрались с помощью семи вёсельных шлюпок. Из каждой из них выбралось по шесть крепких бойцов с ятаганами. Один из них возглавлял группу.

— Шегельян-ашар! — лидер чужаков поздоровался первым.

— Ашар-ашар, — воскликнул Рамул.

Маги слегка преклонили головы.

— Чем наша община обязана вашему визиту? — продолжил неопалимый, не без труда подбирая нужные тохорские слова.

— Моё имя Эсхетул, — представился командир. — Я здесь от имени своего отца, великого хана Чекетулая.

Маги настороженно зашептались.

— И чего же вы хотите? — спросил Рамул.

— Не продолжить ли нам разговор где-нибудь под крышей за чашкой чая? — предложил Эсхетул, приподняв уголки рта.

— К сожалению, врата общины закрыты для чужеземцев, — с сильным акцентом подключился Ассий. — Если вам есть, что сказать, говорите здесь.

— Вот как? — ханский сын оскалился и закивал. — Не любите, значит, гостей. А жаль: у нас в стране это приветствуется.

— Здесь ведь не Раванское ханство, а Огненная земля, — напомнил верховный хранитель. — Так что будьте любезны соблюдать здешние законы. Так за чем пожаловали?

— Хорошо, как скажете, — Эсхетул потёр руки. — Нам нужны ваши люди для одного дела. Очень важного дела.

— Нет, — коротко ответил Ассий. — Кодекс...

— Знаем мы про ваш кодекс, старик, — раванец повысил голос. — И плевать нам, какие тут законы. Великому хану нужны Неопалимые. Значит, он их получит.

— Прочь! — прокричал глава ордена. — Сейчас же. Это неприемлемо!

Не говоря ни слова, иноземцы погрузились обратно в шлюпки. Корабли, однако, уходить не собирались. Напротив, они подняли якоря и принялись кружить вокруг острова.

Неопалимые начали беспокоиться. Кто-то предлагал отдать-таки раванцам кого-нибудь из учеников, другие же собирались испепелить корабли, если те не покинут бухту. Старейшины то и дело метались от одного решения к другому. Так ничего и не придумали, когда солдаты Равана высадились на берег острова.

Установленные на кораблях метатели копий засыпали обитель острым огненным дождём. Сами Неопалимые сгореть не могли, чего, однако, нельзя было сказать о постройках. Деревянные перекрытия стен вмиг вспыхнули, а дым затянул весь остров.

Солдаты бросились в битву. Неистово рыча, раванцы пробили оборону чародеев. Те

пытались отбиваться заклинаниями, но было уже поздно. Один за другим Неопалимые погибали от мечей или копий врагов.

Чудом избежав гибели под летящими с кораблей копьями, Рамул отправил мощный огненный шар в толпу преследователей. Ещё троих солдат, набегавших справа похоронила под собой пылающая крыша трапезной.

Рамул выбежал на побережье, где ещё утром наслаждался закатом, под грохот шагов сзади. Он то и дело отправлял за спину заклинания, но те с каждым разом получались всё слабее и слабее. Его тело уже устало проводить через себя энергию.

Земля вдруг ушла из-под ног неопалимого. Не в силах даже вздохнуть он упал на спину, подняв в воздух облако пыли. С трудом открыв слипшиеся от пота глаза, Рамул увидел перед собой облачённую в сиреневую мантию фигуру.

— Думал, ты тут один маг? — проскрипел раванец, поигрывая зарядами на ладонях.

— Добегался, — добавил широкий воин с копьём.

— Не убивайте, — с трудом взмолился Рамул.

— Не убьём, — оскалив зубы, ответил подошедший Эсхетул. — Говорю же, нам нужны маги. Тащи мешок!

Чародей в сиреновом что-то прошептал и мир для неопалимого потух.

Очнувшись, Рамул увидел перед собой лишь мрак. Сначала он испугался, что ослеп, но после сумел разглядеть тоненькие полоски тусклого света, пробивающиеся сквозь дощатый потолок. Рядом во тьме кто-то возился и постанывал от боли. Рамул попытался дёрнуться, но ему помешали цепи, обмотанные вокруг запястий за спиной.

— Скотина, — выругался кто-то совсем рядом. — Урод, тварь, сука.

— Заткнись, — возмутился голос издали. — Не зли их лишний раз.

— Ты мне рот не затыкай.

— А то что? Мы тут все связаны.

— Ну и твоё счастье.

— Тихо! Кто-то идёт.

Потолок заскрипел, раздались тяжёлые шаги. Дверь отворилась, и помещение залил свет двух масляных ламп, которые держали стражники Раванского ханства. Они спустились по лестнице, сопровождая Эсхетула.

Сын хана пересёк темницу, покручивая в костистой руке изогнутый нож. Глаза его перепрыгивали с одного пленника на другого. Всего узников было четверо: совсем рядом с Рамулом стоял на коленях избитый и изувеченный Мервер, чуть поодаль плечом к плечу сидели два брата, совсем недавно начавших обучение. Один из них не подавал признаков жизни.

— Пусти! — потребовал Мервер, тяжело двигая опухшими губами. — Сейчас же!

— Вот как? — прищурившись, Эсхетул присел рядом с ним. На языке Бескрайнего моря он говорил вполне сносно. — Отпустить тебя, значит?

— Да. Быстрее.

— Хорошо.

Командир кивнул стражникам, и те поспешили освободить узника. Мервер поднялся и, раскачиваясь, пошёл к лестнице. Смотрел он себе под ноги.

— Ладно, всё, — Эсхетулу резко выпрямился. — Погулял и хватит.

Быстро догнав мага, сын хана вогнал изогнутый нож ему между лопаток и скинул окровавленное тело с лестницы. Рамул почувствовал, как по спине побежал холодок.

Ханатцы покинули темницу. Дверь за ними захлопнулась, и Неопалимые вновь оказались в темноте. Рамул не мог сказать, сколько прошло времени на этот раз. Иногда он проваливался в беспокойный сон, где видел обрывки сражения на Огненной земле, а затем вновь просыпался и прислушивался к каждому шороху наверху.

Вскоре темницу наполнил запах гнили. От него невозможно было укрыться, а со временем он становился всё сильнее. Привыкнуть к вони оказалось куда сложнее, чем выработать стойкость к жаркому магическому пламени.

Однажды дверь вновь открылась. Свет на сей раз был вполне естественным, дневным. В лучах солнца стало видно, что тело Мервера было всё покрыто мерзкими копошащимися личинками. Стражники, теперь их было четверо, разом поморщились и накрыли лица ладонями, Эсхетулу же никак не отреагировал на зловоние.

— Как-то тухло у вас здесь, — заметил ханский сын, противно улыбаясь. — Пора подвигаться. Идёмте, раз вы у меня последние!

Солдаты отвязали обоих узников и тычками погнали их наверх. Рамул поднимался по лестнице, крепко стиснув зубы и ожидая удара ножом. Его не последовало. Узники благополучно поднялись наверх и вышли на открытый воздух.

Стояли они посреди палубы одного из раванских кораблей. Рамул закашлялся, когда свежий морской воздух ударил в нос: слишком уж его тело привыкло к гнили. За правым бортом судна начинался безбрежный океан, слева же было видно полоску песчаной земли.

— Итак! — Эсхетулу старался перекрыть многочисленных чаек, галдящих на мачтах. — Мы почти на месте.

— Куда мы плывём? — прохрипел маг-ученик.

— Вы пока никуда, — командир рассмеялся. — Сейчас выясним, достойны ли вы.

Эсхетулу прокричал какое-то тохорское слово, похожее на то, что означало «огонь». Солдаты подбежали к нему с двумя чанами чего-то вроде масла. Командир молча показал на молодого мага и того тотчас же облили с ног до головы. Закусив губу, Эсхетулу достал из-под кожаной жилетки коробок со спичками, зажёл одну и метнул её прямо в бедолагу.

Маг не успел закончить обучение и к огню невосприимчив не был. Едва пламя охватило его, он издал нечеловеческий вопль. Чародей метался из стороны в сторону, не имея возможности что-либо поделать, и лишь загорался ещё сильнее.

— Всё понятно, — сквозь зубы процедил Эсхетулу по-тохорски. — За борт его, пока весь корабль не поджёл!

Солдаты обмотали мага-ученика толстой тканью и резким движением отправили тлеющее тело в воды океана.

— Теперь ты, — ханский сын взглянул на Рамула узкими змеиными глазами.

Густое пахнущее железом масло покрыло чародея и вспыхнуло. Всё вокруг залил бешенный всепоглощающий жар. Весь мир стал красным. Но Рамул выстоял. Стиснув зубы до боли в челюсти, он стоял, высоко задрал голову и не даже не думал закричать. Не для того он тренировался все эти годы, чтобы сгинуть в морской пучине.

Теперь Рамула облили водой. С первого раза потушить пламя не удалось, но он терпеливо ждал, пока бойцы принесут ещё один чан. Когда огонь окончательно угас, Рамул отряхнул с себя сажу и взглянул на Эсхетулу. Тот выглядел восторженным.

— Я уж думал, с пустыми руками вернёмся, — проговорил он.

Командир зашагал по палубе, позвав Рамула за собой. Вместе со стражей они вышли на нос корабля. Прямо по курсу виднелась живописная бухта, в которой раскинулся город. Рамул узнал этот вид с многочисленными высокими бошохарами и зелёными раскидистыми садами. Он видел этот город в книгах и на картинах. Слышал о нём от путешественников на Огненной земле. Асхат-Раван, великий оазис.

— Добро пожаловать на службу, неопалимый, — торжественно произнёс Эсхетул. — Грядёт твоя битва.

— Я не собираюсь за вас сражаться, — огрызнулся Рамул. Он чувствовал, что мог немного побравировать.

— Не важно, собираешься ли ты или нет, — сын хана усмехнулся. — Мы умеем убеждать.

Глава 8

Граница пахла войной. Койвское княжество начиналось там, где яропольские предгорья переходили в бескрайнюю равнину, и место это очень хорошо помнило недавние сражения. Кровопролитная война старых братьев закончилась меньше года назад.

Пограничный форпост Ярополя представлял собой обгоревшие руины: именно сюда пришёлся первый удар Койвского княжества. По обе стороны изъезженной дороги то и дело встречались оборонительные сооружения и обломки катапульта и баллист. Иногда Юральф замечал части обмундирования солдат и их кости на сером снегу.

— Какой кошмар, — с отвращением произнёс новоградец, озираясь по сторонам на козлах.

— Такое уже становится обыденностью, — горько признал Янек, пуская лошадей в обход распластавшегося посреди дороги воина в почерневшем нагруднике. — Войной нынче мало кого удивишь.

— Почему их не заберут и не похоронят?

— Война разразилась по осени, а там уж и снег лёг. В этих местах и обычно живой души не встретишь: основной тракт ведь проходит в другом месте. Торгаши всякие ездят по дороге от Республики до Чергова. На неё мы и идём.

Справа показалась заброшенная деревня. Большинство её домов представляли собой жалкое зрелище: обвалившиеся крыши, пустые окна, дыры в стенах и следы пожара повсюду.

— Люди ушли из этих мест, — Янек вздохнул. — Во всяком случае, кто вообще был в состоянии ходить. Многие так и остались на своей земле: теперь уже навечно.

— А где мы будем ночевать?

Солнце клонилось к закату, так что этот вопрос уже волновал Юральфа. Лошади изрядно запыхались после яропольских предгорий, и отдых был необходим.

— Прямо у дороги и остановимся. Больше некуда податься.

Юральф напрягся. Конечно, им не впервой было ночевать прямо в повозке, но окружающие развалины нагоняли на него тревогу.

— До ближайшего обитаемого города ещё полдня езды. Здесь и до войны были только сёла и пара форпостов, — добавил Вермейер, заметив беспокойство новоградца. — Лошади устали после снежных заносов там, наверху. К тому же, я не хочу, чтобы мы в темноте наехали на обломки какого-нибудь каравана или копьё мертвого яропольца.

Отряд встал на ночлег ещё засветло. Запаса дров для костра в повозке не имелось, так

что кому-то предстояло отправиться в ближайшую рощу. Химера отказался идти куда-либо, сославшись на больную руку. Юральфу же требовалось размяться после нескольких часов сидения на козлах. Ардук вызвался помочь товарищу.

До деревьев идти было совсем недалеко, но ближайšie из них прогнили или отсырели, из-за чего бойцам пришлось зайти поглубже в редкий березняк. Повозку оставили в поле, немного отведя её от дороги. Янек напрочь отказался ночевать в разрушенных сёлах, опасаясь мародёров или чего-то похуже, вроде плотоядов.

— Неслабо яропольцы прошлись по этим местам, — заметил Ардук, остановившись у трёх переплетённых скелетов, лежащих у подножия сломанной пополам берёзы.

— Видимо, многие пытались прятаться в деревьях, — предположил Юральф. — Но ты же сам знаешь, какие в Ярополье густые леса.

— Реденькой рощицей их не испугать, — согласился гаальтец. — Другой вопрос: зачем мирных жителей гнать так сильно?

— Чтобы другим неповадно было соваться. Койв же первым напал.

— Не лучшая страница в их военной истории, — Ардук усмехнулся.

— Помню, нам в армии про Еленец рассказывали, — вспомнил Юральф. — Это город, где-то в центре княжества. Самый обычный город. Но, когда напало Великое ханство, Еленец держался дольше, чем сам Архерон. Чем только его взять не пытались: осадные башни, катапульты, маги. Говорят, ханский генерал привёз с южных островов мантикор. Пять лет стоял город под осадой. И всё-таки не выстоял.

— Что же случилось?

— Где не сдюжила магия и сталь, справилось золото. В городе сменился местный князь, и хан через посланников пообещал ему несметные богатства, если тот откроет ворота. Он так и сделал, только в конце концов его разорвали дети и родители тех, кто погиб, защищая город пять лет.

— Нынче в Гаальте не любят истории про героизм Соттории и её потомков, — Ардук вздохнул.

— Но вы же сами были частью царства.

— Князь Шеодогор утверждает, что Соттория нас оккупировала. Мол, в рабстве мы жили.

— И люди ему верят?

— Люди всегда верят тем, кто обещает, что завтра будет лучше, чем вчера. Разве в Республике всё иначе?

Юральф промолчал. Он как раз заметил пару подходящих деревьев. Вытащив из-за пояса заточенные в пути топоры, друзья принялись рубить довольно широкую высохшую берёзу. Дерево уже начало с хрустом нагибаться, когда Ардук вдруг замер. Юральфу был знаком этот взгляд товарища: его чуткие уши рейнджера что-то уловили.

— Что там?

— Тсс.

Юральф медленно обернулся, крепко сжав топор. Другого оружия он с собой не имел. Ардук медленно попятился, вытаскивая из-за голенища сапога короткий метательный нож.

Стемнело ещё не до конца, и в сумеречном свете Юральф разглядел сгорбленный силуэт меж деревьев. Человек в оборванной одежде шаркающей походкой двигался прямо в их сторону. Новоградец жестом сообщил соратнику, что собирается зайти на цель с тыла.

Стараясь не издавать лишних звуков, будь то хруст веток или громкий выдох, Юральф

короткими перебежками обогнул цель. Едва он оказался за спиной человека, в нос ударил резкий запах гнили. Юральф захрипел и закашлялся, сдерживая рвоту.

Фигура остановилась и, медленно переступая одеревеневшими ногами, развернулась. Пара помутневших глаз, мерцающих на покрытом синеватыми ошмётками плоти лице, уставилась на Юральфа. Мертвец поднял скрюченные руки. Мяса на его кистях почти не осталось, и пальцы удерживала лишь какая-то неведомая сила.

Труп двинулся вперёд с противным скрежетом, и Юральф встретил его ударом топора по сизой голове. Лезвие с хрустом вошло прямо в лоб мертвяка, но тот и не думал останавливаться. Новоградец отпрыгнул назад, и костяные пальцы разрезали воздух прямо перед его лицом.

Сделав ещё шаг, мертвец согнулся пополам, получив сокрушительный удар по лишённому плоти затылку. Ардук размахнулся и опустил топор вновь на то же самое место, отчего существо пошатнулось и налетело на древесный ствол.

Сделав глубокий вдох, Юральф огрел мертвяка обухом, а следующим движением перерубил его ногу под коленом. Труп рухнул на порошу и попытался достать противника с земли, но Ардук, занеся топор за голову, размашистым ударом отрубил гнилую голову.

— Какого грёбанного чёрта? — прошептал гаальтец, отходя от шока.

Пожав плечами, Юральф носком ботинка перевернул отрубленную голову. Затылок мертвеца представлял собой кашу и костей из чего-то, похожего на студень. Гнилостный запах вновь заставил новоградца вздрогнуть. Обезглавленное тело ещё продолжало дрыгаться.

— Что будем делать? — спросил Ардук, пытаясь вытереть топор о ближайшую берёзку.

— Нужно показать Янеку и остальным, — решил Юральф. — Мертвые просто так не встают, и они могут что-то знать.

Борясь с тошнотой и отвращением, бойцы завернули голову в мешковину, в которой планировали нести порубленное дерево. О дровах они уже совсем не думали.

До повозки они двигались почти бегом, то и дело озираясь по сторонам. Больше мертвяков видно не было, но чувство беспокойства не покидало Юральфа. Уже у самого лагеря им встретился Варион, пытавшийся одной рукой совладать с застёжкой на стёганных брюках.

— Вот что за напасть такая? — пожаловался Химера, завидев товарищей. — Даже отлить нормально не могу. Нет желающих помочь?

— Все на месте? — взволнованно поинтересовался Юральф.

— Конечно, а что...

— Быстрее, за нами.

— Хорошо, но, если я обмочусь, это на вашей совести.

— Заткнись.

Янек, очевидно, уже успел задремать. Заспанный и взъерошенный, он выбрался из повозки, опираясь на палку, и заковылял навстречу дровосекам. За ним последовала Агата, уже в ночной рубашке. Паулина не дождалась ребят и уснула.

— Что случилось? Где дрова? — спросил Вермейер, настороженно прищурившись.

Юральф молча развернул мешковину, и гнилая голова выкатилась на землю. Агата тут же накрыла лицо руками, и отошла за повозку, а Янек испуганно посмотрел в мёртвые глаза.

— Это вы так ужинать собрались, больные вы ублюдки? — с отвращением воскликнул Варион.

— Полагаю, эта голова не просто так валялась в роще, — произнёс Янек.

— Она была вполне себе на плечах, — подтвердил Юральф. — Труп вышел на нас из леса и пытался убить.

— Вышел? — переспросил Варион. — Я, конечно, не мастер-труповед, но, по-моему, суть трупов как раз в том, что они лежат. Мёртвые!

— А этот ходил, — Ардук пожал плечами. — Думаю, мы повидали достаточно, чтобы не удивляться этому.

— И всё же, — продолжил Юральф. — Условный плотояд обычно не продолжает сражаться, если ему раскроить череп.

— Он не пытался вам что-то сказать? — спросил Янек, не спуская глаз с головы.

— Он просто шатался по лесу, увидел меня и напал, — поведал новоградец.

— Готов поспорить: это не нормально, — вставил Варион.

Янек исподлобья взглянул на Химеру, присел на корточки и поближе рассмотрел трофей из рощи. Ноздри его зашевелились, словно он принюхивался к находке.

— Не просто так эта душа осталась неуспокоенной, да? — Юральф подошёл поближе к старику.

— Нет тут никакой души, — буркнул Янек. — Его подняли.

— Подняли? — испуганно повторила Агата. — Кто?

Вермейер молча поднял голову мертвеца, держа её через мешковину, и продемонстрировал полусгнившее лицо остальным. Те лишь недоумённо переглянулись.

— Лоб, — подсказал Янек.

Задержав дыхание, Юральф наклонился. Кожа на лбу упыря местами прогнила насквозь и сквозь неё проступал пожелтевший череп. В самой середине, где его пересекал след от топора новоградца, виднелись очертания какого-то знака или руны.

— Символ того, кто воскресил этот труп, — пояснил Вермейер. — Некроманта.

— Ты уже видел такое? — голос Агаты дрожал.

— Подобное. Символ у каждого некроманта свой, но основные черты совпадают.

— Значит он где-то рядом? — Варион окинул взглядом округу.

— Думаю, уже довольно давно, — согласился старик. — Поле битвы вроде этого — благодатное место для некроманта. Куча мёртвых тел — возможности для практики. Обычно им приходится находить трупы с большим трудом.

— Тогда надо двигаться! — засуетилась Агата. — Нельзя оставаться в таком опасном месте!

— Я бы всё же хотел, чтобы мои лошади добрались до Койва живыми, — возразил Янек. — Как я сказал, в темноте двигаться опасно.

— Лучше, если нас всех сожрут трупы? — удивился Варион.

— Лучше, если мы перестанем паниковать и спокойно останемся здесь на ночлег, — старик бросил отрубленную голову на землю и поднялся. — Мертвец был лишь один, и тот в лесу. Кто-то в любом случае будет дежурить снаружи. Если где-то появится ходячий труп, мы успеем среагировать.

— Конечно, это же не тебе на стрёме всю ночь стоять, — пробормотал Химера.

— Что? — Янек напрягся.

— Ничего-ничего.

— Как же мы без костра? — вспомнила Агата.

— Придётся обойтись без него, — с досадой сказал Вермейер. — Мертвецы могут

реагировать на свет, а нам не нужно излишнее внимание.

— Чую, ночка будет весёлой, — пробурчал Варион себе под нос.

— Вот ты, думаю, и начнёшь дежурство, когда стемнеет, — Янек окинул алледанца недовольным взглядом и скрылся в повозке.

Химера явно хотел колко ответить, но сдержал себя.

— Замечательно с одной рукой биться против мёртвых, — произнёс он вместо этого.

— Будем надеяться, биться не придётся, — Ардук положил руку ему на плечо. — Но, если что, я буду с тобой.

— Дежури́м все вместе, — кивнул Юральф.

— Не думаю, что смогу заснуть, — присоединилась Агата.

— Это хорошо, что вас так много, — Варион улыбнулся. — Мне ведь по-прежнему надо отлить.

Отряд готовился к бессонной ночи. Ардук поспешил вытащить из повозки свой лук и начал деловито подтягивать тетиву и распаковывать новую баночку с зажигательным маслом. Юральф положил меч рядом с собой, а сам сел на деревянный выступ телеги. Без костра пожарить купленных перед границей цыплят они не могли, поэтому Агата и Паулина достали для ребят вяленое мясо и остатки сыра.

Варион же беспокойно слонялся по округе, повесив на пояс короткий меч, одолженный у Ардука. Алледанец опасался возможного сражения. Агата утверждала, что снять повязки с левой руки он сможет только через неделю, а восстановление подвижности суставов займёт и того дольше. Хотя Химера был правшой, одной правой он обойтись не мог.

Паулина, конечно, каждый день предлагала заговорить раны, но в таком вопросе, как срастание костей, Варион не доверял чарам. Даже если бы на месте юной сироты был магистр магии со столетним опытом.

Девушка вообще очень сильно переживала за него. Химера иногда вспоминал ту ночь в Вороньем утёсе, когда вернулся в гостиницу пьяный вдрызг. Спал он тогда слишком беспокойно для своего состояния, и ему впервые после неудачной казни приснилась жизнь в Басселе, с Алисой. Сон был очень чёткий и яркий: Варион словно вернулся на те знакомые пахнущие заморским табаком улицы. А Паулина будто стояла за его спиной, хотя, конечно, в тот год они друг друга знать не знали.

— Чушь ядрёная, — сказал алледанец сам себе.

Когда собственные мысли поутихли, он вдруг напрягся. Где-то в стороне тёмной берёзовой рощи, куда ребята ходили за дровами, раздались шаги. Химера всмотрелся в темноту и увидел несколько неясных силуэтов, двигавшихся чуть вдалеке. Они шли прямо на повозку.

— Идут! — завопил Варион, выхватывая меч. — Трупы!

Юральф, доверившись соратнику, подобрал свой клинок и выдвинулся чуть вперёд, закрыв широкой спиной Агату. Ардук нацелил уже смазанную стрелу в темноту. Все замерли.

Когда фигуры мертвецов стали хорошо различимы в тусклом свете растущей луны, рейнджер выпустил первую стрелу. Пылающий наконечник пронзил ночной воздух и вошёл прямо в середину груди одного из упырей. Тот задёргался, но тут же продолжил движение.

Химера приблизился к остальным бойцам. Чужой меч лежал в руке непривычно и был заметно короче того, что Варион обычно предпочитал. Идти первым было опасно.

Мертвецов было около дюжины. Некоторые из них уже совсем сгнили и были почти скелетами. Несколько упырей были одеты в пластинчатую броню и несли ржавые клинки. Химера сжал зубы: задача усложнялась.

Ещё одна стрела вонзилась в лицо шедшему впереди мертвецу, вынудив его замереть. Воспользовавшись заминкой, Юральф разорвал дистанцию до упыря и хлестким ударом вспорол гнилую плоть от бедра до шеи. Месиво из кишок вывалилось на землю.

Яростно выругавшись, новоградец перерубил шею врага и в порыве битвы ринулся к следующему. Тот был укомплектован бронёй, и сходу развить успех Юральфу не удалось: меч ударился о пластины нагрудника и со звоном отскочил. Упырь же замахнулся собственным клинком и едва не снёс голову бойца.

Добравшись до цели в два длинных прыжка, Варион подрубил прогнившие ноги трупа. Увернувшись от заваливающегося тела, Химера на выдохе обрушил лезвие меча на врага, и на земле стало на одну отрубленную голову больше. Рядом беспокойно забили копытами лошади.

Основная группа мертвецов чуть отстала от двух ведущих, но уже приближалась к отряду. Ардук выпустил две стрелы подряд, но мёртвых это никак не задержало. Варион насчитал восемь врагов впереди, ещё несколько маячили чуть вдали.

Переглянувшись с Юральфом, Химера кивнул: нельзя было подпускать мертвецов к повозке. Решив дать бой ещё на подходе, алледанец сорвался с места, забыв про сломанную руку. Первый же его удар нашёл цель и отсёк отвисшую челюсть скелета, туго обтянутого почерневшей кожей. Решив развить успех, Варион в прыжке пнул труп прямо в середину груди. Рёбра со хрустом вогнулись, едва не зацепив сапог убийцы.

Над самым ухом просвистела огненная стрела, поразив мертвеца в доспехах, который уже подобрался к Вариону на расстояние метра. Отложив испуг на потом, Химера добил первого врага и тут же направил свой клинок на второго. Лезвие прошло сквозь правую руку мертвяка, рассекая её надвое.

Оставшись без оружия, упырь попытался расправиться с врагом уцелевшей кистью, но тут же оказался на земле после удара Юральфа. Широкое лезвие обезглавило ещё одного мертвеца.

Ардук продолжал посылать огненные стрелы в толпу врагов, хоть как-то задерживая их, но арсенал его уже явно был на исходе. Варион с Юральфом совместными усилиями повалили троих мертвяков, но после это оказались в незавидном положении.

Оставшиеся трупы наступали ровным строем, плечом к плечу. Атаковав одного из них, ребята рисковали подставить спину под удар остальных. Продумывая все возможные варианты, Химера зашагал назад, но, пятясь, наткнулся на закованные в латы останки одного из врагов.

Варион упал прямо на спину, не имея возможности поддержать себя левой рукой. Юральф что-то истошно закричал, привлекая внимание мёртвого отряда. Развернувшись, трупы зашагали на новоградца, уже готовящегося встретить их остриём меча.

Стиснув зубы, Химера упёрся двумя ногами в тело, о которое споткнулся. С усилием разогнув колени, он отправил закованную в нагрудник костяную грудь в ближайшего нападавшего, сшибая того наземь.

Вскочив, Варион атаковал врагов в гнилые спины одновременно с перешедшим в

ближний бой Ардуком. Гаальтец оставил лук у повозки и вооружился двумя топорами. Лезвия с хрустом разрывали поднятые некромантом останки, и вскоре трое бойцов, тяжело дыша, стояли посреди груды костей, мяса и железа.

— Сдохните, — прошипел Варион. — Ещё раз.

— Всё-таки мы привлекли их внимание и без огня, — признал Юральф очевидное. — Надо было двигаться.

Прищурившись, Химера всмотрелся в окружающий сумрак в поисках полчищ нежити, но увидел лишь один силуэт: некая фигура направлялась в сторону роши, иногда оглядываясь на ребят. Движения были слишком живые для трупа. Варион сделал было шаг за таинственным человеком, но его остановила тяжёлая рука на плече.

— Ты далеко собрался? — взволнованно спросил Юральф.

— Некромант, вон же он! — объяснил Химера. — Побежали!

— Я тоже его вижу, — Ардук кивнул. — Но бежать за ним в ночную рошу весьма глупо. Чёрт его знает, сколько ещё мертвецов спряталось в деревьях.

— Ссыкуны, — буркнул Варион, стряхивая руку с плеча.

— Тебе ли с твоей рукой бравировать? — возмутился Юральф.

— Слушай, давай подождём до утра, — предложил Ардук. — Переживём ночь без приключений и посмотрим, что можно сделать.

— Бежать и не оглядываться, — новоградец фыркнул. — Не стоит здесь и секунды лишней задерживаться.

— Решим после рассвета, — гаальтец пожал плечами. — А пока: усиленное дежурство.

Зачехлив клинки, бойцы вернулись к повозке, где их уже ждала перепуганная Агата. С трудом убедив её, что никто не ранен, ребята надели на вяленое мясо. В запасах ещё оставалось две бутылки водки и немного медовухи, но пить они предпочли обычную воду. Никто не хотел задурманивать рассудок, зная, что может таиться в округе.

Ночка выдалась для Юральфа бессонной, но больше никто не потревожил отряд. Бойцы реагировали на любой шорох, однако всякий раз обнаруживали лишь птиц да летучих мышей. Усталость накатывалась на бойцов всё сильнее, но никто не сомкнул глаз.

Рассвело. Веки Юральфа словно тут же потяжелели в несколько раз. Поднявшись и как следует размяв затёкшие мускулы, он прошёлся между останков уже не живых мертвецов. Его сильно удивило то, что ночью отряд даже не заметил источника грудой костей смрада.

Вскоре проснулась Паулина. Узнав о ночном сражении, она принялась возмущаться, что её не разбудили. Юральф предпочёл в полемику не вступать и предоставил Агате со всем разобраться.

Когда девушка успокоилась и занялась остатками вяленого мяса, из повозки показался Янек. Он выглядел намного лучше, чем накануне. Ночь он провёл за восстановлением сил, и ему, казалось, никак не помешала битва за бортом.

— Вижу, вы справились, — заметил Вермейер, раскуривая трубку. — Все живы-здоровы?

— Ни царапины, — гордо ответил Варион.

— Ты знал, что они придут? — спросил Юральф.

— Догадывался, — старик кивнул. — У восставших сильно развито стадное чувство.

— Некромант тоже пришёл с ними, — сказал Химера, показывая на рошу.

— Что-то не видно его среди убитых, — Янек улыбнулся.

— Он ушёл, а мы не стали догонять его ночью, — объяснил Ардук.

— Разумное решение, — одобрил Вермейер. — Полагаю, вы намерены выследить его сейчас.

— А ты не против? — удивился Юральф.

— Совершенно. Зло должно быть наказано, а тот, кто тревожит покой мёртвых, является несомненным злом. Если мы оставим всё как есть, он натравит новое войско восставших на очередных путников или, того хуже, деревню.

— А как же необходимость добраться до Койва и всё такое? — не унимался новоградец. Его удивило ночное преобразование старика.

— Пара часов разницу не сделают, — Янек пожал плечами. — Нам в любом случае нужно будет ночевать в ближайшем селе, а до него ехать не так уж долго.

— В таком случае, не будем чесать языками, — встрепенулся Химера.

— Ты-то куда собрался, с одной-то рукой? — поинтересовался Юральф. — Останься: кому-то же надо защищать повозку.

— Вот это как раз-таки и будет сложно с одной рукой.

— Я останусь, — вызвался Ардук. — Мне как раз нужно собрать уцелевшие стрелы.

— Хорошо, Химера, пойдём с тобой...

— И со мной! — воскликнула Паулина. — Ночью не разбудили сражаться, так хоть сейчас не оставляйте.

— Ты уверена? — Юральфу не очень хотелось отвечать за временного калеку и юную девушку. Пускай последняя и показала чудеса колдовства в крепости тёмного народа.

— Брось, братишка, — Варион похлопал его по спине. — Что с нами случится под твоим чутким руководством?

После недолгих сборов бойцы отправились в путь. Первым шёл, конечно же, Юральф, прокладывая широкими плечами дорогу сквозь рощу, в которой им накануне попался первый восставший. Паулина вместе с Варионом двигалась чуть позади.

Здесь повсюду были остатки сильной магии. Такая энергия — Паулине она виделась тёмно-синего цвета — покрывала останки армии мертвецов, она же мерцала на голой земле и стволах берёз. Пока что Юральф безошибочно вёл небольшой отряд по следу.

Эта энергия была знакома Паулине. Похожую излучал высокий человек в меховом капюшоне, наведавшийся в их с матерью избушку лет пять тому назад. Его тогда сопровождало трое странных молчаливых стражников, предпочётших заночевать прямо на улице.

Когда отряд слегка отклонился от следа, Паулина помогла Юральфу вернуться на правильный путь, и вскоре они вышли из рощи. Перед ними, на невысоком холме, раскинулось то, что осталось от некогда живого посёлка. Бойцы прошли по улочке, окружённой пепелищами и руинами, прямо в центр села.

— Думаете, тут? — спросил Варион, разглядывая останки торговых рядов.

— Где-то рядом, — в голосе Юральфа чувствовалась неуверенность. — Паулина, ты чувствуешь?

Девушка безмолвно кивнула и показала рукой на здание, которое даже беспощадная яропольская армия трогать не решилась: несмотря на все разногласия, вера у них с Койвом была одна.

Церковь не была разрушена, но всё равно выглядела мёртвой. Возле закрытой наглухо двери не ошивались нищенки и калеки, а единственный купол потускнел, будучи буквально облепленным тёмной энергией. По коже пробежал холодок.

Дверь Юральф открыл только со второй попытки. Паулина была лишь в паре церквей, но хорошо запомнила запах воска и ладана, ласкавший обоняние. В этом святилище ничего подобного не было: лишь пыль, смрад и непонятный гул. Всю утварь, видимо, вынесли ещё жители села. Внутри не было ни образов Светоносных, ни золотых кубков, ни подсвечников.

Юральф уверенно направился в сторону пустующего алтаря. Приблизившись, Паулина поняла, что сбивавший с толку гул был на самом деле жужжанием целого роя мух, круживших над четырьмя сгнившими телами на алтаре. Они лежали на приличном расстоянии друг от друга, а между ними был начертан кровью сложный символ. Такой же знак был вырезан на головах трупов.

— Похоже на его неудачные попытки, — прокомментировал Варион страшную находку.

— Мерзость какая, — сквозь зубы процедил Юральф, обходя тела на почтительном расстоянии.

Отряд пересёк алтарь и покинул церковь через заднюю дверь, предназначенную для служителей Светоносных. Этот путь привёл их на местное кладбище. Около половины могил здесь пустовали.

След вёл через весь погост к небольшому белокаменному склепу. Узорчатая железная дверь была чуть приоткрыта, и из-за неё буквально выплёскивалась тьма. Паулина маленькими шажками приблизилась к зловещему строению, и почувствовала, как эта тьма стала её обволакивать.

— Пора кончать с этим, — Юральф решительно ворвался в склеп.

Паулина бросилась за ним, пропустив вперёд Вариона. Внутри было тесно и светло: вокруг пустого саркофага в центре горело множество свечей, из-за чего люди отбрасывали на серые изнутри стены причудливые тени.

На полу сидел скрюченная фигура. Некроманту было едва ли за тридцать, и его даже можно было назвать симпатичным. Одет он был в скроенную на скорую руку серо-чёрную мантию, а темноволосую голову венчала импровизированная корона из черепа быка.

— Прочь-прочь! — запричитал некромант тонким голосом, отмахиваясь от непрошенных гостей. — Нельзя вам сюда, идите прочь!

— Закрой свой грязный рот, — с презрением оборвал его Юральф, наставив остриё меча на узкое лицо колдуна.

— Прочь! — некромант взвизгнул, и глаза его почернели так, что стало не видно зрачков.

— Чего череп нацепил, дурила? — Варион вдруг рассмеялся. — Мертвяков впечатлить?

— Тебе не понять, узколобый ты простак! — прошипел некромант, поднимаясь.

— Так зачем ты полкладбища поднял? — продолжил Химера. — Компании не хватало? Так ехал бы в город какой, бабу себе нашёл...

— Они говорят со мной! Я слышу их голоса из-под земли! Враг убил их всех, но они заслужили второй шанс. И я, только я, могу им его дать. Они снова могут сражаться, могут отомстить.

— Ты что, собрался Ярополь брать армией мёртвых? — не понял Юральф.

— Они отомстят!

— А мы-то тут причём? — новоградец схватил некроманта за бледную шею и приставил

к стене. — Зачем на нас напал?

— А вы нас потревожили! Но дерётесь хорошо, поэтому вы пойдёте вместе с нами, в первых рядах. О да, ты будешь генералом, когда я выпью всю жизнь из твоего крепкого тела!

— Заткнись! — Юральф ударил некроманта под дых.

— Поздно, — прохрипел тот.

Снаружи склепа раздалось шарканье. Бойцы выскочили на улицу и увидели целый отряд восставших, двигавшихся на них с явными намерениями. Тёмная энергия, опутавшая всё, перекинулась на Паулину. Но вместо того, чтобы душить её, покорно легла на открытую ладонь.

Мертвецы остановились на полпути. Юральф, уже собравшийся было атаковать, тоже замер и недоумевающе взглянул на товарищей. Варион лишь пожал плечами и кивнул головой в сторону Паулины.

— Ты как их задержала? — проговорил новоградец.

Она сама не знала наверняка. В какой-то момент энергия, источаемая некромантом, показалась ей невероятно знакомой и родной. Словно она всю жизнь занималась тем же самым и знала наверняка, что восставшие послушаются её.

— Чёрт с ними, с трупами, — Юральф сплюнул. — Прикончим некроманта — и в путь.

— Оно нам надо, его кончать? — спросил вдруг Варион. — Он же просто спятивший идиот.

— Ты чего? Хочешь, чтобы какие-нибудь мирные путники пополнили его шаркающий отряд?

— Янек же сказал: мирных путников тут едва ли встретишь после войны. А кому ещё он тут навредит в такой глуши? Дойдём до города, скажем местной дружине. Пускай разбираются.

— С каких это пор Химеру нужно уговаривать, чтобы кого-то прикончить?

— С таких, что зовут его Варион и убийцей он был в прошлой жизни.

— И всё-таки я не могу его тут оставить в живых.

— Дело твоё, дружище. Твой меч.

— Не так это просто: добить умалишённого, — признал Юральф, опустив голову. — Что скажешь, Паулина?

Колдунья задумалась. Некромант показался ей ужасно жалким и никчёмным, и убивать его было бы тяжело и жестоко... С одной стороны. С другой же, он желал зла ей самой и её друзьям. Паулина до боли стиснула челюсти, представив, как ходячие трупы разрывают тела тех, кто стал ей так дорог.

— Ну уж нет.

Тьма была покорна ей. По воле Паулины мертвецы вновь зашагали, но на сей раз прошли мимо ничего не понимающих соратников. Восставшие скрылись во тьме склепа. Раздался нечеловеческий крик, затем хруст и до тошноты противное хлопанье.

Паулина пошла прочь от склепа, но ноги отказывались слушаться её. Колени подогнулись, и девушка рухнула на кладбищенскую землю. Слезы покатались по ещё щекам.

Зарыдав, он вдруг почувствовала чью-то руку, аккуратно обнявшую её сзади. Варион что-то сказал, но она не вслушивалась в его речь. Ей было приятно просто слышать его вечно игривый голос, прерываемый глубоким басом Юральфа. Она слышала их двоих и понимала, что всё будет хорошо, прямо как в том лесу полтора месяца назад.

— Пойдём, — донеслась до неё фраза Вариона. — Раньше выйдем — раньше доберёмся

до нормального ночлега.

Собравшись с силами, Паулина поднялась, и они втроём зашагали прочь от потревоженных могил и разрушенного посёлка. Их удивительное, пусть и не лишённое опасности, путешествие продолжалось.

Глава 9

Сделав большой плоток своего любимого имбирного сбитня, Ульмер Глойт распечатал доставленную утром пачку писем. Каждая неделя начиналась с того, что один из гонцов приносил в канцелярию старшего советника послания со всех концов Большой земли. Ульмер их все прочитывал, писал ответы, а об особо любопытных информировал великого князя.

Весной Глойту работалось лучше. Когда солнце стало уже ощутимо тёплым и капель затрещала на улицах Койва, он стал открывать окна своего рабочего кабинета на четвёртом этаже Больших палат кремля. Вместе с природой расцветала и его молодая помощница Лианква. Девушка стала гораздо румянее и улыбочивее, что не могло не привлечь внимание часто заходящего в кабинет Коросара.

— Вам погреть ещё сбитня, сударь советник? — услужливо поинтересовалась Лианква, показавшись в дверях. На ней было привычное голубое платье, украшенное белозерским кружевом.

— Благодарю, но позже, — отказался Глойт. — Сначала разберусь с письмами.

— Тогда не буду вам мешать.

Ульмер взял первый конверт и сорвал печать с гербом Лецка. Тамошний князь опять потратил всю казну на пьяные оргии и просил дополнительных средств. Глойт в очередной раз ответил решительным отказом.

Во втором князь Еленца сетовал на засилье волков в окрестных лесах. Хищники уже вовсю хозяйничали в деревнях, убивая не только скот, но и людей. В ответном письме Ульмер пообещал отправить в Еленец десяток-другой бойцов. Посылать армию из койвского гарнизона он, конечно, не собирался: за умеренную плату было легко найти добровольцев.

Далее следовали несколько традиционных писем от всевозможных вельмож с предложением выдать своё дитя за одного из княжских детей. Глойт не сомневался, что для Вальдона и Сильи уже были задуманы куда лучшие супруги, чем отпрыски третьего помощника коменданта Вороньего утёса или портового начальника Еленца.

— Мы ценим ваше беспокойство, сударь, и обещаем рассмотреть столь щедрое предложение, — бормотал Ульмер, аккуратным почерком выписывая ответы.

Самые интересные письма он откладывал напоследок. К концу изучения рядовых сообщений, на правой стороне стола выростала небольшая стопка посланий из наиболее любопытных источников. Сегодня их было четыре.

Первый конверт пришёл из Ярополя. Затаив дыхание, Глойт содрал печать с изображением герба княжества — чёрного медведя на сером поле. Всего несколько месяцев назад на границе двух государств отбушевала кровопролитная война, закончившаяся разгромом койвских полков. Чего же хотели северные соседи?

«Здравствуй, великое княжество Койва! Великий князь Ярополя и верхней Гавалы его Величество Феодан желает вам процветания! Конечно же вы помните то недоразумение, что произошло на наших границах по осени. Его Величество выражает мнение, что такого более не должно повторяться и считает, что наши государства должны двигаться навстречу сей

благой цели. Для укрепления связей и дружбы между нашими великими державами Его Величество предлагает провести банкет в одном из крупных сотторийских городов. Надеемся, что вы проявите искреннее желание сотрудничать. С почтением, глава канцелярии Его Величества великого князя Феодана Милий Авгуш».

Хмыкнув, Ульмер сложил послание и вернул его в конверт. Феодан, конечно, лукавил насчёт процветания, но продолжение вражды с Ярополем для Койва могло стать губительным перед лицом угрозы с Юга.

— Что у нас там дальше? — спросил Глойт сам у себя, разворачивая послание из охваченного чумой Левца.

«Да благословят тебя Светоносные, о, златоглавый Койв! Надеемся, тебе не предстоит испытать всех ужасов, что сейчас переживает Левец. Зараза плодится. За день до написания сего сообщения мы похоронили сорок человек разом. Люди беснуются: здоровые ополчились на больных, сжигают бедолаг и их дома. Лекарей нам совсем не хватает, а на днях помер самый опытный врачеватель. На заразу сбежался ещё и всякий сброд: самые отчаянные мародёры прочёсывают опустевшие жилища, а в одном из сёл, по слухам, некромант предлагает воскресить усопших за монеты. А недавно княжья матушка захворала. Говорят, долго не протянет. В народе поговаривают, что чуму нам послал Свет за братоубийственную войну против Ярополя. Надеемся на милость Его Величества и Светоносных».

Пока Ульмер читал следующее письмо, оказавшееся приглашением на свадьбу принцессы Алледана, в голове раз за разом всплывали строки из предыдущего. В столице хватало беженцев, покинувших родные места из-за чумы, и с их слов рисовалась довольно чёткая картина всех ужасов, что царили в Левце и окрестностях.

Допив остатки сбитня, Глойт немного постоял у окна, наслаждаясь по-настоящему весенней трелью птиц. Нужно было прочистить голову и перейти к последнему, самому важному посланию. Этот конверт из желтоватой бумаги пришёл из Раванского ханства.

Пробежавшись глазами по письму, Ульмер подумал, что начал сходить с ума. Обычно раванцы писали на своём родном тохорском языке, но на сей раз текст был на очень грамотном сотторийском. Но поразило Глойта не это, а подпись в конце.

«Здравствуй, Койв. Здравствуй, великий князь. Готов поспорить, вы не думали когда-либо увидеть сообщение от меня. Так или иначе, я имею возможность написать вам. Хан Чекетулай не желает видеть в вас своего врага и призывает к сотрудничеству. Долг княжества перед Раванкханатом может стать камнем преткновения, и в наших же интересах этого избежать. Великий хан готов забыть о долге, если Койв согласится передать в его распоряжение весь правый берег Гавалы. Со своей стороны, должен вас уверить, что это единственный разумный способ разрешить сложившуюся ситуацию. Надеюсь на скорый положительный ответ. Корвен Михель».

Последние два слова Глойт перечитал, наверное, пару десятков раз, чтобы убедиться, что ему не почудилось. Почерк действительно был до боли знакомым, поэтому ошибиться было трудно. Письмо действительно пришло от Корвена Михеля, пропавшего ещё осенью во время визита в Асхат-Раван. Никто в Койве уже не думал, что глава дипломатии княжества ещё жив.

Накинув мантию с шерстяной подкладкой, Ульмер покинул кабинет. В приёмной Коросар всюду заигрывал с Лианквой, присев на край её стола. Появление начальника заставило их вздрогнуть.

— Господин, — Коросар поспешил встать со стола.

— Пойдём, — в любой другой раз Ульмер бы их отчитал, но сейчас было не до этого. —

Есть важное дело.

Оставив погрузневшую Лианкву в одиночестве, старший советник и его стражник спустились вниз по мраморной лестнице и вышли на улицу. Большие палаты располагались на Соборной площади кремля. Напротив них высился монументальный кафедральный собор, построенный в стародавние времена как языческий храм. Княжьи палаты, где обитал с семьёй Геровен, были по правую руку от Больших.

Глойт стремительно пересёк площадь. Растаявший снег превратился в холодную слякоть, проникающую в сапоги сквозь неплотные швы. За собором начинался Летний сад, где в тёплое время года любили прохаживаться многочисленные вельможи и их гости. Простой люд в кремль мог попасть только по большим праздникам.

За садом, под самой крепостной стеной, находилось новое рабочее место верховного дипломата. Сейд Михель не захотел занимать кабинет в Больших палатах, некогда принадлежавший его брату.

Вход в двухэтажное каменное строение обычно охранялся бойцами городской стражи, но на сей раз к ним присоединилось сразу четверо бойцов в чёрных накидках с гербом Даверра — раскинувшим крылья коршуном. Завидев гостей, они выдвинулись им навстречу.

— Капитан Годарт Лоус, — представился их командир, широкоплечий мужчина, профиль которого казался слишком изящным для солдафона. — К сожалению, глава дипломатии сейчас не принимает...

— Мне очень надо с ним увидеться, — произнёс Ульмер. — Срочно.

— Ваше дело подождёт, — отрезал Лоус.

— Ты сам-то знаешь, кто перед тобой? — возмутился Коросар из-за плеча начальника. — Старший советник великого князя Ульмер Глойт!

— Вот как? — капитан прищурился. — Так или иначе, ваш визит не был запланирован. Придётся подождать, господин старший советник.

Не успел разговор продолжиться, как дверь в палаты отворилась и в проёме показался сам глава дипломатии.

— Пропустите его! — скомандовал Сейд Михель. — Князь не возражает.

Солдаты переглянулись и молча расступились. Ульмер с Коросаром вошли внутрь и оказались в светлом коридоре, откуда проследовали за хозяином дома в кабинет.

Рабочий стол временно исполнял роль обеденного. В центре стоял хрустальный кувшин в окружении мяса и рыбы, заставившей Глойта вспомнить о пропущенном завтраке. За столом сидел мужчина лет сорока с густыми каштановыми волосами, массивным носом и усталыми зелёными глазами. Одет он был точно так же, как и стражники снаружи.

— Господин Глойт, Коросар, разрешите представить вам моего дорогого гостя: Маркус Форлейн, — Сейд учтиво улыбнулся. — Принесите ещё стульев!

Ульмер занял своё место. Про князя Даверра он слышал довольно много, но впервые имел честь встретиться с ним лицом к лицу. Маркус не любил показываться в столице, предпочитая заниматься делами своей земли.

Форлейна сделал князем сам Геровен шесть лет назад. Многим это решение пришлось не по нраву: главным образом из-за того, что Маркус не был уроженцем Койвской земли. Алледанский военачальник, взявший в жёны младшую сестру великого князя, тем не менее, делал для Койва больше, чем иные представители древних династий.

— Значит, старший советник князя? — переспросил Форлейн, задумчиво прищурившись. — Когда я последний раз посещал столицу, им был господин Клебер.

— Давно, стало быть, вы здесь не появлялись, — сделал вывод Глойт. — Почтенный господин Клебер скончался три года назад.

— Вот как? — Маркус неподдельно огорчился. — Хороший был человек. Что же с ним случилось?

— Угорел в бане. Несчастный случай, — Ульмер не очень хотел рассказывать князю Даверра о ссоре Клебера с митрополитом Агассоном за неделю до гибели.

— Несчастный, как же иначе? — Форлейн ребячески подмигнул и наполнил бокал вином из графина. — А вы чего вино не берёте? Томанийское, хорошее. Через полстраны везли.

Глойт поёжился. Он собирался лишь показать главе дипломатии письмо от его брата, и застолье с князем Даверра в его планы никак не входило. Но вежливость есть вежливость.

— А вы не думаете, что смерть Клебера была случайной? — поинтересовался Коросар, кладя толстый кусок солёной рыбы на ломоть хлеба. Ульмер бросил взгляд неодобрения.

— Насколько я слышал, никто в стенах кремля не умирает без злого умысла, — признался Форлейн. — Но какая разница, что я там думаю? А вы, полагаю, сменили Клебера, господин Глойт?

— Именно так, — Ульмер отхлебнул немного вина. «Вкусное, ничего не скажешь».

— Вы только поймите меня правильно. Я, конечно, в Койве не всю жизнь прожил, но о вас никогда не слышал. Ваша фамилия мне вообще незнакома.

— Я не из самого знатного рода. Отец торговал рыбой, и, надо сказать, делал это весьма успешно. Он накопил перед смертью достаточно денег для того, чтобы я смог попасть в княжескую школу. Когда Клебер скончался, Геровен искал нового старшего советника, и так вышло, что ему приглянулся работник из посольского квартала. Корвен Михель тогда поддержал мою кандидатуру.

— Стало быть, вы действительно достойны, — Форлейн рассмеялся. — Давайте же выпьем за это!

Ульмер осушил бокал из соображений учтивости, хотя во время работы никогда не пил. Князь Даверра показался ему очень приятным человеком, вопреки всем слухам, что распускали его недоброжелатели.

— А вот вы, Коросар, из Западных королевств, да? Ваш говор мне кажется знакомым, — заметил Маркус.

— Так точно, — гордо подтвердил стражник. — Двадцать два года в городской гвардии Басселя. Пока меня не сместили из-за Летарского Потрошителя.

— Летара, значит, — протянул Форлейн. — И какая же дорога вас в Койв привела?

— Та же, что и всех других: денежная. Как иначе?

— Любовь движет людьми не меньше, чем золото, уж поверьте.

— Вот только золото может двигать саму любовь, если его достаточно.

— Не путайте любовь с похотью.

— Что ж, не буду спорить с тем, кто охомутил сестру самого Геровена.

Ульмер весь напрягся, ожидая, что же последует за неловким молчанием. К его удивлению, Форлейн загоготал и предложил выпить ещё. Глойту определённо нравился этот князь.

— Так какими же вы судьбами здесь? — спросил он после очередного тоста.

— «Здесь» — в Койве или в резиденции главы дипломатии? — уточнил Форлейн.

— И то, и то.

— Говорят, нужно иногда навещать свою семью, — князь пожал плечами. — Раз уж мы с Его Величеством породнились, можно и обсудить вопросы лично вместо того, чтобы переводить зря бумагу. Супруга моя осталась за главную в Даверре: способность к управлению у неё, что называется, в крови.

— Но сначала вы зашли ко мне, и я этому невероятно признателен, — вставил Сейд.

— Узнав, что я направляюсь в столицу, господин Михель отправил мне сообщение. Рассказал о происшествии с многоуважаемым Корвеном. Я, конечно же, не мог не заинтересоваться. Признаться честно, меня этот случай задел. Сейчас, услышав всё из первых уст, я намерен поднять этот вопрос на встрече с Геровеном.

Ульмер вспомнил про письмо, ждущее своего часа в кармане мантии. От Форлейна прямо-таки тянуло воинственностью, из-за чего Ульмер впал в сомнения. Что, если новость о том, что Корвен вопреки всему может быть жив, станет для него призывом к активным действиям?

Письмо своего часа так и не дождалось. Проведя ещё полчаса за вином, рыбой и светским разговором, Глойт решил вернуться к работе. Ему ещё предстояло ознакомиться с отчётом городской стражи за последний месяц и подготовить проверку иностранных судов в порту.

На обратном пути он уже не обращал внимания на промокшие ноги: южное вино здорово согревало нутро советника. Войдя в Большие палаты, Ульмер оставил Коросара отдыхать на кушетке в коридоре. Он боялся, что задурманенный рассудок стражника помешает ему и Лианкве работать.

Девушку Глойт нашёл на том же месте, где и оставил. Она сидела за своим столом, уставившись широкими глазами на прибывшего начальника. Дверь в его собственный кабинет оказалась приоткрыта.

— Это ещё что такое, Лианква? — возмутился Ульмер. Щёки девушки пошли багровыми пятнами. — Ты же знаешь, что делать, когда я ухожу.

— Но...

— Никого не пускать!

С ужасом Глойт подумал обо всех письмах и документах с важной информацией, что открыто лежали на его столе. Самое главное, конечно, оставалось в кармане мантии, но содержание даже менее важных посланий не было предназначено для всех подряд.

Раздосадовано покачав головой, Ульмер вошёл в кабинет и обомлел. В кресле, предназначенном для посетителей, вальяжно сидел с кружкой в руках великий князь Койва.

— А вот и ты! — обрадовался Геровен, увидев своего старшего советника.

— Ваше Величество? — запнулся Ульмер. Вино давало о себе знать, а в таком виде перед главой государства лучше не показываться. — Я не знал... Что вы...

— Расслабься, — отмахнулся Геровен. — Вот, что мне больше всего не нравится в том, чтобы быть князем. Я не могу просто так зайти к своему товарищу, чтобы пообщаться. Если я куда-то иду, люди всегда пугаются.

— Их можно понять, Ваше Величество. В ваших руках судьба всей страны.

— Судьба всей страны... — задумчиво повторил князь, покачивая в правой руке кружку. — Ты даже не представляешь, как это всё надоедает. А ведь люди мечтают оказаться на моём месте.

— Очевидно, они ничего не знают о том, каково это на самом деле.

— Твоя правда. Вот ты теперь знаешь о том, каково быть старшим советником. И как, удовлетворён?

— Для выходца из незнатного рода это большее, о чём можно мечтать, Ваше Величество. Моя семья живёт в большом доме, им всего хватает.

— Сейчас-то можешь не врать, Ульмер: мы же не на Совете. Да и вижу, ты подвыпил. Не бойся: я не осуждаю. Наоборот, надеюсь на большую честность.

— Я сказал вам правду. Конечно, у каждой медали есть обратная сторона.

— В том-то оно и дело. Если честно, я уже пожалел, что поставил тебя на такую высокую должность.

— Как?

Глойт застыл, не в силах даже сделать вдох. Будучи для многих вельмож выскочкой, он больше всего на свете боялся двух вещей: потерять семью и разочаровать князя.

— Нет-нет, — Геровен затряс головой. — Работаешь ты отменно. В том-то и проблема. Большая политика делает из хороших ребят, вроде тебя, паскуд. Я бы очень не хотел, чтобы эта работа испортила тебя, как человека.

— Этого не случится!

— Мы никогда не знаем наверняка, — князь задумался, прильнув к кружке. — Я смотрю, тебе принесли письма. Есть что-нибудь любопытное?

Глойт прикусил губу. Было что-то более чем любопытное.

— Третья дочь короля Алледана выходит замуж за градоначальника Седжена. Вы приглашены на свадьбу.

— Третья? — обиженно переспросил Геровен. — Надеюсь, ты додумался сразу написать отказ.

— Думаю, они бы сами удивились, если бы вы вдруг выразили желание присутствовать на столь «важном» мероприятии.

— В точку, — князь рассмеялся. — Что-нибудь ещё?

Изо всех стараясь сохранить хотя бы внешнее спокойствие, Глойт покачал головой. Ему казалось, что письмо Корвена Михеля сейчас прожжёт мантию и выскочит к ногам великого князя.

— Нет так нет, — владыка Койва пожал плечами. — Скажешь, как будет.

— Непременно.

— Ты по-прежнему не хочешь поделиться своим беспокойством по поводу работы?

— Возможно, кое-что и правда беспокоит меня.

— Возможно?

— Благодаря вам, я поднялся высоко. Но тем больнее будет падать. Для знати я безродный, не говоря уж о моей семье. У нас нет за душой ничего. Если со мной вдруг что случится, что будет с Шеалой? С Мирой? О роде Глойтов никто знать не знает.

— Я надеялся, что ты об этом заговоришь, — Геровен удовлетворённо кивнул. — Я тоже думал об этом. Признаюсь, я рисковал с твоим назначением. Черговская династия Сольтес пришла в ярость от такого решения. Они-то считают, что должны быть первыми во всём.

— Но в этом есть смысл. Старше их рода только ваш.

— Нельзя жить одним лишь прошлым. Что с того, если кому-то не повезло иметь столь же великих предков? Никогда не поздно возвыситься новому роду. Роду Глойт, например.

— Что?

— Даю тебе моё слово, что Шеала не останется забытой. Особенно, когда станет великой княгиней Койва.

Ульмер словно куда-то провалился. Его охватило ощущение, будто он спит и вот-вот проснётся в своей кровати, ощутит Миру прямо под боком. Что-то подобное он испытал три года назад, когда был назначен старшим советником князя.

— Так что скажешь? — прорвался сквозь пелену голос Геровена.

— Великой княгиней? — Ульмер слышал себя словно издалека. — Шеала?

— Она хорошая девочка. Воспитанная, умная, симпатичная, надо отметить. Совсем не похожа на тех маленьких заносчивых стерв, что растут в самых знатных семьях. Для Вальдона она идеальна.

— Ваше Величество, я даже не знаю, что сказать...

— Мне ничего не говори. Ты молодец, что смог её воспитать именно такой. Можешь обрадовать её уже сегодня. Свадьбу, думаю, сыграем в ближайшее время.

— Да. Конечно, Ваше Величество, как скажете!

— Полно тебе, Ульмер. Ты отлично работаешь, продолжай в том же духе. И не позволяй разным гадюкам кусать тебя за одно место.

С этими словами князь Геровен удалился. Оказавшись в приёмной, он громко отблагодарил Лианкву за отличный сбитень, и вскоре его шаги растворились в коридорах Больших палат в направлении Белой галереи.

Ульмер не мог сдвинуться с места, наверное, целый час. Он погрузился в себя, раз за разом вспоминая разговор с князем. А затем в голове всплыли другие образы: его родная дочь, Шеала Глойт, чуть повзрослевшая красавица по правую руку от своего могущественного мужа.

«Великая княгиня Койвская Шеала, — подумал он. — Как звучит-то!»

Глава 10

— Плохо дело, — озабоченно протянул черговский плотник, разглядывая колесо повозки с близи.

— Так уж и плохо? — недоверчиво уточнил Янек, почёсывая обросшую седую голову.

— Тут уж как вам повезёт, сударь, — мастер по дереву пожал плечами.

— На это я бы рассчитывать не стал, — заметил Варион, прислонившись к бревенчатой стене мастерской.

— Дорога не ждёт, — напомнил Юральф, не прекращая кормить Свиста сеном.

— Как знаете, — произнёс плотник. — Трещина хорошая такая. Можете и дня не протянуть на дороге-то. Далёко едете?

— Койв.

— Ой-ой-ой... Нет, ребяташки, с таким колесом не доберётесь. Надобно новое выстругать. Много времени не займёт, не беспокойтесь. Денёк, может два.

Смирившись с неизбежным, Янек велел распрягать коней, а сам отправился в мастерскую договариваться о цене. Пока ребята вытаскивали из повозки сумки с имуществом, Агата не сводила глаз с колеса, только что осмотренного плотником. Об этой ли трещине говорил загадочный пророк в Вороньем утёсе? Она искренне надеялась, что всё

обойдётся лишь посещением столярной мастерской.

— Ардук! — раздался испуганный возглас Паулины.

Ноги гаальтца подкосились, и он рухнул рядом с повозкой, выронив увесистый деревянный ящик. Тот раскололся, и на утопанный гравий высыпались топоры и ножи. Встав на четвереньки, Ардук принялся собирать инструменты, но руки его, видно, не слушались. Выглядел рейнджер словно с тяжелого похмелья.

— Да брось ты ножи эти! — воскликнул Юральф. — Что случилось?

— Голова закружилась, — отмахнулся Ардук. — Помоги встать.

Новоградец протянул руку и потянул товарища на себя. Покачиваясь, рейнджер чуть вновь не упал, но подоспевший Варион вовремя подхватил его. Ардук принялся усиленно тереть переносицу.

— Агата! — позвал Юральф. — Что это может быть?

Монахиня не знала, что ответить. Это могло быть обычное переутомление, отравление рыбой из харчевни на тракте или какие-то особенности отдельного организма. А ещё это могло быть связано со зловониями в Вороньих горах.

— Нужно осмотреть его, — Агата развела руками.

— В повозке уже не получится, — заметила Паулина. Как раз в этот момент подмастерья принялись откреплять треснутое колесо.

— Янек говорил, у него тут знакомый живёт, — вспомнил Юральф.

— Я бы сказал даже сказал, друг, — добавил сзади Вермейер. — У него и останемся, пока повозка не будет готова. Пойдёмте, тут недалеко.

— Слушайте, я ведь только снял повязки, — проговорил Варион. — Тяжеловато будет тащить его.

— Сам дойду, — Ардук вырвался из рук товарищей. — Раз уж недалеко.

Путь действительно был близкий. Правда, гаальтец передвигался не без труда и часто останавливался, да и Янеку с его палкой не удавалось шагать широко. Варион вёл за собой Свиста и Разбега, а на Юральфа взвалили весь груз, что не поместился на спины скакунов.

Спустя десять минут прогулки по окраинам Чергова отряд вышел к большому бревенчатому дому. День выдался по-весеннему тёплый, и окна были открыты, а изнутри доносился приятный запах выпечки. Агата вспомнила давние вечера в Редване.

Поднявшись на крыльцо, Янек трижды стукнул в дубовую дверь. По ту сторону раздались шаги, и в открывшемся проёме показалась немолодая чуть полноватая женщина в просторном ситцевом платье.

— Что вам нужно? — взволнованно спросила хозяйка, окинув взглядом собравшийся у двери отряд.

— Балук дома? — поинтересовался Янек.

— Нет его: торгует, — отрывисто произнесла женщина. — А вы кто? Зачем вам мой муж?

— Решил повидать давнишнего друга, — старик улыбнулся. — Ты меня, никак, не припоминаешь, Злата?

— С трудом, — призналась хозяйка.

— Немудрено. Когда я в Чергов в последний раз захаживал, малышка Итана была ну совсем крохой. А сейчас-то ей сколько уж?

— Шестнадцать. Она теперь в церковной школе.

— Стало быть, лет десять меня тут не видали. А уж товарищей моих подавно. Тут дело-

то какое... Нас с Балуком многое связывает, и он обещал кров и пищу мне и товарищам, если вдруг опять занесёт меня нелёгкая в Чергов. И вот так вышло, что пора мне этим обещанием воспользоваться.

— Прямо-таки обещал? — лицо Златы выражало недоверие.

— Обещал.

— У нас тут человеку плохо, — напомнила Агата.

— Точно-точно! — подтвердил Янек.

— Если бы Балук был здесь... — растеряно произнесла Злата.

— Неужели ты оставишь бедного человека на улице в столь нелёгкий час? Если ты так переживаешь, мои ребята вмиг найдут Балука. Дело-то плёвое.

— Найдут? Ладно, хорошо... Проходите. Лошадей привяжите за домом.

Агата помогла Ардуку добраться до дальней комнаты. Хозяйка пояснила, что она обычно пустовала и предложила помощь. Монахиня попросила ведро прохладной воды и чистую тряпку.

— Если ещё что-нибудь понадобится...

— Я дам вам знать, — Агата кивнула. — Спасибо.

Злата кивнула и удалилась на кухню, где Янек уже ждал от неё чая. Ардук, похрипывая и постанывая, сел на кровать и опустил голову. Его тёмные волосы все взмокли от пота.

— Ты горишь, — прошептала Агата, приложив ладонь ко лбу больного.

— Похоже на то, — тяжело дыша, сказал Ардук. — Может быть, подхватил что на дороге?

— Не думаю, — монахиня покачала головой. — Снимай куртку.

Раздеться гаальтец смог лишь с её помощью. Нижнюю рубашку можно было выжимать: настолько она пропиталась потом. Смочив тряпку в колодезной воде, Агата провела ею по напряжённой груди и плечам Ардука. Вены на его руках и шее вздулись и медленно пульсировали.

— Перевернись, — Агата вновь опустила тряпку в ведро. — Так, а это ещё что такое?

Над правой лопаткой рейнджера виднелось небольшое синеватое пятнышко, от которого расходились лучи такого же цвета. Размером оно было чуть больше пятишеленовой монеты.

— Не болит? — обеспокоенно спросила монахиня, надавив на отметину.

— Нет, нисколько, — ответил Ардук. — Да что там такое?

— Трудно сказать. Что-то вроде синяка.

— Так синяки же болят.

— В том-то и проблема. Отдохни пока. Потом посмотрим, что с тобой делать.

По просьбе Агаты хозяйка дома принесла немного горячего травяного отвара. Сморщив лицо, Ардук всё же выпил горькую настойку и вскоре тяжело засопел. Большинство известных Агате недугов вполне успешно снимались крепким сном на мягкой кровати.

Вскоре Юральф и Варион привели хозяина дома. Им оказался смешной низкорослый человечек с блестящей лысиной. Волоски, торчащие из его носа, напоминали затаившегося паука.

— Вот я и не думал тебя снова увидеть, — подытожил Балук свою горячую приветственную речь.

— Все так говорят, — Янек рассмеялся. — А я вот беру и приезжаю. Как остальные?

— В княжестве нынче беспокойно, — хозяин вмиг помрачнел и сел на кухонную

скамью. — Всё началось ещё с осенней войны, а теперь, говорят, новая грядёт. Архип и Герша продали, что могли, и удрали в Республику. Усилъ головой поехал: подался в друиды да в Шаадамар отправился. Хрен его знает, что с ним сейчас.

— А Коруку?

— Уж года три как помер. Задолжал местным бандюкам — они его и порешили. Самого зарезали, а магазинчик сожгли. Жена от безденежья пошла в бордель, там подцепила заразу и тоже откинулась. Старший сын младшенькую забрал и смылся куда-то. А средний тут так и остался: в гарнизоне служит.

— Хороший был мужик.

— Да что уж там.

Мужчины замолчали. Их разговоры были совсем непонятны большинству присутствующих, но история бедолаги Корука зацепила, казалось, даже чёрствого Вариона.

— Вы, я так понял, все торговлей занимаетесь? — поинтересовался Юральф.

— Именно так, — Балук кивнул. — Покупаем товар, затем перепродаём. Янек нам в своё время помогал с перевозкой всякого добра. Где, кстати, телега-то твоя?

— В мастерской. Колесо треснуло, — объяснил Вермейер.

— Вот оно как. Та же самая?

— А как же.

— Ну мало ли. А то, смотрю, ребята-то новые.

Юральф и Варион переглянулись за спиной Янека, затем посмотрели на Агату. Она лишь пожала плечами. Было бы глупо думать, что они были первой командой старика. Вопрос только в том, что стало с предыдущими.

— Раньше-то работать легче было, — горько вздохнув, продолжил Балук. — А сейчас всё хотят прибрать дети князя нашего. Помню, по дешёвке покупал пудами оленину с Республики. А рыбу томанийскую и вовсе за гроши. Теперь князьки отряды дополнительные осмотры проводят, налоги велят платить. Что им из груза не понравится, всё себе забирают: дескать, не годится такое на прилавок. А сами-то потом и перепродают.

Едва он закончил предложение, ставни в прихожей с треском раскололись. Агата пригнула голову, Варион выхватил меч, а хозяева даже не пошевелились.

— Это ещё что такое? — спросил Юральф, поглядывая то на товарищей, то на дверь.

— О чём я и говорил, — Балук скорчил грустное лицо. — Разбойнички местные: запугать хотят.

— Их послал князь? — удивилась Агата. — Он что, не может добиться своего без помощи бандитов?

— Так надо же лицо перед народом сохранить. Что простой люд будет о нём и его семейке думать, если честных торговцев будет князька гвардия выбивать с работы? А тут — и рыбку скушал, и руки чистые.

Несколько голосов снаружи принялись выкрикивать оскорбления.

— Насколько я понял, если разобраться с этой шелупонью, князь против ничего не скажет? — многозначительно поинтересовался Варион.

— А ты чего задумал, сынок?

— Да так, выйду и спрошу, чего они нам отдыхать с дороги мешают.

— Варион, ты уверен? — насторожился Янек.

— Нужно же как-то отплатить человеку, что столь любезно пустил нас, — поддержал алледанца Юральф.

— Ребят, я же на этом не настаиваю, — затряс головой Балук.

— Но ставни чинить каждый раз тоже не любишь, — полушёпотом возразила его жена. Вопли снаружи тем временем не стихали.

Долго искать не пришлось. Отойдя от дома на пару десятков метров, Варион увидел за ближайшим деревом трёх худосочных парней. Каждому едва ли было намного больше двадцати.

— Веселитесь? — поинтересовался Химера, поглаживая рукоять меча.

— А чё? Нельзя чё ли? — гнусаво возмутился самый высокий из них. В вечернем свете было хорошо видно его щербатое лицо.

— Можно, — сказал Юральф, поравнявшись с товарищем. — Только подальше отсюда.

— Ты чё ли так сказал? — прокаркал бандит с редкой светлой бородёнкой.

— Ну я, — новоградец чуть наклонил голову.

— Пшли нахер отсюда, — шикнул щербатый.

Усмехнувшись, Варион демонстративно щёлкнул костяшками выздоравливающей руки. Давно пора было её размять.

— Сами уйдёте или помочь? — спросил Химера.

— Себе, сука, помоги! — воскликнул молчавший доселе разбойник с гладкой как яйцо головой.

Вывхватив короткий ножик, он стремглав помчался вперёд. Варион не стал даже пользоваться оружием. Ловко уйдя от атаки, он перехватил вытянутую руку бандита и сломал её о своё колено.

Заскулив, лысый выронил ножик и попятился к товарищам. Щербатый поднял с земли своё оружие: толстую палку, утыканную гвоздями. Повертев ею взад-вперёд, он сделал пару ложных выпадов и тут же атаковал с разворота.

Повинуясь инстинкту, Варион пригнулся и услышал, как над его головой дубина встретилась с клинком Юральфа. Предоставив новоградцу разбираться с щербатым, он решил заняться пареньком с отвратительной бородой. Распознав планы Химеры, тот поспешил скрыться.

Глубоко вдохнув, Варион бросился в погоню по окрестной рощице. Бандит испуганно лавировал между деревьями и часто скрывался из виду, но всякий раз выдавал себя слишком неловкими движениями.

После нескольких минут бега, Химера решил, что сможет наконец предугадать дальнейший путь разбойника. Ускорившись, алледанец заложил крутой вираж и выскочил из-за векового дуба прямо навстречу бородатому.

— Не убивай! — взвизгнул тот, упав на землю и закрывшись ладонями.

— Теперь по-другому заговорил? — прошипел Варион, пнув шпану по почкам. — Ничего-ничего, ты у меня попищишь.

— Ты слишком сильный! Мне говорили, всё проще будет! Что ты нас не будешь убивать! Они обещали!

— Кто обещал? — спросил Варион, выхватывая меч.

— Они! — бандит ткнул дрожащим пальцем куда-то за спину алледанца.

Покрепче стиснув оружие, Химера обернулся. К нему шагал, наступая на сухие ветки,

воин в светлых пластинчатых доспехах и синем плаще. На груди его красовалась белая накидка с изображением кошачьей головы.

— Ты ещё кто? — чуть хриловато произнёс Варион. К горлу подступил ком.

Рыцарь не ответил. Не останавливаясь, он достал из ножен причудливый меч с узким изогнутым лезвием. Каждое движение «кота» выдавало недобрые намерения.

Не найдя взглядом Юральфа, Химера решил не откладывать неизбежное сражение. Разорвав дистанцию, он попытался рассечь руку рыцаря между латной перчаткой и браслетом. Противнику удалось предугадать действия алледанца и он, ловко уйдя в сторону, встретил его клинок своим.

Стиснув зубы, Варион сделал ложный выпад, а затем тут же рубанул сверху вниз, но его удар вновь был отбит. Кот резким движением отпрыгнул назад и вновь вперёд, выставив остриё вперёд.

Обхватив правое запястье, Химера остановил атаку гардой. Левая рука с непривычки отозвалась ноющей болью. Рыцарь тем временем вновь занёс клинок и едва не снёс голову алледанца. Варион заметил, что противник словно специально ударил слишком высоко, будто не хотел убивать его.

Следующей серией ударов Кот выбил Химеру из равновесия. Падая, бывший ассасин смог ударом сразу двух ступней подсесть опорную ногу рыцаря. Воин рухнул на Вариона сверху, напорвшись на выхваченный из-за пояса кинжал.

Лезвие вошло точно между пластин нагрудника, и тело Кота безвольно обвисло. Химера с трудом выбрался из-под его туши и отряхнулся. Разбойник с бородой сидел у дуба, обхватив колени, и испуганно ждал, что же сделает алледанец.

Из-за деревьев на вороных конях выехало ещё два рыцаря. На накидке одного была голова медведя, а второго — некой хищной птицы, похожей на ястреба. Спешившись, Медведь подошёл к бандиту, потрясывая секирой с зазубренным лезвием.

— Я всё сделал! Вот он! — запричитал разбойник, тыкая пальцем в сторону Вариона.

Рыцарь кивнул и, не спуская глаз с алледанца, перерубил шею бедного шалопаю. Сглотнув подступивший к горлу ком, Химера поднял свой клинок.

— Не знаю, кто уж вам нужен, но уверяю, что вы ошиблись, — медленно проговорил Варион, стараясь не потерять из виду сразу обоих воинов.

Медведь отрицательно мотнул укрытой латами головой и зашагал. Попятившись, Варион не заметил ещё одного врага позади и тут же получил крепкий удар по незащищённому затылку. Ранние сумерки вмиг стали непроглядной ночью.

— Ты, кажется, перестарался, — холодный, как Вороны горы, голос рассёк давящую пустоту. — Я же просил быть осторожнее.

— Кости не повреждены, мой господин, — второй голос был таким скользким, что вполне мог бы принадлежать садовому слизню. — Он должен уже вот-вот прийти в себя.

— Не наблюдаю этого, Вальхран.

— Сейчас, мой господин.

Варион почувствовал, как чьи-то сухие пальцы хватают его за подбородок и тут же ощутил резкий запах, заставивший всё тело вздрогнуть. С трудом разлепив веки, он привык к окружающему свету и огляделся.

К своему удивлению, Химера находился не в очередном сыром подвале, а в хорошо освещённой комнате, богато украшенной гобеленами и огромными полотнами с пейзажами. Перед ним, по ту сторону овального стола, восседал на стуле с высокой спинкой человек в расшитом узорами чёрном кафтани. Его сияющим тёмным волосам, ниспадающим на широкие плечи, могла позавидовать любая красавица из Западных королевств.

Однако больше всего привлекали внимание его глаза.словно две обжигающе холодные льдинки мерцали на вытянутом костистом лице. Рот человека скривился в недоброй усмешке.

— С пробуждением, дорогой Химера.

— Чего? — не понял Варион, потирая гудящие виски.

— Крепко, однако, тебя приложили, — человек рассмеялся и обернулся назад.

За его спиной вдоль камина стояли в ряд семь бойцов в одинаковых доспехах, но с разными нагрудными накидками с изображениями животных. Волк, Змея, некая похожая на ворону птица, Конь, уже знакомые Медведь, Ястреб и Кот. Тот самый, что упал серединой груди на кинжал.

— Ну что, Химера, пришёл в себя? — спросил человек в чёрном с хищной улыбкой.

Варион стиснул зубы. Его уже дважды называли по имени, которое так тесно было связано с его кровавым прошлым на Западе. Не с проста.

— Откуда ты меня знаешь? — прокашлявшись, спросил алледанец.

— Летарского Душегуба знают многие.

— А с чего ты взял, что он — это я?

— Любит один из твоих дружков размахивать языком. И не только языком.

— Вот дерьмо.

— Не то слово. Выпить хочешь?

— Откажусь. Отравите ещё.

— Как знаешь, — человек с холодными глазами протянул серебряный кубок, и служанка в сером платье поспешила наполнить его вином. — Травить тебя никто не собирается, будь уверен. Думаю, ты заметил, что моим солдатам было велено сохранить тебе жизнь любой ценой.

— Если уж я что и заметил, так это то, что один из них напоролся на мой кинжал. Прямо сердцем.

— Ах, точно, — человек скривил губы в усмешке. — Я их семерых называю Бессмертными. Не просто так, очевидно.

Химера почувствовал животный страх, что с ним происходило не часто.

— Раз уж меня знаешь так хорошо, представься сам.

— Удивительно, что ты меня не узнал с самого начала. Про такие глаза, как у меня, по всему княжеству ходят легенды.

— Если ты не заметил, я не совсем из этих мест. Летарский Душегуб, знаешь ли.

— Верно. Я тебе совсем немного подскажу. Звать меня Демесер. Моего отца зовут Вертесен, и он правит этим городишкой. А мой пращур стоял по правую руку от первого царя Соттории.

— Я не силён в местных династиях.

— Но про род Сольтес, уверен, ты слышал. Старейший после династии Соттор во всём Койвском княжестве. Хотя, конечно, наша слава начала угасать благодаря Его Величеству Геровену.

— Чем тебе князь не угодил?

— Ты, конечно, в местной политике не разбираешься, но подумай сам: в таком великом княжестве со многовековой историей ныне заправляют иностранцы и выскочки. Про Маркуса Форлейна слышал? Обычный алледанский солдафон стал князем славного Даверра столицы долины Дейна, только потому, что трахнул Героленову сестрицу.

— Меня мало волнует, кто там кого трахает, если этот кто-то — не я. Так что давай к делу. Ты же не просто так меня сюда тащил живым.

Демесер отпил вина и прищурил холодные глаза.

— Признаюсь, я ждал тебя тут с того самого момента, как узнал, что ты жив и движешься в Койв. Держава нынче полна всякого сброда: воры, насильники. Мерзкие типы, но ни один не годится для чего-то большего, чем припугнуть мелкого купчишку. А тут — просто чудеса везения: сам летарский Потрошитель восстал из мёртвых и едет прямо ко мне. Я старался отслеживать твой путь, как мог: благо, у меня хватает надёжных людей повсюду. Торговцы, трактирщики, шлюхи: все они помогали мне следить за тем, куда же идёт великий Химера и его непонятная шайка. В определённый момент я даже испугался, что ты сгинешь на перевале в Вороньих горах. Но такие, как ты, просто так не умирают.

— Бассельский бургомистр подтвердит, — Варион выдавил из себя смешок. — Так зачем я тебе нужен-то?

— В своё время тебе удавалось устранить богатых, сильных, защищённых. Власть имущие с Запада очень пекутся о своей шкуре, но для тебя преград не было. Этим ты мне и приглянулся, Химера. Этим тебе и предстоит вновь заняться.

— Ещё чего? — Варион фыркнул. — Я давно это бросил.

— Как бы тебе это помягче-то объяснить? — Демесер поправил сверкающие волосы. — Не то чтобы у тебя был выбор. Если хочешь, чтобы ты и твои друзья покинули Чергов не по кусочкам...

— Хорошо-хорошо, намёк понял.

— Вот и славно, — черговский наследник жеманно улыбнулся. — Ты получишь три имени. Не сразу все, конечно. Ты должен будешь убить этих людей, какой бы сложной ни казалась задача. Во что бы то ни стало.

— А если я не смогу?

— Если ты не сможешь или не захочешь, — Демесер сделал многозначительную паузу. — Взамен умрёт один из твоих спутников. И не думай, что сможешь хоть как-то этому помешать. Ты ведь помнишь, что мой род очень древний? За эти века мы успели завести друзей от Северного моря до Тохора. Не стоит искушать судьбу.

— Полагаю, об оплате лучше не спрашивать.

— Жизнь — лучшая награда.

— Звучит, как тост.

— Так поднимем же бокалы.

Ардук спал беспокойно. То и дело он дёргался и постанывал, хватал пальцами что-то неведомое и неосязаемое. Агата постоянно меняла охлаждающую повязку на его лбу, но жар не торопился спадать.

Монахиня со слезами на глазах смотрела, как мучается рейнджер, как его покрытое

мелкими шрамами тело изгибается от боли. Несмотря на все ужасы и опасности, попадавшие на пути отряда, она никогда не осознавала, насколько реальной была их гибель.

— Как он? — тихо спросил Юральф, просунув голову в дверной проём.

— Во всяком случае, не хуже, — Агата вздохнула. — Варион не появился?

— Ни слуху, ни духу.

Алледанец часто пропадал целыми ночами во время стоянок в городах, но на сей раз он исчез во время сражения. Чёрт знает, куда его привела погоня за местной шпаной.

— Давай я тебя сменю, — предложил Юральф.

— Я не устала, — Агата очень не хотела бросать рейнджера. — К тому же, во врачевании я разбираюсь лучше.

— Не нужно быть целителем, чтобы правильно смочить тряпку в холодной воде. Позволь мне побыть с другом. Лучше иди поговори с Паулиной: она отказывается заходить в дом, пока не вернётся Химера.

Решив уступить, Агата прошла по тёмному коридору мимо дверей, за которыми спали хозяева дома. В кухне она нашла Янека: старик изучал толстый исписанный дорожный журнал. Первые заметки в нём он сделал не один десяток лет назад.

— Что-то интересное? — Агата старалась не разбудить Балука и Злату.

— Прикидываю, не застанет ли нас где половодье, — буднично пояснил Янек. — Если всё пойдёт хорошо, к полнолунию прибудем в Койв.

— Отлично.

— Главное, чтобы не было слишком поздно.

Оставив Вермейера наедине с собственными записями, Агата вышла на крыльцо. В это время года ночи ещё оставались холодными, а иногда даже выпадала лёгкая пороша.

— Как Ардук? — отстранённо спросила Паулина. Она стояла, облокотившись на перила крыльца, и смотрела в сторону дороги.

— Скоро выздоровеет, — ободрила девочку Агата. Незачем было ей лишний раз волноваться. — Скоро мы доберёмся до Койва, там будет легче.

— А потом что? Янек вручит князю свой чемоданчик, в котором лежит лекарство от всех болезней? У вас в государствах всё так сложно, Агата. Слишком сложно! Князья и принцы ставят себя выше простых людей, так что сомневаюсь, что Янек даже увидится с этим Герофоном.

— Герофеном.

— Не важно. С чего Янек вообще решил, что нас кто-то там ждёт?

— Он знает, что делает.

Агата с трудом верила в свои слова, как бы ей ни хотелось. Она часто думала о том, послушала бы она сама на месте князя горстку бродяг, утверждавших, что у них есть ключ ко спасению целой страны. Бывшая монахиня, пара дезертиров, осуждённый убийца, дочь лесной ведьмы... Не лучшие советники для главы государства.

— Варион! — Паулина радостно подскочила и отправилась навстречу алледанцу, устало шагавшему со стороны рощи.

Химера довольно холодно поприветствовал девушку и продолжил свой путь в дом. Выглядел он каким-то другим. Словно более гордым.

— Ты где пропадал? — Агата пошла следом за ним.

— Гулял.

— Что, вот так вот посреди битвы отправился погулять?

— Не назвал бы это битвой.

— Варион!

Химера резко остановился в дверях, и Агата едва не уткнулась носом в его спину. Повернувшись, он смерил её своим самым высокомерным и презрительным взглядом.

— Не обижайся на меня, но я не обязан отчитываться перед кем-то только из-за того, что этот человек делает вид, будто его заботят мои дела.

Фыркнув, он отправился в гостевую комнату. Агата смотрела, как он исчезает во тьме коридора, не в силах пошевелиться.

— Варион?

— Это не Варион, — прошептала ей на ухо Паулина. — Это был Химера.

Глава 11.

Весенний воздух оказывал на Ардука целебное действие. Первые несколько дней дороги от Чергова до Койва его мучали жар и тошнота, но со временем болезнь пошла на убыль. Агата утверждала, что так подействовали какие-то редкие травы, купленные ею на сельской ярмарке. Варион же придерживался мнения, что помогла водка, которой он тайком подпаивал больного. Так или иначе, Ардук наконец имел возможность прогуляться без ведра и мокрой тряпки.

В Койве ему нравилось. До сих пор их «отряд спасения» не заезжал в столичные города, так что открывшееся у берегов Доннета зрелище превзошло все ожидания. Город раскинулся на склонах холма, на вершине которого сиял в свете теплеющего с каждым днём солнца белокаменный кремль.

Ко всеобщему удивлению, Янек привёл отряд в свой собственный дом неподалёку от койвского порта. Там их встретила суховатая дама по имени Индила. Как пояснил старик, за годы странствий он прикупил несколько пустующих жилищ в крупных городах Сотторийского края и Западных королевств. Дом, конечно, был не в лучшем состоянии, но путники были наконец оказаться под собственной крышей.

— Хорошо тут, — на выдохе сказал Юральф, сидя на бордюре набережной.

— А я тебе говорил, — Ардук улыбнулся. Он приходил сюда каждый день в течение последней недели. Вид мирно текущего чуть внизу Соннета действовал умиротворяюще. — Ты знал, что реку здесь расширили искусственно, чтобы принимать большие суда?

— Если честно, не интересовался. Это вам в Гаальте рассказали?

— Нет, ты что? Местные поведали, — рейнджер захохотал. — В Гаальте нынче только и разговоров, как эти земли отстали от Запада. Мол, в Ледергене такие красивые каналы вырыли — не налюбуйешься.

— А в Новом Граде каналы на полсотни лет раньше появились, ничуть не хуже.

— О чём и речь, дружище, о чём и речь.

Ардук откинулся назад, опёршись на ладони, и прикрыл глаза от вечернего солнца. Уже можно было прятать зимний плащ куда подальше.

— Как думаешь, где сейчас остальные? — спросил вдруг Юральф.

Гаальтец лишь пожал плечами. Откуда ему было знать? Янек с самого приезда пытался поднять старые связи, чтобы донести недобрые вести до великого князя, но ворота кремля оставались для него закрыты.

Агата учила Паулину жизни в большом городе, рассказывала об истории и традициях Сотторийского края. Для колдуньи, проведшей большую часть жизни в диком лесу, девочка впитывала всё с необычайной скоростью.

Поведение же Вариона вызывало подозрения и даже опасения в отряде. Ещё неделю назад, в Чергове, он пропал на полночи и объявился уже каким-то другим. Меньше шутил, больше озирался по сторонам, постоянно затачивал ножи. Никто не решался расспросить его о том вечере, предпочитая не провоцировать лишние проблемы.

— Не похоже, чтобы сюда двигалась война, — заметил Юральф, наблюдая за местной

ребятнёй. Около дюжины мальчишек-оборванцев задорно гоняли палками деревяшку под радостные крики нескольких ровесниц.

— А ты её заранее и не увидишь, — горько признал Ардук. Пару лет назад Бельф тоже жил своей обычной жизнью до последнего. — Пришествие войны заметить трудно, а вот последствия... Ну, ты сам помнишь поля вдоль границы.

Юральф молча кивнул.

— Как думаешь, что в янековой коробке? — вспомнил новоградец.

— Ничего хорошего.

— Это уж точно. Но вот твоё мнение какое? Я ставлю на артефакт. Кинжал какой-нибудь или кольцо.

— Что бы там ни было, оно помогло победить Рекалию тогда, когда армия Республики не справлялась. Их отряды же были в ста километрах от Нового Града.

— А об этом, значит, в Гаальте рассказывают?

— Ещё бы: «ненавистный оккупант» ввязался в проигрышную войну с язычниками и чуть не лишился всего. Вас били по всем фронтам, а потом рекальцы что-то такое натворили, что половину их армии пожгло непонятым бешеным огнём. Наши учителя говорят, что Республика до сих пор существует только благодаря этому чудесному спасению.

Юральф вдруг поднялся, словно его в зад ужалила оса или даже шершень. Зрачки его расширились, а веки, наоборот, сузились.

— Подожди-подожди, — Ардук взволнованно вскочил и ощутил первый за день приступ головной боли. — Ты же не думаешь, что...

— Этот «огонь с небес» стал переломным моментом в войне, — напомнил новоградец. — И единственная причина, по которой Янек так рвётся в кремль...

— Это если что-нибудь подобное может случиться с армией Раванского ханства, — закончили друзья хором.

Ардук задумался. Неужели они везли с самого севера Республики то, что было способно обратить в прах тысячи солдат Рекалии? И если так, то что это могло быть?

Боль в висках усиливалась, и ребята решили отправиться домой. Неприятные ощущения в голове заметно притуплялись, пока Ардук медленно шёл по солнечным улицам самого большого района Койва — Нижнего Посёлка.

Одна из крупных площадей была оживлённее обычного. Посреди неё стоял наспех сколоченный эшафот, по сторонам которого развевались чёрные флаги с изображением двух мечей, соприкасающихся эфесами. По помосту вальяжно прогуливался высокий худой мужчина с иссиня-чёрными волосами, собранными в хвост. Своим видом он напоминал породистого скакуна.

Перед ним на коленях стояло двое необычных людей. Их отличала серо-синяя кожа, массивные нижние челюсти и длинные цепкие пальцы. К шее каждого было представлено лезвие бердыша одного из двух широкоплечих стражников в шлемах, скрывающих лица.

— Какого чёрта? — удивился Юральф.

— Синекожие, — пояснил Ардук. Подобных существ он встречал на родине. — Разумная раса, вроде людской. Живут в основном под землёй.

— Позвольте обратиться к вам, честные люди Койва! — воскликнул похожий на коня мужчина. — Это говорит Свальтар, третий сын князя Чергова Вертесена! Посмотрите на этих мерзких выродков! Синекожие твари! На моей родине их давно приучили не показываться на свет, но здесь ваш любимый князь Геровен покрывает всякий сброд!

Толпа недовольно загудела. Кто-то в адрес Свальтара, кто-то — синекожих.

— Эти двое чувствовали себя очень свободно здесь, в славном граде Койве, — продолжил оратор. — Настолько свободно, что решили перейти все границы. Этой ночью они забрались в дом на окраине, убили хозяина, надругались над его женой и дочерьми! Самой младшей даже десяти не было! Теперь видите, чего вы добиваетесь, пуская синекожих, лесной народ и прочих козлоголовых под одну крышу с собой? Время низших рас прошло, и их жалкие попытки поставить под сомнение власть людей должны быть наказаны самым жестоким образом!

Теперь народ единогласно поддержал младшего сына Вертесена. Отовсюду слышались призывы немедленно обезглавить синекожих, хотя кто-то и настаивал на предварительных пытках.

— Хватит сеять смуту, Свальтар! — из толпы к эшафоту вышел пожилой мужчина в широких одеяниях. — Ты нагло лжёшь народу и провоцируешь распри в нелёгкие времена.

— Кто посмел? — Свальтар презрительно взглянул на смельчака.

— Асмодей Долвин, магистр чародейского ордена долины Дейна.

— Колдун, значит? — княжич заржал под стать своей внешности. — Чего же ты, колдун, синекожих вздумал защищать? Хотя, чего бы от вас ещё ждать? Ваш «великий» орден долины Дейна позволил какой-то шлюхе из Томании стать верховным чародеем Койва.

— Для чародеев не существует границ, Свальтар. Семара заслужила свой пост знаменательными успехами.

— Знаменательными стали только оргии, которые она устраивает в своей башне. Видимо, тебе часто перепадает возможность трахнуть её, раз ты так хорошо отзываешься.

— Следи за языком, мальчик.

— Мальчик? Мой род старше любого в этом княжестве.

— А сам ты, видимо, только недавно научился в туалет ходить без мамки.

— Да как ты... Что ты... — Свальтар весь побелел и пошёл багровыми пятнами. — Стража, обезглавить синекожих! Сейчас же!

— Ты позоришь своих великих предков, — разочаровано произнёс Асмодей Долвин. — Когда-нибудь тебе воздастся.

Не желая наблюдать экзекуцию, Ардук и Юральф поспешили покинуть площадь. Узкими жилыми улочками они добрались до двухэтажного старого дома, принадлежащего Янеку.

Каждому в отряде повезло получить в своё распоряжение целую комнату. Ардук с облегчением лёг на старую жёсткую кровать, которая сейчас казалась ему поистине королевским ложем.

Чуть-чуть отдышавшись, он снял кожаную куртку и подошёл спиной к пыльному зеркалу на стене. Неизвестное синее пятно за неделю разрослось и теперь занимало всю правую лопатку. Никакой боли оно не причиняло, но на ощупь было холодным, словно лёд.

Ардук вздохнул и утёр выступивший на лбу пот. Ему было по-настоящему страшно. Ничего подобного он не испытывал, даже когда попал в тюрьму за отказ повиниться гаальтским чернокнижникам. Немножко успокаивало лишь наличие рядом таких людей, как Юральф.

«Всё будет хорошо, — каждый раз говорил новоградец. — Просто поверь.»

И Ардуку хотелось верить. Ведь, если несколько человек могли остановить целую

армию с помощью содержимого чёрной шкатулки, всё на свете становилось неожиданно возможным. Если.

— Только главное — не забывать перемешивать, — продолжала объяснять Агата, обходя многочисленных зевак. — А не то пельмени твои все слипнутся.

— И что, нужно стоять над кастрюлей всё это время? — удивилась Паулина. Её мать никогда не заботили тонкости готовки.

— А ты как хотела, моя дорогая? В монастыре мы с сёстрами проводили по несколько часов на кухне. Хорошей хозяйке стряпня только в радость.

— Я же не хозяйка.

— Но ты ведь ей станешь. Нельзя всю жизнь колесить в телеге.

Для Паулины слова монахини стали настоящим откровением.

— А куда деваться? Дома у меня теперь нет, семьи — тоже.

— Так заведи. Ты ещё очень молодая, и у тебя всё впереди. Найдёшь мужчину, останешься с ним жить. Будут у вас дети, внуки. Вот тогда и вспомнишь меня, когда пельмени слипнутся. Для мужчин еда — это святое.

— Какой мужчина, ты что? Я же колдунья.

— По-твоему, волшебники не могут иметь семью? Они же не монахи.

— Мама говорила, что таких, как мы, убивают и сжигают. С ней так и стало... — Паулина вытерла одинокую слезу.

— Это только в Республике. В остальных странах всё гораздо менее строго.

— А почему в Республике тогда нас убивают?

— Давнишний закон. Колдуны однажды подняли восстание против власти, но их утихомирили, а после объявили вне закона.

— Кошмар. Никогда туда не вернусь.

— И не надо. О, пришли!

— Куда?

Агата завернула в узкий переулок и остановилась перед резной деревянной дверью, над которой золотыми буквами было написано: «Представительство чародейского ордена долины Дейна в Койве».

— Что это?

— Пойдём, — Агата взяла Паулину за руку. — Пора тебе познакомиться с настоящими магами.

За дверью царил полумрак и свежесть. Вдоль стен просторной комнаты мерцали тоненькие свечи, источавшие лёгкий пряный аромат, а в самом центре журчал небольшой фонтанчик.

Двустворчатая дверь на той стороне зала открылась, и в проёме показался молодой человек в лазурной мантии. Он внимательно изучил гостей.

— Чем могу вам помочь? — вкрадчиво спросил он. — Орден долины Дейна всегда рад тем, кто приходит с добрыми намерениями. Вы тоже чародеи?

— Она — да, — Агата положила руку на плечо Паулины. — Девочка ещё не до конца осознаёт просыпающиеся в ней способности, и я надеялась, что вы поможете ей в этом.

— Способности? — молодой маг явно заинтересовался. — И к какой же школе она

принадлежит?

— Школе? — не поняла Паулина.

— Где ты проходила начальное обучение, девочка?

— Меня мать учила у нас в лесу.

— Это что же за лес такой? Сильшадаар?

— Обычный лес.

— Северные Дикие земли, — пояснила Агата с лёгким смущением.

— Те самые? — чародей в лазурном несказанно удивился. — Тогда не понимаю, о каких способностях может идти речь, если девочка даже начального обучения не прошла.

— Ты так говоришь, будто сильно старше меня, — обиженно сказала Паулина.

— Дитя моё, мне уже восемьдесят четыре, — маг снисходительно улыбнулся. — Хорошие чародеи тратят немало сил, чтобы поддерживать себя в форме.

— Стало быть, ты очень хорош.

— Весьма.

Вокруг «молодого» мага витала необычная энергия, чуть светлее его мантии. Паулина протянула руку и словно отщипнула кусочек этой волшебной ауры. Что-то подобное она проделала на сельском кладбище с некромантом, но эта энергия оказалась куда мягче и приятнее.

Когда вокруг девушки одна за другой стали вспыхивать синие искры, чародей не на шутку перепугался. Он медленно подошёл к Паулине и взглянул ей прямо в глаза.

— Ты же сказала, что не обучалась в школе.

— Раз сказала, значит, не обучалась.

— Вокруг тебя аура, как у чародея школы Лазурного камня. Откуда иначе ты могла научиться этой магии?

— Я просто одолжила твою ауру.

— Одолжила!?

— Ну да. Я так уже делала, — Паулина звучала очень непринуждённо и буднично.

— Где вы её взяли? — спросил он уже у Агаты.

— В лесу, — напомнила монахиня. — В Диких землях.

— Пойдёмте.

Развернувшись на каблуках, маг отправился туда, откуда пришёл. Паулина с трудом попевала за его широкой походкой. Он провёл их по светлому коридору, а затем по винтовой лестнице в большой круглый зал.

В центре стоял овальный стол, вокруг которого расположилось несколько чародеев. Самый старший из них ходил взад-вперёд, заложив руки за спину и что-то рассказывал с плохо скрываемым раздражением.

— Публичная казнь без санкции канцелярии! — негодовал маг, чьё лицо было покрыто сеточкой морщин. — Сольтесы возомнили, будто им можно всё!

— Смею напомнить, магистр Долвин, что у них есть веские на то основания, — произнёс чародей с длинными золотистыми кудрями. — Первый Сольтес приходился дядей первому царю Соттории.

— Как бы то ни было, не им решать, какие расы относятся к низшим. Вот так убивать синекожих — значит потакать скрытой жестокости масс. Насилие порождает насилие.

— Но если синекожие действительно были виновны?

— Всё должен решать княжеский суд, но я уверен, что люди Свальтара сами устроили

весь этот разбой.

— Магистр Долвин, — лазурный маг решил наконец прервать старшего чародея.

— Чего тебе, Гвиан? — Долвин недоверчиво осмотрел пришедших с ним дам. — Это ещё кто?

— Амхур.

Магистр замер, словно это слово значило что-то невероятно важное.

— Амхур? — переспросил он.

— Насколько я могу судить.

Долвин подбежал к Паулине, пристально осмотрел её, даже обнюхал. В какой-то момент она случайно вдохнула его ауру и почувствовала, как-то что жгучее и неприятное заполняет всё нутро.

— Садись, дитя.

Паулина не торопилась выполнить указание.

— Быстрее!

Она заняла ближайший стул и испуганно взглянула на магистра. Тот, прищурившись, продолжал рассматривать её.

— Как давно ты обнаружила в себе эти способности?

— Колдовать я всегда умела. А именно это заметила около двух месяцев назад. Я стала видеть образы, замечать энергию вещей. Иногда даже слышала обрывки мыслей других людей.

— Что насчёт копирования магии?

— Я однажды оказалась в старой крепости с... С другом. Ему угрожала беда и как-то так вышло, что я стала чувствовать эту крепость. Я пропустила её через себя и смогла спасти друга.

— Что за крепость?

— В Вороньих горах, — вставила Агата.

Чародеи взволнованно посмотрели друг на друга.

— Крепость тёмного народа?

— Ну да, а что?

Магистр подошёл к коллегам и о чём-то оживлённо пошептался.

— Я живу уже вторую сотню лет, но никогда ещё не видел Амхура своими собственными глазами, — признался наконец Долвин.

— Что такое Амхур?

— Это тохорское слово, которое значит «ключ от всех дверей». И этим ключом надо уметь правильно пользоваться, чтобы не навредить ни другим, ни себе.

— Научусь, хорошо.

— С нашей помощью.

— Это как?

— Мы отправим тебя в долину Дейна, где ты будешь познавать все тонкости своего умения. После нескольких лет обучения ты станешь настоящим мастером чародейства.

— Несколько лет!? — возмутилась Паулина. — Какая ещё долина? Какие несколько лет?

— Послушай старого магистра, — посоветовал кудрявый маг. — Такие способности нельзя пускать на самотёк.

Девушка пришла в ярость. Эти самодовольные чародеи правда думали, что она бросит

Агату, Юральфа, Вариона?

— Пойдём отсюда, — Паулина поднялась и рванула к выходу. — Не знала я настоящих чародеев и знать теперь не хочу.

— Мы не станем тебя задерживать, — воскликнул ей в след Долвин. — Но ты ещё раз подумай. Если что, ты знаешь, где нас найти.

Отвечать Паулина не собиралась. Она слетела по лестнице, перепрыгивая по две ступени, и покинула общество чародеев долины Дейна.

— По-прежнему ничего? — спросил Юральф, едва Янек показался у порога.

— Очередной знакомый купец разорился и теперь нищенствует у церкви, — усталым голосом ответил Вермейер. — Наши шансы попасть в кремль становятся ниже с каждым днём.

Юральфу даже стало жалка старика. Они проделали такой огромный путь сквозь череду опасностей лишь для того, чтобы упереться в неприступные стены кремля. Нежелание местной власти прислушаться к гласу народа вынудило её намертво запереть двери.

— Скажи честно: на что ты рассчитываешь? — выпалил новоградец. — Ты же не думал, что великий князь радушно примет нас в своих палатах?

— Я же не идиот, Юральф, — Янек нахмурился. — Просто я не знал, насколько всё поменялось в Койве за эти годы.

— И что же поменялось?

— Геровен заходит слишком далеко в своей всеобъемлющей любви к простолюдинам и чужеземцам. Старые традиции рушатся, а те, что их заменяют, ни на чём не зиждутся. Народ волнуется, и эти волнения могут иметь неприемлемые последствия.

Юральф поведал старику о разыгравшемся на площади представлении.

— Серьёзно? — Янек достал из-под стола бутылку водки и вопросительно изогнул брови. Юральф кивнул. — Чёрт подери, это уже тревожно. Раванское ханство набирает мощь, а Койв сам себя рвёт изнутри.

— А кто по-твоему прав? — новоградец отправил горькое пойло в желудок.

— В мире много существ, которые непохожи на нас, — Янек вытер капли водки с седой щетины. — Синекожие ли или козлоголовые. Они такая же часть этого мира, и мы не в праве решать, достойны ли они существовать. Такие, как Сольтесы, называют всех, кто на них не похож, низшими расами, нелюдями. Смею заметить, тёмный народ тоже подходит под это описание. Только сомневаюсь, что княжич рискнул бы вывести короля Вороньих гор Согхерона на прилюдную казнь.

— Люди всегда чуют слабость других. Любят нападать, зная, что не получают отпора.

— Потому Раван и собирается воевать. Потому мы и здесь, Юральф.

— Хотел бы я верить, Янек...

— А что мешает? Ты сомневаешься в нашей цели?

— Я во всём сомневаюсь в последнее время.

Юральф замолк, и в доме воцарилась тишина. В этот час Ардук по-прежнему боролся с болезнью сном, Агата читала что-то в своей комнате наверху, а Варион пропадал в очередном борделе. Паулина с дневной прогулки вернулась крайне раздражённой и на глаза больше не показывалась.

— Что гложет тебя? — старик взял Юральфа за огрубевшую от холода и рукояти меча руку. Глаза Янека были такими же, какими впервые предстали на ферме Бертольда в степях Гаальта.

— Я не знаю ничего, — с ноткой отчаяния ответил новоградец. — Мы уже год колесим вместе, сражаемся бок о бок, но я понимаю, что в некоторые моменты был слеп. Когда ты подобрал нас с Ардуком, мы были потеряны. Всё, что нам светило — это трибунал или жуткая смерть на поле боя. Нам некуда было идти, и мы с радостью последовали за тобой. Радость эта затмевала всё остальное, но теперь... Теперь я стал задавать вопросы.

— Было бы любопытно услышать их.

— Я бы предпочёл, чтобы ты ещё и смог на них ответить.

— Сделаю всё возможное, — Янек улыбнулся.

— Этот дом размером с два моих в Чернополье, — Юральф раздвинул руки, описывая весь масштаб здания. — Откуда он у тебя? Как ты, чёрт возьми, смог его купить, если ты блуждаешь по свету не один десяток лет?

— Я всегда пытаюсь подгадать правильный момент. Таких домов у меня штук восемь, а то и десять. Часто хозяева пропадают или умирают, а их родня готова продать дом за бесценок. Здесь никто не жил уже год до того, как я купил его. Этот дом я обменял на ящик повского пива.

— Но зачем он тебе?

— Никогда не знаешь, когда понадобится своё жилище где-нибудь в большом городе. Я ведь не молодею, Юральф. Когда-нибудь я уже не смогу выдерживать долгие переходы, и мне придётся где-то осесть. У меня есть дома в Басселе, Седжене, Повске, Ярополе Астари, Дегааре... Мне будет, где бросить якорь, когда ходить я уже не смогу.

— А женщина, которая тут живёт?

— Индиле я помог давным-давно, и она с радостью согласилась присмотреть за моим жилищем. На свете немало людей, благодарных мне и моим спутникам.

Юральф удовлетворённо кивнул. Но вопросы на этом не заканчивались.

— Ты знаешь всё о нас. Ты встретил нас в самые отчаянные моменты нашей жизни. Но мы не знаем ничего о тебе.

— А что во мне может быть интересного?

— Откуда ты? Чем ты занимался раньше? Ты же не всегда катался на телеге по миру. Так что тебя вынудило сорваться? Зачем?

— Я родился на острове Вильтегал, если тебе так интересно. Это в Годаранском море, у берегов самой империи. Мужчины на нашем острове либо чародеи, либо наёмники, либо моряки. Колдовать я не умею, драться тоже особо не обучен. Оставалось лишь податься на флот. В те годы война шла между Годараном и Скаальдом. Уж не знаю, как так вышло, но приняли нас имперцы за скаальдцев. Атаковали нашу посудину заклинаниями, потопили. Я чудом спасся. Дрейфовал долго на обломках, а потом меня подобрал корабль Республики. Двенадцать лет я провёл в Новом Граде, торговал всякой рыбой. А потом как чёрт укусил: захотелось мир посмотреть.

— Вот так просто?

— Жизнь вообще проще, чем кажется.

Юральф чувствовал, что старик недоговаривает, но понимал, что больше вряд ли удастся из него вытянуть.

— Вот ты говоришь, что колдовать не умеешь, — заметил новоградец. — Но ведь ты в

крепости Согхерона изгнал как-то.

— Не магия это, — отмахнулся Янек. — Во всяком случае, в привычном понимании. Я когда в Рекалии был, мне там объяснили, что тёмный народ боится как огня язык тех единственных, кто им был ровней в своё время.

— То есть?

— Демонов.

Юральф вздохнул. Янек был категорически против всего, что касалось чернокнижия, и, должно быть, ему пришлось переступить через себя, чтобы воспользоваться демоническим языком.

— Есть ещё вопросы? — Вермейер подлил себе водки.

— Последний, — Юральф опустошил рюмку. — Что в твоей шкатулке?

Янек откинулся на стуле и облизал губы.

— Ты знаешь, когда придёт время.

— А когда оно придёт?

— Не знаю! — старик вскочил с необычайной резвостью. — Когда придёт, тогда придёт!

— Неужели так сложно рассказать?

— Рассказать-то легко. Понять куда сложнее. То, что там таится, обладает невероятной мощью. Все эти годы я молился, чтобы оно не попало в плохие руки.

Юральф пожал плечами и присосался к рюмке. Янек скомкано извинился за вспыльчивость и затопал в свою комнату. Новоградец понимал, что время придёт, когда они наконец доберутся до великого князя. Но в таком случае оно могло никогда и не настать.

Сейчас новоградец понимал, насколько всё было проще в армии. Тебе говорят — ты делаешь. И думать не надо.

— Серокожие, Сольтесы, князья... — пробормотал себе под нос Юральф. — Да пошли вы все в задницу.

Глава 12.

Мария Ольбург обедала в два по полудню. Полчаса перед этим она проводила за молитвой, которую заканчивала аккурат перед тем, как служанки приносили поднос с двумя тарелками и графином. Мария ела неторопливо, как и положено даме из высшего общества.

После обеда наступало время прогулки в парке у особняка. Девушка в течение часа бродила по выложенным плиткой дорожкам вокруг елей и пихт. Всё это время за ней отовсюду присматривали внимательные стражники в цветах Летары. Если начинался дождь, один из них нёс непромокаемое полотно над прелестной головой Марии.

Вечером она находилась в особняке. Читала, занималась танцами с учителем с Запада и вместе с отцом принимала гостей. Многочисленные желающие увидеться с летарским послом расходились только часам к восьми, после чего наступало время ужина.

Вдоволь наевшись, Мария в компании менее знатных подруг и служанок шла мыться. В самом здании посольства купальни не было, и девушкам приходилось пересекать весь парк, чтобы попасть в неё. Бани располагались в самом дальнем углу посольской земли, у забора.

За без малого полторы недели Варион изучил расписание девушки вдоль и поперёк. Посольство располагалось на самом краю шумного Посада, прямо напротив торговых рядов

и гостиниц. Сверху хорошо просматривалось как само здание, так и парк. Сквозь широкие окна комнаты на втором этаже посольства весь девичий быт был как на ладони.

Задание казалось на удивление лёгким, если на время забыть о том, что Марии Ольбург было одиннадцать лет. Конечно, об этом Вариону никто не говорил. В первый же вечер в доме Янека, в глубине жилых кварталов Койва, Химера нашёл на подушке, на которой даже не успел ещё поспать, обрывок белоснежной грубой бумаги, на которой изящным почерком были выведены имя и фамилия предполагаемой цели, а также её адрес.

Отыскать посольство труда не составило. После этого оставалось лишь найти удобные точки обзора и изучить все возможные пути проникновения в дом. Невольными помощниками в деле становились многочисленные обитатели и работники посадской улицы. Каждый обладал маленькими кусочками информации, которые вкуче составляли полную картину.

Местный трактирщик с гордостью поведал о том, что кормит летарскую гвардию после смены караула в полдень и полночь; солдат городской стражи с лёгкой насмешкой сообщил, что по вечерам к одной из подруг Марии заходят молодые люди, без проблем минуя кордоны на входе; собиратель милостыни сказал, что сам господин посол покидает резиденцию перед обедом и после ужина.

Весь план убийства уже созрел в голове Вариона, но претворить его в жизнь мешала лишь одна маленькая загвоздка. Марии Ольбург было, чёрт возьми, одиннадцать лет. До сей поры он лишь раз убил кого-то младше двадцати, но тот противный юноша оказался малолетним садистом, изрядно досаждавшим властям городка на западе Алледана.

В очередной раз сидя на крыше овощной лавки, Варион никак не мог понять, зачем княжичу Демесеру смерть белокурой молодой девчушки с огромными синими, пусть и не как у Сольтесов, глазами. Убийство самого посла произошло бы куда быстрее и без угрызений совести.

— Когда же ты успела им насолить? — едва слышно спросил сам у себя Химера.

Ответа он и не ждал. Насолить кому-либо в большом городе было проще простого: иногда достаточно было просто родиться не в древнейшем роде княжества.

Часы на ближайшей площади пробили двенадцать. Под настороженный взгляд стражника, караулящего перекрёсток, Варион крепко схватился за кромку крыши и мягко соскользнул на козырёк первого этажа. Оказавшись на земле, Химера поспешил скрыться из вида. Этот стражник наблюдал за ним уже полчаса, не меньше.

Опознать его впоследствии было бы почти невозможно: на хорошую маскировку Варион денег не жалел. Специально для этой вылазки он купил дорогую накидку из труднопроизносимого материала с богатым орнаментом — такие обычно носили купцы и вельможи с Запада. Свои обычно прямые волосы Химера завил у местного дамского цирюльника.

Смена караула как раз началась. Замотанные после ночной службы летарцы поспешили набить брюхо в ближайшей харчевне, а их сменщики только выбирались по одному из своего барака. В этот момент их внимание едва ли мог привлечь даже хромой оборванец, заползающий в посольство. Так что высокая статная фигура в дорогой накидке никому не показалась подозрительной.

Оказавшись подальше от высоких кованых ворот посольства, Варион скинул тяжёлый капюшон и осмотрелся. Он примерно знал, где искать свою цель. За сорок минут до полудня Мария покинула основное здание и направилась в парк. Там он её и нашёл.

Дочь посла расположилась на излюбленной скамейке с толстой книгой в руках, кутаясь в пушистую белую шубу. Светлые завитки волос закрывали её глаза. Рука Химеры скользнула под накидку и нащупала рукоять кинжала.

— Что читаешь? — буднично поинтересовался ассасин, изящно приземляясь на лавку.

Мария испуганно подняла голову и сдула локоны с типично-западного острого личика. Глаза девочки были цвета летнего неба. Варион отметил, что посол на славу постарался.

— Вы кто? — Мария отодвинулась от незнакомца. — Я сейчас позову охрану.

— Нет никакой необходимости, — Химера улыбнулся, сверкнув отполированными накануне зубами. — Я пришёл обсудить один важный вопрос.

— Отец сейчас не принимает.

— Я пришёл не к нему.

— Ко мне?

— Именно.

Варион с удовлетворением заметил, что девочка слегка расслабилась и пододвинулась поближе.

— Меня зовут Эдвин, — представился Химера, поверив в собственную ложь.

— Мария — истинно западный говор маленькой леди Ольбург напоминал Вариону о родине. — Чего же вы хотите?

— Как долго ты живёшь в Койве с отцом, Мария?

— Скоро год. Я приехала в прошлом мае.

— Тебе здесь нравится?

— Тут мило. Дом хороший, парк тоже.

— А ты часто выходишь за забор?

— Нет. Лишь пару раз отец брал меня в этот, как его там? Замок короля.

— Кремль, — подсказал Варион, поглаживая наспех отпущенную бородку. — Ты виделась с князем?

— Нет. Только с его помощником. Он сказал, что мы с его дочерью стали бы хорошими подругами... — Мария замолчала и нахмурилась. — Так что вы от меня хотите?

Химера едва заметно улыбнулся уголками рта. Для такой молодой девочки мог быть лишь один повод уехать от семьи в далёкий Койв.

— За кого тебя обещают выдать замуж?

— Меня?

— Тебя.

— Папа обещал мне настоящего принца, — Мария засмушалась. — Сказал, что я буду править в этом самом кремне.

— Кремле.

— Да.

Варион почесал непривычно кудрявую голову. Подрастающий и одинокий княжич Койва волновал умы многих отцов, желавших породниться с самой династией Соттор.

— Ты правда думаешь, что ты выйдешь замуж за своего принца?

— Так папа сказал.

— А он откуда может знать?

— Он сказал, что договорился.

— С князем?

— Нет, с помощником. С другим, который деньгами занимается. Отец говорит, что

князь всегда слушает этого помощника.

— Вот как?

— Ну да. Так что вы хотели узнать?

Варион замялся. Он и сам подзабыл, что хотел узнать.

— Я здесь от имени великого князя, Мария. Хочу сообщить тебе радостную новость. Сын Его Величества уже готов взять тебя в жёны.

— Да? — девочка вся загорелась. — А папа ничего не сказал! Как же так? Ух ты!

— Спокойнее, — попросил Химера. Лишнее внимание было ни к чему. — Господин посол пока ничего не знает. Мне велено говорить напрямую с тобой, чтобы узнать, насколько искренне ты хочешь стать княжной. Это должно быть твоё решение, а не его.

— Ещё как искренне! — Мария подпрыгивала при каждом слове. — Очень хочу!

— Тогда сегодня же тебя представят Его Величеству. Жди меня в девять вечера напротив посольских ворот. Охране объяснишь, что идёшь на фестиваль весны.

— Отца не будет дома в это время. Надо у него отпроситься.

— Нет никакой необходимости. Ему пока не стоит знать ни о чём. Ты ведь большая девочка, Мария. Почти княжна.

Посольская дочь буквально расцвела. Она радостно закивала, улыбаясь во весь рот. Видимо, уже видела себя на койвском троне. Бедное дитя.

— Девять вечера, — напомнил Варион, поднявшись. — Князь не любит опозданий.

Химера понятия не имел, что любил правитель Койва. Он думал лишь о своём задании. Никогда раньше он не размышлял над мотивами того или иного заказа, о морали или последствиях. Незачем было рушить эту традицию.

Больше книг на сайте - Knigolub.net

— А ну-ка попляшем! — радостно завопил скоморох с деревянных мостков. — Давай-давай, честной народ! Весна пришла, любовь и радость принесла!

После каждого его выкрика толпа ликующе ревела и принималась плясать. Народу на площади Койву Завоевателя, одной из главных в городе, всё прибавлялось. Каждый хотел поучаствовать в окончательных проводах зимы.

Юральфу подобные празднества были не в новинку: в их селе традиционные гуляния проходили постоянно, пусть и не с таким размахом, как в Койве. Остальные же излучали неподдельную радость.

— Как же я по всему этому скучала, — восторженно проговорила Агата, наблюдая за танцорами в аляповатых нарядах. — Отец каждый год водил меня на прощание с зимой. Песни, пляски, угощения: всё было именно так.

— Зато в Гаальте наоборот, — Ардук заметно охрип в последнее время. — Разве что в Бельфе, бывало, горстка староверов устроит хороводы у костра. Ну и кулачный бой.

— Для кулачного боя повод не нужен, — заметил Янек. Он наконец повеселел, хотя сначала не хотел даже идти на праздник.

Паулина ничего не говорила. Юральф мог с трудом представить, что испытывает кто-то, проживший восемнадцать лет в диком лесу, при виде подобных зрелищ. Внешне её эмоции не проявлялись: она лишь крутила головой по сторонам, не зная, на чём остановить взгляд.

Специально для праздничной недели на площади вырос целый город из различных

палаток и павильонов. Торговцы со всех сторон света привезли в Койв свои диковинные товары, артисты демонстрировали талант прямо посреди улицы, а чародеи предлагали за гроши купить чудодейственный амулет или отвар.

— Бери-бери-бери! — увещевал тощий лысый мужчина с клеймом на лбу, крутя в руках какое-то переплетение из корней и веток. — Лучше ничего не найдёшь! От упырей, кровопийц, некромантов, дурного взгляда! От всякой напасти!

Простоватого вида рыжая дама нерешительно переминалась с ноги на ногу перед прилавком.

— От всякой, говоришь? — с поддельным интересом спросил Юральф.

— Ну да! Любую дрянь спугнёт!

— А ырку? — с лёгкой ухмылкой прохрипел Ардук.

— Кого?

— Ну ырку. Упырь такой. Его спугнёт?

— Не знаю никаких аырков, — отмахнулся продавец. — Зато болотоступа за версту остановит. Я-то знаю: меня они чуть не слопали по дороге сюда. Только вот амулеты и помогли.

— А откуда ты знаешь, что болотоступы хотели тебя сожрать, если ты их ещё за версту спугнул? — Юральф снисходительно ухмыльнулся.

Дамочка разочаровано покачала головой и удалилась.

— Вы чё творите, а? — торговец злобно взглянул вслед несостоявшейся покупательнице. — Клиентов только отгоняете. Или берите чего, или валите!

— Да ты помолчи, Клим! Не надо ничего у этого пройдохи брать! — воскликнула продавец из соседнего павильона. На вид ей было хорошенько за пятьдесят. — Вы лучше мои вещицы посмотрите. Весь год собирала по всему свету.

Юральф переглянулся с товарищами и подошёл к её прилавку, уставленному флаконами, склянками и шкатулками.

— Вот, молодые люди, смотрите, — торговка бережно достала из ящика флакончик с мутно-серым раствором. — Это я из Холмогорья привезла: для мужской силы. Пейте каждый вечер перед сном и будете как жеребцы молодые! Со всем Койвом переспите и ни капельки не устанете.

— Я и так не жалуясь, — рассмеялся Янек.

— Эх, зря. Нигде такого больше не найдёте. Девки-то у вас, смотрю, достойные. Негоже таких не до конца ублажать.

Паулина вся зарделась, а Агата лишь легонько прикусила губу. Юральф вздохнул, вспомнив случай на перевале. Женщине явно не хватало любви. Хотя её вообще редко бывает в достатке.

— Тогда вот возьмите мазь с Юга, — продавец не унималась. — Девочка вон худая больно. Пускай помажется, сразу и груди вырастут, и попа. Ты как с такими бёдрышками рожать собралась, дорогая?

Паулина испуганно посмотрела на неё, всем своим видом показывая, что о деторождении думает в последнюю очередь.

— Ну с вами так каши и не сварить, — раздосадованно решила дама, когда отряд зашагал прочь. — Мужчина, точно ничего не возьмете? Эту мазь и вам кое-куда втереть можно!

— Спасибо, мне там всего достаточно, — отказался Юральф. — Никто не жаловался.

— Да ну? Правда, что ли? — торговка вдруг подозрительно прищурилась и облизнула пухлые губы. — Пойдём, может, докажешь?

Новоградец поёжился, представив себя в объятиях годящейся ему в матери дамы.

— Нет уж, за этим к Химере, — пробормотал он себе под нос.

— Думаешь, дружище? — Варион словно тень выскользнул из палатки с сахарными фруктами, держа на палочке яблоко в пудре. — Даже я не готов так далеко зайти в своей безграничной любви к прекрасному полу.

— Ты же говорил, что не любишь праздники, — заметила Агата.

— И сейчас скажу то же самое.

— А что плохого в праздниках? — удивилась Паулина, с трудом отрываясь от выступления эквилибристов.

— Есть в этой толпе что-то общее с публичной казнью, особенно когда сжигают чучело зимы, — Химера фыркнул. — Неприятные воспоминания навеивает.

— Тогда, полагаю, ты не удержишься, — произнёс Юральф.

— Умничка, — алледанец потрепал его волосы. — Я своё законное яблоко взял — теперь на настоящий праздник.

— Это какой же?

— Вы знали, что в Койве не меньше дюжины борделей? Я вот пока был лишь в семи. Намёк поняли?

Отряд разом покачал головами вслед удаляющемуся Химере. Вскоре они вышли к широкой площадке, вокруг которой возбуждённо переговаривались зеваки. В центре площадки пара десятков крепких мужиков выстроились в две ровные линии друг напротив друга. Из толпы к ним то и дело присоединялись другие.

— Добрый день, ребята! — пробасил один из мужиков при виде отряда. — Идёмте к нам, побьёмся!

— Что за битва? — не понял Ардук.

— Кулачные бои. Мы набираем крепышей вроде вас. Чем больше, тем ведь веселее. Что за проводы зимы без боёв?

— Даже не знаю, — Юральфу битв хватало и в повседневной жизни.

— Да ты мужик или как?

Новоградец таких вопросов не любил и не считал нужным доказывать свою состоятельность ни мордоворотам, ни потасканным продавщицам.

— А давайте! — неожиданно согласился Ардук, чем вызвал недовольный шёпот Агаты. — Да ладно тебе! Я себя намного лучше чувствую, и мне как раз надо выпустить пар.

— Вот это я понимаю! — обрадовался боец. — Вот он мужик. А ты чего?

— А чего я? — возмутился Юральф. — Ладно, поборемся. Только не удивляйтесь, если мы вдвоём всех повалим.

— Это вряд ли, — мужик многозначительно взглянул на своих товарищей, не уступающих размерами среднему медведю.

— Я, пожалуй, не буду. Пожалее вас. — пошутил Янек.

— Ценю твоё милосердие, — подыграл Ардук, стягивая неудобный плащ.

Главный по боям быстро объявил правила. Вначале схватка происходила стенка на стенку, а победителем признавали последнего стоящего на ногах. Запрещалось бить лежачих и сдавшихся противников, а также использовать ноги. Предельно просто.

По команде две группы яростно ринулись друг на друга. Среди здоровых мордоворотов

затесались и бойцы поменьше: их Юральф и выслеживал. Полностью придерживаясь правил, он отправил на землю первого попавшегося паренька.

Следующие напали на него вдвоём. Отразив блоками шквал ударов, Юральф скользнул между ними, попутно отбивая почку одному бойцу. Второй попытался заступиться за товарища и раскрылся, но тут же получил крепкую зуботычину.

Целей поменьше Юральф сразу найти не смог. Вместо этого он сам оказался на пути огромного бойца, похожего на дикое животное из-за своей одежды, наспех сшитой из шкур. Огромный кулачище просвистел совсем рядом с лицом новоградца, а ответная атака наткнулась на нечеловечески широкое предплечье. Рука сама по себе скользнула к поясу, но меч, конечно, остался лежать дома, под кроватью.

От следующего удара Юральф не смог уклониться, но всё же устоял. Голова загудела, словно наковальня, и сквозь мутную пелену он видел, как противник замахивается для повторной атаки. Новоградец сжал зубы.

Удара не последовало. Амбал вдруг опустил руки и уставился куда-то за спину Юральфа, откуда доносились вопли возмущения. Слегка придя в себя, новоградец обнаружил, что бой утих, хотя на ногах стояла ещё по крайней мере половина участников.

Обернувшись, Юральф понял причину заминки. У самого края площадки лежал на спине молодой чернявый парень с залитым кровью лицом. На нём восседал Ардук, яростно матерясь и обрушивая удар за ударом на беспомощного парнишку.

Подоспевшие, чтобы разнять их, мужики получили по точному удару под дых. Самые крепкие из мордovorотов решительно двинулись на гаальтца с недобрыми намерениями, и Юральф поспешил опередить их.

Схватив товарища под руки, он вытащил его с площадки и отвёл в глубину улиц. Ардук уже не пытался вырваться. Тяжело дыша, он прислонился к стене дома и испуганно взглянул на новоградца.

— Что это было? — проговорил гаальтец. — Чёрт, я совсем с ума схожу!

— Спокойно, — Юральф приложил ладонь ко лбу друга. Он весь горел. — Пойдём домой.

— Какого чёрта со мной происходит? — со слезами на глазах воскликнул Ардук. — Что это?

Юральф оглянулся на подоспевших товарищей. Он не знал, что ответить. Ничем хорошим это быть не могло.

Колокола на башне пробили девять с опозданием на минуту, если верить карманным часам, которые Варион купил ещё летом в Республике. Улицы Посада были освещены довольно скудно. Если бы в Западных королевствах по вечерам царил такой же полумрак, работа наёмного убийцы там была бы куда легче.

Людей Химера почти не видел. С наступлением темноты все, даже большая часть городской стражи, поспешили на главную площадь, где обыватели ждали сожжения чучела зимы. Словно этот пережиток языческого прошлого сулил избавление от всех бед.

Химера показался на празднике лишь на несколько минут и со вполне конкретной целью. Нужно было почаще мелькать перед соратниками, чтобы не вызвать лишних подозрений.

Мария уже ждала его в назначенный час. Скрываясь во тьме переулка, Варион видел, как она, укрывшись плащом, после короткого разговора со стражниками на входе прошла через ворота и стремительно пересекла улицу. Двигалась девочка вприпрыжку.

Она остановилась под одним из немногих уличных фонарей, нетерпеливо озираясь по сторонам. Снующие вокруг бродячие собаки не удостоились и капли внимания со стороны девочки.

Химера смотрел на неё, не в силах сдвинуться с места. Правая рука уже лежала на рукояти кинжала, но оружие, обычно столь родное, казалось ему непривычным и даже враждебным. Ассасин не мог забрать эту жизнь.

В этот вечер Мария так и не дождалась таинственного Эдвина из кремля. Должно быть, она вернулась домой в расстроенных чувствах: плакала, лупила подушки, корила судьбу. «Пусть лучше так, — решил Варион. — Сегодня же праздник Весны».

Ночь он провёл в безумном марше по кабакам и борделям: выпил, пожалуй, больше, чем за весь предыдущий месяц. Женщин заказывал сразу по три, смело потрясывая кошельком, становившимся всё тоньше и тоньше.

Химера совсем не помнил, как добрался до дома. Кажется, даже встретил кого-то в прихожей. Поднимаясь по лестнице, он отбил себе все колени, но всё же дополз до кровати и, уткнувшись опухшим лицом в подушку, провалился в никуда.

Очнулся Варион в каком-то странном месте. Он сидел на холодном мраморном полу в скудно освещённом зале с множеством уходящих вдаль колонн. Перед ним располагалась трибуна, на которой гордо восседал человек в чёрном, чье лицо скрывала тень.

— Слушание начинается! — провозгласил человек. — Встать, подсудимый.

Варион почувствовал, что лучше повиноваться. Рядом с трибуной появился прокурор. Химера его сразу узнал: именно с ним они беседовали ночью в бассельской тюрьме.

— Подсудимый Варион, вы признаёте свою вину? — громогласно спросил прокурор.

— Какую ещё вину? — грудь Химеры что-то сдавливало, мешая говорить.

— Вы обвиняетесь в чрезмерной слабости и неспособности доводить дело до конца, а также в измене.

— Измене? Кому?

— Самому себе, — пояснил судья, подавшись вперёд.

Теперь Варион мог видеть его лицо. Вернее, своё лицо: знакомые острые скулы, усмешку на тонких губах, длинные волосы. Лишь глаза были другими: словно в их глубине горел огонь. Это был не Варион. Это был Химера.

— Ты удивлён? — судья фыркнул. — Это весьма странно. То, что ты намереваешься сделать — это измена в чистом виде. Ты забываешь, кто ты есть. Что ты есть.

— Я сам решаю, кто я.

— Святая наивность, — Химера загоготал, ухватившись за трибуну. — Ты же знаешь, что это не так. Ты не можешь убежать от самого себя, Варион.

— Я не буду её убивать.

— Будешь, — судья махнул жилистой рукой. — Исход этого дела предрешён, мой дорогой друг. Ты же сам знаешь, что будет, если ты откажешься.

— Почему я вообще должен тебя слушать?

— Потому что я — это ты. И никто, кроме тебя самого, не желает тебе добра.

— Ты умер. Погиб в Басселе, при этом чуть не утащил меня за собой.

— Глупыш. Ты борешься с огнём, пытаешься его потушить, но при этом забываешь, что

это пламя породило тебя. Без него кем бы ты был? Дейлом Броувордом, сыном шляхи, рабом.

Варион почувствовал, как пол вокруг него вспыхнул. Огонь обступил алледанца со всех сторон, но он не обжигал, а, напротив, согревал.

— Ты делил с этими людьми кров и пищу, — продолжил Химера-судья, спустившись с трибуны. — Ты хотел, чтобы они поверили, будто ты изменился. Это не так, Варион. Ты — это ты. И в этом вся прелесть нашей жизни.

Пламя разгоралось всё сильнее и в его всполохах появлялись знакомые образы. Повозка на горном перевале, города, сёла, бессмертные воины, холодные глаза...

Варион дёрнулся и очнулся на своей кровати. Сквозь ставни в комнату проникало солнце, подсвечивая зависшую в воздухе пыль. Химера ожидал худшее похмелье в своей жизни, но в место это чувствовал себя лучше, чем когда-либо. Огонь бушевал внутри него.

Повернувшись на другой бок, Варион вздрогнул. Рядом с подушкой торчал нож, которым кто-то прибил к матрасу клочок пепельно-серых волос. Янек говорил, что так выглядели волосы тех, кто практиковал черную магию. Варион не раз видел таких людей, но этот локон мог принадлежать только одному, вернее, одной.

Гнев захватил Химеру, заполнив всё его существо. Сольтес как-то прознал о его слабости и решил недвусмысленно намекнуть. Его ли посланник был накануне в прихожей? Стиснув зубы, Варион поднялся и провёл пальцем по недавно заточенному лезвию кинжала. Кровь закапала на дощатый пыльный пол.

«Намёк понял».

Дорогу до посольства Химера мог найти с закрытыми глазами. Этим ранним утром улицы Койва были безлюдны: народ отходил после праздника. Пара случайных прохожих даже не обратили внимания на стремительную тень, скользящую в переулке.

Гвардеец на входе в посольство самым беспечным образом дремал, прислонившись к забору. Поборов искушение наказать его и пронзить мерно вздымающуюся грудь в алых цветах Летары, Варион в три ловких движения перемахнул через ограду.

Оказавшись по ту сторону, он подождал несколько мгновений и, убедившись, что не привлёк никакого внимания, подошёл к фасаду посольского дома. Добраться до балкона на втором этаже было до неприличия легко, благодаря многочисленным выступающим орнаментам на стенах.

С помощью тоненькой проволоки Химера открыл дверь в покои Марии Ольбург. Девочка спала в дальнем конце комнаты, скрытая балдахином. Видно было лишь её тень на светло-бежевой материи.

Кинжал вновь казался Вариону продолжением собственной руки. Огонь бушевал глубоко внутри, но снаружи Химера сохранял ледяное спокойствие. Свободной рукой он отодвинул балдахин. Мария спала на спине, вытянув руки поверх одеяла. Из неё получилась бы прекрасная княжна.

Задержав дыхание, Химера занёс кинжал. Это движение он проделывал уже не один десяток раз, но каждый был как первый. Девочка совсем ничего не заметила, так и оставшись в царстве беззаботных девичьих снов.

«Вчера был праздник. А сегодня — уже нет».

Глава 13

— Поддай-ка жару, дружище! — попросил Варион, лениво растянувшись на полке.

Поглядывая через плечо на алледанца, Юральф набрал в ковш воды и плеснул её на банную печь.

— Ты чего как косишься? — спросил Химера, наслаждаясь горячим паром. — Боишься, что ли, спиной поворачиваться?

— У тебя и так было множество возможностей насадить меня на нож, — отмахнулся Юральф. — Да и ножа у тебя с собой в бане нет.

— Есть кое-что другое, — Варион мерзко хихикнул, приподнявшись на локтях.

— Этого я и опасаюсь, — новоградец слегка улыбнулся.

— Не бойсь, Юра, ты не в моём вкусе.

— Что ещё за Юра?

— Я тебе короткое имя придумал для пушего удобства. А то пока полное выговоришь, уже забудешь, что сказать-то хотел.

Юральф понимающе кивнул и присел на нижний полоч. В армии проблему с именем решали, просто называя его «шкет». Хотя в полку были ребята и пониже.

— Господин Длинная Стрела к нам не присоединится? — поинтересовался Варион. В последние пару дней жизнь из него была ключом.

— Ардук сегодня плохо себя чувствует, — размыто описал ситуацию Юральф. Всё было куда сложнее.

— Сегодня, вчера, позавчера... — Химера загибал палец при каждом слове. — Завтра так же будет, как пить дать. Чего это с ним? В борделе чего подхватил?

Юральф горько усмехнулся. Назвать крепость тёмного народа борделем было форменным извращением.

— Не хочешь говорить? — обиженно промолвил Варион. — Ещё друг называется.

— Это с каких пор мы с тобой друзья?

— С таких, что задницы друг другу прикрываем от мертвецов, бандитов и прочего дерьма. Не знаю, как парней в Сотторийском крае воспитывают, но для меня это и значит дружба.

— Это называется соратники, братья по оружию.

— Не знаю... Я присяги никакой никому не давал. Знаю только, что вами всеми дорожу и готов поломать себе и другим все кости, чтобы вас защитить.

Юральф слегка ошеломлённо посмотрел на Вариона. Тот говорил на полном серьёзе.

— Я рад, что ты так думаешь.

— Теперь-то понимаешь, что я про Ардука спрашиваю не из любопытства?

— Понимаю. Ты же помнишь, что с ним произошло в той крепости?

— Но ведь Согхерон не успел в него вселиться.

— Янек говорит, что это единственная причина, по которой он ещё жив, — Юральф вдохнул побольше пара. — У него на спине появилась отметина, которая растёт с каждым днём. Ардук весь горит, а пятно это остаётся ледяным. Не знаю, что будет, когда оно станет

слишком большим.

— Я слышал, он устроил побоище на празднике.

— Да. Мы участвовали в кулачных боях...

— Чего-чего? — Варион аж подскочил. — У него такая болячка, а вы его пустили драться?

— Это было невинное развлечение, — Юральф пожал плечами. — Кто же знал, что у него такое помутнение будет?

— Что сделано, то сделано, — вздохнул Химера. — Пойдём уже, а то ужин, наверное, готов.

Юральф кивнул. Быстро помывшись с мылом, они оделись и направились к дому.

Стол уже был накрыт. Паулина с радостью поведала, что сама готовила пельмени и удостоилась похвалы от Агаты и старушки Индилы. С удовольствием уплетая всяческуюстряпню, Юральф пытался прикинуть, сколько же денег могло уйти на такой пышный ужин. Последние пару недель они совсем не зарабатывали.

В разгар застолья в дверь постучали. Юральф обвёл взглядом своих товарищей, но по всем было видно, что гостей они не ожидают. Новоградец на всякий случай схватил меч: его он всегда старался держать при себе.

Когда Юральф настороженно приблизился к двери, стук повторился. Варион посмотрел на соратника-друга и кивнул. В руке алледанец крепко сжимал кухонный нож.

Оставаясь наготове, Юральф потянул дверь на себя. За ней со скучающим видом ждала высокая рыжеволосая дама лет тридцати, одетая в алое платье с вызывающим вырезом. Её сопровождало двое одинаковых бритоголовых парней в бордовых мантиях.

— Вечер добрый, — с лёгким акцентом произнесла гостя сладким голосом.

— Добрый, — Юральф кивнул. — Вы, наверное, ошиблись домом.

— Не думаю, — дама закачала головой. Её грудь при этом затряслась, что не могло не привлечь Вариона.

— Проходите, раз так, — пригласил Химера. — Мы гостям рады. Еды на всех хватит!

— Какой ты гостеприимный, — с заметным порицанием проговорил Янек, не сводя глаз с гостыи. — Вы к кому пожаловали, моя дорогая?

— К единственному в Койве Амхуру, разумеется, — женщина улыбнулась и направилась напрямиком к ничего не понимающей Паулине. Её спутники при этом остались снаружи. — Как ты, дитя?

— Вы кто? — испуганно спросила девушка, теребя свои пепельные волосы.

— Меня зовут Семара, — гостя присела на колени перед Паулиной.

— Семара? — Янек встрепенулся. — Семара, которая...

— Да-да, — дама махнула загорелой рукой. — Верховный чародей княжества.

Юральф недоумевающе посмотрел на товарищей. Те ответили таким же взглядом.

— Это большая честь принимать вас... — Янек поднялся и по-старчески неуклюже поклонился.

— Бросьте это, — слегка раздражённо попросила Семара. — Передо мной челом бить не надо. Я здесь ради неё.

— Как вы нас нашли? — сурово спросил Юральф.

— Думаете, я бы позволила себе потерять из вида единственного Амхура после того, как вы сами заявили в орден Дейна? — верховный чародея хищно улыбнулась и поднялась. — К тому же, вы наделали много шума на фестивале Весны.

Юральф молча посмотрел в темноту коридора. Ардук отдыхал в своей комнате и скорее всего видел уже девятый сон.

— Я же сказала, что не пойду никуда, — Паулина яростно засопела.

— Я и не надеялась, что ты изменишь своё решение, дитя, — Семара провела ладонью по бледной щеке девушки. — Просто хотела убедиться, что рассказ моего доброго друга Асмодея правдив.

— Теперь видишь?

— Вижу...

— Госпожа Семара! — воскликнул вдруг Янек. — Вы ведь вхожи в высшие круги княжества, так?

— Малый совет заседает каждую неделю не без моего участия, — с гордостью ответила чародейка.

— Дело в том, что не только наш Амхур может вас заинтересовать.

— Вот как?

— Пойдёмте за мной. Только вы.

Под настороженные взгляды отряда Янек повёл Семару в сторону своей спальни. Туда, где хранилась его сокровенная шкатулка.

— А ей он значит сразу покажет, что там? — возмутился Юральф, упав на скамейку.

— Ну ты же не вхож в высшие круги, — усмехнулся Варион, отпивая немного пива. — Да и сисек у тебя таких нет.

— Не в сиськах счастье, — угрюмо промолвила Агата.

— Легче так говорить, когда они есть, сестричка. С деньгами так же.

Юральф взглянул на Паулину. Та молча уставилась в тарелку с недоеденным рагу. Очевидно, она никак не могла привыкнуть к роли Амхура и популярности в чародейских кругах.

Вскоре Семара и Янек вернулись на кухню. Колдунья выглядела возбуждённой.

— Что скажете? — поинтересовался Юральф.

— Я поражена, — призналась Семара. — Не думала, что увижу под одной крышей Амхура и...

— Они ещё не знают, — одёрнул её Янек. — Не время.

— Прошу прощения.

— И всё-таки, что скажете? — нетерпеливо повторил новоградец.

— Скажу, что невероятно заинтересована. Настолько, что даже не стану выяснять, откуда у вас... Это, — верховный чародей вздохнула. — К сожалению, к князю Геровену я вас отвести не смогу. У него сейчас забот полон рот, — Варион хихикнул. — У меня иная идея. В Малом совете есть люди, которых всё это очень заинтересует. Они с пониманием отнесутся к ситуации.

— Отлично, отведите нас к ним, — воодушевился Янек.

— Не сейчас. Мы встретимся завтра днём, но не в кремле, а в более спокойном месте. Нашему Амхуру оно уже знакомо. Приходите к трём часам дня, — чародейка направилась к выходу. — И не опаздывайте.

Ульмер нервно покусывал заусенцы. Эйфория от личного разговора с князем стремительно шла на убыль, зато проблемы лишь прибавлялись. На очередном Малом совете Витий сообщил о небывалом росте долгов княжества, Догомар поведал о подавленном

накануне восстания в заражённых чумой районах, а самому Глойту пришлось зачитать доклад о задержании сразу трёх судов в порту Нового Града.

Обстановка накалилась ещё сильнее по окончании совета. Словно предчувствуя напряжение, Семара и Сейд Михель его покинули, а сразу после их ухода появился посол Летары в сопровождении четырёх гвардейцев.

— Что же вы всю армию сюда не притащили? — язвительно поинтересовался Витий, растёкшись на высоком стуле.

— Это не было бы излишне, учитывая насколько небезопасным оказался Койв, — парировал Дариус Ольбург, сощуривая голубые глаза. — Вы знаете, почему я здесь, господин великий князь?

Геровен устало кивнул. Весть о гибели посольской дочери он узнал одним из первых. Глойт сообщил ему сразу после того, как получил доклад от городской стражи.

— И что же мы будем делать? — Дариус чуть повысил голос.

— А что вы ожидаете, господин посол? — спросил великий князь. — Я уже отправил вам письмо с соболезнованиями...

— Вы об этом? Признаться честно, я с трудом поборол желание сразу же подтереться им, — заявил Ольбург, продемонстрировав совету измятый листок с княжеской подписью.

— Какая грубость! — возмутился митрополит Агассон. Его дряхлое тело задрожало от гнева. — Какое неуважение к Его Величеству!

— Я понимаю ваше расстройство, господин посол, — Геровен тяжело вздохнул.

— Расстройство? — Дариус нервно рассмеялся. — Расстройство, господин князь, это когда твой любимый конь подвернул ногу, и ты не можешь его седлать целых две недели. Или, когда твоя любимая шляха подцепила сыпь. Или, когда в казне денег кот заплакал, а приходит время платить по счетам...

— Ближе к делу, — голос великого князя вмиг похолодел.

— Марию, мою душеньку, единственную мою дочурку, убили самым жестоким образом. При полном вашем попустительстве.

Митрополит поднялся, заскрипев костями, а князь сжал кулак так, что побелели костяшки. Ульмеру этот жест был знаком: ничего хорошего он не значил.

— Посмею вам напомнить, — Геровен старался сохранить спокойный тон. — Посольство считается территорией Летары и всё, что происходит на его территории, случается с позволения летарской же стражи.

Прибывшие с послом гвардейцы возмущённо зашептались.

— Посольство окружено со всех сторон помойкой, которую вы называете столицей великого княжества, — Дариус, казалось, с трудом удержался от того, чтобы плюнуть себе под ноги. — Кто, как не Койв, виноват в том, что переулки и бараки кишат сбродом, готовым убить невинную маленькую девочку!? Эти улицы полны дерьма, и я говорю не о помоях, которые текут в канавах!

— Довольно смело с вашей стороны так отзываться о Койве, господин Ольбург, — вступил в дебаты Ульмер. — Но не на вашей ли процветающей родине завёлся тот самый Летарский Потрошитель, например?

— Как завёлся, так и сдох! — посол ругнулся. — И Летарский Потрошитель тут не при чём. Это атака на саму Летару! Вызов целому королевству!

— Умерь свой пыл, посол, — угрожающе проговорил верховный полководец Догомар.

— Вы явно преувеличиваете, — сказал Ульмер. — Горе затмевает ваш рассудок.

— Может и так, — допустил Дариус. — Вот только я уже в ближайшее время отправляюсь в Меренфольд ко двору моего короля. Я намерен добиться полного разрыва всех связей с Койвом.

— Одумайтесь, — призвал великий князь. — Неужто вы готовы поставить наши страны под угрозу войны из-за жизни одной маленькой девочки, пусть и близкой вам.

— А вы бы поступили иначе, случись что с Вальдоном?

— При всём к вам уважении, — Геровен поднялся со своего места и медленно прошагал в середину зала. — Вы сейчас говорите о наследнике священного рода Соттор. Я не сомневаюсь, что вы любили свою дочь, но их с моим сыном сравнивать нельзя. И я говорю не как отец, а как сын Койва.

— А народ прав, — фыркнул Ольбург. — Вы упёртый и смотрите на остальных свысока. Полагаю, мне не удастся вас вразумить. Такие понимают только силу. Это я и сообщу в Меренфольд.

Посол стремительно зашагал прочь из зала Совета в сопровождении своих стражей. Не вникая в комментарии коллег, Ульмер отправился вслед за Дариусом и нагнал его уже в Белой галерее.

— Чего вам надо? — процедил посол, когда Глойт окликнул его.

— Хочу лишний раз вам напомнить, что разрыв отношений — это серьёзный дипломатический жест, который обычно приводит к кровопролитию.

— Кровь уже пролилась. И я не удивлюсь, если вы к этому причастны.

— Мы?

— Лично вы, господин советник. Кажется, вас можно поздравить: вы скоро станете отцом великой княгини. Какое совпадение: моя дочь должна была ею стать.

Ульмер недоумевающе посмотрел на потное раскрасневшееся лицо посла. Во время всех придворных собраний и разговоров фамилия Ольбург ни разу не звучала при обсуждении возможных супругов для княжича.

— Кто вам такое сказал? — спросил Глойт.

— Какая к чёрту разница, кто мне это сказал? Главное, что теперь моей душеньки нет, и её место займёт ваше отродье.

Словно в горячем тумане Ульмер крепко схватил посла за его толстую шею и прижал к мраморной стене галереи. Стражники поспешили оттащить старшего советника от летарца. Глойт ощутил спиной острия мечей.

— Только троньте его, и все здесь поляжете! — гневно воскликнул Коросар, появившийся в Белой галерее вместе с пятью бойцами княжеской гвардии.

— Вот видите? — усмехнулся Дариус. — Столько злобы. Что для вас жизнь маленькой девочки, если вы посла другого королевства готовы растерзать за то, что он просто защищался?

— Язык бы тебе укоротить, — буркнул Коросар. — Да, боюсь, вонючка поднимется.

— Тупых головорезов, вроде тебя, пускают в кремль? — посол окинул галерею презрительным взглядом. — Видимо, у Геровена совсем нет чувства собственного достоинства.

— Ты всё сказал?

— На сегодня да. А теперь я продолжу свой путь. Ещё увидимся, чернь. Не исключено, что на поле битвы.

— Я на это рассчитываю.

Сжав челюсти от злости, Ульмер смотрел вслед удаляющимся летарцам. Земля под Койвом раскачивалась всё сильнее.

— Пахнет палёным, — заметила невесть откуда появившаяся Семара.

— Чёртовы столичные, — буркнул Коросар. Как истинный уроженец Басселя, он ненавидел всё, что связано с Меренфольдом. — Он ведь королю в уши хорошенько насыт.

— Будем надеяться, что Его Величество Августур окажется достаточно мудрым, чтобы не развязать войну из-за одной девчонки, — промолвил Глойт. — Нам хватает угрозы от Раванского Ханства.

— К слову об этом, — встрепенулась Семара. — Ульмер, дорогой, ты мне нужен в три часа в здании ордена Дейна.

— Чего ради?

— Скажем так: я нашла людей, которые озадачены действиями хана Чекетулая в той же степени, что и ты. И у них есть кое-что, что может превратить эту озадаченность в реальные эффективные действия при определённом содействии со стороны властей.

— Тебе нужен только я?

— В целом, да. Но не думаю, что тебе будет под силу разорвать вашу крепкую духовную связь с этим мужественным господином, — она игриво оглянулась на ничего не понимающего Коросара.

— А остальной совет? Великий князь?

— Геровен до последнего будет цепляться за спокойствие и стабильность и признает угрозу, лишь когда Чекетулай постучится в кремль. Ненависть Сейда к Равану может толкнуть его на необдуманные поступки. Что же касается Агассона, Догомара и Вития... Я правда должна это тебе объяснять?

— Понял, — Ульмер кивнул. — Значит, в три?

— Да. Попрошу не опаздывать.

Агата и Паулина без затруднений провели отряд через паутину посадских улиц прямо в узенький переулок, где за неприметной дверью скрывалось представительство одной из самых могущественных чародейских общин Сотторийского края.

В тёмной прихожей гостей встречал молодой колдун, представившийся Гвианом. Он в необычайно вежливой манере попросил Юральфа и Вариона оставить оружие на первом этаже, после чего провёл отряд в просторный зал заседаний.

Там их уже ждал старый чародей в роскошной голубой мантии с меховым воротником. Чуть поодаль от него перешёптывались двое колдунов-ровесников Гвиана, а на краю овального стола сидела, скрестив ноги, Семара.

— И снова здравствуйте, магистр Долвин, — с лёгкой иронией произнесла Агата.

— Рад видеть, — сухо ответил старейшина. — Пусть вы здесь и не по той причине, по которой мне хотелось бы.

Юральф посмотрел на Паулину. Та чуть попятилась, не спуская настороженного взгляда с Долвина. Магистр лишь улыбнулся уголком рта в ответ на это.

— Это с вами мы встречаемся? — Янек буквально подпрыгивал от нетерпения. Шкатулка, спрятанная в сумке за его плечами, требовала свободы. — Вы представляете власть?

— Надеюсь, что нет, — Долвин прокашлялся. — Иначе вас ждёт только разочарование.

— Он сейчас подойдёт, — подала голос Семара. Часы показывали без четырёх минут три.

— Время не наш друг в этой ситуации, — беспокоенно проговорил Вермейер.

— Мы проделали такой путь, что пять лишних минут кажутся ничтожными, — сказал Юральф старику.

— Не стоит так думать, — Янек покачал головой. — Одно мгновение может в корни всё поменять.

— Давайте просто подождём, — призвала Семара. — Я попросила его быть вовремя, но человек он весьма занятой.

Спустя ещё пять минут Гвиан привёл в зал высокого мужчину средних лет с осунувшимся узким лицом, покрытым недельной щетиной. Спал он, судя по виду, немного.

Следом вошёл широкоплечий боец в клёпаной кожанке, перетянутой широким поясом, на котором висел выдавший виды меч. Из-под копны волнистых каштановых волос уверенно смотрели маленькие серые глаза.

— У них, значит, вы оружие не отобрали? — возмутился Варион, сев за овальный стол вместе с Агатой.

— На кону безопасность первых лиц княжества, — Долвин развёл руками.

— Первых, значит? — Юральф недоверчиво взглянул на пришельца. Он не сильно походил на представителя знати в своей обычной серой накидке и замызганных ботфортах.

— Представься, дорогой, — попросила Семара, чуть склонив голову на бок.

— Ульмер Глойт, — мужчина не сразу решил, кому протянуть руку. В итоге выбор пал на Янека.

— И должность, глупыш, — чародейка издала смешок.

— Старший советник Его Величества князя Койвского Геровена, — слегка смущённо продолжил Глойт.

Юральф переглянулся с Варионом и Агатой. Они были впечатлены.

— Большая честь увидеться с вами, — выпалил Янек. — Вы ведь знаете, зачем мы здесь?

— Не совсем. Но я доверяю Семаре и полагаю, что вы так же беспокоены планами Раванского Ханства.

— Именно. И Раван — это лишь часть того, что может на нас надвигаться.

— Давайте обсудим это.

Присутствующие начали усаживаться. С одной стороны стола расположились магистр Долвин, советник Глойт и его косматый стражник. Отряд сел напротив них. Сидевшая посередине Семара прищурилась и обвела всех взглядом.

— Вот и замечательно, — промурлыкала она. — Только один вопрос. Не найдётся ли среди вас кого-нибудь с сильными руками?

— Зачем? — не понял Юральф.

— В последнее время свалилась уйма работы, а я ведь не железная. Вот и спина уже начинает подводить. Не сообразовите мне её как следует промять?

— Легко! — Варион подскочил и засучил рукава куртки.

— Нет-нет, я вот этому хмурому мужчине, — Семара усмехнулась. — Юральф, да?

Новоградец кивнул. Тело его напряглось.

— Идём сюда, — чародейка поманила пальцем.

— Везучий, сука, — еле слышно буркнул Варион.

С непривычной тяжестью в ногах Юральф обошёл стол и приблизился к Семаре. Та скинула лямки сиреневого платья с плеч, и оно сползло вниз, едва прикрывая, что должно. Новоградец положил ладони ей на оголившуюся спину. Смуглая кожа волшебницы на ощупь была мягкой и пахла какими-то цветами, навевая мысли о далёких тёплых странах.

— Приступайте, мальчики, — весело произнесла Семара.

Магистр Долвин предложил собравшимся вина, но Янек и Ульмер решительно отказались.

— Что же, господа, я весь в нетерпении услышать, что же вы можете рассказать, — сказал Глойт, опёршись локтями о стол.

— Вам известно об угрозе с Юга, — начал Вермейер. — Раванское ханство строит планы нападения на княжество.

— Это никакой не секрет, — заявил магистр Долвин. — Койв изрядно задолжал Чекетулаю, а казна лишь пустеет.

— И какие же действия ожидают в кремле?

— Мы не торопимся с выводами, — уклончиво ответил Ульмер.

— Ой, не юли, Глойт, — попросила Семара, поведя плечами. — Так и скажи, что князь боится признать угрозу.

— Князь ничего не боится.

— Кроме войны. Яропольцы утёрли ему нос в прошлом году, и теперь он не может допустить и мысли о нападении Равана. Народ беднеет, народ голодает, народ возмущается. Так и до восстаний недалеко.

— Тем не менее, — Глойт повысил голос. — Мы по-прежнему надеемся на рассудительность хана Чекетулая. Он должен понимать, что при всех наших проблемах кровь прольётся с обеих сторон. Решать вопросы железом было бы крайне опрометчиво.

— В том-то и дело, — Янек на мгновение замолчал. — Чекетулай намерен обратиться к чародейским силам.

— Я вас умоляю, сударь, — произнёс Долвин. — Не стоит переоценивать Раванское ханство. Не спорю, бойцы у них сильные, но вот чародеи ничем не лучше нашего. Уж ордену Дейна они в подмётки не годятся.

— И они это прекрасно осознают, — Вермейер судорожно сглотнул. — Чекетулай нашёл способ устранить этот недостаток. Прошлой осенью его посланник присутствовал на совете Большого Севера и ему удалось заполучить некий могущественный артефакт из арсенала Годаранской империи.

Услышав это, Семара дёрнулась под руками Юральфа, и её платье окончательно сползло вниз, оголив на редкость прекрасную грудь. Сидящий напротив Варион поперхнулся, Ульмер покраснелся, а магистр ордена Дейна лишь покачал головой.

— Об этом вы мне не сказали при первой встрече, — проговорила чародейка.

— Я же упомянул, что угроза страшнее, чем кажется.

— И ни слова о Годаране!

— Зачем годаранцам вмешиваться в наши разногласия? — скептически спросил Ульмер. — Они слишком далеко от нас и влияния на Сотторийский край почти не имеют.

— И им это не нравится, — сказал Долвин. — Я уверен, они получили целое состояние

за артефакт. Всё это может привести к тому, что они с Раваном попросту поделят наши земли.

— Откуда у вас вообще такие сведения? — недоумевал Глойт. — Наша разведка ничего подобного не сообщала.

— Что её, конечно же, не с лучшей стороны показывает, — заметила Семара.

— Так или иначе, действовать надо незамедлительно, — заявил Янек.

— И что же вы предлагаете? — магистр выглядел крайне обеспокоенным. — Упреждающий удар?

— И речи быть не может, — решительно отказался Ульмер. — Нас сметут прежде, чем мы перейдём Гавалу.

— Тогда нужно готовиться к обороне, — предложила Семара.

— Опасность восстаний высока как никогда, — добавил Глойт. — Если Чекетулай зайдёт далеко на нашу территорию, у него может появиться неожиданное подкрепление.

— А сможем ли мы остановить его? — спросил Долвин.

— Не думаю, — Ульмер вздохнул. — Крепости на Юге, при всей их важности, в ужасном состоянии, да и людей нам не хватает.

— Дерьмовая, однако, перспективка, — внёс Варион свой ценный комментарий.

— Но у нас ведь есть чудесное средство, — не выдержал Юральф. Семара обиженно оглянулась, когда он прекратил мять её спину. — Не просто так же мы везли его с самого севера. Покажи, Янек. Пора всем знать. Хватит ходить вокруг да около.

Замолчав, Юральф ожидал порицания от старика, но тот лишь поджал губы и кивнул. Закряхтев, Вермейер достал из заплечной сумки свою сокровенную чёрную шкатулку. Советник князя вопросительно взглянул на магистра Долвина, но тот лишь пожал плечами.

— Открывай, — Семара поправила платье и поднялась.

Нервно потерев пальцы, Янек достал из-под складок накидки маленький ключик и щёлкнул замком. Все замерли, пока он поднимал крышку. Юральф обошёл стол, чтобы лучше видеть содержимое шкатулки.

Внутри на чёрной подкладке покоились два мерцающих багровых камня величиной с полкулака. Место для ещё одного пустовало. В глубине кристаллов то и дело мелькали искорки.

— Камнями их закидаем? — рассмеялся охранник Глойта.

Юральф огляделся. Среди присутствующих, что и немудрено, лишь маги почувствовали скрытую силу камней. Паулина, подрагивая, смотрела на самоцветы, и вокруг неё появлялись такие же искры, как и внутри кристаллов. Агата насторожилась и взяла девочку за руку, Варион, скривив лицо, почёсывал правый висок, а Ульмер поднялся со своего места.

— Это... — начал Долвин, глядя на Семару. Та кивнула.

— Что это, Янек? — спросил Юральф.

— Coraga Annat, — ответил он на Речи Древних Холмов.

— Сердце Пламени, — перевёл магистр. — Я думал, они пропали.

— Ничто не пропадает насовсем, Асмодей, — промолвила Семара. — Ты же чувствуешь их мощь.

— Какую мощь, о чём вы? — не унимался Юральф.

— Сердца Пламени — это очень редкие и невероятно могущественные вместилища энергии, — пояснила верховный чародей Койва. — Никто не знает, как и когда они появились, но они сильнее любого артефакта. Когда-то давно первые люди использовали их,

чтобы закрепиться здесь, на Большой Земле. Даже тёмный народ был бессилён перед мощью Сердец.

— И как они работают? — поинтересовался Варион. Его лицо расправилось, как пергамент, а глаза словно загорелись.

— Есть разные варианты, — ответила Семара. — Для искусного чародея они станут практически неисчерпаемым источником магической энергии. Для Амхура, например.

Паулина поёжилась.

— Каким же невообразимым образом вы нашли их? — удивился Долвин.

— Я много путешествовал, — туманно произнёс Янек. — Скажу лишь, что камни мы с товарищами нашли на далёком Севере более тридцати лет назад.

— Выглядит так, будто в шкатулке их должно быть три, — заметила Агата.

— Их и было три. Один нам пришлось использовать.

— Это как же?

— Думаю, все так или иначе слышали о войне Республики с Рекалией тридцать один год назад. Я был там с товарищами на стороне Нового Града, и положение наше становилось хуже и хуже. Мы решили прибегнуть к крайним мерам.

— Среди вас были могущественные маги? Амхуры? — проговорила Паулина.

— Дорогая моя, чародейство в Республике запрещено уже больше полутора сотен лет. Конечно, среди нас магов не было. К счастью, есть другой способ использовать Coragases Annasesat.

— Основная армия Рекалии сгорела в жутком пламени, посланном Светоносными, — вспомнил Юральф. — Одиннадцать тысяч человек.

— Почти так, — кивнул Янек. — Но Светоносные тут были не при чём.

— Быть не может, — полушёпотом проговорил Долвин.

— Силу камней можно расходовать постепенно, питая чародеёв, — громко сказала Семара. — Но можно и высвободить всю энергию разом. В этом случае получится взрыв, равных которому нет. Такой огонь превратит крупный город в пылающие руины.

— Значит, вы предлагаете использовать эти камни, чтобы отбить атаку Раванского ханства? — дрожащим голосом спросил Ульмер.

— Не отбить атаку, — загадочно произнесла Семара. — Выиграть войну.

— Каким образом?

— Один камень, чтобы уничтожить основную армию Чекетулая. По возможности, его самого. Затем нам нужно любой ценой доставить второе Сердце в Асхат-Раван и сравнять его с землёй. Дело останется за малым.

— Ты в своём уме, Семара? — возмутился Долвин. — Использовать Сердца Пламени и их утончённую энергию вот так — варварство чистой воды. Сколько простых мирных людей зацепит взрывом? Сколько наших погибнет?

— Нужно рассмотреть все варианты, — вставил Ульмер.

— Вот именно. Поэтому мы не станем слепо взрывать собственную землю! Сердца можно — и нужно — использовать иначе. Их просто необходимо доставить в долину Дейна, чтобы старейшины их тщательно изучили. Особенно сейчас, когда мы нашли Амхура.

— Я и не надеялась, что ты согласишься, Асмодей, — Семара улыбнулась. — Как там говорят? Проси большего и получишь то, чего хотел. Я тоже за то, чтобы доставить Сердца в долину. Но если старейшины не смогут ничем помочь даже с Амхуром, будь что будет. Мы не можем проиграть эту войну.

— Долина Дейна, говорите? — встрепенулся Варион. — Пустяковое дело. Мы столько проехали, что нас уже ничем не испугать. Повозка починена, лошадки крепки, мы тоже ничего.

— А про Ардука ты забыл да? — шикнула Агата. — Он сейчас даже ходить с трудом может. Такой перегон его убьёт.

— Пускай тут лечится, я разве против?

— Я его не оставлю без своего присмотра.

Юральф сжал кулаки. Их отряд доселе только рос, но теперь он трещал по швам.

— Мы доставим камни в долину и вернёмся за вами, — решил новоградец.

— Надеюсь, у вас всё получится, — Янек вздохнул.

— У вас? — Юральф ошеломлённо взглянул на старика.

— Я уже слишком дряхлый, — Вермейер пожал плечами. — Мне трудно двигаться, трудно дышать и даже есть. Я могу сутки мучиться с поносом из-за слишком жирного мяса.

— Куда мы без тебя?

— Вы большие ребята, Юральф. Я собрал вас, дал вам новую цель в жизни, и теперь моё время подходит к концу. В Койве от меня будет больше толку.

— Чёрт подери, — ругнулся Варион. — Повозка будет не той без тебя.

— О повозке речи нет, — Янек посмотрел на Семару.

— Мы отправимся по реке, — пояснила чародейка.

— Ты тоже? — удивился Ульмер. — А что насчёт Совета? Ты оставишь Койв без верховного чародея в такое время?

— Я же могу оставить вместо себя замену, — Семара улыбнулась. — Моя персона многим пришлась не по душе. Что ж... Вот вам верховный чародей постарше, помудрее. К тому же, из Койва, а не из ненавистой Томании. Да, Асмодей?

— Семара, прошу, — магистр Долвин со скрипом отодвинул стул и поднялся. — Ты должна хорошо всё обдумать.

— Ты же сам всегда называл меня смышлённой малой. Поверь, я более чем обдумала всё.

— А что мне делать? — спросил Глойт.

— Если мы хотим выиграть эту войну, в Совете должны быть люди, на которых можно положиться. Асмодей, Ульмер... Не дайте князю попасть под дурное влияние.

— Это всё, что от меня требуется? — поинтересовался старший советник.

— Почти. В стране нынче распространено инакомыслие, поэтому нам нужно обезопасить себя и свой груз. Для этого ты должен выписать нам официальную депешу от имени княжеской канцелярии с печатью и всем таким.

— Сделаю.

— Прелестно. С кем, стало быть, мы отправимся в путь?

Первым поднял руку Юральф, затем — Варион. Паулина последовала их примеру после короткой паузы.

— Корабль отходит завтра же. Встретимся в девять утра на причале. Возьмите всё самое необходимое. И...

— Да-да, — перебил Варион. — Не опаздывать.

Семара показала безупречные зубы.

— Я рада, что мы понимаем друг друга.

Глава 14

Время стало для Рамула чем-то вязким и липучим. Он весь погряз в этой неприятной субстанции, в непроглядной бесконечной темноте. При каждой попытке выбраться Рамул лишь ещё глубже увязал.

Иногда в его темницу заходили гости. Их он не видел: лишь слышал, как звенит миска с холодной едой о прутья решётки. Есть Рамул начинал лишь когда резь в животе становилась совсем невыносимой: иначе затолкать в себя эти малосъедобные харчи было невозможно.

Кто-то из этих гостей пытался с ним разговаривать. До Рамула доносились лишь обрывки слов на неродном для него тохорском языке. Он не собирался вникать в суть сказанного и, тем более, отвечать. Так было и очередным тёмным днём. Или ночью. Или утром.

— Как ты себя чувствуешь? — эту фразу Рамул почему-то ухватил целиком. — Что, не собираешься со мной разговаривать? Понимаю, как тебе сейчас нелегко. Я ведь тоже был на твоём месте.

— Ты говоришь по-сотторийски, — понял наконец Рамул. Сотторийский язык он знал лучше, чем тохорский.

— Именно так, — даже в кромешной тьме Неопалимый почувствовал, что его гость улыбается. — Наконец-то ты заговорил.

— Что тебе надо?

— Ответь мне на несколько вопросов.

— Попробую.

— Ты знаешь, где ты сейчас находишься?

— В темноте и сырости.

— А поточнее?

— Откуда мне знать? — Рамул попытался повысить голос, но у него получился только хрип. — Всё, что я помню — это тьма и голод. Я бы не удивился, скажи ты мне, что мир захватили демоны или упиры.

— Зачем мне говорить тебе это? — гость хмыкнул. — Никакие демоны мир не захватили, но я бы не стал утверждать, что нам это не грозит в ближайшее время.

— Вот как?

— Именно. Позволь ответить на собственный же вопрос за тебя. Ты сейчас находишься в подземелье Асхат-Равана. Сюда ты попал уже довольно давно, но я не скажу, когда именно.

— Почему я здесь?

— Чтобы лучше понять. Твоя голова должна очиститься от мусора, прежде чем ты сможешь служить высшей цели. Нашей цели.

— Какой ещё цели? Я не собираюсь никому служить.

— Ошибаешься. Ты просто не понимаешь, что стоит на кону.

— Так проясни.

— Вот так сразу?

Рамул с трудом проглотил выступившую слюну и прочистил горло.

— Ты сказал, что был на моём месте.

— Именно так. Я провёл довольно много времени в этой самой клетке. И знаешь, что? Я

не жалею ни о чём. Только через эти мучения я смог прийти к понимаю этой высшей цели. Придёшь к нему и ты. Поднимайся, маг. Настал твой час.

Привыкнуть к свету казалось невозможным. Едва Рамула, грязного и обнажённого, вытащили под руки из темниц, солнечные лучи впились в него, разрывая в клочья измождённый разум Неопалимого.

Однако, вскоре он смог даже разглядеть силуэты тащивших его смуглолицых стражников. Впереди шагал вразвалку высокий короткостриженный мужчина в светлом халате, полы которого волочились по пыльной дороге.

Рамула привели в просторную комнату, богато украшенную шелками и драгоценностями. От прогулки на свежем воздухе его привыкшие к пыли и духоте лёгкие норовили разорваться.

— Lōē iştun? — поинтересовался развалившийся на огромной тахте безволосый мужчина.

- Şe, — кивнул сотториец. — Kensoe khe lōē iştun.

Лысый довольно усмехнулся и приподнялся на локтях.

— Чист ли я? — переспросил Рамул. — От чего?

— От дурных мыслей, — пояснил безволосый на чистом сотторийском. — Очевидно, в иных смыслах ты совсем не чист.

Рамул отрешённо осмотрел свою покрытую грязью и копотью кожу. Он так и не помылся с тех пор, как оказался на борту раванского корабля.

— Ты, наверное, голоден как собака, — заметил лысый. — Утощайся. Меня, кстати, Богул зовут. Я старший визирь Раванского ханства.

Неопалимый с жадностью набросился на протянутый ему кусок ароматного мяса. Тёплые кусочки, пахнувшие мягкими пряностями, таяли во рту совсем без помощи зубов, согревая нутро. Рамул уже позабыл это ощущение.

— Что скажешь, Корвен? — обратился тем временем Богул к сотторийцу. — Наш человек?

— К ритуалу он готов. Насчёт битвы же я не очень уверен, — мужчина присел на край тахты.

— Великому хану он нужен в ближайшее время. Думаю, ты успел заметить, что Чекетулай не любит ждать.

— Кто угодно не любит ждать, Богул.

— Но кто угодно — не великий хан.

— Зачем я вам нужен? — спросил наконец Рамул, заглотив остатки мяса. — Какая битва?

— Для начала ты должен пройти ритуал, — произнёс Корвен.

— Если вы хотите, чтобы я его прошёл, лучше объясните мне, что к чему.

— Ты пройдёшь его в любом случае, — Богул захохотал. — Выбора тебе никто не даёт.

— Тебе нечего бояться, — добавил Корвен, увидев беспокойство в глазах Рамула. — Я тоже с этого начинал.

— Давайте уже покончим с этим, — старший визирь нахмурился. — Чем быстрее он пройдёт ритуал, тем лучше для всех. Эхелия!

Багровые занавески позади Богула раздвинулись и в комнату вошла смуглолицая черноволосая красавица, обёрнутая в шелка. Она подняла увешанную браслетами руку и поманила Рамула к себе.

— Поторопись, — подогнал его Богул. — Не то ковры запачкаешь своей сажей.

Завороженный красотой Эхелии, Неопалимый шаткой походкой отправился за ней по сумрачным коридорам. Иногда его ноги подгибались, и приходилось хвататься за всевозможные выступы стен.

— Что за ритуал? — тяжело дыша, спросил Рамул после очередного спуска по каменным ступеням.

— *Uto tahnte nrşele*, — Эхелия совсем не говорила по-сотторийски.

— *Tah mahe tohorşele*.

— *Hes*.

В полном молчании они продолжили свой путь по асхат-раванским лабиринтам и вскоре оказались в прохладном широком помещении, щедро уставленном толстыми свечами. Здесь их встретил человек в плаще до пола и украшенным павлиньим пером тюрбане.

— Здравствуй, — по-тохорски поприветствовал он Рамула и Эхелию. — Мы давно ждём тебя здесь, Неопалимый. С того самого дня, как ты прибыл в наш славный город. Меня зовут Сахет. Рад встрече.

— Кто вы?

Сахет лишь загадочно улыбнулся и, опираясь на трость, затопал к дальнему концу помещения. Рамул последовал за ним. Едва они приблизились к стене, из темноты вынырнули с полдюжины помощников Сахета. Они крепко обхватили Рамула со всех сторон и потащили через низкую арку в соседнюю комнату.

В середине возвышался пьедестал из чёрного камня, испещрённый маленькими желобами в форме какой-то старотохорской руны. Неопалимого аккуратно поместили наверх и стянули лоб, колени и руки прочными кожаными ремнями. Сам Сахет зажёл два ритуальных факела и вручил их помощникам.

Остальные тем временем выхватили изогнутые ножи с тёмными лезвиями. Резкими движениями они вспороли кожу на запястьях и бёдрах Рамула. Он ощутил резкую боль. Сквозь гул в ушах стало слышно, как кровь заполняет желоба на постаменте и стекает вниз, в широкую чашу.

Сахет начал что-то выкрикивать воющим голосом, и Рамул ощутил озноб по всему телу. Прислужники сжали порезанные конечности Неопалимого, выдавливая ещё больше крови. Голову чародея заполнил звук, похожий на шум волн, налетающих на Огненную землю во время шторма.

— Пей, — сухо приказал Сахет.

Рамул почувствовал, как ослабли сдерживающие его ремни. С трудом поднявшись, он увидел перед носом ту самую широкую чашу с багровой густой жижей. Неопалимый застыл в нерешительности.

— Пей, — повторился приказ.

Задержав дыхание, Рамул прильнул к чаше и отдающее полыньёю зелье, наполовину состоящее из его собственной крови, хлынуло прямо в горло. Пилось оно трудно, застревая в горле и смазывая нутро холодом.

— Молодец.

Сознание затуманилось, Рамул словно воспарил над холодным подвалом. Вокруг он видел лишь белёсую пелену: чистый лист, на котором ему предстояло написать свою новую историю.

В ханской купальне Рамула старательно обтерли мочалками четверо прекрасных наложниц. Он просто стоял по колена в воде, подняв руки, и не спускал глаз с их изумительных тел. Неопалимый уже давно не чувствовал себя столь хорошо.

Насухо вытершись мягким полотенцем, чародей облачился в шёлковую красную мантию и отправился назад в увешанную шелками комнату. Богул ждал его всё на той же тахте, а Корвен сидел на кресле, покачивая на руке бокал с вином.

В голове Рамула зарождались странные мысли. Он весь сгорал от нетерпения служить Раванскому ханству. Неопалимый не знал, какую именно задачу приготовили для него новые господа, но был готов шагнуть в самое пекло. В конце концов, пламени он не боялся.

— Как ты себя чувствуешь? — радостно поинтересовался Богул.

— Лучше не бывало, — улыбнулся Рамул. — Какова моя задача?

Визирь переглянулся с Корвеном.

— Тебе предстоит отправиться в поход, — поведал тот. — Твой старый знакомый Эсхетул ждёт тебя в северных провинциях. Его люди никак не могут совладать с одним очень сильным предметом, и только Неопалимый может им помочь.

— Я буду рад служить вам, — Рамул учтиво поклонился.

— Никто не сомневался, — Богул прищурился. — Ты отправишься немедленно вместе с Корвеном и Эхелией. Не будем заставлять сына великого Чекетулая ждать.

— Я прикажу готовить скакунов, — вызвался сотториец.

— А я сообщу великому хану, — визирь кивнул. — Ступай, Неопалимый. Жди на улице.

Откланявшись, Рамул зашагал через прихожую прямо в прохладу весеннего Асхат-Равана. Дом находился вдали от оживлённых кварталов и чародею встретились лишь ханские стражники, деловито натачивающие глефы у крыльца.

Рамул поглубже вдохнул свежий воздух, пахнувший ранними цветами. Ему казалось, что он всю жизнь провёл на этих улицах в тени вечнозелёных кипарисов. Хотя он помнил Огненную землю и общину Неопалимых, всё это стало таким далёким и незначительным.

По спине пробежал холодок, никак не вызванный очередным порывом ветра. Рамул мысленно вернулся к последнему разговору с Богулом и Корвеном, вспомнил, что говорил... Говорил на чистом тохорском языке, совсем не запинаясь.

Услышав шаги позади себя, Неопалимый выпрямился. Всё это было неважно. Теперь он служил Раванскому ханству, и никакие правила кодексы не могли ему помешать.

Глава 15

Сборы у Юральфа заняли совсем недолго. Даже до неприличия мало, учитывая, что покинуть товарищей предстояло, вполне возможно, навсегда. Хорошенько утрамбовав увесистый рюкзак с различными элементами обмундирования, новоградец присел на край старой скрипучей кровати и погрузился в себя.

В отличие от того же Янека, Юральф слонялся с отрядом не так уж и долго: он пережил лишь вторую зиму вдали от родного дома или казарм. Старик же давно не знал ничего, кроме бесконечной дороги, верных спутников и пары неутомимых скакунов.

И всё же было трудно наблюдать, как отряд делится на части. Нельзя быть уверенным, что выпадет возможность ещё хоть раз увидеть знакомые лица и посмеяться над старыми шутками. Такая уверенность в столь беспокойное время была истинной роскошью.

Уже через несколько часов, на рассвете, Юральфу придётся попрощаться с половиной своей новой семьи и отправиться вниз по Доннету, сопровождая источники невероятно сильной магии, способной перевернуть ход войны. Новоградец был уверен, что не нашлось бы на всей Большой земле никого, кто решился бы предсказать исход их плавания. Даже боги — что Светоносные, что Солнцеликий — развели бы руками да покачали головой.

Дверь приоткрылась с лёгким скрипом, и из-за неё показалась растрёпанные каштановые космы Агаты. Юральф слегка отчуждённо взглянул на неё и пригласил войти. В руках она держала небольшую матерчатую сумку.

— Хорошо, что ты ещё не спишь, — вполголоса произнесла женщина, осторожно ступая по старым половицам.

— Не думаю, что смог бы уснуть, даже если бы попытался, — Юральф провёл по своей щеке. Накануне он от безделья побрил себе всё, что только можно и раздражение иногда давало о себе знать. — Тяжело.

— А кому легко? — монахиня присела рядом.

— Готов поспорить, Химера не сильно-то переживает. Думает поди о Семаре и её груди, да и только.

— Ошибаешься. Он себе все ногти обгрыз и стену в своей спальне расцарапал кинжалом. Может когда-то он и был хладнокровным головорезом, но мы его изменили.

— Я это заметил, — Юральф с трудом проглотил подступивший к горлу ком. — И всё-таки я бы поменял десяток Химер на одного здорового Ардука в этом походе. Да и тебя бы тогда ничего не держало в Койве.

— Я тебя понимаю.

— Как он?

— Ардук? Бесится, что его оставляют тут.

— Надо извиниться.

— Не стоит. Злится он, в первую очередь, на себя самого. Он понимает, что в таком состоянии лишь добавил бы вам проблем. И злится, что позволил этому случиться.

— Ты ведь сможешь его вылечить?

— Я не буду ничего обещать, Юральф. Всё, что связано с Тёмным народом, нами изучено слабо. Болезнь может уйти так же неожиданно, как и появилась. Может я и не вылечу его окончательно, но сделаю всё, чтобы ты ещё раз пожал руку своего друга.

— Спасибо, Агата.

Юральф закинул потяжелевшую руку на её покатые плечи и почувствовал, как она вздрогнула.

— Я ведь по делу пришла.

Агата раскрыла свою тряпичную сумку. Внутри перезванивались с десяток склянок и коробочек. Юральф сразу узнал жгучую мазь для ран и микстуру от заражений.

— В походе всякое может случиться. Надеюсь, обеззаразить рану вы и без меня сможете, — улыбка стоила монахине заметных усилий.

— Глупо было бы надеяться, что обойдётся без ранений, — Юральф подмигнул. — В таком случае, не сомневайся: этому ты нас хорошо обучила.

— Я рада.

После нескольких тяжёлых мгновений молчания, когда было слышно лишь сопение Янека за стеной, Юральф почувствовал прикосновение горячих губ к саднящей щеке. Он этого ждал с самого начала. В какой-то мере даже надеялся.

— Больше ведь можем и не встретиться, — прошептал новоградец.

Одним решительным движением Агата сорвала с себя серую ночную рубашку, отбросила её в сторону и кинулась на Юральфа. Старая кровать протяжно скрипнула, когда они вдвоём обрушились на неё и страстно обхватили друг друга. За стеной раскатисто закашлял Янек.

Семара ждала отряд на вершине ступеней, ведущих от койвского Посёлка к порту. Чтобы уберечься от любопытных глаз, она вся завернулась в бурую шерстяную шаль, надвинутую до самых глаз. Чародейка то и дело поглядывала на белокаменную башню с часами, откидывающую тень на гавань.

— Даже вовремя пришли, — заметила Семара при виде отряда.

В иной момент Варион предпочёл бы отпустить остроуту, возможно, не самую уместную. Сейчас же над ним тяготел последний разговор с оставшимся в своей постели Ардуком. Рейнджер весь побледнел и с трудом мог говорить, но нашёл в себе силы, чтобы попрощаться с друзьями.

Химера не знал, о чём гаальтец говорил с Юральфом и знать не хотел: этот диалог принадлежал им и только им. Алледанцу же Ардук сказал одну простую вещь. «Не забывай меня, Варион. Если придётся биться, бейся за нас обоих. Я знаю: ты сможешь». Обошлось без долгих неловких объятий: состоялось лишь крепкое мужское рукопожатие.

Семара повела их вниз по ступенькам, то и дело проверяя, не отстал ли хромающий Янек. Мощёная набережная перешла в деревянный помост и вскоре верховная чародейка остановилась неподалёку от могучего парусника. Вдоль тянулись позолоченные буквы: «Константин Второй».

— Вот это кораблик! — Варион звонко присвистнул. — На таком хоть вокруг света!

— Возможно, — Семара загадочно усмехнулась. — Жаль, конечно, что мы не на нём отправимся.

В ответ на недоумевающее лицо алледанца она кивнула в сторону приземистого широкого судна под флагом Томании. На причале возле него кособокий мужичок лениво развалился на мешках с песком и, пожёвывая листья дурмана, перебрасывался неллицеприятными репликами с матросами на палубе.

— Это такие нынче условия у членов Совета? — удивился Юральф, поправляя съехавшую с плеча сумку.

— Надо ведь соблюдать секретность, — с лёгкой горечью промолвила Семара. — В стране хватает предателей, а «Константин Второй», идущий к Дейну, привлечёт слишком много внимания.

— Стало быть, отправимся на торговом корабле Томании.

— Такие в глаза не бросаются, а я, если что, сойду за жену капитана или боцмана.

Хвала богам, что за пределами Койва мало кто знает в лицо верховного чародея.

— Так ты ведь можешь изменить себя магией, — заметила Паулина. — Как Гвиан из ордена Дейна.

— На это уходит слишком много энергии, — пояснила Семара. — Я и так достаточно её трачу, чтобы поддерживать себя в форме, в моём-то возрасте.

— Этой какой такой возраст? — встрепенулся Варион.

— Вам знать не положено, — чародейка слегка напряглась и зашагала к торговому кораблю.

— Ты, кажись, старушечью спинку мял, — шепнул Химера Юральфу. Тот лишь нахмурился.

Семара резко остановилась посреди причала. Янек обошёл своих спутников и дрожащими руками поднял чёрный кожаный мешок с сокровенной шкатулкой внутри.

— Мы с товарищами долго хранили эти камни, — тихим голосом начал старик. — Однажды они уже пришли нам на помощь, теперь пора им послужить кому-то другому. Вы, друзья мои, достойнейшие из достойных хранителей Сердец. Берегите их так же, как берегли их мы с Кромвуром и князем Арбелем.

Закусив губу, Янек протянул сумку Юральфу. Новоградец бережно принял реликвию и повесил её поверх своей собственной поклажи. Варион решил, что вполне мог бы сделать это вместо него, но, очевидно, негласным лидером нового отряда был не уроженец Алледана.

— Янек... — Юральф положил левую ладонь на плечо старика. — Ты не представляешь...

— Брось, — одёрнул его Вермейер. — Умный человек сказал: «долгие проводы — лишние слёзы». И он прав. Не будем печалить друг друга тяжёлыми речами. Отправляйтесь в долину Дейна, выполните свой долг и возвращайтесь. Дорогу до моего дома вы теперь знаете.

Юральф кивнул и, поджав губы, прошёл к ведущему на борт трапу. Паулина искоса взглянула на старика и удостоилась вполне дружелюбного кивка. Когда настала очередь Вариона, он не выдержал и заключил Янека в крепкие объятия.

— Спасибо за всё, — выпалил алледанец. — Если бы не вы тогда, в Басселе...

— Не будем думать о прошлом, — Вермейер похлопал Химеру по спине. — Позаботимся лучше о будущем.

Янек не стал дожидаться, пока корабль отчалит, и заковылял куда-то по набережной. Когда матросы закончили отвязывать толстенные канаты и судно стало медленно отдаляться от причала, Варион ещё долго смотрел на вершину холма, где в лучах утреннего солнца возвышались башни Койвского кремля.

«Ох уж эти князья да их шайки, — с иронией подумал Химера. — Ничего без нас, простых разбойников, вы не можете».

Большую часть плавания Варион предпочитал проводить вне тесного устланного проеденными молью шкарами помещения, которое команда гордо именовала «их каютой». Химера старался найти уголок на палубе, свободный от матросов, бесстыже обсуждающих таинственных путников, и просто наслаждался моментом.

Внизу плескалась прохладная вода, а вокруг протяжно скрипели канаты и мачты корабля. Всё это напоминало ему о старых — и не всегда добрых — временах, когда каждый второй из капитанов Годаранского моря был с ним в хороших отношениях и позволял за гроши переплывать из порта в порт. Иногда даже в каюте капитанской дочери.

Когда Варион в очередной раз отправился за порцией свежего воздуха, на своём привычном месте он обнаружил Паулину. Девушке повезло несколько больше: ей досталось место в каюте Семары, и там даже была настоящая кровать.

— Ой, привет, — волшебница-Амхур дёрнулась, почувствовав кого-то рядом с собой.

— Меня-то можешь не бояться, — со смешком сказал Варион.

— Я думала, это не ты, — девушка замялась. — Думала, опять кто-то из команды.

— Опять? — Химера насторожился. — Они к тебе подходили до этого?

— Подходили, — Паулина кивнула. — Расспрашивали всё про меня и чуть-чуть про вас. Один был самый настырный: звал к себе в каюту и пару раз ладонь мне вот сюда положил.

Колдунья показала на место чуть ниже талии.

— Кто такой? — Варион заскрежетал зубами. — Сможешь мне его показать?

— Ты что, за борт его хочешь отправить?

— Это если ему ещё повезёт.

— Не надо. Ты для меня и так много сделал, ещё зимой. Не надо ссориться с ними: мы же на их корабле.

— Как скажешь, — Химера на всякий случай проверил, не застревает ли кинжал в ножнах. — Но если они ещё раз будут...

— Не будут, — Паулина улыбнулась уголком рта. — Я его отвадила.

— Это как же?

— Намекнула, что могу превратить его хозяйство в репу. Мне так Семара посоветовала сделать.

Варион рассмеялся. Паулине явно везло со старшими товарищами. Глядя на развевающиеся пепельные локоны волшебницы, он почувствовал лёгкую дрожь где-то в районе живота. Такое случалось и ранее, но оставалось без его внимания. Так же всё начиналось и с Алисой.

— Как здесь красиво, — прошептала Паулина.

Химера лишь пожал плечами. Вдоль реки по обе стороны тянулись только лишённые растительности холмики да лысые деревья, на ветках которых о чём-то спорили чайки с воронами.

— Я, конечно, знала, что за лесом тоже есть мир, — продолжила колдунья. — Не знала только, что именно такой. Большой, красивый... Не знала даже, что бывают дома из камня.

— В их стенах зачастую живут такие же варвары, как и в диких деревнях, — заверил Варион.

Девушка промолчала. Лишь поправила воротник куртки и тяжело вздохнула.

Спуск вниз по Доннету продолжался. Редкие перелески и холмы на берегах сменились на пологие степи. Встречные суда попадались крайне редко: Семара объяснила это какими-то проблемами во внешней торговле. Вариона это не интересовало. Он лишь поскорее ступить на твёрдую землю.

По вечерам отряд собирался в более просторной каюте Семары и Паулины. Варион отыскал — вернее, утащил — у одного из членов команды колоду карт из Западных королевств и смог наконец обучить товарищей своим любимым играм. Правда, правила он

слегка подправил в свою пользу, так что у Юральфа и чародейки шансов было немного.

На пятый день пути Семара решила рассказать спутникам подробности её плана. Как оказалось, заходить в долину Дейна капитан судна не планировал. К тому же, идти со столь ценным грузом по Гавале, левый берег которой принадлежал Раванскому Ханству, самой верховной чародейке казалось весьма неудачной идеей.

Вместо этого, отряду предстояло сойти на берег в посёлке Крутое Городище, где Семара распорядилась подготовить к походу лучших скакунов, и уже оттуда направиться в чародейский орден долины Дейна.

Варион почувствовал неладное ещё на подходе к Крутому Городищу, услышав неприкрытое волнение в голосе Юральфа. Заинтересовавшись, что же так беспокоило новгородца, Химера поспешил расстаться с населявшими его подстилку клопами и отправился на палубу.

Ставший невероятно широким Доннет делал крутой поворот прямо перед носом судна и оттуда шёл прямым путём, готовясь впасть в Гавалу. Городище, по словам капитана, находилось сразу же за изгибом и именно оттуда поднимался столб густого чёрного дыма.

— Неладно чё-то, — просипел боцман, ковыряясь в останках гнилых зубов. — Будто пожар али война. Хворь поди дошла с границы.

— Исключено, — раздражённо заявила Семара. — Чума не могла добраться до Доннета.

— Тогда хер его знает.

Боцман затянул самую грубую песню, которую когда-либо слышал Варион, и отправился раздавать указания и пинки нерадивым матросам. Седовласый умудрённый опытом капитан Кадвел же достал из поясного мешочка густую связку дурмана и принялся жевать с противным чавканьем.

— Серокожие это, — словно сам себе сказал командир судна.

— А не синекожие? — удивился Варион.

— И так, и так их называем. У вас разве иначе?

— На моей родине их называют и вовсе асхутами.

— На какой из них? — язвительно заметил Юральф.

— Неважно как их называют, — прервала Семара. — Кадвел, ты уверен, что это они? Откуда ты знаешь? У Малого совета не было никакой информации об активности асхутов в нижнем течении Доннета.

— Хотите верьте, хотите нет, но вы там в Койве знаете далеко не всё, что творится в стране, — капитан Кадвел смачно плюнул за борт. — Мы, речники, часто перебрасываемся парой слов с коллегами на стоянках и знаем, что творится вдоль маршрута. Готов поспорить, вы и про заигрывания черговского княжича с Гаальтом знать не знали.

— Ближе к делу, — Семаре не понравилось высокомерие капитана.

— По берегам, в пустых местах, стали замечать группы серокожих. Много отрядов человек по двадцать. Их становилось всё больше, некоторые стали объединяться. Не просто же так они из нор своих повывлезали.

— Они что, могли пойти на Крутое Городище? — Юральф выглядел даже испуганным.

— Это же почти обычное село, — капитан пожал плечами. — Серокожих много, они злые и терять им нечего. Они и на Койв могли бы пойти, и, может быть, у них что-то

получилось бы.

— Терять им точно нечего, — Семара добавила пару слов на языке, напоминающем тохорский.

— Нужно было государю думать раньше, чем серокожих начали истреблять повсюду. Сначала загнали их в норы, а затем и оттуда повышибали да перебили.

— Инициатива князя Вертесена Черговского.

— Скажи ещё, что Геровен обо всём этом не слыхивал.

Семара пождала губы и промолчала. Варион заметил, что защищать великого князя от нападок простолюдинов она не спешила.

— Нам-то что делать? — спросил Юральф, посматривая то на чародейку, то на капитана.

— План остаётся прежним, — заявила Семара.

— Вот уж нет, — возразил Кадвел. — Я своими мужиками рисковать не собираюсь. В Городище не заходим, идём прямым ходом на Томанию.

— Ты сдурел? — Семара явно была готова вышвырнуть капитана за борт. — Мы выполняем дело государственной важности! У нас есть особое распоряжение княжеской канцелярии...

— Посмотри сюда.

Кадвел положил широкую ладонь на покрытый платком затылок верховной чародейки и самым бесцеремонным образом повернул её голову на главную мачту. Наверху, над грязным трепыхающимся парусом, развевался рыжевато-красный флаг Тамани.

— Увидела? — холодно произнёс капитан. — Запомни: покуда там не повесят жёлтую тряпку, которую вы зовёте флагом Койва, класть я хотел на все твои распоряжения. Особенно, если они угрожают мне и моим людям.

Гордо задрав клюв, Кадвел зашагал прочь, но вновь остановился, почувствовав, как натягивается камзол на спине. Крепко ухватив явно недешёвую ткань, Варион потянул её на себя, и капитан пошатнулся.

— Ты, сука, охренел? — из горделивого ветерана Кадвел вмиг превратился в яростное престарелое животное.

— Извинись, — холодно потребовал Химера.

— Я пустил вас к себе на борт, а вы...

— Извинись.

— Отсоси сначала. Раз уж твои шкуры-подружки не хотят...

«Ошибка». Варион сжал свободный кулак и резким движением перебил нахальный капитанский нос. Ухватившись за лицо, Кадвел принялся гулко кашлять: от удара листья дурмана предательски скользнули в дыхательное горло.

— Химера! — упрёк в голосе Юральфа был скорее наигранным.

— Ты же его слышал? — ответа Варион и не ждал. Конечно слышал.

Алледанец посмотрел на Паулину. Та не выглядела ни испуганной, ни возмущённой. Напротив, она с заметным презрением смотрела на капитана, тщетно пытавшегося остановить льющую из пунцового носа кровь.

На палубе началась возня. Стычка не могла остаться незамеченной среди команды. Боцман отрывисто приказал матросам бросить работу и защищать своего командира. Речники, вооружившись палками и мётлами, затопали к носу судна.

— Плохая идея, — заметил Юральф, вытаскивая свой верный клинок.

— С чьей стороны? — спросил Варион, не спуская глаз с матросов. Короткий меч уже ждал своей очереди в его правой руке.

— С обеих.

Боцман растолкал своих подопечных и первым ринулся в бой, размахивая внушительным топором. Варион разорвал дистанцию и парировал удар ещё в стадии замаха. Отпрыгнув от лежащего боцмана, Химера обогнул его и вырубил атаковавшего следом матроса ударом эфеса промеж бровей.

Сзади раздался лязг железа, означавший, что боцман теперь схлестнулся с Юральфом. Не оборачиваясь, Варион продолжил лавировать в кипящей толпе речников, отбивая по большей части неуклюжие атаки.

Несколько ударов Химера всё-таки пропустил, не уследив за полчищем врагов. Первые два пришлись вскользь и лишь слегка выбили его из равновесия, тогда как после следующего алледанец оказался на четвереньках, судорожно пытаясь восстановить дыхание.

Меч отлетел на пару метров, прямо под ноги матросов, и достать его было невозможно, но этого и не требовалось. Варион молниеносно вытащил из-за голенища левого сапога изящный в своей простоте ножик и завёл руку с ним за спину. Решивший добить алледанца громила не заметил, как сам напоролся животом на острое лезвие и, вскрикнув, упал на прогибающиеся доски палубы.

Поднимаясь, Химера увидел, как к вжавшейся в борт Паулине спешат трое речников, решивших воспользоваться заварухой и добраться наконец до женского тела. Семара не хотела, чтобы кто-то из команды знал, что среди гостей есть волшебники, но теперь это уже было неважно.

Когда бугаи оказались слишком близко, Паулина вскинула руку и магический поток снёс всю троицу, да так, что дальний матрос перелетел через борт корабля и звучно плюхнулся в воды Доннета.

— ДОВОЛЬНО! — прогрехотал капитан, поднявшись на груды ящиков.

По команде весь экипаж разом прекратил сражение, вопреки явному желанию продолжить кровопролитие. Корабельщики нехотя откинули в сторону своё оружие и устремили взоры на капитана, лицо которого было покрыто кровавыми разводами.

Под возмущённый шёпот Варион вытер оружие рубахой уложенного им матроса и спрятал клинок в ножны. Отбитые рёбра саднили, но до переломов дело не дошло. Семара бы вряд ли одобрила это.

— Ведьма! — раздалось из поредевших рядов корабельщиков.

— За борт их!

— Повесить!

— Сжечь!

— Зарезать!

Экипаж начал перечислять все мыслимые и немыслимые виды казни, и Варион встретил их негодование довольной ухмылкой. За годы промысла на Западе он собрал внушительную коллекцию способов, которыми кто-то когда-то собирался с ним расправиться. Жемчужиной оставался приказ бургомистра Штааля засунуть в задницу Летарскому Потрошителю закупоренный с одной стороны пчелиный улей, а в рот при этом заливать горячий мёд. Предполагалось, что насекомые полетят на запах прямо через всё нутро бедного ассасина.

— Не будет никакого четвертования! — воскликнул капитан. — Никто сегодня больше

не умрёт на моём судне!

— А чё с чужаками-то? — пробубнил боцман, с трудом шевеля разбитыми губами.

— Раз так хотят в своё Крутое Городище, пускай топают. Берите шлюпку, тотчас же плывите к берегу. И чтобы я вас больше никогда не видел. Ты поняла, Семара?

Верховная чародейка жеманно улыбнулась в лучших традициях королевских дворов и, взяв Паулину за руку, зашагала по палубе. Юральф шёл между ней и разъярённой толпой, угрожающе выставив меч.

Когда Варион притащил из каюты их пожитки, шлюпка уже была наплаву. Паулина и Семара первыми спустились по верёвочной лестнице, затем к ним присоединился Юральф. Перед спуском Варион ещё раз посмотрел на капитана с его шайкой и, задиристо подмигнув, ловко перемахнул через борт.

— Что же он нас так отпустил? — удивился Юральф, налегая на вёсла.

— Не было у них шансов, — ответила Семара, с презрением глядя на удаляющееся торговое судно. — Два вооружённых бойца и чародей? Не останови их Кадвел, вы бы и остальных перебили. Два трупа — не худший для него исход.

— А как же их охрана? — спросила Паулина.

— Это она и была. Несколько оборванцев, работающих за бутылку водки — вот тебе и охрана. Клянусь Асданаре, когда вернусь в Койв, то сделаю всё, чтобы эту мразь закрыли в нашей тюрьме.

— Всё хорошо, что хорошо кончается, — Юральф вздохнул.

Демонстративно кашлянув, Варион показал стёсанным до крови пальцем на берег, откуда всё так же шёл дым. Что-то ему подсказывало, что стычка с матросами была просто разминкой перед Крутым Городищем.

Глава 16

Шлюпку было решено оставить в зарослях рогоза, подальше от Крутого Городища. Юральф хотел было накинуть сумку с Сердцами Пламени себе на плечи, когда Семара предложила понести её сама. Новоградец не горел желанием отдавать артефакты, которыми так дорожил Янек Вермейер, чародейке, пускай и верховной. Однако перспектива сражения с синекожими в селе не сулила ничего не хорошего, если биться предстояло с грузом на спине, а бросать Сердца Пламени наземь, словно обычный мешок с вещами, было чревато.

— Давай-давай, — поторопила Семара. — Не надломлюсь.

— Не в этом дело, — Юральфу было не до хороших манер.

— Знаю. Не доверяешь? — чародейка слегка улыбнулась. — Уж поверь: за общее дело боремся.

Семара как следует затянула лямки поверх серой дорожной мантии и решительно зашагала по возвышенности вдоль русла Доннета. Юральф и Варион переглянулись, после чего одновременно достали клинки и отправились вслед за чародейкой. Паулина засеменила с ними наравне.

Солнце уже почти по-летнему сверкало в зените, и на его свет выползла многочисленная живность. Юральф заметил, с каким искренним восторгом Паулина засмотрелась на чёрно-оранжевую бабочку, присевшую на цветок колокольчика. Сам новоградец с опасением отшатывался от снующих повсюду шмелей и ос. Ещё с детства, проведённого в Чернополье, он побаивался всего, что жёлтое и жалится, а виной тому стал соседский мальчишка, весь распухший и задохнувшийся после неудачной встречи с шершнем.

Чуть впереди прибрежные холмики переходили в плоский степной луг, усыпанный розоватыми цветками клевера. По ту сторону начинался реденький лесок, окружающий Крутое Городище. Столб дыма, тянувшийся из-за крон приземистых клёнов, стал гуще.

— Значит, в селе нас уже должны ждать? — в очередной раз уточнил Юральф.

— По-прежнему, — Семара кивнула. — Перед самым выездом я по своим каналам отправила весточку.

— Это каким таким каналам? — не понял Варион.

— Магическим. Наши каналы куда быстрее обычной почты, и перехватить что-либо очень трудно.

— Здорово! — восхитилась Паулина. — А я так сумею?

— Ты, моя дорогая, Амхур, не забывай об этом. Ты сумеешь куда больше, чем я когда-либо могла.

— Не завышай её ожидания, — шутливо сказал Варион. — А то захочет ещё в верховные чародеи податься.

— Вот ещё, — Паулина насупилась. — Койв мне не понравился.

— Тсс, — шикнул Юральф, обнажая клинок.

Они были уже на середине склона холма, когда впереди, на самом берегу, новоградец увидел движение. На мели покоилась самая обычная рыбацкая лодка, вот только вёсла лежали в паре саженой от неё, переломанные пополам. Лагерь рыбаков был весь разорён, а

вокруг костра, сгорбившись, сидели несколько фигур. Юральф насчитал четырёх синекожих.

— Один к одному, — прикинул Варион. — Нормальное соотношение.

— Это же синекожие, — напомнила Семара. — Они всегда держат несколько своих в засаде.

— Ну, пускай их чуть больше, — Химера хрустнул шейей. — С нами вообще-то верховный чародей.

— Я бы не рассчитывала на это, — осторожно произнесла томанийка. — Боевая магия — далеко не мой конёк. Я больше по врачеванию и подпитке энергии других.

— Ну тогда подвращуешь нас после того, как мы порвём этих нелюдей.

— С чего ты взял, что мы будем драться? — спросил Юральф, замерев на месте и бросив дорожную сумку. — Нам же лучше, если сможем их обойти и поскорее добраться до Городища.

— Если так планировал, зря меч заранее вытащил, — Варион изобразил сожаление и кивнул в сторону синекожих.

Все четверо вскочили со своих мест и с явными намерениями затопали вверх по холму. Пока отряд стоял в замешательстве, синекожие сократили расстояние по меньшей мере вдвое. Одежда была только на одном из них, и представляла она собой лишь белые обрывки на бёдрах. От людей их отличал внушительный, поболее сажени, рост, выступающая вперёд массивная челюсть и непропорционально длинные конечности. В качестве оружия каждого из них выступали длинные коряги с прикрученными железными головнями.

— Я зайду слева, ты — справа — решил Юральф.

— Как скажешь, командир, — Варион самодовольно усмехнулся.

Не успели бойцы сделать первые шаги навстречу стремительно несущимся синекожим, как Паулина выставила вперёд сложенные в магический знак руки и прокричала заклинание. Упругий сизоватый сгусток энергии прочертил воздух и с глухим хлопком разорвался среди нападавших. Контуженные синекожие разлетелись по сторонам и покатались вниз с холма.

— Вот и зашли, — удовлетворённо произнёс Варион. — Мне даже понравилось. Всегда бы так.

— Так сильно у меня ещё не получалось! — Паулина испуганно посмотрела на свои бледные ладони.

— Не за что, — многозначительно бросила Семара.

Удар оказался фатальным для большинства синекожих. Единственный выживший старался уползти прочь от отряда, цепляя крючковатыми пальцами сырую после ночного дождя землю. Из его правого уха струилась тёмная, почти чёрная, кровь.

— Ну-ка стой! — Варион гневно обрушил ботинок на руку синекожего. Тот заскулил.

— Ты чего? — возмутился Юральф. — Не перегибай палку.

— Это чудище вообще-то нас убить хотело! — напомнил Химера, поднося острие меча к шее асхута. — Посмотри, что они с рыбаками сделали!

Над тлеющими углями в центре разорённого лагеря медленно коптились останки неудачливых рыбаков: три бедра, пара рук до локтя и голова. Юральф вспомнил, что так и не успел позавтракать на корабле.

— И с вами будет также, — прошипел синекожий.

— Да заткнись ты, — небрежно бросил Варион, пронзая его горло.

— Разве это было необходимо? — с укором спросил Юральф.

— Он мне угрожал, — Химера пожал плечами.

— Мальчики, берегитесь! — воскликнула Семара.

Из-за кустов шиповника показался целый отряд синеккожих. Бегущие впереди копейщики тут же попали под магический залп двух чародеек, а остальные бросились врассыпную, пытаясь выкроить момент для атаки. За их спинами Юральф в последний момент заметил воина, неистово раскручивающего пращу, но было уже слишком поздно.

Снаряд со свистом ударил новоградца в лицо, на что переносица отозвалась тупой болью. Кровь густым потоком залила обветренные губы. Перед глазами заплясали огоньки, и Юральф почувствовал, как земля медленно, но верно уходит из-под ног.

— Держись, — голос Семары раздался прямо в голове.

Потоки энергии заструились по телу Юральфа, наполняя его силой. Ему уже не хотелось падать. Напротив, он чувствовал, что одолеть его сейчас было не под силу целой армии. Пелена перед глазами резко расступилась, пальцы сжали рукоять меча с небывалой силой, и новоградец рванул вперёд.

Варион, с трудом отражающий натиск синеккожих, отшатнулся от неистовой атаки товарища и вопросительно посмотрел на чародеек. Юральф не придал этому значения. Отражая атаки с нечеловеческой ловкостью, он тут же наносил в ответ смертельный удар, после чего отпрыгивал в сторону и добивал пытающихся слинять врагов.

Один из синеккожих оказался экипирован лучше своих соратников. Клинок Юральфа дважды звякнул о его пластинчатый нагрудник, но так и не нашёл цель. Самому новоградцу тут же пришлось уклоняться от ответной атаки, но Варион вовремя вернулся в бой, одним мощным ударом отсекая кисть врага. Синеккожий завыл, и Химера поспешил его успокоить ловким пинком в грудь.

— Tarthatalse! — выругался нелюдь, едва оказавшись на земле. — Seises! Seises!

— Вот только не начинай! — попросил Варион, демонстративно занося меч. — Я обзывательства на всех языках мира знаю, и мне не нравится твой тон!

— Суки! — продолжил синеккожий уже по-сотторийски. — Вы за всё ответите! Мы долго ждали! Теперь месть!

— Месть? — повторила Паулина. — За что?

— За что!? — асхут истерически рассмеялся, напрочь забыв об отрубленной руке. — Столько лет нас убивали! Хватит! Мы долго ждали! Долго!

— Ещё подождёшь, — буркнул Химера и хладнокровно вогнал клинок в зазор между пластинами нелюдя. — Пойдёмте.

Оставив позади себя кровавое побоище, отряд продолжил путь в сторону чащи. Сила, наполнившая Юральфа во время боя, пошла на убыль и под конец он уже с трудом мог передвигать ноги. Слово весь груз усталости разом обрушился на него.

Укрывшись, насколько возможно, в редком вязнике, отряд расположился вокруг поваленного мшистого ствола. Юральф с облегчением вздохнул и бросил ножны на устланную прошлогодними листьями землю. Сев на упавшее дерево, новоградец достал из рюкзака обрывки своей старой рубашки и утёрся. Было не очень жарко, но пот с него тёк ручьями.

— Твой первый раз? — участливо поинтересовалась Семара, присев на колени рядом с ним.

— Насколько я слышал, у него были дамы и до тебя, — сказал Варион, вытирая клинок от крови. — Пускай и не настолько опытные.

— Ещё одна колкость о моём возрасте, и тебе останется своих дам только пальцами

ублажать, — с наигранной злобой ответила Семара. — Это в лучшем случае.

— Что ты со мной сделала? — тщетно пытаюсь отдышаться, спросил Юральф.

— Я же сказала, что специализируюсь на подпитке других, — напомнила чародейка. — Чары Паулины например. Могу и физическую мощь увеличить, но временно. Бедные ваши тела с трудом такое выдерживают, сколько ни тренируйся. Хотя, конечно, последствия со временем становятся полегче.

— Я уж хотел было похвалить, как ты здорово раскидал этих нелюдей, а оказалось, что это всё госпожа Семара, — Варион рассмеялся. — Обойдёмся, стало быть, без похвалы.

— Не до шуток нам, — грустно промолвил Юральф, глядя в сторону Крутого Городища. — В селе, должно быть, совсем плохи дела.

— Надежда ещё есть, — не слишком уверенно допустила Семара. — Городище — не простое село. До границы с Раванским ханством рукой подать, так что укрепления и гарнизон там есть.

— Надо попробовать договориться с синекожими, если они там, — предложила Паулина. — Вдруг обойдётся без драки?

— Не обойдётся, — Варион покачал косматой головой. — Асхуты, видимо, взбесились не на шутку, а мы для них все на одно лицо. Не важно, что среди нас даже койвцев нет. Всё равно мы для них заодно с теми, кто их истреблял и загонял под землю.

— Драться так драться, — решил Юральф.

— Представь, сколько их там, — Химера развёл руками. — На чарах мы долго не продержимся.

— А если задействовать Сердце Пламени?

— Нет-нет-нет, — сразу же воспротивилась Семара. — Нет. Нет!

— Так «да» или «нет»? — Варион хотел рассмеяться, но взгляд верховной чародейки остудил его пыл.

— Но ведь я могу попробовать. Я же Амхур, — вызвалась Паулина. — Разве это так сложно?

— Дорогая, ты даже представить себе не можешь мощь этих камней, — таинственно произнесла Семара. — Ты ведь совсем не тренированна, тебя попросту разорвёт от такой энергии. Да, даже Амхура. И меня вместе с тобой.

— Хорошо. Стало быть, без Сердец, — Юральф вздохнул. — Там ведь есть гарнизон, ты сама сказала. Если что, объединимся с ними.

— Вот это больше похоже на план, — одобрила чародейка. — Однако не будем загадывать наперёд. Нужно выяснить что же там происходит. Отдохнул?

Убедившись, что Юральф перевёл дух после магических нагрузок, отряд продолжил путь. Лесок оказался совсем крохотным, и вскоре за изогнутыми древесными стволами показалось Крутое Городище.

Село это больше походило на город. Крутое Городище расположилось в большой впадине, окруженной редкими рошицами с одной стороны, а с другой — слиянием Доннета и величественной Гавалы. Столб дыма, замеченный Юральфом еще с борта корабля, поднимался из центра города, где высился могучий пятиглавый собор.

Людей на улицах совсем не было: напротив, село производило ощущение заброшенного. Окна старых бревенчатых домов были наглухо закрыты ставнями, огороды пустовали, а по дорогам лишь перекатывался мусор и ветки. Рука Юральфа сама потянулась к рукояти меча.

Семара повела отряд к гарнизону окольными путями, держась как можно дальше от

центра Городища и крупных улиц. Запах гари в воздухе стал ощутим и начинал раздражать обоняние новоградца. Нос уже почти не саднил после целительных чар.

На одном из широких перекрёстков все четверо разом замерли. Направо и налево шла крупная дорога, ведущая, видимо, к порту, а обочины её были усеяны развороченными людскими трупами. Юральф разглядел среди них и женщин, и детей. Ужасная смесь гнили и гари заполнила лёгкие.

— Они тоже без боя хотели обойтись, — уныло заметил Варион. — Вот тебе и синекожие. Хуже диких зверей.

— Их довели до этого, — проговорил Юральф. — Их, чёрт возьми, казнят на площадях детишки рода Сольтес на радость людям.

— Хоть в чём-то мы с ними похожи.

— Давайте уже пойдём дальше, — взмолилась Паулина. — Тут плохо.

Остаток пути до гарнизона койвской армии обошёлся без неприятных находок. Очередная непримечательная улочка, полная заброшенных строений, упиралась в невысокие, не больше двух саженей, стены каменного форта. Никакого движения в гарнизоне не наблюдалось.

— Кажется, нас тут не ждут, — констатировал Юральф, глядя на безжизненные стены.

— Именно, что кажется, — Семара с улыбкой показала на одну из бойниц. Лишь прищурившись, новоградец разглядел два чёрных наконечника стрел. — Варион, золотце, поддержи.

Едва Химера принял от чародейки сумку с Сердцами Пламени, раздался треск и Семара исчезла во всполохе зеленоватых искр. За деревянными воротами сразу же началась возня.

— Не бросила же она нас? — Варион выглядел обеспокоенным.

— Не волнуйся, — Юральф похлопал алледанца по спине. — Золотце.

— Ревнуешь свою старушку?

— Прости, но шансов у тебя всё равно нет.

— Иди ты.

Юральф перевёл взгляд на Паулину. Волшебница не придавала значения их шутливой перепалке, вместо этого уставившись в сторону центра. Собор, как и полагалось, был виден со всех концов Крутого Городища, а дым, поднимавшийся от него, начал застилать небо. Пожой денёк становился пасмурным.

— Ты что-то видишь? — Юральф осторожно коснулся плеча Паулины. Та не шелохнулась.

— Слишком много энергии, — пожаловалась колдунья. — Ярость, боль, смерть. Я их чувствую.

— Непросто, должно быть, видеть то, что скрыто от остальных, — Варион посерьёзnel.

— Истинное могущество не в том, чтобы видеть всё, а в том, чтобы видеть только то, что нужно, — Паулина закрыла глаза. — Так говорит Семара.

Юральф вздохнул и приобнял девушку, ощутив при этом на себе настороженный взгляд Вариона. На мгновение новоградцу показалось, что Химера на самом деле ревнует, но эту мысль быстро вытеснили воспоминания о беспорядочных связях алледанца на пути в Койв.

Раздался скрип, заставивший Юральфа вздрогнуть, и ворота форта медленно отворились. Из-за них появилось шестеро койвских гвардейцев. Они жестами велели отряду следовать за ними. Едва трое странников оказались внутри, ворота с ещё более громким скрипом закрылись.

Форт состоял из небольшого дворика, усеянного опилками, покосившегося барака и трёхэтажного главного здания, куда гвардейцы и отправили своих гостей. Скрипучая пыльная лестница вела под самую крышу, где, судя по всему, обитал комендант крепости.

В центре небольшой комнаты стоял простенький деревянный стол, весь усыпанный картами, письмами и зарисовками. За ним уже вальяжно расположилась Семара, потягивая что-то из большой кружки и не без любопытства разглядывая караулящих её солдат.

— Комендант Рагомир, — сипло представился рыжебородый мужчина в кафтане, туго обтягивающем его широкие плечи. — Я тут, водится, за главного.

— Не очень у вас дела идут, — не слишком искренне посочувствовал Варион. — Городище в руинах.

— Серых тьма тьмущая, — оправдался Рагомир. — Госпожа говорит, вам тоже повстречались.

— Было дело. А вы, кстати, с ней быстро спелись.

— Деша с печатью великого князя облегчает дело, — заметила Семара. — Мы ведь с общей проблемой столкнулись.

— Расскажите поподробнее, — обратился Юральф к коменданту.

— Да, сейчас, — Рагомир кивнул. — Вы садитесь, мужики. И, это самое, дама. Эй дубы, давайте табуреты!

Солдаты гарнизона спешно внесли в обиталище коменданта три видавших виды сиденья. Юральф поблагодарил хозяина и сел.

— Да полно вам, мужики, — отмахнулся Рагомир. — Вас, вижу, потрепали знатно. Нос вот расквасили. Пить хотите? Пивко, сбитень есть. Водка ещё.

— Обойдутся, — ответила за всех Семара, демонстративно сделав глоток из кружки. — Дел ещё много.

— Так что там с синекожими? — напомнил Юральф о насущных вопросах.

— С три дня назад навалились, — произнёс Рагомир. — Как попёрли со всех концов. Людей без разбора мочили сначала, потом кого-то и в плен стали брать. Зачем? Навроде ритуалы какие-то. Жертвоприношения, дескать.

— Целый гарнизон ничего не смог сделать кучке дикарей? — неподдельно удивился Химера.

— Если бы целый, — Рагомир почесал бороду. — Нас раньше-то две сотни было, потом в половину меньше, а теперь и вовсе сорок бойцов не набирается. Набиралось, точнее. Десяток полёг, когда эти мразоты пришли.

— Это всё ваш Догомар! — подал голос один из караульных. — Отправили мужиков в Левец мародёров гонять! А нам чего делать? Тут серые прут, мы пятимся, а люди мрут. А коли Раван? Чегой-то мы за полгроша должны бошки ложить?

— Успокойся, Вийм, — призвал комендант. — Хотя дела наши не шибко хороши, это да.

— Пускай вас тридцать, — сказал Юральф. — Синекожие — голые дикари с палками, а вы их железом отогнать не можете?

— Это вы где голодранцев увидели? — Рагомир рассмеялся. — В степи-то? Тут другие совсем. Не хуже нас одеты. И оружие у них серьёзное.

— Ближайший город асхутов с малейшим намёком на производство оружия находится в Холмогорье, — взволнованно вспомнила Семара. — Не оттуда же они пришли?

— Не оттуда, — подтвердил комендант. — Нашенские это. Койвские. Хорошо помнят,

как их князя Чергова гоняли. Мстить хотят.

— А оружие украли?

— Сейчас сами увидите. Рахт! Покажи мужикам находки.

В дверном проёме возник долговзый старик в серой накидке с капюшоном, нависающим над маленькими бесцветными глазами. Рахт немного неуклюже поклонился и пригласил гостей гарнизона последовать за ним.

Спускаясь вниз по всё той же пыльной лестнице, Юральф учуял аромат свежего хлеба и невольно схватился за пустой живот. К его сожалению, старик повёл отряд в другую сторону от источника этого запаха. Они протиснулись сквозь череду узких коридоров и вышли к двери, ведущей в подвал.

По команде Рахта. Двое сопровождавших их солдат зажгли заранее приготовленные масляные лампы и вошли внутрь, освещая просторное холодное помещение. Вдоль стен громоздились различные ящики, на них покоились обломки оружия и брони, а с потолочных балок комьями свисала пыльная паутина. Смрад в подвале стоял жуткий.

Не обращая внимания на позакрывавших носы Юральфа и Вариона, Рахт проковылял к одному из ящиков, отодвинул его и велел солдатам «тащить тело». Те, поставив лампы на земляной пол, приволокли к ногам гостей подгнивший труп асхута.

Этот синекожий заметно отличался от тех, что напали на отряд после высадки на берег. Его конечности куда больше походили на человеческие, а сам он был одет во вполне добротный латный панцирь и кольчужные поножи. Юральф уже однажды видел подобные нагрудники прямо на поле боя. Остатки не до конца счищенной бирюзовой краски в районе сердца лишь подтвердили его опасения.

— Гаальт? — новоградец сам знал ответ на свой вопрос.

— Именно, — Рахт поджал губы. — Они раньше любили рисовать свои мерзкие флаги где ни попадя. Наспех постирали всё и выдали нелюдям.

— Как это выдали? — удивился Варион, присев рядом с трупом. — На кой чёрт им снабжать нелюдей?

— Гаальт жаждет поквитаться со всей бывшей Сотторией за то, что они сами называют «подлой оккупацией», — Рахт противно хихикнул. — Война с Республикой зашла в тупик, Повск дружит с Летарой, а Ярополь слишком далеко. Вот и остаётся Койв. Напрямую они пока ввязываться не хотят, а вот подвезти старого хлама синекожим — это пожалуйста. Нелюдям — самое то, чтобы нас изнутри расколоть.

— Хреново дело, раз так, — признал Юральф. — Их много?

— Достаточно много, чтобы устроить нам проблем. Рагомир послал гонца в Даверр, теперь ждём, пока Его Высочество Форлейн появится. Главное, чтобы поздно не было. Еды у нас надолго не хватит.

Когда Рахт замолчал сверху раздался приглушённый удар. Юральф обеспокоенно взглянул на старика, но тот лишь поморщился.

— Да уж... — протянул Варион себе под нос. — Врагов у вас нынче хватает. Раванское ханство, Гаальт теперь.

— Летару не забудь, — вставил один из солдат.

— А с ней чего? — Химера, к удивлению Юральфа, весь напрягся.

— Толком не знаем, — Рахт небрежно махнул рукой. — Чего-то, говорят, с послом их стало. Мол, уехал он их страны. А нынче же послов отзывают перед тем, как с войной идти.

В пляшущем свете ламп Юральф чётко увидел, как нервно задвигался кадык Вариона.

Можно было подумать, что он переживал об отношениях Летары и Койва.

— Теперь вы сами видите, что... Твою мать!

Рахта прервал сильный грохот сверху. Последовавший за ним удар был такой силы, что с потолка посыпались камешки, а крупный, с кулак, паук зловеще закачался на своей тугой паутине. На сей раз старик выглядел более озадаченным. Отдав команду следовать за собой, Рахт потопал прочь из подвала.

Юральф и Варион стремглав помчались на улицу, где их встретил комендант гарнизона в компании отряда бойцов и двух волшебниц. Во дворе, на расстоянии трёх саженей друг от друга, дымились две груды тлеющих деревяшек. Ещё одна, судя по всему, угодила в главное здание, проломив окно на втором этаже.

— Что здесь происходит? — взволнованно спросил Юральф.

— Синекожие, кажись, онагр соорудили, — предположил Рагомир, яростно тряся мечом. — Не без чужой помощи, как водится.

Стоило ему замолкнуть, через стену перелетел ещё один снаряд. Солдаты бросились в разные стороны, но двоих всё же накрыло горящими головёшками.

— На стену! Живо! — голос у Рагомира был поистине командирский.

Решив лично узнать обстановку, Юральф поднялся вслед за шестёркой лучников на укрепления форта. В узкие бойницы видно было совсем мало, поэтому он решил перегнуться через уступ стены.

Три катапульти-онагра, явно наспех срубленные из чего попало, расположились в сотне саженей от гарнизона. Несколько синекожих сновали вокруг, подтаскивая новые заряды, а основной отряд занял позицию прямо напротив ворот.

— Надо драться! — крикнул Юральф оставшимся внизу товарищам

— Подохнем так! — воскликнул в ответ Рагомир. — Опасно за стены выходить!

— Рахт сказал еды у вас немного осталось, так они просто возьмут нас измором!

— Дружище, не торопись, — призвал Варион, подняв руки вверх. — У них ведь и доспехи, и оружие есть!

— А у нас — чародейки. Семара, усиль нас снова! Усиль всех, кого можешь!

— Ты разве не понял, что у моих чар есть серьёзные последствия? — колдунья не спешила последовать указаниям. — К тому же, я не всесильна. Мне и самой отдыхать надо.

— Верховный чародей ты или кто? — пока Юральф говорил, ещё один заряд угодил в стену главного здания. — Быстрее, Рагомир! Надо отбить их подальше!

— А, чёрт с тобой, — сдался комендант. — Была не была. Построиться! Живо!

Вариону затея с самого начала показалась сомнительной. Фронтowym бойцом он никогда не был, а потому решил предоставить право идти в первых рядах более опытным солдатам гарнизона и терпеливо ждал, пока распахнутся ворота форта.

— Колдуй с осторожностью, — попросила Семара Паулину, положив руку на темя девушки. — Не задевай наших.

— Мы создадим пространство, а ты постарайся разломать катапульти, — дал установку Юральф, проверяя своё снаряжение. — Семара, заколдуй меня тоже.

— Сдурел? — возмутилась чародейка. — Прошло всего ничего, твоё тело к такому не готово.

— Семара, быстрее!

— Уважь мальчишку, — поддразнил Варион. — Хочет же!

— Если это будет для него слишком... — грозно начала Семара.

— Я присмотрю.

Недовольно фыркнув, колдунья поднесла ладонь к взъерошенной макушке Юральфа и произнесла заклинание. Новоградец напрягся так, что на шее проступили вены, и заиграл желваками. Всем своим видом он источал уверенность.

— Теперь ты, — Семара повернулась к Химере.

— Побереги силы, — отказался алледанец. — Другим бойцам они нужнее.

Врата распахнулись. По команде Рагомира все шесть лучников гарнизона послали на врага залп стрел, после чего настала очередь дюжины копейщиков. Мечники, в том числе Варион и Юральф, бросились следом на уже прореженные ряды синекожих.

Химера при первой же возможности покинул строй и зашёл с фланга. Строевой подготовке его никто не учил, так что он решил биться по законам тёмных переулков. Насколько это было возможно.

Среди сражавшихся легко было заметить Юральфа. Новоградец сразу же обошёл идущих в авангарде копейщиков и принялся рубить направо и налево. Асхуты пару раз сумели вскользь задеть его клинками из вполне человеческого арсенала, но боли он словно не ощущал. Семарины чары давали о себе знать.

Потери были с обеих сторон. Прямо перед Варионом крупный асхут в закрытом шлеме в пару ударов повалил двоих солдат могучей секирой. Определив, что синекожему необходимо перевести дух после двойной атаки, Химера резко сократил дистанцию и вогнал меч под шлем верзилы.

Не дожидаясь мести остальных нелюдей, Варион выскочил обратно. Он не был умелым строевым бойцом, но всё равно мог здорово помочь своей стороне. Выдохнув, алледанец бросился через всё поле битвы, на бегу перемахивая через трупы. Вокруг гремело железо и свистели стрелы, за спиной гулко разорвался магический заряд, но Химера видел лишь свою цель.

Переплетение обитых железом тел осталось позади, и Варион ускорился. Завидев его, синекожие у катапульты побросали свои дела и приготовились защищаться. Им, в отличие от асхутов в авангарде, лат и мечей не досталось, поэтому алледанец без особых проблем раскидал их и мощным ударом перерубил один из канатов осадного орудия.

Едва первый онагр пришёл в негодность, Паулина с помощью Семары запустила во второй целый град магических стрел. Громоздкая неуклюжая конструкция разлетелась на части и погребла под собой синекожих. Варион довольно причмокнул.

И всё же третья катапульта успела выстрелить, прежде чем вторая магическая атака расщепила её. Асхуты сумели подправить угол заряда, и горящие брёвна отправились прямо в гущу сражения. Тлеющие обломки оставили огромную брешь в рядах обеих сторон, а один из них отлетел точно в грудь неистово сражающегося Юральфа.

Новоградец выпустил меч и рухнул. Синекожие, напуганные успехами людей, бросились наутёк по пустым улицам Крутого Городища. Сквозь завесу дыма и пыли Варион увидел, как они уносят с собой нескольких бойцов гарнизона. Юральфа тащило сразу трое.

Химера бросился было вдогонку, но на половине пути обнаружил, что никто из койвцев не последовал за ним. Солдаты, радостно улюлюкая, отходили за стены форта. Преследовать асхутов никто не собирался.

Яростно стиснув зубы, Варион отправился назад через усеянное трупами поле боя. Во дворе гарнизона бойцы уже попрятали оружие, снимали шлемы и поздравляли друг друга с победой. Алледанец не уделил никакого внимания молодому мечнику, протянувшему ему свою потную ладонь. Ему нужен был Рагомир.

— Варион, стой! — прикрикнула Семара, распознав намерения Химеры.

Варион пропустил это мимо ушей. Оттолкнув залиvisto смеющегося лучника, он схватил коменданта форта за воротник плаща и протащил его к серой каменной стене. Пальцы Химеры сомкнулись на горле подлеца.

— Почему ты остановил их!? — срывая голос, закричал Варион. — Почему не погнался за синекожими!?

— Успокойся, — тихо промолвил Рагомир. — Я знаю, что...

Химера без замаха ударил его свободной рукой. Даже не оглядываясь, он знал, что солдаты позади вновь повыхватывали клинки.

— Отпусти его! — воскликнула Семара. — Да что с тобой?

Варион хотел ударить вновь, но неведомая сила остановила его и отбросила в сторону. Поднявшись с земли, алледанец взглянул на окруживших его солдат.

— Успокоился? — с неподдельным волнением спросила Паулина из-за спин воинов.

— У них Юральф, — уже спокойнее сказал Варион. Голос он сорвал.

— И несколько моих ребят, — добавил Рагомир. — Щас мы отбились, но там, на площади, их куда больше, поверь. Погнались бы — попали бы в западню.

— И что ты предлагаешь делать? — алледанец судорожно прикидывал все варианты.

— Скоро закат, — комендант пожал плечами. — Ночь — не наше время. Если чего и можно сделать, чтобы ребят наших выволить — мы это сделаем. Но теперича надо оклематься и придумать план. Иди умойся, мужик. Рахт, проводи его в баню, там вода холодная.

Обычно спокойное сердце Химеры бешено колотилось. В Койве он пошёл на поводу у Демесера против всех своих принципов, чтобы защитить тех, кто ему дорог, а теперь терял их одного за другим. Остановившись у колоды для дров, Варион громко выругался и со всей дури пнул её, отбив пальцы. Злился он не на Рагомира. А на самого себя.

«На рассвете, говорит, — подумал Химера. — Ты слышал его, Юральф. Продержись до рассвета, а там и мы подойдём. Только не подведи».

Глава 17

Паулина сразу нашла его. Варион неподвижно стоял на гарнизонной стене, уперев широко расставленные руки в её кромку, и смотрел на Крутое Городище. Разросшийся столб дыма, поднимающийся из центра села, выглядел особенно мрачно на фоне багряного закатного неба. Паулине эта мрачная картина напоминала о пепелище на месте её родного дома, оставшегося в диком лесу, далеко от бескрайних койвских степей.

— Подкрасться к ассасину невозможно, запомни это, — отстранённо предупредил Варион, услышав лёгкие шаги чародейки.

— И в мыслях не было, — девушка поднялась на стену по шатким ступенькам. — Ты пропустил ужин.

— Ужин? — недоверчиво повторил алледанец с каменным лицом. — Тут ещё и кормят?

И чем же?

— Какой-то подтухший заяц и похлёбка, похожая на воду. Семара сказала, что в кремле даже собаки едят лучше.

— Не стоит упоминать это при местных вояках, — Варион всё-таки улыбнулся.

— Об этом она тоже сказала, — Паулина выждала несколько секунд. — Ты в порядке?

— Я могу либо соврать, либо промолчать. А враньё ты, кажется, не любишь.

— С Юральфом всё будет в порядке.

— Вот как? — Варион нервно рассмеялся. — Ты, кажется, не совсем поняла, с кем мы имеем дело.

— Они не убили его сразу, я видела. Просто утащили. Значит, есть надежда...

— Надежда, — протяжно проговорил Химера. — Надежда — это хорошо, вот только слишком размыто. Я предпочитаю вполне конкретные шансы.

— Шанс тоже есть. Не умрёт он так просто.

— Милая моя, — от этих слов Вариона Паулина ощутила лёгкое покалывание где-то в животе. — Настоящий мир куда более жесток, чем ты думаешь. Мне это пришлось узнать, когда у меня ещё волосы не выросли на... Неважно, на чём. Суть-то в том, что люди так просто и умирают. Ты же видела там, на улицах, мужиков, женщин, детей. Их всех перебили, как до этого резали самих синекожих. И они умерли просто так, обычно. Чем Юральф другой?

— Думаешь, я не знаю, что такое жестокость мира? — голос Паулины задрожал, а ноги онемели. — Забыл, как мы встретились? Забыл, что с моей жизнью сделали ваши «борцы за справедливость»? Если это, по-твоему, не так уж и страшно, расскажи тогда, что же стало с твоей матерью!

— Тебе не понравится эта история, поверь, — Варион нахмурил брови и повернулся к девушке. — Прости меня. Я не то имел в виду. Скорее сам с собой говорил.

Паулина почувствовала, как по лицу бежит слеза, но вытирать не стала. Варион сделал это за неё. Он провёл огрубевшей от оружия ладонью по её худощавой щеке, убрал со лба непослушную прядку пепельных волос, сделал шаг вперёд.

Волшебница сама не заметила, как оказалась в его крепких объятиях, как позволила ему прильнуть к её губам. Ничего подобного она раньше не испытывала. Мать всегда уклончиво отвечала на все вопросы о мужчинах и отношениях с ними, и все её знания ограничивались подслушанными во время походов в деревню разговорами дикарей.

— Варион... — сердце Паулины бешено колотилось, а в груди всё онемело.

— Прости, — Химера отодвинулся, но руки её не отпустил.

— Нет-нет, всё хорошо... Семара говорила, что мне пора становиться женщиной. Ну, в смысле... — волшебница почувствовала, как стремительно краснеет её обычно бледное лицо.

— Она, наверное, права, — Варион замялся. — Вот только я для этого мало подхожу.

— Что ты говоришь? Ты...

— Ты совсем не знаешь, что я натворил. Да, я говорил, что всё это было давно, в прошлой жизни, но я попросту врал. Врал сам себе. Думал, что могу убежать от прошлого, от своей сущности. Придурок. Нет, дорогая, этим дерьмом я буду обмазан, пока не сдохну. И тебя им пачкать я не собираюсь.

Паулина не стала спорить. Варион отпустил её ладонь, и вновь облокотился на стену. Лицо его опять ничего не выражало, лишь слегка подрагивала нижняя челюсть.

— Юральф в порядке. Я это чувствую, — промолвила девушка. — Магия позволяет мне видеть его будущее.

— Спасибо ей за это, — хмыкнул Химера. — Вот ходят чародеи в свои школы, ордена основывают, а оказывается, достаточно в диких лесах порыться, чтобы их всех разом уделать.

— Она у нас одна такая, — Семара появилась на стене незаметно: даже ступени не скрипнули. — И вам несказанно повезло встретить её.

— Я бы порадовался, если бы не обстоятельства, — Варион как бы невзначай кивнул на всё утолщающийся столб дыма.

— Ты делу не поможешь, если будешь забивать себе голову.

— Не могу иначе.

— Можешь! — Семара повысила голос и дежуривший чуть вдалеке стражник обеспокоенно оглянулся. — Прекрати раскисать, в конце-то концов! Юральф — большой мальчик, воин. Он знал, на что шёл!

— А на что он, едрить его, шёл? — воскликнул Варион. — Нести злотраханские волшебные камни к чёрту на рога, чтобы спасти страну, которая морит голодом своих же солдат и которая на хер ему не впёрлась!? Янек Вермейер решил, что если Раванское ханство разгромит Койв, то Новый Град и Ярополь будут следующими. Я вот думаю, что он чертовски не прав. Так с какого-разэтакого хрена новоградец, алледанец и дикарская колдунья должны подыхать из-за непонятно чего?

— Следи за языком, молодой человек...

— Нет, Семара, это тебе и остальному Совету следовало следить за своей страной. Назови хоть одну причину, по которой я не могу прямо сейчас свалить вместе с чудо-камнями, продать их где-нибудь в Годаране и жить припеваючи?

— Ты всё равно этого не сделаешь, Варион, так что хватит воздух сотрясать. Ты отлично понимаешь ценность Сердец и важность нашей миссии.

— Так где же камушки сейчас, а? — Химера всплеснул руками. — Лежат вперемешку с запасными панталонами и зубным порошком?

— Они лежат там, где должны, под защитой мощных чар. Им ничто не грозит.

— Не грозит, в отличие от моего друга!

— Довольно, Варион, — верховная чародейка изо всех сил старалась не вспылить. — Я вижу, что горе тебя одолевает и затмевает рассудок. Это единственная причина, по которой я ещё не приказала солдатам швырнуть тебя в подвал за дерзость члену Малого Совета!

— Раз так, пошла ты, Семара, в жопу синекожую. Это горе говорит, помнишь?

В ледяной тишине Химера сошёл со стены, перепрыгивая через несколько ступеней сразу, и удалился в сторону бараков. Паулина смотрела ему в след, боясь пошевелиться, и чувствовала на себе тяжёлый взгляд Семары.

— Ему просто нужно поспать, — осторожно произнесла девушка.

— Что вы с ним делали? — спросила Семара, сдвинув густые брови. — И не говори, что просто беседовали. Мне-то врать не надо. Ты должна понимать, что такие, как он, не пара для тебя. Ты — Амхур. Как знать, ты ведь можешь стать величайшей чародейкой Сотторийского края...

— Я не хочу говорить об этом, — одёрнула Паулина старшую колдунью. — Ни о парах, ни о войне, ни об Амхурах.

— Хорошо, — Семара кивнула. — Мне просто важно знать, как ты себя чувствуешь. Чародеи тоже здорово устают после Усиления.

— Я в порядке. Мне тоже надо просто поспать.

— Рада слышать, — чародейка сделала шаг вперёд. — Просто имей в виду: я не только могу увеличивать силы во время боя, но и восстанавливать их после. Довольно специфическим образом, правда.

— Это как же? — у Паулины были некоторые соображения на этот счёт.

— Так, что среди приличных людей такие маги, как я, слынут блудницами. Но всё это ради дела. Обычно.

— Спасибо, но я правда хорошо себя чувствую. Можно мне побыть одной пару минут? Потом я пойду отдыхать, обещаю.

— Только без глупостей, — Семара кивнула и, подобрав полы дорожной мантии, ступила на лестницу.

Закат уже догорал в вечернем небе. Вдалеке Паулина услышала чей-то пронзительный крик. Она не сомневалась, что вопил один из узников синекожих асхутов. Лишь надеялась, что это был не Юральф.

Колдунья соврала Вариону, что видела благополучную судьбу новоградца. На самом деле, она не чувствовала ровным счётом ничего. С другой стороны, ведьма Аделида Крюконося с диких болот часто повторяла, что отсутствие плохих новостей — уже само по себе хорошая новость.

«Да будет так, — решила девушка. — Главное же — верить».

Юральф часто вспоминал свои первые тренировки в рядах новоградской армии. Возвращаться в те времена, когда ноги разбухали так, что не влезали в штаны, из мозолей на пятках выливались полные ботинки крови, а задубевшие от уличных упражнений пальцы отказывались разгибаться, было полезно. Так он понимал, что сейчас всё не так уж и плохо.

Приём впервые дал осечку, когда Юральф очнулся в тесной клетке посреди Крутого Городища. Он не чувствовал добрую половину своего тела, а то, что чувствовал, болело так, что впору было грызть железные прутья.

Одежду ему оставили: забрали лишь его любимый меч и дорогие сердамарские ножны. Стиснув зубы от жуткой боли, Юральф сумел приподняться на руках и откинулся спиной на прутья клетки. Семара не врала о чудовищных последствиях усиливающей магии для тела.

Вокруг царила ночь, но тьму разгоняли десятки ярких костров, между которыми вальяжно перемещались силуэты нелюдей. Один из них выделялся своими огромными размерами — ростом этот синекожий был на две головы выше сородичей — и страшного вида боевым молотом в руках. Увидев за его спиной собор, внутри которого пылал огонь, Юральф понял, что лагерь асхуты разбили прямо на главной площади.

Новоградец был не единственным узником. По обе стороны он разглядел ещё с десятков таких же клеток, в которых теснились местные. Все они, насколько Юральф мог судить, были мужчинами.

— Эй, — донеслось из соседней клетки. — Ты живой?

— Надеюсь, — Юральф не узнал собственный голос.

— Ты откуда? Не помню тебя, — в отблеске костров можно было различить герб гарнизона на груди второго пленника.

— Мимо проезжал. Попали с товарищами под раздачу у форта.

— Гарнизон ещё стоит? Не взяли его?

— Не взяли.

— Молодцы мужики. Молодцы. Тебя как звать?

— Юральф.

— Меня — Энгиль.

Разговор узников привлёк синеккожих, и прямо перед клеткой возникла женщина-асхут, в плотной набедренной повязке и с костяными украшениями в спутанных волосах. Даже сквозь боль и усталость Юральф сумел оценить её вполне близкие к человеческим формы.

— Проснулись, — будто сама себе сказала синеккожая. — Есть хотите?

— А есть что? — мысли о еде заставили желудок новоградца издать рёв умирающего животного.

— Мясо.

— Чьё? — Юральфа терзали сомнения после того, что он увидел в рыбацком лагере на берегу.

— Как его звали? — синеккожая обращалась к узнику из гарнизона.

— Чего? — не понял тот. Не понял, но всякий случай испугался.

— Друг твой, со страшной рожей. Как звать?

— Демкир? — Энгиль со всего размаху ударил прутья клетки и схватил ушибленную ладонь. — Ах ты, сучара! Это ты ещё про страшные рожи говоришь, мразь!? Демкир! Демкир! Сука!

Асхутка ликующе наблюдала за его истерикой, оскалив треугольные зубы. Юральф собрался с силами и пододвинулся к ней.

— Есть хочешь? — повторила синеккожая, протянув кусок тёмного сырого мяса. — Последний раз спрашиваю.

— Пошла ты, — ответил Юральф сквозь зубы.

— Сдохнешь тогда не евши.

— Сама сдохнешь, сучара! — громче прежнего завопил Энгиль.

Синеккожая обернулась к кострам и что-то отрывисто гаркнула. Из-за её спины появилось трое асхутов-воинов с копьями. Один из них отпёр соседнюю клетку и скомандовал остальным взять Энгилья. Нелюди, предусмотрительно успокоив солдата ударом дровка в лицо, схватили его под руки и потащили к центру лагеря. Юральф без труда догадался, что бедолага составит Демкиру компанию на костре.

— Тоже хочешь? — буднично спросила синеккожая.

— Вам всё равно конец, — Юральф попытался рассмеяться. Не вышло. — За всю эту дрянь вас разнесут в клочья на поле боя, а тех, кто выживет, четвертуют на площадях. Хотя нет. Отправят безоружных в разъярённую толпу.

— Так вы и делаете, — асхутка едва заметно улыбнулась. — Всё время убиваете нас. Вы, люди, решили, что можете убивать всех, кто на вас не похож.

— Причём тут я? — прохрипел Юральф. — Я в жизни ни одного из ваших не убил... Дс сегодняшнего дня.

— Все вы, люди, одинаковые. Sethelse. И все вы должны умереть.

— Значит, всем людям отомстить хотите, — новоградец кашлянул и грудь словно пронзило копьём. — Всем-всем?

— Каждой бледнолицей seike, — последнее слово асхутка произнесла с особым презрением.

— Однако, без помощи «бледнолицых сейке» всё равно не обошлись, да? — Юральф с удовольствием отметил, что нелюдское лицо собеседницы задёргалось. — Как же вы согласились принять нашу помощь-то принять?

— Нет. Никакой. Помощи, — после каждого слова синеккожая вытягивала шею вперёд, пока её приплюснутый нос не протиснулся между прутьев клетки. — Закрой. Свой. Рот.

— Да уж, — Юральф наигранно вздохнул. — Права ты, пожалуй. И оружие ваше с броней совсем не из Гаальта.

— Какого Гаальта!? — взвизгнула синеккожая, всплеснув руками. — Закрой свой бледный рот!

Наслаждаясь её истерикой, Юральф не заметил, как на шум подошли другие нелюди. Верзила с молотом велел остальным караулить чуть в стороне, а сам медленно приблизился к пленнику. Его амуниция отличалась от рядовых бойцов: тяжёлый панцирь был весь покрыт узорами, а огромный шлем закрывал всю голову, кроме широкого лица с маленькими злыми глазами.

— Кажется, sethele о себе слишком много возомнил, — громила говорил низко, гулко и почти без акцента. — Как тебя зовут, seike?

— Юральф Менфольн, — новоградец старался не выдать страха. — А тебя как, асхут?

— Какое глупое людское имя, — не оценил синеккожий. — Меня вот зовут Рехтскол. Это значит «двигающий горы». А теперь скажи мне, seike, то, что ты сказал моей сестре Келехте.

— Другого я от Гаальта и не ожидал, — сказал Юральф будто бы сам себе. — Сначала им помогали демоны, теперь — синеккожие.

— Мы никому не помогаем, — отрезал громила Рехтскол. — Зачем ты врёшь в свою последнюю ночь под луной, seike? Вы всегда врёте. Врёте о тех ужасах, которые творите. Хватит этого. Мы долго страдали.

— Значит, убьёте всё равно? — новоградец вдруг понял, что не готов встретить свою судьбу.

— Бог крови просит жертву. За каждого принесённого ему воина врага, он даёт нам силу.

— Жертву, — Юральф почувствовал, что его вот-вот стошнит. — Лучше вы меня сразу доби́ли.

— Хорошо, seike,

— Что?

— Я дам тебе умереть в бою. В бою со мной.

По приказу Рехтскола синеккожие вытащили Юральфа из клетки поволокли к центру лагеря. Его бросили на покрытую пеплом и кровью землю. Новоградец поднялся, преодолевая боль. Мышцы ног и груди неистово пульсировали и казалось, что они в любой момент лопнут. Рехтскол уже стоял напротив, готовый к схватке. Юральф отчаянно посмотрел сначала на свои голые покрытые рубцами ладони, а затем — на молот синеккожего в полторы сажени.

— Умри, seike, — асхут вынес ему смертный приговор.

Едва Рехтскол сделал первый шаг, раздался оглушающий грохот и за его спиной засиял ослепительный свет. Сразу два купола собора с треском провалились, а за ними обрушилась и стена. Палатки синеккожих накрыло каменным дождём.

Во второй раз рванул уже сам лагерь. Истошно завопили асхуты. Рехтскол растерянно

заметался. Велев отправить Юральфа обратно в клетку, он затопал к разгоравшемуся в лагере пожару. Синекожие вскочили со своих мест и принялись судорожно надевать латы и искать своё оружие.

Колокол собора затянул тревожный звон, неподалёку прозвучал горн. Этот сигнал Юральф узнал сразу. Именно так в армиях Сотторийского края подавался сигнал к нападению.

Варион долго ждал, пока солдаты уснут, но барак гудел до поздней ночи. Вояки пили нечто, похожее по запаху на пот, мерялись, кто сколько завалил асхутов, и отпускали шуточки, каждая из которых сводилась к непристойностям с матерями, сёстрами и прочими родственницами товарищей. Химера с отвращением смотрел на них из дальнего угла казармы, хотя пару остроумств всё-таки занёс в свой арсенал.

Рагомир, конечно, предложил ему занять единственную гостевую комнату вместе с Семарой и Паулиной, но этой ночью Вариону меньше всего хотелось видеть чародеек. Слишком много дров он наломал вечером.

Когда вояки наконец повалились спать под тяжестью прошедшей битвы и выпивки, Химера вышел из барака, прихватив все вещи. Он зашёл за угол казармы, где его не могли видеть караульные, достал точильный камень и принялся заострять свой клинок.

Затачивая меч и кинжалы, Варион думал о Паулине. Возвращаясь к их разговору на стене форта, он пытался вообразить, как мог поступить иначе, но всякий раз приходил к выводу, что по-другому быть не могло.

Алледанец не просто привязался к волшебнице: он хотел быть с ней, целовать до боли в челюсти, делить с ней постель. Этого всегда хотят обычные люди. Но он был не обычным человеком, а чудовищем, летарским потрошителем, алледанским монстром, убийцей посольских дочерей.

Проверяя остроту последнего кинжала, Варион специально надавил на лезвие сильнее, чем надо. Тоненькая струйка крови пробежала по сухой ладони и закапала на землю. Такая же кровь, как и у всех, кого он убил.

Покончив с заточкой, Химера отправился в главное здание гарнизона. Сердце билось медленно, будто бы через раз, а по телу побежал знакомый холодок. Так Варион себя чувствовал лишь когда готовился к заданию. Весь гарнизон продолжал твердить, что в темноте с синекожими тягаться бесполезно, но он думал иначе. Химера всегда считал ночь своей подругой. Даже любовницей.

Подвал никто не охранял. Ловко орудуя самодельной отмычкой, Варион отпёр тяжёлый амбарный замок и вошёл в тёмное смердящее помещение. Алледанец нащупал одну из масляных ламп на том же месте, где её накануне бросили солдаты.

Варион зажёл лампу и тут же попятился от огромного паука, зависшего на паутине прямо перед его носом. Восьминогое чудище раскачивалось на натянутой нити и шевелило клыками в ожидании добычи. Химера поборол желание вогнать в мясистую тушку свежезаточенный кинжал и, заложив большой крюк в обход паука, принялся шарить по многочисленным ящикам.

Раз разом находя лишь обломки копий, фрагменты кольчуги и всевозможные осколки, Варион вышел из себя и яростно пнул останки синекожего в гаальтской броне. Паук при

этом шустро взобрался на потолочные перекрытия.

— Чего ты вылупился? — поинтересовался Химнера у восьмиглазого. — Страшила грёбанная.

— Вот уж не думал, что такой грозный мужчина заботится пауков, — из-за двери, кряхтя, показался Рахт.

— Не спится? — Варион не спускал глаз с паука.

— Не мне одному, я посмотрю, — старик оглядел разбросанные по подвалу вещи. — Что-то потерял?

— Друга своего.

— Тут его нет, — Рахт улыбнулся беззубым ртом.

— Тут ничего нет, — раздосадовано поправил Варион. — Только мусор.

— Так, а что тебе нужно?

— Дымный лист, много. Кровоцвет, ещё больше. Кротомский порошок, дохера.

— Не буду спрашивать, зачем. Спрошу: ты точно уверен? — Рахт выдержал паузу. — Ночь — время синекожих, и это не просто оборот речи. Они ведь прячутся под землёй, так что им к темноте не привыкать.

— И они сами это прекрасно понимают и знают, что мы не решимся напасть на них ночью. Значит, можно застать их врасплох.

— Разумно. Осталось убедить в этом солдат.

— Я никого убеждать не собираюсь и пойду в любом случае. Рагомир мне уж точно доверять не станет.

— Значит, ты хочешь, чтобы всех убедил я.

— Делай, как знаешь.

— Но ты думаешь, что мы можем их разбить?

— Я думаю, что, если не попробуем, будет ещё хуже.

— Будет тебе твой кровоцвет. Из моих личных запасов. Жди лучше на улице, а то весь подвал разворотись.

В ожидании Рахта Варион считал звёзды и успел дойти до сорока трёх, когда старик вышел из гарнизона с тугим мешком в дряхлых руках. Внутри было всё необходимое: бурый и рассыпчатый кротомский порошок, неувядающий багровый кровоцвет, высушенный дымный лист.

Химера проверил снаряжение. Кожанка туго обтягивала его стройное тело, не сковывая при этом в локтях. Поверх перчаток на костяшках были пришиты металлические пластины. Помимо меча алледанец приготовил ещё два кинжала: один повесил на пояс, второй — затолкал под голенище сапога.

Достав меч из ножен, Варион надорвал кровоцвет и провел им по лезвию, выдавливая ядовитый сок. После такой обработки даже неглубокая рана была смертельной. В Западных королевствах кровоцвет было не найти, о чём Химера в своё время очень жалел, зато в Сотторийском крае он приживался чаще.

— Какой сигнал нам ожидать? — спросил Рахт, наблюдая за приготовлениями алледанца.

— Пока не знаю, но вы сразу поймёте.

— Очень на это надеюсь.

Рахт велел приоткрыть ворота гарнизона, и Варион отправился на тёмные улицы Крутого Городища. Двигался он короткими перебежками между заброшенными домами, но

синекожих так и не было видно. Лишь у самой площади парочка асхутов остервенело предавалась страсти, опираясь на старый сарай.

Химера впервые увидел синекожую женщину. Насколько было возможно разглядеть, пропорции у неё были более человеческими, чем у её партнёра. Однако Варион решил, что согласился бы провести с такой ночь лишь в самый «голодный» год.

Не говоря ни слова, алледанец зашёл за спину асхутов. Те были слишком увлечены друг другом и заметили неладное, лишь когда кинжал вспорол горло мужчине и вошёл промеж сизых грудей женщины. Бросив мимолётный презрительный взгляд на останки людоедов, Варион отправился дальше.

Лагерь асхутов расположился прямо на центральной площади. У подножия собора Варион насчитал с дюжину неладно скроенных палаток, между которых горели костры. Кротомский порошок был как нельзя кстати.

Боковой вход в собор кто-то заботливо выломал, и Химера решил воспользоваться именно им. Запах гари внутри был совсем невыносим. Храм горел уже долго: большая часть главного зала выгорела, образы Светоносных и святых обуглились, даже каменные стены пошли трещинами от жара, а потолок местами провалился. Собор уже нельзя было спасти.

Варион смочил кусок тряпки водой из фляги и обмотал лицо. Дышать стало легче. Обнажив отравленный клинок, Химера перебежал через пепелище и вошёл в боковое помещение, где обычно готовились к службе священники. Стены комнаты были покрыты пятнами крови, но трупов Варион не увидел.

На верхний уровень собора вела узенькая каменная лестница. Огонь сюда ещё не добрался, хотя дыма хватало. Голова Химеры закружилась, а глаза начало резать.

Согнувшись в три погибели, Варион протиснулся сквозь крошечный проём и оказался под самой крышей храма. Отсюда шаткие деревянные ступеньки вели в центральный купол, где висели могучие колокола. Ступать приходилось с осторожностью: пол то и дело норовил провалиться.

Химера открыл поясную сумку. Кротомский порошок он поделил на четыре равных мешочка. Взяв один из них, алледанец поднёс к промасленному фитильку горящую спичку. Огонь медленно задвигался по верёвке, подходя всё ближе к взрывоопасному порошку. Варион бросил мешок во внешнюю стену: туда, где проходила самая крупная трещина и где перекрытия уже совсем истлели.

Не дожидаясь взрыва, Химера забрался в главную звонницу и извлёк второй мешок. К нему он, кроме фитилька, привязал верёвку подлиннее. Варион поджёг заряд, раскрутил его над головой, словно пращу, и запустил через окно точно в один из костров синекожих.

Взрывы произошли почти одновременно. Раздался грохот, затем громкий треск, брызнул фонтан из битого камня. Перекрытия не выдержали и рухнули, а вслед за ними, подняв облако дыма и пыли, обрушился фасад собора.

Второй заряд вспыхнул в самой гуще синекожих. Взрыв раскидал брёвна, камни и палатки вокруг себя, огонь перекинулся на остальные строения. Нелюди в панике пытались разобраться, что случилось, и в результате загорались сами.

Варион довольно смотрел на учинённый им хаос, пытаясь высмотреть в общей толпе Юральфа, но видел лишь синекожих. Один из них, самый огромный, тщетно пытался потушить шатёр ударами грозного молота.

Химера рассмеялся, не глядя нащупал привязанную к языку колокола верёвку и повис на ней всем телом. Медная махина начала медленно раскачиваться. Язык ударил по куполу

колокола и от получившегося звона голова алледанца едва не лопнула. В ответ издали протрубил рог. Гарнизон откликнулся на сигнал.

— Держитесь, детишки! — заорал во весь голос Варион. — Химера идёт по ваши души!

Глава 18

Отряд из восьми синекожих отправился к рушащемуся собору. Они ожидали увидеть что угодно, но только не Вариона с мечом в правой руке, кинжалом — в левой, и огнём в глазах. Он жаждал того, чем занимался всю сознательную жизнь. Убивать.

Первым же рывком Химера пронзил сразу двоих врагов. Ловко уйдя от атак остальных, Варион вспорол плечо одного из них отравленным мечом. Асхуты попытались обступить его со всех сторон, и алледанец закрутился в эдаком смертельном вихре, уклоняясь от клинков синекожих и тут же отвечая собственной атакой.

Даже не вспотев, Варион побежал дальше, к палаткам. Двое нелюдей с копьями попытались его встретить, но Химера прыгнул вперёд и оказался слишком близко для их атаки. Пробив шею одного кинжалом, он бросил бьющееся в агонии тело под ноги второго и добил того решительным ударом.

Варион ворвался в крытый шкурами шатёр, когда синекожий, не успевший даже надеть кольчугу, пытался выйти наружу. Отправив асхута обратно пинком в грудь, алледанец налетел на него и вскрыл бледный живот. Сзади раздалось шипение. Вовремя заметив движение сбоку, Химера успел уйти от яростной атаки синекожей.

Та оскалилась и вновь занесла заляпанный кровью тесак, но Варион, заблокировав её руку кинжалом, вогнал меч между туго обтянутых кожей рёбер. Асхутка не умерла и, захлёбываясь густой тёмной кровью, медленно осела на пол шатра. Мучительную смерть от яда кровоцвета можно было избежать, только посыпав рану кротомским порошком.

— Где пленные? — взревел Варион, приставив кинжал пульсирующей жилке на шее синекожей. — Где они!?

— Сдохли, — прошипела та в ответ, скаля острые зубы. — И ты сдохнешь.

— Говори! — алледанец нажал на клинок. Синяя кожа под ним натянулась.

— Ничего тебе не скажу, seike! Лучше умру.

— Конечно, умрёшь, — Варион зловеще улыбнулся. — Вопрос в том, как. От меча и быстро? Или от яда? Вы, наверное, знаете про кровоцвет. Да-да, тот самый. Ты хоть раз видела, что бывает с теми, кто им травится? Я вот видел, и зрелище, конечно, незабываемое. Кожа покрывается пятнами, глаза краснеют, сосуды лопаются. Каждый грёбанный сосуд в теле. Ты захлебнёшься кровью, деточка. Сдохнешь, если я не обработаю твою рану. А обработаю я её, только если ты скажешь, где вы, мрази, держите моего друга.

— Soise khelen! — выругалась слабеющим голосом асхутка.

— Увы.

Варион выпрямился и увидел на входе в шатёр синекожих-воинов, пришедших на крики. Он их ждал.

Рука моментально нашла в сумке мешочек с перемолотым дымным листом. В него для нужного эффекта надо лишь было добавить немного кротомского порошка и соли. Об этом Химера позаботился ещё в гарнизоне.

Мешок разорвался под ногами влетевших внутрь асхутов и палатку вмиг заволокло

непроглядной пеленой. Варион по памяти метнулся к стене шатра, разрезал её и вылетел на улицу.

В лагере царил паника. Синекожие небольшими кучками искали врага, и одной группе не посчастливилось его найти. Химера легко и свободно уходил от прямолинейных атак, за долю секунду продумывал, куда ударить, и наносил разящий укол в слабые места гаальтской брони нелюдей.

Лишь с самым стойким пришлось повозиться. Асхут не только парировал удар Вариона, но и сам ответил достойно. В жаре битвы Химера не заметил, насколько глубоко туповатый меч врага вошёл ему под ключицу. Сделав ложный выпад, он спровоцировал нелюдя на ещё одну атаку, и тут же расправился с ним.

Отбиваясь от синекожих-одинок, Варион отправился к центру площади, где когда-то стояли торговые ряды. Костры здесь горели через каждые десять метров и совсем не ради освещения: в темноте асхуты видели гораздо лучше людей.

Над каждым костром к высокому шесту было привязано по человеку. Химера почувствовал неприятную резь в пустом желудке при виде обгоревших останков. Все до единого были, судя по остаткам экипировки, солдатами гарнизона. Никого, похожего на бродячего воина из Новоградской Республики. С улиц Городища раздались звуки битвы: гарнизон пришёл на помощь.

В самом центре лагеря Варион увидел целый ряд клеток с узниками. Асхутские стражники сбились в кучку немного в стороне от пленных и что-то обеспокоенно обсуждали на Речи Старых Холмов. Стояли прямо в паре метров от костра в человеческий рост. «Ошибка, — подумал алледанец. — Одни ошибки».

Отойдя как можно дальше, Химера запустил кротомский порошок в самое сердце костра. Волной жара Вариона отбросило на остов торгового павильона. Порошок, выданный Рахтом, взрывался гораздо сильнее привычного. Насколько знал алледанец, вещество становилось опаснее со временем. Запасам гарнизона, видимо, был не один год.

Гул в голове утих, и Варион смог подняться. Куртка его была разодрана на груди и плечах, а правая штанина оказалась вспорота от колена до бедра. Раны можно будет обработать позже. Сейчас не до боли.

Все узники в клетках были местными, кроме одного. Юральф, покачиваясь, держался за прутья и пытался высмотреть что-то в тлеющем пепелище на месте взрыва. Варион перешагнул через разорванные тела синекожих и подошёл к новоградцу. На лица сама по себе появилась улыбка.

— Живой всё-таки, — констатировал Химера.

— А ты и не рад? — говорил Юральф будто через силу.

— Меня не так-то просто порадовать, если у тебя нет сисек, — алледанец вспомнил о Семаре. — Тебя, видимо, тоже.

— Твоя работа? — новоградец кивнул на рухнувшую стену храма.

— Я тут вспомнил, что мне в такой заднице помог чокнутый маг, подорвавшийся на площади. Решил, что тебе может так не повезти, и взял судьбу в свои лапы.

— Ладно, хватит болтать, а то синекожие вернутся. Ломай замок и выпускай нас.

— Мне, значит, место на эшафоте, а тебя сразу выпускать?

— Варион, не сравнивай палец с х...

— Ладно-ладно.

Решив не возиться с отмычками, Химера подобрал топор, которым был вооружен один

из сгоревших асхутов, и рубанул по замку. Юральф, пошатываясь, выбрел из клетки и хрустнул шейей. Выглядел он неважно: фонари под глазами, посиневший свёрнутый нос, неровная щетина на щеках.

— Ты будто год в плену сидел, — уколол Варион товарища, разламывая замки соседних клеток.

— Свою-то рожу видел? — без тени обиды парировал Юральф. — Куда синекожие делись?

— Видимо, бьются с гарнизоном.

— Нужно им помочь.

— Тебе-то? — Варион освободил последнего пленника. — Ты на ногах еле стоишь. Нет уж, лучше пережди здесь.

— А мы вот пойдём! — вызвался один из узников, долговязый усатый вояка. — Мужики, подбираем оружие синешкурых и айда наших выручать!

— Держись подальше от зарубы, — попросил Варион Юральфа. — Встретимся, как всё утихнет.

— Хорошо, но вы осторожней. Есть там один амбал с кувалдой, Рехтскал. Сильная тварь.

Бой на подступах к лагерю разгорелся не на шутку. Застигнутые врасплох асхуты несли огромные потери и пытались сгруппироваться, изредка контратакуя. При виде освобождённых однополчан, ведомых Варионом, койвцы ещё пуще воспряли духом и принялись зажимать нелюдей в кольцо.

Всё изменилось, когда из темноты показался второй отряд во главе с тем громилой, которого Химера заприметил ещё со звонницы. Взмахнув до неприличия гигантским молотом, он раскидал сразу троих солдат и разmozжил голову одного из них. «Стало быть, Рехтскол. Приятно познакомиться»

Два фронта слились и теперь Варион оказался в самой гуще. Воины Рехтскала были более умелыми, чем стражники в лагере, и едва не насадили алледанца на мечи с первых же секунд противостояния. Химера с трудом отбился, пригнулся от рубящего удара и сумел вогнать кинжал промеж лат одного из них.

Вытащить оружие оказалось куда сложнее. Завыв, словно животное, асхут наотмашь ударил Вариона эфесом и рукоять выскользнула из нерабочей руки алледанца. Синекожий попятился и повалился на землю с кинжалом, так и торчащим из живота.

Решив не тратить время, Варион оставил его и ринулся сквозь сражающихся. Кто-то из нелюдей весьма кстати подставил ему неприкрытую спину и тут же получил клинок под лопатку. Атаку другого Варион сумел отбить, но ответные действия предоставил подоспевшим узникам. Его цель была другой.

Рехтскал воистину внушал ужас. Ростом его был как полтора Вариона, а кувалда и того больше. Окружившие его койвцы не решались приблизиться и, напротив, отскакивали всякий раз, когда синекожий исполин вновь поднимал молот. Вариона размеры асхута пугали меньше, чем их. В былые времена он без страха принимал любой заказ, не взирая на размеры, мощь и статус цели. Сейчас требовалось то же самое. «Работёнка-то для ассасина».

Тяжёлый молот в очередной раз обрушился на гравий, и Химера на выдохе атаковал. Наступив на рукоять кувалды, он ударил мечом по шее асхута, но клинок лишь скользнул по латному вороту. Рехтскал зарычал и сбросил Вариона со своего молота. Солдат гарнизона сделал рывок вперёд, но тут же получил удар встречным курсом и рухнул без чувств.

Отдышавшись, Химера зашёл на Рехтскала сзади и сумел полоснуть его по ноге: лезвие вошло точно в зазор между бедром и голенью. Предугадав направление ответной атаки, Варион отскочил и тут же поймал асхута на противоход. Алледанец вложил в удар ногой весь свой вес, и синекожий отшатнулся назад, едва не падая.

Трое Койвцев воспользовались тем, что Рехтскал потерял равновесие и одновременно атаковали. Копьё одного из них застряло в наплечнике и надломилось, а мечи остальных лишь горестно звякнули о нагрудник. Издав мощный рёв, исполин обрушил увесистый кулак на лицо пикинера. Раздался хруст.

Химера решил, что Рехтскал продолжит разбираться с надоедливymi солдатами, но недооценил своего врага. Синекожий подловил алледанца в момент, когда тот уже был в прыжке и без замаха ударил. Варион насколько смог изменил положение в полёте и молот просвистел у него перед носом, выбив из рук меч.

Рехтскал довольно ухмыльнулся и сделал шаг, явно намереваясь прикончить Химеру, но раненная нога асхута подогнулась, и трёхметровая туша с грохотом оказалась на земле. Верзила приподнялся на руках. Лицо его выражало отчаяние.

— Что, устал? — спросил Варион, борясь с одышкой.

— Не чувствую ногу, — почти пожаловался Рехтскал. В его жёлтых кошачьих глазах читалось недоумение и даже страх.

— Так это, должно быть, яд. Что, непривычно быть на земле, громила? Ладно тебе. И не таких убивал.

— Тебе конец, бледношкурый, — прохрипел асхут. — Я тебя раздавлю.

Рехтскал поднялся на четвереньки собрался встать, но тут же получил в лицо от ворвавшегося в битву Юральфа. От удара синекожий завалился на спину и беспомощно раскинул руки.

— Надо было тебя размазать, — сказал асхут новоградцу.

— Всё честно. Я тоже даю тебе шанс умереть в бою.

Юральф вытащил застрявший в наплечнике Рехтскала наконечник копья и до упора вогнал его в глазницу асхута. Синекожий громила даже не бился в агонии: он был не в силах пошевелиться под тяжестью своих доспехов.

— Ты же обещал оставаться в стороне! — возмутился Варион.

— И ты поверил? — Юральф болезненно улыбнулся. Было заметно, что каждое движение причиняет ему боль. — Кто-то же должен был повалить его. Без меня бы не справились.

— А то как же! Я его уже отравил вообще-то.

— То-то он болтал без умолку.

Потеряв командира, синекожие совсем расклеились. Воины гарнизона быстро загнали их в кольцо и с лёгкостью перебили, оставив лишь пару пленников и одну пленницу. Последнюю со вполне очевидным замыслом.

— Таки сработало! — крикнул Варион Рагомиру.

— Сработало, — подтвердил комендант, сняв полушлем. — Жаль только, что мужики полегли. Но хоть, это самое, не зря. Побили мразей. Неповадно остальным синезадым будет. Только вот хрень ещё какая есть...

— Что случилось?

— Мы, когда с Рахтом решили, что биться надобно, госпоже чародейке ничё не сказали. Чую нутром, что она ой-ой-ой злая будет.

— Семару предоставь нам, — Варион улынулся. — Вернее, моему другу. Он по таким мастер.

— Рассказывайте.

Верховная чародейка ждала в центре гарнизонного двора, скрестив руки на груди, так и норовящей выпасть из не до конца запахнутого халата. В свете факелов тёмные глаза Семары выглядели зловеще. Юральф, Варион, Рагомир и шестеро солдат остановились в паре шагов от неё.

— Я жду, — грозно настаивала чародейка.

— Мы победили, — устало сказал Юральф.

— А вы чего же, госпожа, не спите-то? — спросил Рагомир, почёсывая бороду. — Время-то позднее. Или уже раннее?

— Тяжело спать, когда за стенами взрываются соборы и идут бои, — прищурившись, ответила Семара. — Сколько твоих людей погибло, Рагомир?

— Шестерых насчитал, — после короткой заминки ответил комендант. — Ещё двое сильно ранены.

— И всё из-за тебя, Варион, — волшебница гневно посмотрела на алледанца. — Все шестеро на твоей совести. Ты начал это безрассудное...

— Подожди-ка! — возразил Химера, вскинув руки. — Рагомир, дружище, сколько твоих людей вернулось из плена?

— Десять наберётся, — с удовлетворением подсчитал комендант.

— Десять! — повторил Варион. — Да ещё и синекожие разбиты. Командир убит, выжившие разбежались или в плену. Не стоит, чёрт его дери, благодарности!

Не желая оправдываться, Химера зашаркал прочь и скрылся в дверях казармы. Глядя ему в след, Юральф усмехнулся.

— Ты его недооцениваешь, — голос понемногу возвращался к новоградцу. — Он однажды отправился в цитадель Тёмного народа, чтобы спасти товарища, а ты хотела, чтобы его отпугнули синекожие?

— Я не хотела никого пугать, — не согласилась Семара. — Мы бы так или иначе освободили вас поутру.

— Как знать, — Юральф пожал ноющими плечами. — Промедли вы ещё час, мою голову расквасил бы вождь Рехтскал.

— Что сделано, то сделано, — вмешался Рагомир положив правую руку на Юральфа, а левую — на Семару. — Не будем раздумывать, чего было бы. Мы ж выиграли, и каждый из шести померших мужиков знал, на что шёл. Они были готовы умереть хоть сотню раз ради победы.

— В таком случае, мы отправляемся в путь, — решила Семара. — Незачем более медлить.

— Ты шутишь? — возмутился комендант. — На паренька посмотри! Он только из плена: избитый, некормленный, непоеный. Дай хоть Рахту его осмотреть. Айда, выпьем у меня в палатах.

Из кабинета Рагомира открывался отличный вид на догорающий собор. Все пять куполов уже провалились вместе с крышей, и от здания осталось лишь с две с половиной стены да груда камней вокруг. Площадь у подножия храма то и дело озаряли вспышки.

— Сейчас-то надо выпить, — порешил комендант, достав из-под стола запотевшую бутылку с мутноватым напитком. — Самогонка наша, Рахтова. И победу отметим, и мужиков помянем.

Рагомир ловко, словно не бился час назад с толпой озверевших нелюдей, разлил самогон по затёртым металлическим стаканам и поводил одним из них вокруг ноздрей. Прodelал он это с элегантноcтью знатного винодела, оценивающего новый урожай.

— Спасибо, что пришли на помощь, — произнёс Юральф. Жгучая выпивка вошла в горло совсем не гладко.

— Друга своего благодари, — отмахнулся Рагомир. — Кабы не он, хрен бы мужики в бой пошли. Не верили они в него. Зато только увидели, как собор подрывается, поняли, что всё серьёзно. Товарищ твой рвал и метал, когда тебя утащили. Думал, черепушку мне вскрыет со злости.

— Его эмоции могли погубить остатки гарнизона, — Семара выпила свои полстакана, даже не поморщившись. — Я не могу понять, как ты вообще согласился на его затею, Рагомир. Даже со мной не посоветовался!

— Потому что в людей надо верить, госпожа чародейка, а не как у вас в столицах принято, — комендант налил себе самогона до краёв. — А уж советы по военному делу мне от вас не нужны. Простите, конечно.

Дверь в кабинет распахнулась и ударилась о стену. Караульные выхватили клинки, но увидели лишь взъерошенную Паулину в лёгком ночном халате.

— Я слышала про бой, — обеспокоенно заявила девушка.

— Это откуда же? — исподлобья поинтересовалась Семара.

— Я рассказал, — в комнату вслед за Паулиной вошёл Рахт. — Вы-то, Рагомир, понятно, почему дам не предупредили. А вот вас, дорогая чародейка, я не понимаю. Зачем же держите девочку в неведении? Неправильно это.

Семара не нашла, чем ответить, и лишь слегка виновато посмотрела на Паулину. Ведьмина дочь насупилась и прошла в середину кабинета.

— Выпить не желаете? — Рагомир услужливо подвинул свой стакан на край стола.

— Где Варион? — Паулина оставила коменданта гарнизона без внимания.

— С ним всё в порядке, — поспешил успокоить девушку Юральф. — Ему уж точно лучше, чем мне.

— Тогда почему он не здесь? Он ранен, да? Я знаю, что ранен.

— С чего ты это взяла? — не понял новоградец.

Паулина молча дёрнула завязки своего халата и приоткрыла верх груди. Достаточно, для того, чтобы самогон пошёл Рагомиру не в то горло. Справа, чуть ниже выпирающей ключицы колдуньи, Юральф увидел багровое пятно, сильно выделяющееся на бледной коже.

— Мне приснилось, что Варион сражается с синекожими и что его ранили, — поведала Паулина. — А когда проснулась, почувствовала боль и увидела это пятно.

— Если бы я не знал, что ты всё это время спала, то сказал бы, что пятно похоже на рану от меча, — озадаченно сказал Юральф. — Но ты мне поверь: Варион жив и сейчас отдыхает в бараке. Он здорово выложился.

— Я хочу его увидеть.

— Ты уверена? — настороженно уточнила Семара. — А он тебя тоже хочет видеть?

Глядя на напряжённые лица волшебниц, Юральф заметил некоторую недомолвку и решил, что должен увидеть Вариона в самое ближайшее время.

— Мы уйдём из Городища через несколько часов, — сменила тему верховная чародейка. — Так что, если ещё хотите спать, сейчас самое время ложиться. Рагомир, что стало с сельским головой и начальником порта?

— Портового хрен знает, — комендант икнул. — А вот старосту нашего синешкурые одним из первых казнили. А вам они зачем вдруг нужны?

— У нас была договорённость. Четыре лучших скакуна и запас провизии, чтобы добраться до долины Дейна. Похоже, выполнять договор придётся тебе.

— Во как? — Рагомир выпучил глаза. — Лошадей-то ладно, чёрт с ними, дам. А жрать нам же самим нечего.

— Получается, ты отвечаешь отказом на запрос из княжеской канцелярии?

— Прошу прощения, госпожа, — вмешался Рахт. — Наш гарнизон уже выделил вполне достаточно ресурсов для вашего отряда. Мне даже пришлось отдать последний кровец и кротомский порошок тридцати четырёх лет выдержки. Слышали же, как собор рванул? Со свежим так бы не вышло. Вы же представляете, сколько нынче стоит порция столь старого порошка? Не верите? Так спросите господина Вариона.

— Хорошо, — сдалась Семара. — Тогда только лошади. Юральф, ехать сможешь?

— Тело болит как сука, — пожаловался новоградец.

— Вылечи его, — оживилась Паулина. — Ты же говорила, что можешь.

— Попробую, — ответила чародейка после нескольких секунд размышления. — Если он сам не против.

Юральф не очень понимал, о каком виде лечения говорили колдуньи, но был готов даже втереть немного хрена себе в причинные места, лишь бы снова чувствовать себя нормально.

Семара велела новоградцу следовать за ней и отправилась в тесноватую комнатку этажом ниже. Старая двуспальная кровать занимала тут почти всё пространство. Шкапулка с Сердцами Пламени выглядывала из-под остальных сумок, сложенных под крошечным окном.

— Раздевайся и садись на кровать, — приказала Семара.

Слегка недоумевая, Юральф снял пояс и принялся расстёгивать свою кожанку. Спустя пару минут борьбы с неподатливыми заклёпками и ноющими мышцами, он бросил куртку и нижнюю льняную рубаху в угол комнаты и упал на кровать.

— До конца, — потребовала чародейка, склонив голову набок.

— Да мне, в основном, вот тут досталось, — Юральф аккуратно провёл ладонью по расплывшемуся на полгруды лиловому синяку, а затем — по перебитому носу.

— Ты как маленький, — Семара легко и непринуждённо скинула халат, оставшись совершенно нагой. — Даже не слышал про таких магов, как я? Мы, Вашшункары, не только усиливаем способности других, но и помогаем восстановить силы. Через близость. Ты не волнуйся: я к этому привычна за столько лет. Ничего личного.

— Варион бы оценил, — Юральф с неожиданной для себя ловкостью справился с завязками штанов. — Он ведь тоже немало сил отдал.

— Не заслужил он, — чародейка подошла к новоградцу, и его нос уткнулся ей в живот. — И, кстати: то, что я к этому привычна, не значит, что мне не должно понравиться.

Рана на груди Вариона начинала гноиться. Он с трудом припоминал, когда асхуты

успели её нанести, и надеялся, что нелюди не додумались смазать клинки ядом. Химера высыпал на ладонь немного кротомского порошка из последнего мешочка. Прodelьвать это приходилось в перчатке: иначе порошок забился бы в мельчайшие порезы на руке, вызывая невыносимую боль. Лишних мучений Варион хотел избежать.

— Я думала, ты в бараке, — Паулина всё-таки смогла к нему подкрасться.

Химера пожал плечами. Воздух в бараке был слишком спёртый и смердел потом, поэтому он предпочёл заняться раной во дворике около конюшни.

— Что там Семара? — безразлично спросил Варион.

— Велела готовить лошадей. Скоро выходим в Долину.

— Ну и чудно, — Химера кивнул. — Слишком тут воняет.

Паулина обошла алледанца и нависла над ним. На лице девушки читалось неприкрытое беспокойство.

— Всё хорошо? — промолвила она. — Я могу подлечить. Не как Семара, конечно, но попробую.

— Обойдусь по старинке, — отказался Варион. — Магия — это хорошо, только вот к хорошему быстро привыкаешь. А я этого себе позволить не могу.

— Не только этого, видимо, — припомнила Паулина случившееся на стене. — Не хочешь поговорить?

— Я же всё сказал.

— Я помню. Не хочешь «марать меня своим дерьмом». Как мило с твоей стороны. Вот только я дерьма никакого не вижу. Ты пошёл за Ардуком в горах, один напал на лагерь синекожих сегодня... Не оставил меня на пожарище родного дома. Не знаю, что там с тобой было раньше, но меня это совсем не волнует. Сейчас ты другой, хороший человек.

— Паулина...

— Даже Юральф уже с этим согласен. Ты один никак не перестанешь жить прошлым.

— От такого прошлого тяжело избавиться.

— А ты пробовал? Семнадцать лет я жила вне этого мира, а теперь именно ты открыл его мне. Ты мой мир, Варион. Именно ты. Прости, я не буду сейчас от тебя ничего ждать. Просто подумай. Просто дай себе шанс... Я пойду собираться. Скоро выходим, не забудь.

Химера склонил голову и молча слушал, как удаляются шаги колдуньи. Ему хотелось вскочить и побежать вслед за ней, догнать, расцеловать. Он почти поверил в то, что она говорила. Но он не был хорошим человеком. Он был наёмным убийцей, никогда не переставал им быть. Всё, что ему хотелось, это получить заказ на самого себя. Такой конец подошёл бы лучше всего.

Мысли опять вернулись к посольскому кварталу Койва, просторной комнате на втором этаже. Каждый день с того момента Химера начинал с того, что судорожно искал вокруг себя записку со следующим именем, гадал, кого ещё ему придётся убить. Для себя алледанец точно решил, что, если одним из имён не станет «Демесер Сольтес», он сам позаботится о черговском княжиче.

Щепотка порошка по-прежнему лежала на ладони, сливаясь с бурыми кожаными перчатками. Крепко стиснув челюсти, Варион втёр порошок в сочащуюся гноем рану. Грудь будто бы загорелась, от боли потемнело в глазах, а в ушах словно по новой забил соборный колокол.

«Терпи, Химера, — подумал он. — Это меньше из того, что ты заслужил».

Глава 19

Великий князь Геровен повелел каждому при дворе быть счастливым. Никакие обстоятельства его не смущали, и он требовал беспрекословного подчинения, так что койвские вельможи натянули на разномастные лица улыбки разной степени фальшивости и принялись имитировать бурное веселье.

Ульмер занял своё место на возвышении в дальнем конце увешанного золотом Соборного зала кремля. Стол перед ним был весь завален яствами: от лосося с Большого Севера до цельнозапечённого козла с острова Восхода, а на запивку предлагались лучшие сорта вина с личных угодий алледанского короля. Пир для гостей, не входящих в высшие слои койвского общества, был чуть скромнее, но всё же оставался вопиюще дорогим для столь тяжёлых времён.

Глойт не чувствовал себя счастливым, вопреки приказу князя, хотя по идее должен был плясать от радости. В конце концов, именно его родная дочь обручилась сегодня с наследником Койва.

Послы, купцы и мелкие князья обступили молодых, как только те вошли в Зал. На бедную Шеалу, не привыкшую к такому вниманию, сразу же обрушилась лавина вопросов о её прошлом, об отце, о том, как она снискала расположение Геровена. Вальдон изо всех сил старался оградить невесту от излишней любви подданных и отвечал им сам. Ульмер отметил, что княжич был настоящей копией своего отца, разве что без бороды. Хотя злым языкам и это не мешало распускать слухи, будто Ауда нагуляла ребёнка где-то на стороне.

— До чего прелестная пара, — произнёс старший казначей Витий, нависнув над Ульмером. — Ваша дочь — просто красавица.

— Благодарю, — сухо ответил Глойт.

— Честное слово, будь я моложе, очень завидовал бы юному княжичу. Сейчас-то я уже сам счастлив в браке.

Ульмера передёрнуло, когда он представил Шеалу с необъятным Витием. Собственная жена казначея, напротив, отличалась сухим сложением, зато её роскошным усам завидовала мужская половина Койва.

— Вижу, моя компания вам не мила, — подметил Витий очевидное.

— Вас это так удивляет?

— Нисколько. Очевидно, раз мы до сих пор не стали друзьями, этому случиться и не суждено. Возможно, дело в вашем низком происхождении, как знать?

Ульмер пропустил колкость мимо ушей.

— В таком случае, господин старший советник, вам действительно ближе по духу Его Высочество Сейд Михель и ему подобные.

Не дождавшись какой-либо реакции, помимо одиночного кивка, Витий покатился прочь, едва не столкнувшись с шедшим ему навстречу мужчиной в изящном камзоле из чёрного бархата, покрытым сетью серебряных узоров. Его длинные лощёные волосы ниспадали на широкие дворянские плечи. За мужчиной вразвалку шло двое стражников: в отличие от других солдат на пиру, их лица были полностью скрыты под латными шлемами.

— А вот и отец юной княжны, — голос гостя был ещё холоднее его ледяных глаз.

— Именно, — Ульмер поджал губы. Демесера Сольтеса он до этого встречал лишь однажды.

— Большая честь присутствовать здесь, — продолжил княжич Чергова. — К сожалению, здоровье моего отца в последнее время совсем ни к чёрту, поэтому сам он приехать не смог.

— Не смог или не захотел?

— И то, и другое.

Демесер замолчал, и Ульмер взглянул на его спутников. Фигуры солдат были крайне схожи, но всё-таки отдельные детали их отличали: один носил накидку с не самым частым для местной геральдики изображением кота, а на поясе — необычный клинок на восточный манер; на груди второго замерла змея в боевой стойке, а мечей у него было сразу два.

Мимо в это время прошествовала группа вельмож из Даверра, отчего Демесер заметен напрягся. Это южное княжество род Сольтес открыто возненавидел с тех самых пор, как прервалась правящая там династия и новым правителем стал иноземец Маркус Форлейн.

— Чудесное всё-таки празднование, — на выдохе произнёс наследник Чергова, зловеще прищурившись. — Столько народу со всего княжества собралось вместе. Все пьют, веселятся... словно бы и нет никаких проблем за стенами кремля. Вы согласны, Глойт?

— Веселье полезно, — Ульмер пожал плечами. — Нельзя же всё время сидеть и сетовать на судьбу.

— Нельзя, — кивнул Демесер. — Но вот веселье уже не так ощущается.

Теперь и Глойт вынужден был согласиться. Тяжело было от всей души веселиться вместе с князьями и вельможами, которым он парой дней ранее отправил срочное распоряжение о подготовке к возможному военному положению.

— Интересно вы, должно быть, себя чувствуете, — продолжил Демесер. — Могли бы вы подумать, что когда-нибудь станете отцом великой княгини? Нет? Вот и я тоже.

— Чего вы хотите? — Ульмер поднялся, скрипнув стулом. — Если вы ждёте моих извинений за то, что мою дочь выбрали вместо вашей сестры, этого не будет. Не я принимал решение. Я об этом вообще не думал, пока Его Величество мне не сказал.

— Мне от вас ничего не надо, — Демесер положил бледную руку на плечо Глойта. — Просто беседую со старшим советником князя, только и всего.

— В таком случае, считайте беседу оконченной.

— Как скажете, — княжич было развернулся, но тут же остановился и взглянул на Ульмера. — А вообще, эта свадьба по-настоящему отражает положение дел в Койве. На всех границах пахнет войной, казна пустеет, народ голодает и бунтует, а в столице играют свадьбу наследника престола и безродной простачки.

Ульмер заскрипел зубами и с трудом удержался, чтобы не плюнуть в след наследнику Сольтесов и его бравым солдатам.

— Всё хорошо, начальник? — Коросар подоспел из соседнего помещения, где для стражников вроде него предлагались более взрослые развлечения.

— Бывало и лучше, — признал Ульмер. — Но ничего страшного. Другого я и не ждал от Сольтесов.

— Это ж каким уродом надо быть, чтоб даже на пиру шлем не снимать? — Коросару явно хотелось помериться силой со стражей Демесера.

Разрешив летарцу вернуться к выпивке и девкам, Ульмер спустился с помоста и

отправился в середину зала. Вальдон отвёл основную толпу гостей в сторону, а Шеала в это время о чём-то ворковала со своей матерью и княгиней Аудой.

— Всё хорошо, дорогая? — заботливо спросил Ульмер у дочери.

— Конечно, папа!

Радость Шеалы была почти осязаемой. Придворные портные облачили её в фиалковое платье удивительной красоты, ворот и манжеты которого были украшены целой россыпью разноцветных камней. Девочка словно разом повзрослела лет на пять.

— Не верю своим глазам, — язвительно бросила Мира. — Сам старший советник решил уделить время своей семье?

— Не будьте с ним так строги, — шутливо призвала высокая златовласая Ауда. — Я же знаю, как требователен бывает мой муж к работе. Случается, мы его неделями в палатах не видим.

— Надеюсь, у вас всё хорошо? — Ульмер изо всех сил старался избавиться от неприятного осадка после общения с Витием и Демесером.

— Лучше всех! — заявила Шеала. — Я думала, князья они все... Ну, страшные. Оказалось, всё по-другому. Только вопросов мне много задают про то, как я росла... А что я скажу? Я же из простой семьи...

— Это не должно тебя расстраивать, милая, — Ауда ласково обняла невестку. — У меня было похожее прошлое.

— Вот как? — Ульмер не так много знал о супруге своего князя.

— Конечно. Родилась я в Повске, переехала сюда с отцом. Местная знать разбушевалась, когда Его Величество Ардвин решил женить своего дорогого Геровена именно на мне. Ничего, привыкли. Привыкнут и к тебе, Шеала... Кстати, господин Глойт, мой дорогой муж хотел бы с вами поговорить. Он сейчас на балконе.

— Немедленно отправлюсь к нему, — решил Ульмер.

В подтверждение своих слов, Глойт стремительно покинул Соборный зал и отправился на любимый княжеский балкон. Днём с него было отлично видно проходящую чуть правее Белую галерею, а после сумерек можно было насладиться умиротворяющим созерцанием ночного койвского Посёлка.

Героуен стоял, облокотившись на мраморные перила, и зачарованно смотрел на яркие огни порта. Стража, дабы не беспокоить государя, отдалилась на почтительное расстояние, но глаз с него всё-таки не спускала.

— Ваше Величество? — Ульмер для приличия изобразил подобие поклона.

— Хер там был, — Героуен развернулся и отхлебнул прямо из хрустального графина, прихваченного со стола. — Какое Моё Величество?

— Всё в порядке?

— А ты как думаешь? Вот скажи, Ульмер. Я только что выдал своего единственного сына за прекрасную дочь замечательного человека. Тогда почему я ни хера не рад?

— Потому что это безродная дочь простолюдина, который чудом выучился в княжеской школе и попал в Совет?

— Чудом? — Героуен горько рассмеялся. — Ты попал туда потому, что, когда твой старик помер, ты не прокутил всё наследство и не пошёл разгружать обозы за гроши. Ты вложил деньги с умом и получил за это полагающуюся награду. Если хочешь, зови это чудом.

— Тем не менее, вы расстроены.

— Я не расстроен, дружище. Я просто не чувствую, что рад, хотя и приказал всем

натянуть свою самую убедительную улыбку и поздравлять молодых, — князь протянул Ульмеру графин с вином.

— Возможно, всё из-за ваших приказов о военном положении, — предположил Глойт, жестом отказавшись от напитка.

— Вероятном военном положении, — поправил Геровен. — Да, наверное, дело в этом. Я же не дурак, что бы обо мне ни говорили. Раванское ханство ударит в любой момент, и мы должны быть готовы. Ещё и летарцы со своими демаршами... Нам нужны друзья.

— И где же мы их найдём?

— Там, где надо было искать с самого начала. Напиши великому князю Феодану, что я согласен встретиться с ним в Ярополе.

— Вы уверены? — Ульмер не мог не переспросить. — Чекетулай с радостью нападёт в момент, когда князя не будет в Койве, а народ подумает, что вы убегаете от опасности.

— Пусть народ думает, что хочет. Я, в конце концов, не обязан ни перед кем отчитываться. Мне решать, как будет лучше для страны, и я намерен отправиться в Ярополь со своей семьёй. А что касается Чекетулая... На его месте я бы не стал нападать, когда есть возможность, что койвский князь вернётся вместе с яропольской армией и напомним Равану вкус сотторской стали.

— Когда вы намерены отправиться в путь?

— Через неделю, может две. Надеюсь, ты не против, чтобы Шеала поехала с нами?

— Она же теперь княжна.

— Превосходно. Кстати, в моё отсутствие ты будешь главенствовать в Малом совете.

— Но...

— Замолчи, дружище. Замолчи и отправляйся отмечать свадьбу своей дочери, — Геровен притворно нахмурился. — Это приказ.

Ардук сквозь сон ощутил ласкающий запах свежей выпечки и расплылся в улыбке, не открывая глаз. Так пахли только расстегаи, которые его мать пекла каждый первый день нового месяца. Ни один из встретившихся ему во время странствий трактиров не мог предложить ничего подобного. Аромат расстегаев ушёл вместе с детством Ардука.

Сделав глубокий вдох, гаальтец сел на жёсткой койке и открыл глаза. Движения давались ему легко. Жар, коптивший его изнутри, исчез, как исчезла и ноющая боль, растекавшаяся с груди по конечностям. Воодушевившись, Ардук встал на ноги впервые за несколько недель.

Дом Янека и Индилы за ночь изменился до неузнаваемости. Тёмные, местами заплесневелые, стены посветлели и очистились, на полу появился плешивый ковёр, а сама кровать словно сузилась вполовину. Услышав за приоткрытой дверью знакомые шаги, Ардук напрягся. Он узнал этот дом. Дом, в котором он жил до того, как ушёл в войска.

На кухне собралась почти вся семья Кройц. Мама Элла, не постаревшая ни на день с того момента, как Ардук последний раз её видел, три её дочери и малыш Лесс. На добела выстиранной скатерти громоздились блюда с расстегаями и ватрушками. Два стула пустовали.

— Ну наконец-то встал! — воскликнула Элла при виде сына. То, что он из

пятнадцатилетнего парнишки превратился в настоящего мужчину, её совсем не заботило. — Садись давай! Большого гостя ждём.

— Какого ещё гостя? — Ардук занял место рядом с матерью.

— Старик один. Тебя ищет.

В дом вразвалку вошёл человек с лицом Янека Вермейера, но без его привычной хромоты и потасканной дорожной мантии. Семья Кройц дружно начала уплетать пироги, и разодетого в свободный меховой плащ гостя, казалось, совсем не заметили.

— Здравствуй, Ардук, — старик сел на последний свободный табурет.

— Янек? — гаальтец ничего не понимал.

— Нет, не он, — пришелец недобро улыбнулся и покачал головой. — Я лишь решил, что в таком образе буду тебе более привычен.

Ардук попытался выцепить взглядом хоть какое-нибудь оружие, но ни лука, ни даже ножа в их доме не наблюдалось.

— Ты расслабься, — призвал лже-Янек. — Я тебе зла не желаю.

— Кто ты такой? — стиснув зубы, спросил Ардук.

— Ты же знаешь меня, — гость прищурил серые глаза, в глубине которых мерцал холодный голубой свет.

— Согхерон?

Семья продолжала свою утреннюю трапезу, словно не было за столом ни их блудного сына, ни воплотившегося в теле старика короля Вороньих гор.

— Я умер? — тихо спросил гаальтец.

— С чего бы это? — Согхерон искренне удивился.

— Эта болезнь...

— Болезнь? — Тёмный поднялся на ноги. — Это не болезнь, а дар! Я не мог иначе достучаться до тебя, уж пойми. Ты ведь по-прежнему хочешь стать королём?

Ардук не ответил. Горло распирали болезненные комы. За последние пару недель он уже смирился с тем, что вскоре сгинет в небытие, когда на деле ему было суждено не просто жить. Он мог стать королём.

— Тогда сделай, что должен.

Голос Согхерона ещё долго эхом разносился по ледяной темноте, враз обступившей Ардука. Гаальтец почувствовал, что куда-то проваливается и, резко дёрнувшись, открыл глаза. Стены почернели, на них вернулась плесень, на месте ковра вновь оказались прогнившие доски. Не вернулась лишь боль.

Сев на край кровати, Ардук хрустнул шеей и размял затёкшие плечи. Сердце билось медленно, но каждый его удар отдавался гулом по всему телу. Гаальтца охватило ледяное спокойствие.

Из одежды на нём были лишь протёртые льняные брюки: не самый подобающий вид для того, чтобы стать королём. В тусклом ночном свете, пробивавшемся через старые пыльные занавески, Ардук нашёл свои скромные пожитки, заботливо сложенные Юральфом в углу комнаты.

Вдохнув почти забытый запах варёной кожи, рейнджер надел рубаху, плотные брюки и тугую куртку, которую подпоясал ремнём с ножнами. С благоговейным трепетом подобрал свой лук, провёл пальцем по тугой тетиве. Закинув за спину полупустой колчан, Ардук вышел в пустой коридор.

Тяжёлое дыхание Янека заглушало шаги гаальтца, спускавшегося по лестнице. Ардук

опасался встретить на кухне Агату, но монахиня, должно быть, давно уже спала. Или молилась. В последнее время она слишком часто говорила со Светоносными, и рейнджер догадывался, что молилась она о спасении его души.

Увидеться с Индилой Ардук не боялся. Старушка редко разговаривала и совсем не вмешивалась в дела гостей Янека. Она бы вряд ли подняла шум при виде чудом исцелившегося гаальтца.

Ардук скучал по свежему воздуху и был рад вновь очутиться в объятиях прохладной весенней ночи. Ветер нежно поглаживал его обросшую голову, как бы приветствуя в своих владениях. Порывы, однако, были недостаточно сильными, что помешать стрельбе.

В десятке сажений, пошатываясь, шёл местный забулдыга. Он то и дело останавливался и оглядывался по сторонам в поисках родного дома. Правда, добраться до своей постели ему было не суждено. Достав стрелу, Ардук натянул тетиву и прикрыл один глаз. Пьяница как по заказу упал на четвереньки и прочистил желудок прямо посреди улицы.

Стрела свистнула в ночном воздухе и жадно впиалась в цель. Мужик отрывисто хрипнул и завалился лицом прямо в лужу собственной рвоты. Не задерживая на нём внимания, Ардук прицелился вновь, на сей раз выстрелив в окно дома напротив.

Стекло звонко разлетелось, разбудив спящих обитателей. Приготовив третью стрелу, гаальтец про себя отсчитывал мгновения до появления на улице хозяев дома. На «двенадцати» из дверей вылетел взъерошенный молодой парень с молотком в руке. В последний момент он дёрнулся, и стрела вошла чуть ниже ключицы.

«Только страданий добавил себе», — безразлично подумал Ардук.

Второй парень, вышедший из дома, был куда осторожнее. Стрела так и не попала в него, лишь обиженно звякнув наконечником о дверной косяк. Гаальтец ничуть не смутился и, подойдя поближе, пустил ещё одну в темноту. Из дома раздался отчаянный крик.

Улица разом оживилась. Люди повысовывались в окна, словно не боясь получить стрелу в глаз, а со стороны городского центра послышался гулкой топот вперемешку с лязганьем железа, что возвещало о прибытии стражи.

Стрел осталось всего две. Одна, пущенная второпях, просвистела мимо солдат и скрылась в темноте, зато вторая поразила одного из койвских стражников прямо в грудь. Откинув в сторону ставший бесполезным лук, Ардук вытащил из-за пояса короткий меч и рванул навстречу солдатам.

Первый же его удар оказался заблокирован. Один из стражников заломил правую руку гаальтца, в то время как второй точным пинком под дых выбил стрелка из равновесия. Под весом Ардука рука разорвалась острой болью, но он всё же сумел пнуть первого солдата по колену.

Выругавшись, стражник перехватил гаальтца за воротник куртки и швырнул оземь. Солдаты решили не церемониться. Выхватив меч, один из них склонился над Ардуком и вогнал острое лезвие ему под рёбра. Стрелок ждал боли, но ощутил лишь холод и обиду. На том свете ему никак не стать королём.

Дрожащей рукой он нащупал рану. Кровь мощными толчками выплёскивалась из-под пальцев на старую, но очень качественную кожанку. Ардук ждал обещанного Света, но видел лишь густую темноту, из глубины которой на него смотрела пара холодных глаз.

— Я держу свои обещания, — сказал Согхерон. — Ты станешь королём.

Глава 20

К северу от Асхат-Равана Рамул впервые в своей жизни испытал холод. После почти трёх дней езды верхом по нагретой солнцем степи небольшой отряд, состоящий из жаждущего служить Неопалимого, невозмутимого Корвена, прекрасной Эхелии и шестерых грозных стражников, вошёл в северные провинции. Об этом возвестили старинные развалины замка, мало напоминающего дворцы Равана.

Ветер здесь был другим. Дул он не с моря, а со стороны непаханных полей, пронизывая лёгкие одеяния путников и заставляя кожу дрожать и сжиматься. При всей своей стойкости к огню, перед холодом Неопалимый оказался бессилён.

Вскоре на склонах изрезавших степь холмов появились первые леса. Над верхушками необычных раскидистых деревьев кружили серые птицы, издававшие противные скрежещущие звуки. Рамул ещё никогда не был так далеко от Огненной земли, но почему-то чувствовал, что находится дома.

Дорога долго петляла среди редких перелесков, пока на вершине очередного холма не показался город, обнесённый бурой глинобитной стеной. Из-за укреплений виднелся лишь один бошохар. Корвен, правда, повёл отряд не к воротам города, а в раскинувшийся вокруг холма лагерь.

Приблизившись к шатрам, один из солдат поднял на высоком древке флаг с изображением золотого степного орла — символ ханской власти. Стражники лагеря, в свою очередь, вывесили штандарт с чёрной змеёй — боевое знамя армии.

Корвен с видом бывалого пустил коня среди шатров, выглядывая при этом кого-то в толпе снующих вокруг раванцев. Солдаты, конюхи, оружейники и даже проститутки с нескрываемым любопытством пялились на безволосого чужака в красном плаще. Видимо, о прибытии Неопалимого их предупредили.

Рамул и без Корвена знал, куда идти. Все проходы между палаток сходились на небольшой площадке у огромного шатра, прошитого золотыми нитями. Занавешенный шёлковым полотном вход охраняло с десятков одинаковых бойцов с блестящими на солнце глефами.

Спешившись, Корвен о чём-то потолковал с одним из стражников, и тот скомандовал остальным открыть проход в шатёр. Рамул проследовал за сотторийцем в тёплый полумрак. Вдоль изгибов стен горели масляные лампы, а в самом центре тлела жаровня в форме чаши.

Эсхетул восседал на высоком троне в окружении своего гарема. Одалиски были все как на подбор: с длинными светлыми волосами и аккуратными круглыми личиками. Из одежды ханский сын пожаловал им лишь переливающиеся багрянцем ожерелья.

— Мой старый друг Неопалимый! — прокричал Эсхетул, подпрыгнув на троне. — Ну надо же! Мы тебя уже ждали! Наконец-то будет, чем порадовать папочку.

— Ваше Высочество, — Корвен рухнул на колени и пригнул голову. — Господин Чекетулай не будет присутствовать?

— Отец отбыл по своим делам, — многозначительно ответил ханский сын. — Здесь я за старшего.

— Когда я могу его увидеть?

— Когда он этого захочет, — Эсхетул грозно прищурился и перевёл взгляд на Рамула. — Тем не менее, отец крайне обеспокоен тем, как всё сложится сегодня. Не стоит его подводить.

— Что от меня требуется? — Неопалимый испытывал необычайный прилив верности. Подвести великого хана он не мог. — Я готов ко всему.

Эсхетул удовлетворённо кивнул.

— Ты хорошо подготовил его, Корвен. Пойдём, друг. Покажу тебе наше сокровище.

Ханский сын ловко спрыгнул с трона и отправился в дальний конец шатра. Рамул и Корвен поспешили следом в сопровождении стражи.

Площадка за шатром была вся покрыта слоем сажки. На ней воины Раванкханата образовали круг, в центре которого стоял чёрный покрытый рунами сундук, словно вырубленный из скалы. Рядом с ним громоздилось с полдюжины обугленных до неузнаваемости тел.

— Чёрт меня дери! — выругался Корвен сквозь накрывшую лицо ладонь.

— О да! — Эсхетул, напротив, глубоко вдохнул. — Невероятная мощь. Годаранцы не обманули нас, когда велели быть осторожными.

— Что там такое? — тяжело спросил Рамул. Даже издалека он ощущал пульсирующую энергию, исходящую от ларя.

— Ты любишь сказочки, друг? — туманно произнёс Эсхетул. — Я был третьим сыном моего папеньки, и занималась мною его третья жена. Она была не самой красивой, зато самой толстой. А ещё она знала кучу разных сказок. Одна из них мне особенно понравилась. Рассказать?

— Конечно, — почему-то Неопалимый понимал, что выбора у него на самом деле не было.

— Много лет тому назад далеко на Севере, где сейчас Годаранская империя, правил Ледяной народ. Они были огромными великанами, чьи кулаки крушили горы, а дыхание замораживало моря. Люди тогда жили в страхе в своих крошечных царствах на берегу моря, а Ледяной народ то и дело нападал на них, забирал всё самое ценное и рушил всё остальное. Так и остался без родителей и без крова мальчик по имени Геодон. Великан разрушил его дом и убил его семью, а вот самого ребёнка он не заметил. На обломках своей крыши Геодон отправился в плавание по морю. Однажды его вынесло на берег, и он принялся странствовать. Вскоре встретился ему могучий Дух Огня. Дух увидел всё, что мальчик пережил и решил помочь бедняге. Двенадцать лет он обучал его тайнствам магии в тёмном лесу, пока Геодон, наконец, не был готов. Парень выстрогал себе посох из коры тысячелетнего дуба, в который Дух Огня вложил всю остававшуюся у него силу. С этой силой Геодон вернулся в родное королевство. Он обратил Огонь против Ледяного народа, растопил гигантов и их царство, отомстил за свою семью. И с тех пор стали люди править этой землёй, а Геодон стал их королём. Когда пришёл время ему умирать, он спрятал посох глубоко в горах и сказал, что обладать им сможет лишь тот, чей огонь столь же ярок и горяч, как был его собственный.

Эсхетул замолчал и облизал губы, не спуская узких чёрных глаз с Рамула.

— То есть это всё правда? — удивился Неопалимый. — Посох...

— Да-да, — сын хана энергично закивал. — Посох есть, сила в нём, видимо — тоже. Вопрос в том, как этой силой овладеть. Уж не знаю, правда ли Геодон растопил ледяных гигантов, но мощь посоха... Велика.

— Насколько велика? — спросил Корвен настороженно.

— Эй, ты, со сломанным носом! — резко прикрикнул Эсхетул на невысокого солдата с саблей. — Иди-ка сюда. Покажи гостям, что может посох.

Солдат испуганно замер и посмотрел сначала на командира, а затем на обугленные останки вокруг каменного сундука.

— Ты хочешь, чтобы я повторил? — вкрадчиво продолжил Эсхетул. — Тебя что, шакалам скормить?

Что-то в голосе молодого хана заставило солдата подчиниться. Он отбросил саблю и тяжело потопал к артефакту. Остановившись в шаге от ларя, он опустил голову, горько вздохнул и схватился за посох.

Крик воина разнёсся по всему лагерю и устремился дальше в степь. В мгновение ока его худенькое тело охватил тёмный огонь. Тонкий подкожный жир враз прогорел, обнажив чернеющие кости солдата. Он успел посмотреть на собственные тлеющие рёбра прежде, чем замертво упал рядом со своими товарищами.

Рамул заворуженно смотрел как догорает пламя меж обугленных костей. Он не испугался. Его не тошнило. Он лишь с восхищением наблюдал, на что же способен столь могущественный артефакт. Другие маги Огненной земли могли только мечтать о таком.

— Здорово, правда? — Эсхетул вновь облизнулся. — Теперь ты, дружище. Покажи, какой ты Неопалимый.

Вся тяжесть ситуации разом упала на плечи Рамула. Со стороны мощь посоха восхищала, завораживала, но мысль о том, чтобы самому прикоснуться к нему, заставляла сердце то биться чаще, то замирать. Но он не мог подвести новых господ. Неопалимый он или нет?

Широкими шагами Рамул пересёк площадку и прикоснулся к ларю. На ощупь чёрный камень был холодным и едва заметно дрожал. Или это дрожали руки мага? Мысленно стряхнув все сомнения, Неопалимый заглянул внутрь.

Посох Геодона и правда был похож на ветвь старого тёмного дерева, над которой поработал искусный мастер. Многочисленные линии переплетались в причудливые узоры, поверх которых были в ряд нанесены древние руны, каких в общине Огненной земли Рамул не видал.

Чародей поднёс дрожащую ладонь к посоху и задержал дыхание. В голове мелькали образы того, как он, обгорев до костей, падает рядом с ещё дымящимися останками солдата ханской армии, но остановиться он не мог. Великий хан ждал его успеха.

Едва Рамул схватился за посох, вокруг него закружился огненный вихрь. Языки пламени вырывались из чёрного дерева и обхватили тело мага, подожгли его мантию, но ему самому вреда не причинили. Огонь словно принял его за друга, крепко обнял и даже аккуратно поцеловал в лоб.

Озарив всё вокруг яркой вспышкой, весь огонь вдруг сжался в одну точку, где-то в груди Рамула. Он выпрямился и вдохнул побольше воздуха. Он чувствовал в себе силу, которая раньше была ему неподвластна. Пламя Геодона теперь горело в нём.

Гордо усмехнувшись, Рамул прошествовал обратно к Эсхетулу. Ему нравилось ощущать на себе испуганно-восторженные взгляды солдат, но гордый вид ханского сына доставил ему куда больше удовольствия.

— Воистину неопалимый, — произнёс чародей. — Готов служить, мой господин.

— Теперь ты для них как какой-то бог, — заметила Эхелия, прохаживаясь по вечернему

лагерю вместе с Рамулом и Корвеном.

— Какой-то? — уточнил Михель, снисходительно глядя на раванскую красавицу. — Он стал для них воплощением Солнцеликого на грешной земле. Тем, кто обратит его всепоглощающее пламя против врагов.

Рамул усмехнулся. Его крайне забавлял вид солдафонов, слуг и шлюх, едва ли не падающих ниц, когда он проходил мимо, деловито опираясь на посох Геодона. Бойцы испугано поглядывали на чародея, покорившего столь могущественный артефакт, а женщины то хватались за лицо, то пытались признаться ему в любви.

— Да будет так, — решил Рамул, покрепче сжав пульсирующее древко посоха. — Я не подведу его.

Ближе к окраине лагеря троица остановилась на большой площадке, которую охраняла целая дюжина солдат. В центре её стояла массивная железная клетка, внутри которой яростно метался огромный, в полтора человеческих роста, зверь, похожий на льва, вставшего на задние лапы и отрастившего кожистые перепончатые крылья. Стражники отточенным движением поднимали копыя каждый раз, когда зверь пытался вскрыть железные прутья своими гигантскими когтями.

— Это ещё что? — проговорил Неопалимый.

— Оружие, — незаметно подкравшись из неоткуда, пояснил Эсхетул. — Мы ведь не были уверены, что всё получится с посохом и перестраховались.

— Мантикорой? — уточнила Эхелия со смесью страха и восхищения в голосе.

— Найти их не так просто, — продолжил ханский сын. — Они ведь живут далеко на Юге, за океаном. Да и не так их много в мире. Пришлось попотеть нашему отряду. Сколько там она уложила? Человек двадцать точно. Заклинания их почти не берут, а шкура прочная, как пять бойцовских кожанок. А когти-то! Когти видели? Вскроет любую сотторийскую кольчугу.

— Двадцать человек, значит, — повторил Корвен. — А сколько полегло ради посоха?

— Ещё больше, — Эсхетул пожал плечами. — На первых двадцать мы действительно рассчитывали, а потом мне стало просто забавно. Забавно смотреть, как каждый из них испуганно шёл вперёд, при этом надеясь, что именно он станет тем самым, кто обуздает пламя... И сгорал. Так было, пока не пришёл ты, Рамул.

— Я с самого начала знал, что справлюсь, — соврал Неопалимый. — И не подведу Ваше Сиятельство.

— Не Наше Сиятельство важно не подвести, — отмахнулся Эсхетул. — А Солнцеликого. Он на тебя надеется... Давай же проверим, на что ты теперь способен.

— Каким образом?

— Седлайте лошадей.

Четверть часа спустя троица вместе с ханским сыном покинула лагерь и отправилась на Север, к самой границе Раванкханата. Вскоре они достигли холма, склон которого упирался в широкую реку, в которой Рамул сразу узнал Гавалу. Спешившись, Эсхетул ткнул пальцем в медленно идущее по реке судно с одной единственной мачтой.

— Вот туда! Чей там флаг? — прищурившись, пробормотал он. — Томания? Замечательно! Заряжай.

— Это мирное судно, — озабоченно добавил Корвен. — На нём даже военных нет.

— Вот. Туда, — отрывисто повторил Эсхетул, раздувая ноздри.

Сделав три тяжёлых шага вперёд, Рамул поднял посох Геодона и направил его на

ползущий по Гавале корабль. Энергия, вышедшая из него, прошла через артефакт и взмыла вверх потоком обжигающего пламени. Огонь по широкой дуге ушёл вниз и накрыл корабль. Парус вмиг обратился в пепел, а палуба запылала. Раздался крик, люди бросились в воду, но и там они продолжали гореть. Даже Гавала была не в силах потушить пламя Геодона.

Пустыми глазами Рамул смотрел, как прах корабля развевается по ветру. Эхелия отвернулась и накрыла лицо ладонью, Эсхетул торжествующе оскалился, а Корвен положил тяжелую ладонь на плечо чародея.

— Не говори ничего, Михель, — отстранённо произнёс Неопалимый. — Ра: Солнцеликий велит, так и будет.

Он верил в то, что говорил, но где-то глубоко, на задворках сознания, лишь на одно мгновение вспыхнула мысль: «Во что же вы меня превратили?»

Глава 21

«Как далеко мы уже зашли», — подумал Варион, пришпоривая чубарого скакуна из Крутого Городища. Мокрая после дождя дорога резко уходила вниз, по склону зеленеющих холмов, а на горизонте уже поблёскивал извилистый рукав Дейна.

По обе стороны тракта тянулись заросли вязов и тополей, среди которых журчало множество ручейков, а среди стволов то и дело виднелись озера. Степные ароматы ласкали обоняние, и солнце уже стало по-настоящему тёплым.

Паулина, привыкшая с детства к холодным северным ветрам, оказалась совсем не готова к южному солнцу. Вся истекая потом, выглядела она измученной. «А ведь лето ещё не началось», — с сочувствием подумал Химера, глядя, как девушка, сидя на одной лошади с Семарой, осушает свои запасы воды.

— У меня всё, — сдавленно пожаловалась колдунья, потрясывая пустой флягой.

— Мы ведь уже набирали воду сегодня! — раздражённо напомнила верховная чародейка. — Нам осталось меньше, чем полдня пути. Почему бы не собраться с силами и...

— Я тоже устал, — соврал Варион. Сил, как и воды, у него было в достатке. — Смотри, сколько вокруг озёр. Надо отдохнуть.

В поисках поддержки Семара взглянула на Юральфа, но тот лишь безразлично пожал плечами.

— Хорошо, отдохнём, — сдалась верховная чародейка. — Но недолго.

Сойдя с дороги, отряд повёл лошадей между покрытых молодой зеленью деревьев, прямо к бегущему в узкой ложбинке ручью. Спешившись, Варион размял плечи и услышал знакомый хруст в шее, означавший, что «хребет встал на место», как часто говорил его знакомый костоправ из Басселя. Химере не хватало этого хмурого усача, чьи грубые руки могли поставить его на ноги даже после самого сложного задания.

— Аккуратнее, — одёрнула Семара Юральфа, когда тот слишком, как ей показалось, небрежно положил на землю рюкзак с Сердцами Пламени.

Новоградец лишь снисходительно улыбнулся и кивнул. После побоища на Городище Семара пребывала в исключительно гадком настроении, и Варион с Юральфом даже не пытались это изменить. Одна Паулина то и дело старалась растормошить верховную чародейку, но добивалась лишь неловкого молчания.

Пока молодая колдунья умывалась и наполняла флягу под тяжёлым взглядом Семары, Химера предложил товарищу по оружию немного пройтись. Юральф охотно согласился: видимо, ему самому хотелось ненадолго оказаться вне поля зрения чародейки.

Осторожно ступая по влажной земле, бойцы углубились в чащу и оказались на берегу мутно-серого озера, поросшего камышом. Обнажив меч, Варион размашистыми движениями порубил несколько тугих стеблей, чем вызвал недовольство товарища.

— Сейчас лезвие же затупишь, — Юральф покачал головой. Он всегда относился к оружию с трепетом. — Приберёт бы для врагов.

— Так не видно врагов-то, — отмахнулся Химера. — Расслабься, пошли занырнём.

— Вода грязная, — новоградец поморщился. — Раны не зажили, а я не хочу чего-нибудь

подхватить.

— Кротомского порошка втереть не желаешь?

— Ну уж нет.

— Славно. Он всё равно закончился.

Скинув всю одежду в неаккуратную кучу, Варион осторожно зашагал по илистому дну, разгоняя руками водомерок. Озеро ещё не успело прогреться, и приятно остужало саднящие конечности. Оказавшись на глубине по пояс, он задержал дыхание и нырнул в мутные воды.

— Если водожор нападёт, я тебя выручать не буду! — притворно пригрозил Юральф, едва мокрая голова Химеры показалась на поверхности.

— С водожором-то я справлюсь, — ответил Варион. — А если кикимора появится — там и сам помрёшь.

Юральф лишь усмехнулся.

— Присоединяйся! — ещё раз позвал ассасин.

— Подожду до вечера, — вновь отказался новоградец. — Уж в Ордене-то точно купальни есть.

— Если нас туда ещё пустят, — Варион пожал торчащими над водой плечами. — С кремлём-то помнишь, как было?

— Мы и не в кремль идём, а Семара — это не Янек. При всём к нему уважении.

— Как, по-твоему, они там? Живые? — Варион намекал на Ардука.

— Так просто их не возьмёшь.

— Сам что думаешь? Что будем делать после Ордена? Вернёмся в Койв? — Химера по пояс вышел из воды.

— Я не уверен, что наш отряд ещё в принципе существует, — горько признал Юральф, осторожно садясь на скользкий берег. — И непонятно, что там с этой войной. Отдадим мы эти Сердца, а дальше? Оставить их чародеям? Паулину-то они тоже так просто не отпустят. Если они правы насчёт её способностей, кому как не ей, совладать с этими камнями?

— Я могу попробовать, — не совсем в шутку предложил Варион. — Взрыв устроить много ума не надо.

— Взрыв? — переспросил Юральф. — Значит, ты поддерживаешь Семару?

— Конечно, — Химера решительно кивнул. — Зачем вся эта морока с подпиткой чародеев, которая ещё может и не получиться, если можно разом нанести сокрушительный удар.

— Как Янек и Кромвур тридцать лет назад, — добавил Юральф с лёгким недоверием.

— Именно. Семара предлагает ударить по Асхат-Равану, а значит нужно, чтобы кто-то этот камень туда незаметно доставил и рванул. Поверь, я для этого просто идеально подхожу. Пусть целая столица врага станет моим последним заказом. Хоть что-то хорошее под конец сделаю.

— Хороших дел у тебя хватает, — не согласился Юральф. — К тому же, что хорошего в том, чтобы сжечь целый город невинных людей?

— Невинных людей, которые несут войну.

— Как раз-таки тех, кто несёт войну, в городе не будет: они все будут на передовой. Останутся лишь женщины, дети, старики... И те, кому эта война не нужна.

Варион задумался, не забывая при этом разгонять жуков-плавунцов.

— Наверное, ты прав. Но прав и Янек. Сегодня — Койв, завтра — все остальные. И что тогда будет с нашими женщинами, детьми, стариками? Им нужна эта война?

— Вот только нет у тебя ни женщины, ни кого-то ещё, Варион. Так что не заморачивай голову.

— Я же в целом говорю...

— Слушай, — Юральф поднялся. — Сейчас для меня главное — добраться до херова Ордена вместе с Семарой и не перебить друг друга за полдня.

Едва он замолчал, за его спиной зашелестели ветки и на берегу озера показалась верховная чародейка.

— Долго ещё вас ждать? — нетерпеливо спросила она. — Мы уже давно готовы.

— Ополоснуться не хочешь? — поддразнил чародейку Варион, плеснув воды на берег.

— Ты там что, голый? — прищурившись уточнила Семара.

— Представь себе, — Химера шагнул вперёд, и под водой осталось только то, что было ниже колен. — Готов поспорить, ты под одеждой тоже голая.

— Одевайся и седлай своего коня. Или не одевайся, всё равно там ничего такого особенного нет.

Семара гордо развернулась и, высоко задрвав тёмно-рыжую голову, исчезла за деревьями. Едва не поскользнувшись на илистом дне, Варион выругался, но всё же выбрался на берег. Наспех обтёршись куском ткани из дорожной сумки, он оделся и отправился к нетерпеливо переминающимся с ноги на ногу чародейкам.

Передохнув и освежившись, отряд с новыми силами отправился вниз по дороге, к Дейну. Весьма некстати набежали облака, закрыв солнце и напомнив не до конца обсохшему Вариону, что лето ещё не наступило.

Двигаясь в полнейшей тишине, Варион искоса посматривал на Паулину, в надежде поймать ответный взгляд, но та лишь устало глазела на виляющий меж холмов Дейн поверх плеча Семары. Вздохнув, Химера пришпорил коня и вырвался вперёд, ощущая на спине буравящий взгляд верховной чародейки.

Деревья плотно обступили дорогу с обеих сторон, сдерживая ветер, но по телу Вариона всё равно пробежал холодок. Он вспомнил истории о хозяйничавших в таких местах разбойниках и, особенно, о таинственном Лесном народе. Долину Дейна называли среди их любимых мест.

— Сука-то! — выругался Варион, в последний момент заметив впереди раскуроченные обломки обоза.

Телега с разбитыми колёсами лежала на боку, вывалив на грязную обочину мешки с овощами и одеждой и стопки бумаги. Пегую лошадь убили точным выстрелом в глаз, а извозчик лежал чуть поодаль, весь наштигованный стрелами с необычным зелёным оперением.

— Чёрт подери, — прокомментировал Юральф, остановив коня рядом с обломками.

— Что случилось? — испуганно спросила Паулина.

— Похоже на Лесной народ, — произнёс Варион, проводя ладонью по зелёному оперению стрел.

— Лесной народ уже много лет не нападает на путников в княжестве Даверра, — отрезала Семара. — Что бы кто ни говорил, Маркус Форлейн смог навести здесь порядок.

— Тогда кто это сделал? — не унимался Варион.

— Какая нам разница? — верховная чародейка махнула рукой. — Давайте двигаться, пока с нами то же самое не случилось.

Едва закончив говорить, Семара дёрнула за поводья и пустила коня в обход обломков, да

при этом так быстро, что Паулина едва не слетела с тёмно-гнедого крупа. Юральф поджал губы и отправился следом. В отличие от Вариона, труп они толком не осмотрели и не заметили зажатого между посиневших губ конверта.

Разжав задубевшие челюсти убитого, Химера вытащил прямоугольник желтоватой бумаги и, прищурившись, прочитал каллиграфически выведенные на нём буквы: «ХАНС ИМЕНУИЛ РОГГОВОР АНДАЙСКИЙ». Ассасин прикусил нижнюю губу и ещё раз пробежался по первым буквам причудливого имени. «Химера, значит».

Окончательно убедившись, что письмо было адресовано ему, Варион сорвал тёмную печать с гербом Черговского княжества. Каким образом конверт оказался во рту убитого на тракте бедолаги, он знать не хотел.

Внутри было два сложенных пополам листа бумаги. На первом кто-то аккуратным почерком вывел послание таинственному господину Андайскому: «Здравствуй, дорогой Ханс Именуил! Надеюсь, дорога не слишком утомила тебя, и ты всё так же полон сил. У нас всё замечательно. Малышка Мария теперь спит крепче, чем когда-либо, благодаря твоим усилиям. Молодчина! Кстати, мой кот по тебе очень скучает. Ты оставил хорошее впечатление после первой встречи. Всего тебе хорошего. Твой главный друг».

Презрительно поморщившись, «Ханс Именуил» разорвал послание Демесера Сольтеса и ключья и поднёс к лицу второй листок. Он уже знал, что увидит там имя. И был прав.

— Магистр Гораций Белевен, — прочитал себе под нос ассасин. — Чародей, значит.

Пока он рассматривал письма, товарищи уже успели удалиться, но Юральф, забеспокоившись, развернул коня и вернулся за другом.

— Чего застрял? — воскликнул новоградец. — Решил ещё и мародёром стать?

— Прости, — Химера поднял правую руку в знак извинений. — Поехали, раз торопимся.

Ассасин оседлал чубарого, которого прозвал Бубенцом, и ринулся вслед за нежелающей больше ждать Семарой. До Ордена оставалось меньше полудня пути, и он знал, что встретит свою новую цель там. Варион лишь надеялся, что магистрами становились старше, чем в двенадцать лет.

Спина Паулины вся затекла за время пути, а пот валил с неё градом, но она не решалась попросить Семару об остановке. Цель была слишком близка.

Дорога ещё немного попетляла по холмам и вскоре вышла к конечной точке странствий отряда. Ряд могучих белокаменных строений, увенчанный могучей башней, выделялся на том берегу Дейна. К Ордену вёл высокий арочный мост, вдоль которого развевались сине-бело-пурпурные знамёна.

— Красотища какая, — оценил Юральф, восторженно глядя на шпиль главной башни, взмывавший ввысь над водами Дейна. — В Республике такого нет.

— Не надо было чародеев гнать, — промолвила Семара. — Без нас вам ума не хватит такое соорудить.

— Куда уж там, — хмыкнул Варион. — Но, вообще, ничего такого особенного, так ведь? Верховная чародейка искоса глянула на алледанца и едва заметно улыбнулась.

— Ускоримся, — скомандовала Семара. — Магистры уже ждут нас.

Троица скакунов галопом прорвалась по вымощенному мосту и резво ворвалась сквозь

заранее открытые ворота прямо во внутренний двор Ордена. Семара остановила коня у ведущих в главную башню ступеней, на которых их встречали не меньше дюжины магов.

Стоящий в центре темноволосый колдун в длинной жёлтой мантии спустился навстречу гостям, опираясь на богато украшенную трость из тёмного дерева. Подвижные зелёные глаза мага пробежались по путникам, а тонкие губы разошлись в улыбке.

— Госпожа верховный чародей, — маг изобразил подобие поклона. — Премного рад вас видеть в нашей общине.

— Полно тебе, Эгдегар, — попросила Семара, изящно соскакивая наземь.

— Это правда, госпожа, — присоединился долговязый колдун с огромной плешью. — Мы давно ждали вашего визита. Для Ордена Дейна большая честь принимать верховного чародея княжества.

— Как это всё мило, — сказал Варион, сойдя с коня и размяв шею. — Как поживаете, господа маги?

— Знали и лучшие времена, — признал Эгдегар. — А вы, стало быть, телохранитель госпожи?

— С таким телохранителем надо нанимать ещё целый отряд, чтобы за ним приглядывали, — съязвил Юральф. — Мы её спутники. Привезли важный груз.

— Да, мы в курсе, — плешивый маг кивнул.

— Когда Альхиор нас примет? — спросила Семара.

— Сначала Его Мудрейшество велел разместить вас в палатах, — Эгдегар подозвал нескольких молодо выглядящих магов в одинаковых серых накидках. — Передайте лошадей послушникам и пройдёмте в ваши покои.

Чародей повёл отряд прочь от уходящей ввысь белокаменной башни, к одному из стоящих позади неё угловатых зданий. Паулина восторженно обернулась на внутренний двор, который кольцом окружали два полукруглых корпуса, упирающихся прямо в главные ворота.

Эгдегар поднялся по широкой мраморной лестнице на верхний этаж и остановился в просторном светлом коридоре. По обе стороны, друг напротив друга, расположились две резные двери гостевых палат. Чародейки отправились налево, а бойцы пошли направо, договорившись встретиться у лестницы через четверть часа.

Их комната, как показалось Паулине, вполне сгодилась бы и великому князю. Стены приятного бирюзового цвета были украшены большими картинами в дорогих золочённых рамах, а пол покрывали пушистые ковры. В центре комнаты стояла широкая кровать с балдахином из белого шёлка.

— Одна, значит, — заметила Семара, скидывая высокие ездовые сапоги и пыльную дорожную мантию алого цвета. — Поместимся, я думаю.

Паулина кивнула и тоже разулась. Ворс ковра мягко ласкал её покрытые мозолями и ссадинами ступни, пока она шла до огромного бархатного кресла, стоящего у покрытого тюлем окна.

— Терпеть не могу ездить верхом, — пожаловалась Семара, расстёгивая обтягивающие кожаные брюки. — Нет в этом никакого изящества. А чародейки должны быть изящными. Мы же не какие-нибудь мужланы-головорезы.

— Я слышала, что некоторые могут перемещаться просто так, с помощью магии. Как ты тогда, у ворот гарнизона, только далеко, — вспомнила Паулина рассказы старожилы дикарской деревни.

— Телепортация, что ли? — Семара издала смешок и стянула с себя поношенную льняную тунику. — Нелёгкое это дело, да и опасное. Очень много энергии тратишь, и при этом всегда есть вероятность, что твоя голова перенесётся вёрст на двадцать дальше тела. Вот и приходится верхом рассекать.

Верховная чародейка в одном исподнем прошла через комнату и достала из своей сумки то самое алое платье, в котором впервые предстала перед отрядом в доме Янека Вермейера. Сорвав ставшую ненужной нагрудную повязку, Семара втиснулась в платье и с помощью нехитрого заклинания разгладила все ненужные складки.

— Ты что, в этом пойдешь? — чародейка с недоверием окинула взглядом Паулину в её потёртой серой тунике и тугих грубых поножах.

— А что такого? Я же не княжна какая-нибудь.

— Милая моя, ты идешь на приём к Высшему магистру ордена Дейна, единственного в Сотторийском крае магического ордена первой степени. Это тебе не какой-нибудь княжеский двор. Тут соответствовать надо. Подожди-ка.

Семара порылась в своих сумках и достала сразу несколько своих платьев. Разложив их на кровати, она деловито поглядывала то на них, то на молодую колдунью.

— Мне вот оно нравится, — Паулина показала на фиалковое платье, расшитое самоцветами.

— Тут грудь нужна, — Семара покачала головой. — Её, конечно, можно сделать...

— Не надо! — Паулина совсем не хотела менять себя магией.

— Дорогая, с такой фигуркой тебе только за Варионом куртки носить. Ты только не обижайся! Я по молодости, например, такой толстой была, что мне учителя не разрешали даже лошадей седлать: боялись, что хребет не выдержит.

— И ты сделала себя красивой? Просто так, магией?

— Совсем не просто. Дело это нелёгкое, но я всегда хотела достичь высот. И внешность должна была соответствовать. Представляешь, если бы я сейчас выглядела на свои семьдесят семь?

— Сколько? — Паулина подпрыгнула. В дикарской деревне единицы доживали до семидесяти. — Это же очень много!

— Как сказать, — Семара пожала плечами. — Высший Магистр тебя и вовсе поразит. Не скажу точно, сколько ему лет, но он застал времена, когда Великое Ханство ещё существовало.

Теперь плечами пожала Паулина. Существование Великого Ханства ей ни о чём не говорило.

— Пора идти! — подорвалась девушка, посмотрев на часы на стене напротив.

— Так и не подобрали тебе ничего, — Семара разочарованно вздохнула. — Ладно, может магистры при виде тебя в этом наряде найдут мантию из местных закромов. Пойдём.

Мраморная лестница белоснежной змеей вилась вдоль внутренней стены главной башни и вела на самый верх. Центром монументального здания была шестигранная колонна, по которой бежал поток воды. Юральф присмотрелся. Вода текла снизу-вверх.

— Зачем такое? — удивился новоградец.

— Затем, что смотрится здорово, — пояснил Эгдегар, улыбаясь во весь рот. — Никакой

практической ценности, но разве вы бы не сделали что-то подобное, если бы могли?

Подъём на верх башни показался Юральфу слишком лёгким — видимо не обошлось без чародейства. Эгдегар привёл четверку путников в просторный круглый зал под крышей, очень похожий по убранству на главную комнату представительства Ордена в Койве.

— Семара, девочка, — прокряхтел древний чародей в мешковатой фиолетовой мантии до пола. — Как давно мы не виделись.

— Надо вам почаще в Койв приезжать, Ваше Мудрейшество, — посоветовала Семара, изящно кланяясь верховному магистру.

— Сама видишь, какой я дряхлый стал.

Альхиор положил ладонь на плечо чародейки. Рукав его мантии задрался, и Юральф увидел, что предплечье магистра было всё покрыто бурыми пятнами, некоторые из которых сочлились гноем. Семара слегка закашлялась.

— Вообще-то верховный чародей Койва мог бы и нанести хоть один визит в Орден Дейна за эти годы, — свысока подметил большелобый маг, чьи седые волосы были утянуты в тугой хвост.

— Полно, Белевен. Никогда не поздно исправить оплошность, — звучно шмыгнув кривым носом, проговорил Альхиор. — Мы рады, что ты прибыла. Давайте начнём.

Чародеи заняли места вокруг овального стола с изогнутыми позолоченными ножками в форме лап хищной птицы и по очереди представились. Заплывший жиром Гораций Белевен сел по левую руку от Альхиора, рядом с невысоким томанийцем по имени Фегер; следом за последним расположилась короткостриженная Даиля, единственная дама среди представителей Ордена. По другую сторону от верховного магистра оказались суховатый рыжеволосый Акдий и высокий статный брюнет Эсмельдор. Эгдегар встал рядом с гостями.

— Показывайте, что у вас есть, — скомандовал Белевен, властно взявшись за ворот своей отделанной мехом мантии.

Семара начала рассказывать магистрам, что — и зачем — она так бережно везла через всю страну, а Юральф в это время расстегнул неподатливые замки рюкзака из плотной кожи и положил на стол с птичьими лапами сокровенную шкатулку Янека Вермейера. Щёлкнув потускневшими замками, новоградец поднял крышку и показал содержимое чародеям.

Маги принялись возбуждённо перешёптываться, не спуская глаз с мерцающих на чёрном дереве камней. Юральф ощутил, как кожу слегка закололо, едва Сердца Пламени оказались на свободе. Он с трудом поборол вспыхнувшее внутри желание схватить один из артефактов.

— Сердца Пламени? — переспросил Гораций Белевен с неприкрытой иронией. — У вас?

— Никто из ныне живущих магов Ордена Дейна не видел их своими глазами, — сказал Эсмельдор. — А вы вдруг нашли столь сильные артефакты, да ещё и сразу два?

— Три, — поправил Варион. Он стоял чуть в стороне от стола, сложив руки на груди. — И нашёл их наш друг. Не мы.

— Где же третий? — спросила Даиля.

В ответ она получила лишь многозначительное молчание.

— Неужели это правда? — словно самому себе сказал Альхиор.

— Правда? — Белевен звучно рассмеялся. — Какие-то бродяги приносят нам пару камней и требуют каких-то действий и ресурсов.

— С нами верховный чародей княжества, — напомнила Паулина.

— И что теперь? Мало ли, что вы ей наговорили.

— Попридержи коней, Белевен, — призвал Эсмельдор. Говор у него был нарочито западный.

— Скажите ещё, что не чувствуете силу камней! — воскликнул Варион, обходя стол. — Даже я, тупоголовый головорез из Западных королевств, ощущаю эту мощь. А уж вы-то? Маги ещё, называется.

— Энергия в камнях действительно есть, — признал скрипучим голосом Акдий. — Мы лишь не торопимся утверждать, что это именно Сердца Пламени. Об их мощи ходят легенды. Откуда мы можем знать, что то, что вы нам принесли, способно на то же самое.

— У нас есть свидетельства, — заявил Юральф. — Вы же спросили, куда делся третий. Мы знакомы с человеком, который его использовал. Так ли сильны эти камни? Спросите у рекальцев, что с ними стало тридцать лет назад.

— «Огонь с небес», — вспомнил Эсмельдор. — Их армия сторела.

— И спалил их отнюдь не Священный Свет.

— И кто же это сделал? — не унимался Белевен.

— Тот, кому хватило безрассудства использовать Сердце Пламени самым варварским образом, — вклинился Фегер.

— Так или иначе, это случилось! — продолжил Юральф. — Сердца есть, они у нас в руках, а значит их надо использовать.

— Допустим, так, — промолвил Эсмельдор. — И что же вы предлагаете с ними делать? Что-нибудь сжечь? В старину сила Сердец помогала чародеям вершить подвиги и сооружать немислимое. Например, эту башню. Что же с ними хотите делать вы?

— Если это Сердца, — напомнил о себе Белевен.

— Мы должны сделать всё, что потребуется перед угрозой Раванского ханства, — Семара сжала руку в кулак.

— А с чего же вы решили, что Орден Дейна захочет вмешиваться? — спросил магистр Белевен, поднявшись со своего места. — Мы являемся частью Койвского княжества лишь территориально. Орден не подчиняется ни Малому Кремлёвскому совету, ни великому князю. Разборки Койва нас мало касаются.

— Да и хан едва ли захочет бросать вызов столь могущественному ордену, — добавил Акдий. — Чекетулай сделает всё, чтобы мы остались в стороне от этой войны. Мы для него опасности не несём, как он сам считает.

— Он всегда будет считать вас угрозой, — не согласилась Семара. — У вас есть представительство в Койве, вы в хороших отношениях со многими князьями...

— Дело не в отношениях, — возразил Акдий.

— Кишка у него тонка идти против нас, — пояснил Белевен.

— А что, если он нашёл способ бросить вам вызов на равных? — загадочно произнёс Юральф. — Что, если он получил артефакт, способный одолеть даже столь могущественных магов?

— Чушь! — прикрикнул Гораций. — Полный идиотизм.

— Он совершил сделку с Годаранской империей и получил нечто могущественное, — заверил новоградец. — И я считаю, что...

— Ты считаешь, — повторил Гораций Белевен. — Позволь спросить, кто ты вообще такой? Как тебя зовут? Откуда ты?

— Меня зовут Юральф Менфольн. Я служил в армии Великой Новоградской

республики...

— Ответь мне на ещё один вопрос, Юральф Менфольн. Почему, по-твоему, один из могущественнейших орденов должен принимать советы о своём будущем от какого-то рядового солдафона из Республики? Напомнить, что Новый Град делает с такими, как мы?

— Угомонись, Гораций, — Эсмельдор заёрзал на стуле. — Очевидно, он больше не представляет интересы Республики.

— Очевидно, он дезертир, — вставил Фегер.

— Давайте не будем опускаться до брани, — заговорил Альхиор. — Семара бы не стала просто так идти к нам из Койва, да ещё и лично. Стало быть, проблема существует. В послании говорилось ещё что-то про Амхура, ведь так?

Семара кивнула и попросила Паулину выйти вперёд. Девушка неуверенно шагнула к овальному столу под недоверчивые взгляды магов Ордена.

— Вот это — Амхур? — уточнил Акдий.

Паулина кивнула.

— Амхур, который «ключ от всех дверей»?

Паулина вновь кивнула.

— Откуда ты, девочка? — спросила Даиля. — Из какой школы?

— Не из школы я, надоели спрашивать! — вспылила Паулина. — Я из лесов Севера, свободных земель.

— Я правильно поняла...

— Северные Дикие земли, — помог Юральф.

Среди магов пробежал истерический хохот.

— Дикие леса? — Белевен не скрывал презрения. — О чём же речь тогда? Она не чародейка, а обычная ведьма!

— Закрой рот, — Варион шагнул к магистру, что-то нащупывая сзади, за поясом. Тот в ответ сложил пальцы в магический жест.

— Прекратить, — неожиданно громко потребовал Альхиор. — Думаю, этого достаточно для одного вечера. Продолжим утром, за завтраком. А пока ступайте в свои палаты! Ужин вам подадут прямо туда.

Маги принялись скрипеть стульями, вставая со своих мест и намекая отряду, что пора уходить. Не дожидаясь Эгдегора, Семара схватила Паулину за руку и отправилась вниз по лестнице. Юральф задержался, чтобы сложить Сердца Пламени в рюкзак, и ушёл последним. На чародеев он старался не смотреть.

В глубине разума новоградца всё настойчивее давала о себе знать мысль: «А что, если они не так уж и неправы? Правда ли это Сердца Пламени? И нужны ли они нам настолько, насколько говорил Янек?»

Глава 22

Варион не спал всю ночь: лишь неподвижно лежал на спине и смотрел на тёмный узорчатый потолок богатой орденской комнаты. Перед глазами застыл образ самодовольного и грубого Горация Белевена. Магистра чародеев Дейна Химера представлял себе совсем иначе.

Белевен не стеснялся в выражениях, критикуя затею Семары, и всячески старался выразить своё пренебрежение заботами простых людей, не посвящённых в тайны Ордена. Остальные магистры были более сдержаны и иногда вовсе казались потерянными.

Особенно Альхиор. Варион вспомнил немощную фигуру старейшины Ордена, егс покрытую струпьями руку. Такие пятна на коже он уже видел ранее, в свои дни на Западе. Так проявлялось действие «русалочьего порошка» — медленного, но безотказного яда. Действовал он далеко не сразу, но и излечиться было почти невозможно. Кто-то решил отравить старика.

— Белевен, без сомнений, — Варион не сразу понял, что говорил вслух. — Метит повыше.

— Чего? — сонно спросил Юральф со своей кровати.

Химера приподнялся на локтях. Погрузившись в свои размышления, он не заметил, как ночь уступила место дню. Сквозь щель между плотными шторами пробивались первые лучи весеннего солнца.

— Как спалось? — как можно более участливо спросил Варион, сев на край кровати.

— Слишком много снов, — поднявшись, пожаловался Юральф.

— Про девок сны-то?

— Если бы, — новоградец пригладил торчащие во все стороны космы. — Видимо, все сны про девок ты себе забрал.

— Не я, — Варион мотнул тяжёлой после бессонной ночи головой. — Но готов поспорить, что это старина Альхиор. Сдаётся мне, он тот ещё извращенец.

Юральф не сдержал смешка, но, повернувшись к двери, тут же им подавился. Семара, стояла в распахнутых дверях, деловито опёршись о косяк.

— Уверю вас, что за две сотни лет жизни Его Мудрейшество насмотрелся достаточно женских тел, — чародейка ехидно взглянула на товарищей. — И во сне, и наяву.

— А некоторые даже стучать не могут научиться в свои годы, — в никуда заметил Варион.

Семара обиженно задрала голову, как бы показывая, что верховным чародеям не престало стучать в дверь простолюдинов.

— Встреча с магистрами продолжится совсем скоро, — холодно продолжила она. — Я отправляюсь в башню, буду ждать там. Дорогу, надеюсь, запомнили?

Юральф кивнул.

— Тогда не задерживайтесь. И не забудьте артефакты.

Чародейка удалилась, излишне громко хлопнув дверью. Варион лишь усмехнулся ей вслед.

— Зачем ты её цепляешь? — спросил Юральф, надевая нижнюю льняную рубашку. — Только всё накаляешь. И так ведь непросто.

— А чёрт меня знает, — Химера щёлкнул шеей. — Поторопиться, значит, надо. Ты хоть умыться успеешь?

— А сам?

— Меня не жди. Я, наверное, подойду, но позже.

— Семара же...

— Ей главное, чтобы камни кто-то донёс. От меня всё равно одни проблемы.

— Варион, — Юральф подошёл вплотную к ассасину и взглянул прямо в глаза. — Ты что-то задумал? Скажи сразу, я...

— Не волнуйся, Юра, — Химера натянул улыбку. — Я расскажу всё, когда увидимся. А теперь умой своё злое личико и беги к нашей вспльчивой госпоже.

Юральф неуверенно отошёл к окну, и Варион отправился прочь из комнаты, до последнего чувствуя недоверчивый взгляд новоградца. С лестницы он сбежал, перескакивая через две ступеньки за раз. Не встретив ни одного знакомого лица, убийца направился в сад, раскинувшийся позади главной башни.

В тени ясеней и вязов неспешно прогуливались маги. Они читали увесистые книги, практиковались в простеньких заклинаниях или просто что-то неслышно обсуждали. Варион окинул сад глазами, выискивая самых неуверенно выглядящих колдунов. Его выбор пал на высокого худощавого паренька с глупой прямой чёлкой, ниспадающей на маленькие глазёнки.

— Здравствуйте, — Химера сделал свой западный говор ещё заметнее. — Могли бы вы мне помочь?

— Я? — парень испуганно посмотрел на Вариона из-под сальных волос. — Что вы хотите узнать?

— Я прибыл из Годаранской империи по одному очень важному вопросу и мне нужно найти магистра Бильфена, знаете такого?

— Бильфена? — молодой маг нервно рассмеялся. — Может быть, Белевена? Такого я знаю. Да его все знают.

— Да. Наверное, он, — Варион кивнул. — Вы знаете, где его покои?

— Знаю, где его кабинет. И всё.

— Этого будет достаточно.

— Он в Северном корпусе, — паренёк ткнул в белое здание, начинавшееся чуть в стороне от башни и полукругом огибающее главный двор. — Как поднимитесь — на второй этаж, там шестая дверь слева. А что за дело у вас с ним такое?

Ответа маг уже не получил. Варион развернулся на месте и стремительно пересёк тенистый сад, лавируя между занятыми учением колдунами. Вернувшись во двор, он убедился, что никто не уделяет ему внимания больше обычного, и нырнул в приоткрытую дверь северного корпуса.

Взлетев по узкой каменной лестнице, Химера оказался в начале длинного мрачного коридора, исчезавшего за изгибом здания. По обе стороны тянулись ряды одинаковых дверей. Варион отсчитал шесть и остановился перед входом в кабинет Горация Белевена.

Задача была простой. Ему нужно было изучить рабочее место магистра, чтобы знать, где и как подготовить засаду. Дальше оставалось лишь дожидаться Белевена после собрания в башне.

Загаив дыхание, Варион правой рукой нащупал спрятанный под кожанкой кинжал, а левой — осторожно толкнул дверь. Едва слышно скрипнув, та открылась, и ассасин вошёл в заполненный древесными запахами кабинет. Вдоль трёх стен была выстроена разнообразная мебель: тумбы, книжные стеллажи, шкафы. У четвёртой же, прямо под окном, стоял массивный письменный стол на позолоченных ножках.

Химера подошёл к столу и изучил нагромождённые на нём листы бумаги, исписанные непонятным почерком, серебряные чернильницы, причудливые перья для письма. Однако, больше всего внимание ассасина привлекла маленькая металлическая коробочка с гербом на крышке. Два меча, соприкасающихся эфесами, колосающиеся поле под ними. Герб Чергова.

Ещё раз обведя взглядом помещение, Варион решил, что спрячется в высоком, до потолка, платяном шкафу, оставит дверь приоткрытой для обзора и в нужный момент выпорхнет наружу с занесённым кинжалом. На мгновение он задумался, как его привычная тактика сработает против магистра чародейского ордена. Из дополнительных средств у него остался лишь мешочек с молотым дымным листом, одиноко лежащий в кармане куртки.

Устав от раздражающего древесного запаха, Варион отмахнулся от кружащей над ним осы и отправился к двери. Лишь уже взявшись за ручку он расслышал мягкие шаги, растворяющиеся в пустоте коридора.

Дверь распахнулась, ударив ассасина в лоб, и недоумевающая фигура Горация Белевена вкатилась в свой кабинет. Близко посаженные серо-зелёные глаза уставились на застигнутого врасплох Вариона. На магистре была всё та же мантия.

— Не жарко, в меху-то? — как бы между делом поинтересовался Химера, шагая назад.

— Ты чего здесь забыл? — грозно спросил Белевен, складывая пальцы правой руки в магический жест.

— А вы не на собрании в башне? — ответил вопросом на вопрос Варион.

— Я заканчивал важную утреннюю встречу и как раз собирался в Магистрат. А вот ты, похоже, не ожидал этого и решил пошариться в моём кабинете. Вот ты оборванец! Сейчас тебя за шкуру приволочу к этой нахалке Семаре...

Повинуясь внутреннему голосу, Варион ушёл в сторону, и уже через мгновение энергетический заряд прошёл воздух в том месте, где только что стоял ассасин. В три отработанных годами движения Химера достал дымный лист, надорвал мешок и метнул его точно между собой и целью.

Чёрная едкая пелена заволокла всю комнату и проникала даже в тело, но нутро и глаза Вариона были к нему привычны. Ударившее его следом заклинание лишь сожгло кожу на плече, но не смогло остановить ассасина. Одним прыжком оказавшись у двери, он остановился в полшага от Белевена, глубоко закашлявшегося от дыма. Вытащив из-за пояса кинжал, Химера полоснул потускневшим от времени лезвием по обрюзгшей шее чародея.

Дымовая завеса окончательно осела, и Варион смог во всей красе увидеть магистра Белевена, распластавшегося на животе в луже крови. Меховой воротник его мантии весь стал багровым. Как в лучшие годы на Западе, сердце Химеры стучало медленно, словно, но гулко, а по спине и рукам бежал знакомый холодок. И лишь внутри, где-то внизу груди, полыхало пламя.

Через открытую дверь Варион слышал, что коридор содрогался от гулких шагов по меньшей мере десятка человек. Все, кто был в северном корпусе, наверняка слышали схватку, пусть и не продолжительную.

Спрятав кинжал, Варион оттащил тушу Белевена в сторону, пинком захлопнул дверь, и,

крепко взявшись за высокий книжный шкаф, обрушил его набок, забаррикадировавшись в кабинете. Поразмыслив секунду, ассасин решил, что умелых магов едва ли задержат подобные деревянные укрепления. Смахнув волосы с глаз, он принялся искать пути отхода. Их у него было немного: лишь два окна, выходящие во внутренний двор.

Когда Варион распахнул оконные створки, первые чародейские стрелы уже прошли дверь вместе со стеллажом, разбросав вокруг щепки и куски бумаги. Запрыгнув на подоконник, Химера обернулся на держащуюся из последних сил дверь и вышел на опоясывающий здание карниз, проходящий точно между первым и вторым этажами.

Карниз был достаточно широким, но, двигаясь по нему, Варион рисковал стать лёгкой мишенью для заклинаний. Пробежав несколько метров, он резко выдохнул и спрыгнул вниз, на покрытую мелким камнем площадку. Ассасин попытался сгруппироваться, как и в старые времена, но колени всё равно отозвались тупой болью при приземлении.

Необычный трюк Химеры привлёк троих чародеев, беседующих у входа в корпус. Переглянувшись, они двинулись в его сторону, но Варион тут же сорвался с места и, борясь с болью в ногах, метнулся в арку, соединявшую северный корпус с южным и служившую главным входом в обитель Ордена.

Вспомнив, где находились конюшни, ассасин завернул направо и скрылся в низком деревянном здании, насквозь пропахшим навозом. Пробравшись через стойла, Варион оказался лицом к лицу с молодым мальчишкой-конюхом. Тот принялся недоумённо озираться, но Химера жестом приказал ему хранить молчание.

— Всё хорошо, у тебя есть несколько минут в безопасности, — раздался сзади низкий женский голос.

Высокая дама в облегающем чёрном платье смотрелась нелепо в тесной загаженной конюшне. Лицо её было вытянутым, с острыми скулами и тонкими чертами: не красавица, но что-то в ней притягивало взгляд. Скорее всего, глаза — прозрачно-голубые, словно веющие холодом льдинки. Насколько Варион помнил, о таких глазах по княжеству ходили легенды.

— Полагаю, ты выполнил свою задачу, — догадалась женщина, не спуская глаз с ассасина.

Химера бросил взгляд на прожжённую на плече куртку.

— Видимо. Ты, я смотрю, в курсе моих дел.

— Дела-то серьёзные. Признаться честно, мой брат не особо в тебя верил. Думал, что магистр тебе будет не по зубам.

Дама на несколько мгновений уставила ледяные глаза на обомлевшего конюха.

— Передай Демесеру, что меня это обижает, — Химера нервно ухмыльнулся.

— Хорошо, — княжна черговская кивнула. — А ты готовь своего коня. Пора тебе уходить. Который твой?

Варион неуверенно ткнул в чубарого Бубенца, недовольно фырчащего в стойлах, и молодой конюх тут же принялся готовить скакуна к езде. Заняло это совсем немного, и вскоре ассасин уже был готов отправиться.

— Счастливого пути, — дама в чёрном низко рассмеялась. — Кстати, Демесер тоже хочет кое-что передать.

Едва уже покинув стойла, Варион замер и обернулся. Княжна протянула ему маленький листок желтоватой бумаги. Выглядел он так же, как и предыдущие два.

— Без отдыха совсем, — вздохнул Химера.

Сделав несколько глубоких вдохов, он взял листок и посмотрел на выведенное посередине имя. Не поверив своим глазам, Варион перечитал несколько раз. Нет. Всё те же три слова, аккуратно написанные тёмными чернилами на плотной бумаге.

— Это невозможно, — отрезал ассасин. — Демесер — полный идиот, если думает, что я это сделаю. Он головой не бился?

— Бился, — княжна пожалала плечами. — Но ты всё равно должен это сделать.

— Хрена с два.

— Сделаешь. Брат предвидел, что ты можешь встать в позу, поэтому велел передать что ставки повышаются. Не справишься — весь ваш отряд будет мёртв совсем скоро. Так что поднапрягись ради них. Ради малышки-колдуньи.

Варион сжал листок в кулаке и седлал Бубенца. Не оглядываясь, он вывел коня наружу и стремглав помчался по мосту. Поднявшиеся по тревоге маги заметили его и бросились следом, на ходу выбрасывая заклинания.

Химера уже почти добрался до той стороны Дейна, когда навстречу ему промелькнула тень. Нечто на огромных крыльях заложило вираж над рекой и обрушилось сверху на чародеев прямо на середине моста. Неведомый зверь оставил без внимания впившиеся в него заклятия и яростно вцепился гигантскими в зубами в глотку одного из магов.

Варион не захотел дальше смотреть, как зверь рвёт молодых колдунов на части. Сглотнув подступивший к горлу ком, он пришпорил коня и отправился прочь от ордена Дейна.

И всё же перед глазами стояла отнюдь не кровавая экзекуция на мосту, а ровный кусок плотной бумаги с аккуратно выведенными тремя словами.

«Великий князь Геровен».

Семара нервно расхаживала по залу, то и дело поглядывая на дверь, в то время как магистры занимались изучением Сердец Пламени. Они водили вокруг камней руками, заставляя воздух вокруг искриться и дрожать. Паулина с интересом следила за их манипуляциями, но всё же побаивалась, что неосторожные движения могут призвать тот самый «огонь с небес».

— Какое же это неуважение! — негодовала Семара, положив руки на талию. — Что он вообще возомнил?

— Варион всегда такой был, — Юральф махнул рукой. — Не стоит думать, что важные дела Койва его изменят.

— Он изменился, — возразила Паулина.

— Видимо, не в лучшую сторону, — добавила магистр Даиля, отвлекшись на мгновение от камней.

— Вы тоже не в полном составе, — заметил Юральф, усмехнувшись.

Паулина вздохнула с облегчением, когда не увидела Горация Белевена в зале Магистрата, и радость её росла с каждой секундой, что толстый магистр не появлялся.

— У Горация на это утро была запланирована некая важная встреча, — пояснила Даиля. — Очевидно, она и стала причиной его задержки.

За окном раздался гул, за которым последовала череда громких хлопков. Паулина решила, что это молодые маги практиковались во дворе.

— Ваше Мудрейшество! — завопил ворвавшийся в зал юный колдун в сером плаще. —

Ваше Мудрейшество! Это срочно!

— Кто же дал вам право вот так врывать на заседание Магистрата? — возмутился Акдий, покачивая рыжей головой.

— Пусть скажет, — одёрнул его Альхиор.

— Магистр Белевен убит! Убит одним из них, — послушник ткнул пальцем в Юральфа.

— Чего-чего? — не понял новоградец.

— Варион... — едва заметно прошипела Семара. — Я ведь знала, что что-то тут нечисто...

— Это правда? — тихо переспросил Альхиор. Ученик кивнул. — Взять их.

По команде маги накинули на Паулину и Юральфа обездвиживающие заклинания. Девушка отлетела к стене и, не в силах пошевелиться, осела на пол.

— Вы хоть понимаете, что натворили? — закричала Семара на своих спутников. — Сколько я терпела эти выходы...

— Её тоже, — Его Мудрейшество показал на верховную чародейку.

— Альхиор! — возмутилась Семара.

— Ты привела их к нам, — напомнил Эгдегар. — Стало быть, ты тоже виновата в смерти многоуважаемого Горация.

— По законам Ордена, наказание ваше будет... — закончить Альхиор не успел.

Краем глаза Паулина заметила, как в окне мелькнула тень и секундой позже огромное нечто, раскинув крылья, ворвалось в зал, а во все стороны разлетелись осколки стекла. Чудище издало оглушающий рёв и кинулось на магистров, не обращая внимание на впивающиеся в бурую шкуру заклятия.

Широко взмахнув передней лапой-крылом с гигантскими когтями, зверь заставил магов броситься в разные стороны, а сам кинулся на бедолагу Фегера, тщетно пытавшегося окружить себя барьером. Отливающие синевой когти без труда прошили магическую преграду и прошлись по животу таманского чародея. Магистр рухнул на спину, стараясь удержать короткими пальцами свои внутренности, так и норовящие выскочить наружу с потоками крови. Зарывав, зверь вцепился зубами в грудь Фегера. Раздался громкий треск костей.

Первым отойдя от потрясения, Акдий сложил руки на груди и прокричал заклинание. Луч ослепляющего света ужалил чудище в голову. Зверь заскулил и, взмахнув кожистыми крыльями, поспешил выпорхнуть через окно. По пути он прошёлся задними лапами по всем, до кого мог достать.

Магистрат замер на несколько секунд. Паулина неподвижно сидела у стены и не могла даже отвернуться от вороха кровавой одежды и кишок, бывшей когда-то чародеем по имени Фегер. Покидая зал, чудище разнесло стоящий в середине стол, и драгоценная шкатулка Янека Вермейера отлетела в дальний угол зала. Сердца Пламени лежали среди кусков стекла, обиженно мерцая.

— Отпустите нас! — завопил Юральф, с трудом пытаясь вдохнуть скованной грудью.

Не глядя на остальных магистров, Эсмельдор поднял правую руку и провёл ей по воздуху, снимая путы с пленников. Кровь с запястья магистра увесистыми каплями шлёпала по деревянному полу.

— Что это было? — не без труда поднявшись, спросил Юральф.

— Мантикора, — зловеще произнесла Семара. Своим видом она не выражала особого

сочувствия чародеям. — Не думала, что они здесь водятся.

— Не водятся. И ты прекрасно это знаешь, — ответил Альхиор с недовольным видом. Ему досталось несильно: лишь синяк наливался на правой щеке. — Кто-то наслал её на нас.

— Не так много народов владеют техникой управления мантикорами, — Эсхельдор покачал головой.

— Например, Говорящие с песками на юге Раванского ханства, — с очевидным намёком добавила Семара.

— Раван столь открыто напал на Орден Дейна? — не мог поверить Акдий.

— Если у них есть и мантикора, и могущественный артефакт, — Семара изобразила руками весы. — Почему бы тогда и нет?

— Это ещё не всё, — обеспокоенно проговорила Паулина, посмотрев в разбитое окно.

Большая группа магов собралась в центре площадки, отбиваясь от града чародейских стрел. Атаковали их свои же братья и сёстры по Ордену. Мантикора нарезала круги на небольшой высоте, высматривая новую добычу.

— Они подняли восстание! — испуганно воскликнула Даиля, держась за порванное плечо.

— Этого стоило ожидать, — признал Эсхельдор.

Сражение внизу замерло. Через главную арку вальяжно прошёл невысокий безволосый мужчина в длинном красном плаще. При ходьбе он опирался на длинный вычурный посох, а вокруг него витали языки пламени.

Маг огня вскинул руки, и жаркий поток энергии ворвался в самую гущу оборонявшихся, заметно прорезав их ряды. Решив не дожидаться повторной атаки, орденские чародеи поспешили покинуть площадь и разбежались в разных направлениях.

— Это немисливо, — испуганно промолвил Акдий.

Паулина понимала его. Даже с вершины башни она ощущала жаркую дрожащую энергию, исходившую от мага огня. Сила эта пересекалась с аурой Сердец Пламени, заставляя чародейское поле ходить волнами.

— Что это за хрень? — не понял Юральф. — Как он их так легко?

— Артефакт небывалой мощи, — испуганно объяснила Даиля. — Неужели посох Геодона?

— Чушь, — отрезал Акдий. — Обуздать посох не в силах никто.

— А Сердец Пламени больше не существует, — Паулина не удержалась.

Магистры хотели возмутиться её иронии, но им помешал донёсшийся из коридора грохот. Шум повторился уже совсем близко, и маги подошли к двери, приготовившись к обороне. В воздухе один за другим вспыхивали руны и знаки.

Дверь разлетелась в щепки, и в зал Магистрата ворвался поток энергии. Заряды зашипели, разбиваясь о барьеры. Сине-зелёные молнии одна за другой раскаляли воздух, но щиты магистров держались. Не дрогнули они и после особенно сильного заряда, пробившего даже каменную стену.

Отразив основной поток, маги атаковали сами. Горячий луч Акдия скрылся в выломанном дверном проёме в компании извилистой белой молнии Даили и чародейского града Эсмельдора. Паулина изучила энергию, оставленную последним заклинанием и, насколько могла, повторила его, ударив по невидимому противнику.

— Молодцы. Уделали салаг, — оценил Юральф, выползая из угла, где он переждал схватку. — Так им и надо... Это ещё что такое?

Через разбитое окно в комнату вплыл пульсирующий огненный шар, оставляющий за собой горячий шлейф. Энергия от него шла та же, что и от мага в красном с его могущественным посохом. Паулина ощутила, как невольно пытается приручить этот беспощадный жар, но лишь сама обжигается.

— Берегись! — воскликнул Эсмельдор. — Поднимайте барьеры!

Семара успела раскинуть руки, и волны зелёной энергии разошлись во все стороны, наделяя всех в комнате дополнительной силой. Паулина применила единственное защитное заклинание, которое знала, и окружила себя мерцающей пурпурной завесой.

Спустя мгновение шар разорвался и жаркое пламя залило весь зал ослепительной вспышкой. Магический барьер Паулины затрещал, но сумел выдержать огненный поток благодаря подпитке Семары. Изю всех сил поддерживая щит, колдунья вдруг осознала: Юральф не был чародеем и едва ли мог выдержать такой огонь. Ноги девушки подкосились.

— Все живы? — прокричал Эсмельдор, едва пламя осело.

— Юральф, — едва сдерживая слёзы, сказала Паулина.

Зал был весь покрыт слоем копоти, а обломки стола и вовсе обратились в пепел. Маги, тяжело дыша, приходили в себя после серии атак. Все они были живы, пусть и не совсем здоровы. Юральфа видно не было, но про себя Паулина с лёгким облегчением отметила, что не увидела и его тела.

— Отбились? — спросила Семара. Её лицо пересекли глубокие морщины, и сама она словно постарела сразу на десяток лет. Даже в тёмно-рыжей причёске появилась седая прядь.

— Ещё не всё, — Акдий покачал головой, и башня вся содрогнулась в подтверждение его слов.

Толчок повторился, и Паулина поспешила выглянуть в окно. Маг огня стоял у подножия башни, направив в её стену плотный поток пламени. Огонь выжигал самое сердце здания: белый камень пошёл трещинами, сама конструкция угрожающе затряслась.

— Они обрушат башню! — констатировала Паулина очевидное.

— Уходим! — воскликнула Семара.

— Сейчас, — Альхиор на мгновение обомлел от собственной громкости.

Его Мудрейшество собрался с силами и выкрикнул слова заклинания. Незримые цепи обвили всех чародеев, готовясь перенести их из обреченной башни. Паулина посмотрела в дальний угол, где как ни в чём не бывало мерцали Сердца Пламени. Она не могла так поступить с артефактами. Напрягшись, она совершенно добровольно разорвала цепи Альхиора и уже через мгновение маги исчезли в ярко-зелёном всполохе.

Потолок в зале начал рушиться, а пол у входа провалился. Стараясь не смотреть на зияющую дыру, в которой бушевало яростное пламя, Паулина бросилась к сверкающим камням, но ворвавшийся в комнату магический поток сбил её с ног. Волшебница поднялась и продолжила свой путь, отбиваясь от напора энергии. Девушка почувствовала, как из носа хлынула горячая кровь.

После очередного удара, начала рушиться стена башни, и Паулина почувствовала, как пол уходит из-под ног. Но она уже успела крепко схватить один из камней. Сердце Пламени было тёплым на ощупь, а бьющая из него энергия мягко покалывала покрытую сажей руку волшебницы. Артефакт был благодарен девушке, и она чувствовала, что он собирается её отблагодарить

Глава 23

Юральф понял, что дело плохо, когда маги начали окружать себя щитами, а от зависшего в центре зала огненного сгустка одна за другой пошли волны жара. Новоградец попятился, обливаясь потом, пока не упёрся в останки некогда богатой оконной рамы. Его единственный выход.

Сражение внизу не утихало. Восставшие окружили чародеев Ордена, заливая их магическими вспышками вперемешку с пламенем. Ряды редели с обеих сторон, но присутствие лысого мага с источающим жар посохом помогало мятежникам получить преимущество.

Громогласно рыча, мантикора нарезала круг за кругом в нагретом схваткой воздухе и как раз пролетала совсем рядом с башней. Идея оседлать её показалась Юральфу безумием высшей пробы, но времени размышлять у него не было. Либо заживо сгореть, не будучи закрытым чародейским барьером, либо до последнего цепляться за жизнь.

Бормоча единственную запомнившуюся с сельских дней молитву, Юральф оттолкнулся от покорёженного окна, подгоняемый вспышкой беспощадного жара. Мантикора, не ожидавшая ощутить столь увесистый груз на выгнутой спине, провалилась вниз, но сумела выровняться и заложила вираж вокруг завешенной дымом башни.

Не веря происходящему, Юральф крепко обхватил складчатую шею чудовища, чувствуя, как вложенная Семарой энергия пульсирует внутри него. Мантикора взбрыкнула и попыталась откусить руки навязчивого наездника, но те были вне досягаемости клацающих зубов. Подвижности когтистых крыльев зверю тоже не хватало.

Мантикора пролетела прямо над внутренним двором, превратившимся в поле боя. Безволосый маг отошёл от основной группы и, вскинув руки, поливал главную башню потоками огня. Сооружение трескалось и грозило обвалиться в любой момент.

Увидев снизившуюся мантикору, чародеи снизу отправили в неё целую серию заклинаний, но лишь разозлили чудовище и заставили его забыть о Юральфе. Крылатый монстр пошёл вниз для атаки, и новоградец решил воспользоваться моментом, чтобы соскочить на землю, однако неуклюжими движениями напомнил мантикоре о себе, и та резко ушла вверх.

Зверь зарычал. Тяжёлый наездник мешал ему набрать высоту, а перед его страшной мордой предательски вырос орденский сад. Не сумев обогнуть высокие кроны, мантикора влетела в них на полном ходу, круша толстые ветки деревьев, заставших не одно поколение магов.

Очередной удар пришёлся Юральфу в бок. Новоградец сорвался со спины чудовища и с пары саженей рухнул на цветочную клумбу. Лёжа на спине, он пытался отдышаться и понять, целы ли кости. Заклинание Семары ещё подпитывало Юральфа, но уже представлял, каким разбитым будет после. Если выживет.

Раздавшийся совсем рядом рык мантикору стал для новоградца сигналом к пробуждению. Вытапывая посаженные чародеями тюльпаны, Юральф поднялся и даже сквозь чары ощутил, как саднит ребро, принявшее на себя удар ветки.

Мантикора оказалась совсем рядом. Грозно рокоча, она медленно пробиралась через аккуратно подстриженные кустарники и чёрными ноздрями вынюхивала добычу. Оказавшись вблизи, Юральф разглядел, что правая половина морды зверя была покрыта запёкшейся кровью, а глаз отсутствовал. Заклинание Акдия сумело-таки ранить чудище в башне.

Принюхавшись, мантикора повернула израненную голову и нацелила единственный глаз на Юральфа. Боец попятился, чувствуя, как внутренности сползают куда-то вниз, не желая быть разорванными грозными когтями. Зверь приготовился к прыжку.

Атаку мантикору прервал гром, разразившийся над Орденом и поднявший волну светлой пыли. Чудовище остановилось и посмотрело себе за спину: туда, где главная башня не выдержала жара могущественного посоха.

Воспользовавшись заминкой, Юральф применил лучшую из известных ему тактик боя: он побежал. Новоградец бросился прямо сквозь куст шиповника, не обращая внимания на десятки острых игл, прорезающих плотную кожаную броню. Даже не оглядываясь, он знал, что чудище взяло след, но надеялся, что успеет хотя бы выиграть время.

«Четыре года в армии, год с лишним странствий в Светом забытых местах, — подумал Юральф на ходу. — А умирать по-прежнему не хочу»,

Продравшись сквозь живую изгородь сада, новоградец оказался отброшен на добрые три сажени налетевшим из ниоткуда потоком воздуха. Сломанное ребро возмущённо отозвалось резью. Атаковавший его мятежный чародей зловеще оскалился и зашагал, на ходу готовя новое заклинание. Мантикору он заметил слишком поздно.

Раненое чудовище прорезало изгородь и вцепилось в первого попавшегося на его пути человека. Мятежник завопил, когда задние лапы мантикору схватили его за живот, но уже ничего мог поделать. Зверь, привлечённый магической энергией, напрочь забыл о простом новоградском дезертире и принялся увлеченно разрывать новую добычу.

Юральф бросился прочь от сада, то и дело оборачиваясь; мантикора оттащила мага в сторону и вымещала на нём всю скопившуюся ярость. Новоградец бежал по дорожке из песчаника, ведущей мимо угловатого дома, где их поселили, прямо во внутренний двор.

Пока он бежал, в голове одна за другой вспыхивали обрывки мыслей. «Зачем Варион убил Белевена? Где Химера сейчас? Почему маги подняли восстание? Паулина, Семара... Они живы? И на кой чёрт мне это надо было. Был бы сейчас в армии... Чёрт».

Юральф вспомнил сражение под Бельфом и демона, марширующего среди напоенных чернокнижниками гаальтцев. Вспомнил и понял, что в лучшем случае удостоился бы места в братской могиле, где-то в пограничных полях.

Внутренний двор был весь засыпан каменными обломками и человеческими телами, а остов башни возвышался над ним на несколько саженей, словно последний гниющий зуб во рту старика. Пепел и пыль медленно оседали на землю, покрывая всё толстым белым слоем. Слово зима вернулась в разгар весны.

У обломков башни чудом уцелевшие маги бились против таинственного мага в красном, заливавшего их огнём. Получалось у него всё хуже и хуже, но всё равно силы его посоха хватало, чтобы разом противостоять Эсмельдору, Акдию и Даиле.

Семара держалась позади тройки сражающихся магистров, из последних сил подпитывая их чары. Её лицо осунулось, волосы местами поседели, а фигура всё больше напоминала об истинном возрасте верховной чародейки Койва.

В стороне, ближе к выходу, Юральф разглядел жёлтую мантию Эгдегора, бившегося

вместе с четырьмя другими магами. С полдюжины мятежников окружили их, но не могли прорваться сквозь барьер, то и дело получая залпы в ответ.

— Конец близок, — буднично произнёс кто-то прямо за спиной Юральфа.

Новоградец обернулся, ожидая увидеть очередного восставшего чародея и мысленно сокрушаясь, что на сей раз ему не поможет разъярённая мантикора. Вместо этого, однако, Юральф оказался лицом к лицу с хорошо одетым мужчиной-сотторийцем лет сорока пяти, чья неаккуратная щетина с проседью не могла скрыть его благородный вид.

— Ты не похож на мага, — заметил незнакомец.

— Как и ты, — парировал Юральф.

— Я здесь лишь для того, чтобы узреть триумф Солнцеликого и падение его врагов, — тонкие губы мужчины тронула улыбка. — И конец уже близок.

Юральф вновь перевёл внимание на схватку чародеев. Кольцо огня окружило троицу магистров, сжимаясь всё сильнее, но те сумели разорвать его и атаковали в ответ. Пиромант отбил первый залп, но фиолетовая молния Эсмельдора всё-таки ужалила его в грудь.

— Сдавайся! — воскликнула Даиля, осыпая мага огня снопом искр. — Ты ещё слишком юн и глуп, чтобы противостоять Магистрату.

— Пламя Геодона со мной! — с южным акцентом воскликнул пиромант. — Я — Рамул Неопалимый, погибель неверных и карающий огонь Солнцеликого!

Яркая вспышка сбила чародеев с ног и едва не ослепила Юральфа.

— Чего-чего? — переспросил новоградец у стоящего рядом сотторийца. — Карающий огонь? Что за чушь?

— «Все неверные да очистятся пламенем Его от всех грехов Неверия», — ответил тот. — Так гласит священное писание.

— Ты потерял рассудок.

— А ты слеп, если не видишь Его могущества.

Магистрат нанёс новый удар по Рамулу Неопалимому. Воздух вокруг мага пронзили заклинания. Казалось, он сумел выстоять, но Эгдегар, расправившийся с мятежниками, отправил ему в спину чародейскую стрелу. Потеряв равновесие, пиромант упал на живот, прямо в пепел.

— Всё кончено! — воскликнул Эсмельдор. — Бросай посох и прими свою судьбу!

— Грязные свиньи, — говорил Рамул негромко, но голос его достиг каждого во дворе. — Никчёмные отбросы ложных богов. Вам суждено сдохнуть в огне Геодона.

— Геодон был хорошим человеком! — воскликнул Эгдегор. — Не позорь его память! Не позорь Неопалимых!

Рамул взвыл от ярости и вновь бросился в бой. Первый удар пришёлся на Эгдегора, и чародей, не успев поставить щит, исчез в сгустке пламени. Схватившись за посох обеими руками, Неопалимый обрушил огненный дождь на магистров и вынудил тех отступить назад, к обломкам башни. Измученная Семара была уже не в силах им помочь.

— Остановись, тварь! — завопил Юральф, срываясь с места.

Новоградец понимал, что без оружия бежит на могущественного пироманта, но был готов биться с ним даже голыми руками.

Сразиться им было не суждено. На середине пути Юральф почувствовал удар в левое колено и оказался на земле. Нападавшей оказалась молодая смуглолицая девушка, одетая в шелка сиреневого оттенка — неподходящий наряд для поля боя. Поставив новоградца на колени, она приставила к его горлу изогнутый нож, отливающий серебром.

— Ты даже не маг, — обиженно подметил Рамул. — Жди своей очереди.

Магистры попытались взбрыкнуться ещё один раз, но выросшая перед пиромантом стена огня не пропустила ни искорки. Занеся посох Геодона обеими руками, Неопалимый ударил в ответ, и маги уже не смогли сдержать эту атаку. Выкрикнув несколько незнакомых слов, он приготовился добить магистров. Юральфа вырвало от отчаяния.

— Я. Есть. Пламя, — отрывисто сказал Рамул, заканчивая заклинание.

Огненный поток, подобный тому, что разрушил башню, ударил по беззащитным чародеям, но наткнулся на невидимую преграду и рассеялся, оставив за собой лишь след горячего воздуха. Рамул громко выругался, когда пламя осело. Перед тремя магистрами и Семарой появилась пятая фигура, столь знакомая Юральфу. И столь изменившаяся.

Паулина стояла, высоко задрав голову и расправив худенькие плечи. В руке девочка-колдунья сжимала один из драгоценных кристаллов Янека Вермейера. Обычно тлеющее изнутри Сердце Пламени выглядело потухшим, а энергия его струилась по телу Паулины, подсвечивая каждую венку на её бледном теле. Теперь Сердце горело в глазах девочки.

— Ты ещё кто? — возмутился Рамул.

— Огонь с небес, — голос Паулины тоже слегка изменился.

Неопалимый выкрикнул заклятие, но колдунья отбила его залпом алых зарядов и ударила в ответ, отбросив Рамула на пару саженей. Маг быстро пришёл в себя и выдал целый поток огненных стрел, и теперь уже Паулине пришлось отступить.

Вокруг них всё замерло. Магистры поднялись и замороженно смотрели за схваткой, Семара что-то бубнила себе под нос, не спуская взгляд с молодого Амхура. Даже южанка в шелках слегка опустила серебряный кинжал, но Юральф не торопился вставать и бежать.

Огненный вихрь вокруг Рамула принял форму змеи и ринулся вперёд. Достигнув цели, пламя шаром окружило Паулину и, подчинившись её воле, мощным потоком ударило самого пироманта, поглотив того яркой вспышкой.

Рамул уцелел. Его одежда сторела дотла, а камень вокруг расплавился, но сам он вышел из огненного столба живым. Маг шагал по обожжённой площади, помогая себе также уцелевшим посохом. Неопалимый доказал своё прозвище.

— Моё же пламя против меня? — раздражённо произнёс пиромант. — Грёбанная ты ведьма!

— Я не ведьма!

Они схлестнулись посреди внутреннего двора великого ордена Дейна. Пламенеющий поток Рамула против слепяще алой молнии Паулины. Неопалимый маг огня и Амхур из лесов дикого Севера. Два артефакта, равным которым практически не было. Посох Геодона и Сердце Пламени.

Юральф забыл обо всём, наблюдая за дуэлью, заставлявшей, казалось, кипеть воды Дейна. Для него больше не существовало ни грядущей с Юга войны, ни снующих в ночных лесах ырок и леших, ни прячущегося где-то Вариона, ни родных земель Чернополя. Только руины древней чародейской башни, залитый огнём двор и два чародея, через которых выплёскивали энергию могущественные артефакты.

Никто не сдавал позиции. Паулина пыталась подавить бьющее из посоха пламя, но не могла одержать верх. Тогда она сжала ладони и раскинула руки в стороны. Семара испуганно что-то закричала, но Юральф понял, чего хотела Паулина. Она уже проделала такое раз при нём с некромантом на границе Койва и Ярополя. Девочка больше не пыталась подавить огонь. Она решила приручить его.

Языки пламени окружали Амхура и рассеивались в воздухе, не причиняя ей вреда. Огонь продолжал вылетать из посоха Геодона, и Рамул больше не мог им управлять. Паулина навела кулак на Неопалимого и сжала его сильнее. Пламя стало вырываться из тела мага, хотя и не могло его ранить. Колдунья попросту выжимала энергию из него. До последней капли.

Обессиленный пиромант упал на колени и уронил посох. Пламя покинуло его вместе с надеждой на помощь Солнцеликого. Рамул уставился пустыми глазами на низвергшую его волшебницу. Одинокая слеза оставила след на покрытом копотью лице.

— Что я наделал? — испуганно спросил Неопалимый, обратив взор вверх. — Что вы наделали?

Рамул посмотрел на Паулину. Девушка стояла в десятке шагов от него, источая волны энергии, от которой волосы на теле Юральфа вставали дыбом. Он едва ли мог поверить, что это была та же забитая молчаливая девочка, которую они с Варионом привели из дикого леса. «Варион... Чёрт. Как давно это было. Или недавно?»

— Умри, — скомандовала не Паулина, но Сердце Пламени её устами.

Алая молния вырвалась из её глаз и прошила обугленное тело пироманта, выжигая в нём последние крупницы жизни. Рамул упал, раскинув руки: лишь ещё одно мёртвое тело на побоище ордена Дейна. Паулина вздрогнула и рухнула без чувств рядом с ним.

Более не чувствуя лезвия на шее, Юральф поднялся и медленно пересёк выжженное поле битвы. Он молчал, молчали и магистры. Тишину нарушил сотторийский поклонник Солнцеликого, с воплем отчаяния бросившись к останкам Рамула.

— Михель? — отчуждённо произнесла Семара, не веря своим глазам. — Корвен, ты?

Мужчина с трудом оторвался от погибшего мага и стеклянным взором уставился на верховную чародейку.

— Семара... — боль в голосе Михеля была почти осязаемой. — Семара. Ты не поймёшь. Никто не...

— Затнись, Корвен.

Чародейка ругнулась и набросила на Михеля обездвиживающее заклинание. Юральф с пренебрежением посмотрел на него и подошёл к лежавшей на боку Паулине. Она была жива: её грудь раз в несколько секунд вздымалась, набирая воздух в лёгкие.

— У вас ещё есть сомнения? — громко спросил новоградец у проходящих в себя магистров.

Не дождавшись ответа, Юральф сплюнул в пепел и сел на камень, некогда бывший частью могучей орденской башни.

Варион гнал коня на север, стараясь обойтись без остановок. Химера не гнушался опасными тропами, если они казались короче и нужду справлял, лишь когда терпеть было уже невозможно. Чубарый Бубенец, казалось, понимал всю важность миссии своего наездника и усталости не выражал.

Отступить назад было уже поздно. Варион наломал достаточно дров, и не мог отказаться от продолжения и подставить под удар всех, кто стал ему дорог за последние месяцы. В возможности Сольтесов нанести этот удар сомневаться не приходилось.

«Подумаешь, князь, — говорил сам себе Химера. — Лучше меня убийцы не найти — я

такой один. Друзья у меня тоже одни такие. А князей в мире хватает».

Почти три дня дороги по степям и перелескам великого княжества привели его в Константиноград — крупный торговый город на Яропольском тракте. Отсюда до Койва было рукой подать, и многие предпочитали останавливаться именно здесь из-за дешевизны.

Пройдясь по местным постоялым дворам и борделям, Варион узнал всё, что его интересовало. День спустя князь Геровен собирался выступить в койвском посаде, но в сердце малознакомой столицы Химера не мог атаковать. Зато после этого Его Величество отправлялся в славный Ярополь и в дороге у ассасина было больше шансов.

Варион хорошо подготовился, и на сей раз речь шла не просто о покупке дымного листа и прочих шалостях. Химера продал прихваченное из Ордена добро, добавил выручку к уже имевшимся в кошеле деньгам и вручил местным бандитам как предоплату. Чтобы получить остальную сумму, им всего-то и требовалось, что атаковать издали один «захудалый караван малозначительного купчишки с тугой мощной». Головорезам незачем было знать, кого на самом деле они должны были обстрелять из своих никчёмных луков.

К назначенному дню Варион добрался до тракта и занял место в удобной засаде. Химера знал, что разбойники выжидали совсем неподалёку.

Наконец, с тракта донесся топот пары десятков лошадей и скрип повозки. Варион закрыл глаза, принюхался к запаху лежащего на левой ладони дымного листа, готовя ноздри. В правой руке уже был готов кинжал, отточенный так, что мог перерубить падающий с дерева лист. Когда караван поравнялся с Химерой, раздался свист разбойничьих стрел и яростная ругань княжеской стражи. «Пора».

Мятежные маги сдались, едва пала их главная надежда — Рамул Неопалимый. Все из них, кто уцелел, повыскакивали из укрытий, сняли барьеры и сдались на милость Магистрата. Большинство бунтарей были совсем молодыми, и Юральф знал, что это не чары заставляли их так выглядеть.

Сражение забрало много жизней. Высший магистр Альхиор не выдержал такой нагрузки и умер сразу после того, как перенёс всех из обречённой башни; на месте Эгдегара осталась лишь горстка пепла, а останки Фегера и вовсе оказались погребены под руинами. Юральф не знал имён остальных погибших, но видел десятки обожжённых, растерзанных и искореженных тел, которыми был усыпан внутренний двор ордена.

Уцелевшие чародеи отчуждённо слонялись по площади, испуганно поглядывая на безоблачное небо, ожидая возвращения мантикоры, но когтистое чудище не появлялось. Юральф понимал беспокойство магов и со странной смесью запоздалого страха, неверия и даже гордости вспоминал свою поездку верхом.

Обыскать пленённую красавицу в шелках нашлось немало желающих, но взявший командование на себя Эсмельдор поручил это нелёгкое дело Юральфу и Семаре. Новоградец уже ощущал на себе последствия усиливающих чар и прогулки верхом на мантикоре, но пока держался.

— Всё залечим, — устало пообещала Семара по дороге к орденской конюшне, куда отвели пленников. — Дай только дух перевести.

Юральф понимающе кивнул. Верховная чародейка отдала слишком много сил сражавшимся магистрам и теперь выглядела лет на пятьдесят: седые пряди волос, обвисшая кожа на руках, морщины вокруг носа и рта. Новоградец знал, что и сам выглядел отнюдь не

на свои двадцать два.

Вход в низкие бревенчатые конюшни, никак не сочетавшиеся с элегантными строениями внутренней территории, охраняло трое чародеев из числа наиболее надёжных. Внутри, вперемешку со снопами сена и кучами навоза, содержались пленники: около дюжины мятежников, Корвен Михель и его спутница-южанка.

— Так что мы ищем? — решил уточнить Юральф, пробираясь через тесное помещение.

— Чтобы управлять мантикорой, нужен манок из её собственного когтя, — пояснила Семара, брезгливо косясь на решившую справиться нужду лошадь. — Стало быть у кого-то он есть, иначе зверь бы не стал так рисковать шкурой.

Боец вздохнул и остановился в дальнем конце конюшни. Маги удержались от соблазна сорвать с южной красавицы её лёгкие шелка и просто набросили на неё чародейские путы, перестраховавшись при этом массивной цепью, сковывавшей руки девушки над её головой.

— Ну вот мы и поменялись местами, — медленно произнёс Юральф, вынимая из ножен меч.

— Она не понимает наш язык, — подсказал Корвен. Его, также сковав цепью, держали напротив сообщницы. — Но я могу перевести.

— Перевод никогда не был твоей сильной стороной, Михель, — припомнила Семара.

— Всё течёт, всё меняется, — размыто ответил Корвен. — Вот и тебя время тронуло, наконец. Выглядишь совсем не очень.

— Это временно, — чародейка раздражённо провела по истончившимся и побелевшим волосам. — А вот у тебя проблемы куда более серьёзные. Изменник.

— Я? — искренне возмутился Михель. — Кому это я изменил?

— Своей родине, — вступил в разговор Юральф. — Господин глава дипломатии.

— Моя единственная истинная родина — это священное царство Солнцеликого, — не согласился Корвен. — Я служу тем, через кого он диктует свою волю.

— Это вот тот уголёк с посохом? — Семара оскалила пожелтевшие зубы.

— Это великий хан Чекетулай, — теперь ухмылялся уже Михель. — Он придёт за тем, что завещано ему Солнцеликим.

— Ты проиграл.

— Разве? — Михель притворно задумался. — Орден Дейна в руинах, большая часть магов мертва. К кому же великий князь побежит за помощью, когда дела станут совсем плохи? Позор всей бывшей Соттории.

— Чёрт подери, Корвен, послушай себя! — взмолилась Семара. — Что с тобой стало? Что они сделали?

— Произошло то, что должно. Прошли времена, когда я мог сидеть на этом жалком зрелище под названием Малый Кремлёвский совет. Сидеть и слушать бредни Догомара и Глойта, смотреть, как Геровен прогибается и пытается уйти от проблемы. На твоём месте я бы не торопился называть это царство глупости, трусости и разврата Родиной. Хотя, таким, как ты, там самое место.

— Скотина...

— Чёрт с ним! — Юральф взял Семару за плечо. — Мы пришли сюда за манком, а не спорить с этим идиотом. Давай, Михель, переводи. Ты же сам вызвался.

Корвен коротко рассмеялся и обменялся несколькими фразами с пленницей, ждущей напротив. Доселе Юральф слышал тохорский язык лишь пару раз во время странствий. Девушка поднялась и призывно изогнула брови.

— Она предлагает тебе раздеть её, герой, — перевёл Михель. — Манок может быть в самых неожиданных местах.

Юральф фыркнул. Спрятать сделанный из клыка животного инструмент в складках лёгких шёлковых одеяний она едва ли могла.

— Пускай сама достаёт, — велел новоградец. — Не в моих это принципах.

— Вот ты какой, — Корвен рассмеялся и выслушал следующую фразу девушки. — И как же она достанет манок, если её руки скованны цепью?

— Я сама достану, — вызвалась Семара. — Не нужно тебе руки пачкать о такую шлюху.

— Кто бы говорил, — вставил Михель.

— Как ты можешь быть таким уродом? — спокойно спросила чародейка, задрав подол шёлковой накидки пленницы. — Тебя ведь называли «светлым будущим Койва», лучшим дипломатом.

— У Койва нет будущего.

— А что насчёт твоей же семьи, Корвен? — продолжила Семара, орудуя под одеждой ханатской узницы. — Твой брат рвёт и мечет, проедает плешь Геровену, чтобы тот тебя вытащил. Да и жену ты давно ли похоронил? А могила-то её как раз в Койве. Если уж и на это тебе наплевать, подумай о дочери. Ей ты тоже желаешь гибели?

— Дейя всегда была легкомысленной шлюхой, как и её мать, — Михель сплюнул в сено. — Я не уверен даже, что она моя дочь.

— Дейя? — не мог не переспросить Юральф.

«Мой отец видный дипломат», — сказала она тогда в белозёрском кабаке, глядя на него такими же глубокими глазами каштанового цвета.

— Вот и он, — объявила Семара. — Далеко же ты его запихала. Шлюха.

Чародейка вложила Юральфу в руку изогнутый покрытый письменами чёрный коготь со спиленной острой частью. Новоградец с лёгким отвращением принял влажный и скользкий манок. Иной раз он бы согласился сам его извлечь, но после произошедшего южанка с серебряным кинжалом вызывала у него только неприязнь.

— Ты так и нарываешься, чтобы тебе прямо здесь глотку перерубили, — бросила Семара Корвену.

— Так за чем же дело стало? — спросил Михель. — Руби. Или хочешь отдать меня чародеям?

— Я хочу отдать тебя великому князю. Пусть мне и жалко, что Сейд увидит, какой мразью стал его брат. Но я надеюсь, тебя ещё можно вылечить.

— Вылечить? Это не болезнь, тупица ты! Это благодать!

Семара и Юральф уже не слушали. Широкими шагами они пересекли конюшню, и на ходу новоградец успел заметить, что одного из их скакунов не хватает. Не было в стойлах чубарого коня, которого Варион так старательно выторговывал у коменданта крепости в Крутом Городище.

— Он был здесь, — Юральф замер. Мальчишку-конюха в тени он увидел не сразу. — Ваш друг был здесь.

— Не друг он нам, — отрезал новоградский боец. — После того, что наделал.

— Я знаю, что он наделал. Но он этого не хотел. Его заставили.

— Плевать.

Юральф вылетел из конюшни, но перед главной аркой силы окончательно покинули его. Уткнувшись локтями в песчаник, новоградец попытался подняться, но ничего не вышло.

— Куда ты так бежишь? — забеспокоилась Семара. — После такого тебе полдня отдыхать надо.

— Надо проведать Паулину. Поговорить с магистрами. Найти второе Сердце...

— Всё будет в порядке. Отдыхай. Паулине тоже надо прийти в себя для начала. Как и тебе.

— Но...

— Никаких «но», Юральф. День выдался не чета другим. Так что отдыхай.

Не в силах даже ползти, Юральф перевернулся на спину и уставился вверх, где в лазурном океане неба резвились стрижи и дейнские чайки. Отдых ему был жизненно необходим. И пусть война подождёт.

Эпилог

Говорили, что у мужчин было три главные слабости: женщины, деньги и вино. Его Высочество Маркус Форлейн воспитал в себе сдержанное отношение к первому и второму, но с лихвой компенсировал это третьим, стремительно опустошая винные погреба Даверра.

Ему нравилось хорошее вино лучших сортов. Не столько из-за вкуса, сколько из-за того, что оно оставляло рассудок чистым и помогало князю думать. А думать ему в последнее время приходилось много.

Разведчики то и дело докладывали о подозрительных перемещениях войск вдоль границ Раванского ханства и Койва. Умудрённый опытом ещё со времён службы на Западе, Маркус прекрасно осознавал близость войны.

Отхлебнув ещё немного терпкого вина с Огненной земли, он подошёл к созданной искусными мастерами карте, покрывавшей весь стол в его палатах. Форлейн провёл мозолистым пальцем по прерывистой тёмной линии, обозначающей границу. Половина рубежа шла по широкой полноводной Гавале, перейти которую ханатцы могли разве что по осени, когда спадёт вода. На середине границы река резко уходила вниз, где впадала в залив, на берегах которого и раскинулся Асхат-Раван.

Конечно, часть войск они могут отправить и на кораблях даже по весенней Гавале, но основную ударную мощь Ханату придётся вести через вторую половину границы, проходящую по реке Уякель. Этот несравнимо меньший приток Гавалы даже весной можно было переходить вброд в нескольких местах, а плывущие по нему в Тамань судёнышки приходилось тащить волоком.

Форлейн тяжело вздохнул. Раванское ханство пойдёт через Уякель и первым под удар попадут два южных княжества: Даверр и Лецк. Маркус уже распорядился ввести в армии особый режим подготовки. На лецкого князя надежды было мало: слишком тот погряз в выпивке и разврате.

— Ты когда-нибудь спишь? — тихо подкравшись, спросила Авелла.

Маркус улыбнулся и взглянул на жену. Коварные огни свечей едва ли могли исказить красоту княгини даверрской Авеллы из рода Соттор. Густые русые локоны падали на прекрасное округлое личико, а тёмно-карие глаза всегда смотрели так же властно и уверенно, как и глаза её брата. Форлейн положил ладонь на округлившийся живот Авеллы.

— Ты ходила к Каддарре? — спросил князь.

— Она сказала ждать роды к осени, — Авелла кивнула. — Каддарра считает, что это мальчик.

Маркус поцеловал жену. Давно пора было добавить наследника к их двум дочерям. Но сначала необходимо убедиться, что малышу будет, что наследовать.

— Ваше Высочество! — раздалось из-за двери после настойчивого стука. — Ваше Высочество!

— Войдите!

В палаты вбежал запыхавшийся паж. В руке он сжимал помятый белоснежный конверт. Маркус взял письмо с печатью ордена Дейна и пометкой «срочно».

— Что случилось? — обеспокоенно спросила Авелла.

Форлейн вскрыл послание и зачитал его вслух. От жены у него секретов не было, тем более от жены из рода Соттор.

«Его Высочеству удельному князю Даверра Маркусу Форлейну. Спешим сообщить пренеприятнейшие известия. Группа чародеев Ордена подняла мятеж и атаковала Магистрат. Зачинщики ещё не установлены, но мятежникам помогали представители Раванского ханства, использовавшие артефакт невероятной мощи. Среди сторонников Раванского ханства оказался и достопочтенный Корвен Михель. Мятеж был подавлен, но в результате Орден потерял десятки человек. Погибли в том числе магистр Фегер Уус Алек, магистр Гораций Белевен и высший магистр Альхиор. Вынуждены вам заявить, что о войне с Раванским ханством следует говорить, как о неизбежном факте. Магистр ордена Дейна Эсмельдор».

В полной тишине Форлейн сложил письмо обратно в конверт и убрал его под замок в ящик своего стола.

— Подожди немного, — сказал Маркус гонцу.

Свернув карту, князь занял место за столом, подлил немного чернил и достал перо с чистым листом бумаги. Немного поразмыслив, Форлейн принялся писать.

«Коменданту Даверра Вильтону Мотсу. Дорогой Вильтон! Я получил неприятные вести из долины Дейна и спешу сообщить, что война уже на пороге. Да, противник грозен и силён, как никогда, но нам нельзя жаться и надеяться на милость Священного Света. Нужно готовиться принять бой. За сим распоряжаюсь объявить в княжестве мобилизацию и подготовиться к выходу на южные рубежи страны. Удельный князь Даверра Маркус Форлейн.»

— Маркус, дорогой, — Авелла испуганно схватила князя за руку, едва он зачитал ей своё письмо.

— А что ты предлагаешь? — нервно спросил Форлейн. — Бежать обратно в Алледан, оставив Даверр на растерзание Чекетулаю?

— Биться с Раваном одному — это самоубийство.

— Тогда вразуми своего брата и заставь его признать угрозу, чтобы я был не один.

Не обнаружив более вина в бутылке, Маркус вручил запечатанный им конверт гонцу и отправился в погреб. Форлейн мог позволить себе немного слабостей, поскольку знал, что совсем скоро ему будет не до вина.

Экипаж со скрипом продвигался по дорогам Койвского княжества. Шеала с интересом разглядывала проплывавшие мимо поля и рощи, наблюдала за кружащими в выси хищными птицами. Юная княжна впервые покинула пределы Койва и не могла поверить, что через несколько дней пути прибудет в великий Ярополь и увидит воочию все дворцы и древние церкви, о которых читала в академии.

Её молодой муж сидел рядом, взяв Шеалу за руку. Вальдон старался выглядеть предельно серьёзным: на днях ему исполнилось пятнадцать лет, и он постепенно готовился принять управление страной. Всегда спокойная и улыбчивая княгиня Ауда села напротив молодожёнов, а вот место по левую руку от неё пустовало: Его Величество Геровен предпочитал верховую езду удобствам экипажа.

В голове колонны двигалось четверо могучих конных витязя, за ними шли великий князь Койва и двое его ближайших дружинников. Далее тянулся запряжённый тройкой вороных коней экипаж, а замыкали колонну ещё шестеро витязей.

— Мы ещё в Койвском княжестве? — спросила Шеала, теребя расшитый кружевами ворот накидки.

— Конечно, дорогая, — ответила Ауда. — Нам предстоит провести ночь в Полебенске, и лишь завтра мы попадём в Ярополье. Мы пройдем по мосту через Гавалу — это и будет границей.

— Гавала же на Юге? — удивился Вальдон, уставившись на мать тёмным глазами.

— И на Юге, и на Востоке, и на Севере, — произнесла Шеала. — Гавала же очень большая и длинная. Она через три страны течёт!

— Откуда ты это всё знаешь? — пробормотал княжич.

— Просто нужно больше времени уделять учению, — назидательно сказала Ауда. — А не только военное дело постигать.

— Дариену Великому так вряд ли говорили. Иначе бы он не разбил Великое Ханство. Княгиня улыбнулась.

— Ну весь в отца.

Вальдон что-то невнятно проговорил и поправил растрепавшиеся тёмные космы.

Шеале не хватало семнадцатилетней княгини Сильи, с которой она успела сдружиться за время жизни при дворе. Дочь Геровена и Ауды осталась в Койве: пару недель назад она вывихнула ногу, неаккуратно спрыгнув с лошади, и родители решили не рисковать её здоровьем.

— Твою мать! — разразился проклятиями один из дружинников. — На изготовку! Живо!

Снаружи экипажа началась суета. Шеала услышала ругань, заглушавшую свист обрушившихся на колонну стрел. Через окно она увидела разбойников, выскочивших из придорожной канавы. Дружинники встретили их щитами и клинками, отразив атаку, но один из стражников всё же оказался на земле.

Сразу две стрелы вонзились в экипаж и застряли в деревянной обшивке. Высокий дружинник в кольчуге открыл дверь и велел княжеской семье ложиться на пол, а сам встал в проходе, закрыв его щитом. Следом раздался хлопок и всё вокруг повозки затянуло едким дымом.

Глаза Шеалы слезились, а горло раздирало. Она закашлялась и её стошнило прямо под ноги Вальдону, но в дымной завесе никто не мог увидеть, как она краснеет от стыда. Сквозь собственное сердцебиение и хриплое дыхание Шеала расслышала звон стали и отчаянную брань. Повозка дёрнулась, едва не перевернувшись.

Когда всё затихло, княжна наощупь выползла из задымлённого экипажа и с трудом открыла глаза, отозвавшись острой резью. Она стояла на четвереньках посреди дороги, а рядом с ней пытался откашляться закрывший их щитом дружинник.

Дым вокруг начал рассеиваться, и Шеала увидела побоище на месте колонны. Дорога и обочины были усеяны телами стражников и разбойников. В нескольких саженьях показалась знакомая фигура в плаще золотистого цвета. Княжеского цвета.

Геровен лежал на спине, схватившись за горло, а меж его пальцев струилась кровь. Он ещё двигался и при каждом судорожном выдохе алая пена изо рта заливала густую русую бороду. Пустые глаза князя были обращены к небу, где его уже ждали Светоносные.

Шеала стояла на коленях, хватая ртом отдающий пеплом воздух, и загребала пальцами сухую землю. Вокруг неё раздались глухие шаги, и сквозь пелену слёз она увидела закованнные в латы ступни солдат.

Княжна медленно повернулась к дружиннику за помощью, но не смогла сказать ни слова. Койвский стражник лежал на боку, а голова его небрежно откатилась к колёсам повозки. Над изувеченным телом возвышался широкоплечий воин с окровавленной секирой. Голову его скрывал латный шлем, а на груди гордо красовалось изображение медведя на двух лапах.

Из-за спины громилы показалось двое знакомых дружинников, но он одним ударом пробил панцирь первому, а второго насадил на пику ещё один рыцарь в шлеме. На груди этого солдата была накидка с чёрной птицей, похожей на грача или ворону.

Расправившись с дружиной, убийцы отправились напрямик в экипаж. Вальдона без чувств вынес на руках Медведь, а Грач грубо выволок на дорогу Ауду, зажимая ей рот. Шеала заскулила и попыталась отползти, но уткнулась в чьи-то ноги и ощутила на шее кольчужную перчатку.

Рука потянула Шеалу вверх. Рыцарь в накидке с котом швырнул её вперёд, и девочка кубарем покатилась по гравию, сдирая в кровь колени и ладони. Остановилась она у самых ног высокого длинноволосого мужчины в изящном тёмном плаще. Шеала помнила этого человека, особенно его холодно-голубые глаза, ещё со свадьбы.

— Привет, — ледяным тоном поздоровался Демесер Сольтес. — Представление воистину удалось. Признаться, я не ожидал такого размаха.

— Что вы наделали? — Шеала всхлипнула. — Вы...

— Тихо, — шикнул Сольтес.

Кот взял волосы княжны в охапку и потянул. Слёзы хлынули с новой силой. Ощувив шейей холодное прикосновение, девочка испуганно посмотрела вниз и увидела приставленное к горлу изогнутое лезвие меча.

— Демесер! — с гневом в голосе прокричал вышедший на дорогу человек.

Сольтес окинул взглядом молодого мужчину в штопанной кожаной куртке с надвинутым на глаза капюшоном. В одной руке незнакомец держал короткий меч, в другой — окровавленный кинжал.

— Химера! — радостно воскликнул княжич Чергова. — Вот уж не ожидал, что ты станешь здесь задерживаться. На твоём месте, я бы уже мчался со всех ног в самую глухую глушь, которую мог бы найти.

— А я не думал, что тебе хватит наглости появиться здесь, — злобно ответил Химера. — Не думал, но надеялся.

— Я не мог не появиться, — Демесер пожал плечами. — Честно тебе скажу: я не ожидал, что тебе всё удастся, и должен был довести дело до конца, если ты не справишься.

— Почему тогда сразу не сделать всё самому?

— Не знаю, что ты обо мне думаешь, но я не такой уж и мерзавец. Каким бы слабым правителем ни был Геровен, я бы точно не хотел, чтобы кровь священного рода Соттор была на моих руках.

— Она и так на твоих руках, подлая ты мразь.

Химера занёс меч и шагнул на княжича, но из-за спины Сольтеса появился ещё один воин: с булавой в могучих руках и конём на груди.

— Я выполнил то, что было нужно тебе, — сквозь зубы прошипел Химера. — Если

теперь кто-нибудь тронет моих друзей, я приду за всей твоей семьёй.

— Ждём в гости, — Демесер старался бравадить, но было очевидно, что угроза задела его. — Я всё равно потерял след твоих оборванцев после заварушки в Ордене. Хотя едва ли они смогли её пережить.

— Тогда решим свои вопросы. Хватит прятаться за спинами головорезов. Решим всё как следует. Только ты и я. Здесь и сейчас.

— Чего? — Сольтес раскатисто засмеялся. — Ты настолько тупой, что думаешь, что я выйду на дуэль с тобой?

— Значит, даже не пытаешься притворяться, что у тебя есть честь?

— И это говоришь мне ты? Убийца маленьких девочек? — Демесер плюнул себе под ноги, едва не попав в Шеалу. — Проваливай отсюда, пока я не велел тебя схватить за царубийство.

Шеала посмотрела сначала на кровавый кинжал в руке Химеры, затем — на его широкие от гнева глаза. Глаза того, кто убил Геровена.

— Отпусти девочку, Демесер, — призвал вдруг ассасин.

— Девочку? — переспросил Сольтес. — Эта безродная тварь возомнила, будто может просто так влезать в большую игру. Место ей там же, где и её выскочке-папаше. В земле.

— Отпусти её, — повторил Химера более настойчиво.

— У меня на неё другие планы. И тебе лучше не знать, что я с ней сделаю.

— Демесер!

— Уговорил, расскажу. Сначала я вскрыю своим ножом её...

— ЗАТКНИСЬ!

Неуловимым движением Химера метнул кинжал в зарвавшегося княжича, но Конь закрыл своей широкоплечей фигурой и лезвие вошло ему в грудь, разорвав звенья кольчуги. Солдат задёргался, но не упал.

— Он же Бессмертный, — с трудом подавлявая испуг в голосе, заявил Сольтес. — Ты что, готов сдохнуть здесь из-за какого-то выроodka? Ты идиот, Химера. Давно бы уже делал ноги из страны.

— Сначала сдохнешь ты.

— Тогда выбирай, что тебе дороже, — княжич скривил губы в усмешке. — Кончай её!

Кот занёс меч. Шеала, испуганно зажмурилась, думая о том, какой будет её смерть. Успеет ли она почувствовать боль? Будет ли её голова что-то видеть, когда только упадёт с плеч?

Смерть не пришла. Приоткрыв болящие от дыма глаза, девочка увидела перед собой два скрещенных лезвия. Демесера уже не было: лишь шуршали вдали от дороги ветки. Химера остановил удар, позволив ему скрыться.

— С дороги! — воскликнул убийца.

Шеала бросилась в сторону, к лежащему на груди трупу разбойника, и позволила двум мечникам схлестнуться в поединке. Химера атаковал с яростью, но Кот отражал удар за ударом, укол за уколом. Ассасин налегал всё сильнее, но противник не собирался сдаваться.

Утерев лицо тыльной стороной ладони, Шеала посмотрела на мёртвого разбойника. К его поясу были прикреплены ножны, из которых торчала рукоять меча. Вытащить оружие оказалось непросто, и девочке пришлось упереться ногой в спину трупа.

Добившись успеха, она обхватила рукоять обеими руками. Тем временем Химера, потеряв слишком много сил в атаке, с трудом отбивал атаки Кота. Ассасин припал на одно

колено и, казалось, вот-вот пропустит фатальный удар.

Шеала вспомнила слова Демесера и, движимая гневом, бросилась за спину Кота. Безмолвный солдат не заметил, как девочка подошла совсем близко и вонзила ржавый разбойничий меч в зазор между пластинами его брони.

Удар не убил Бессмертного, но вывел его из равновесия. Кот поднял меч и приготовился расправиться с княжной, но Химера тут же провёл разящую атаку. Мечник Сольтеса упал навзничь, а его шлем откатился сажени на три.

Насладиться успехом Химере не удалось. Отбросив меч в сторону, Кот поднял голову. Шеала пискнула от неожиданности, увидев безжизненное синее лицо и пустые глаза, затянутые пеленой. Единственный в жизни труп, который она видела, был именно таким же.

Подняться Кот не успел. Выругавшись от омерзения, Химера в изящном рывке отправил живого мертвеца обратно в грунт и со второй попытки обезглавил его. Шеалу вновь вырвало.

— Пойдём, пока он ещё мразей не отправил за нами, — Химера схватил ничего не понимающую княжну за запястье и потащил с дороги.

Шеале ничего не оставалось, кроме как следовать за ассасином. Она боялась его, но безголовых мертвецов она боялась ещё больше. Шеала хотела заплакать. Но слёз больше не осталось.

Ардук окончательно свыкся с мыслью, что умер и что гнетущая пустая тьма будет окружать его вечно. Он понимал, что больше не увидит и не услышит ничего, и поэтому даже расстроился, когда всё же открыл глаза.

Над ним высились знакомые стены из чёрного железа, упиравшиеся в свод пещеры. Гаальтец переборол страх и взглянул на трон. Теперь он был пуст: скелет старого короля, некогда восседавший на нём, теперь лежал на ледяном железном полу. Лежал у призрачных ног Согхерона

Первой мыслью Ардука было вскочить на ноги и бежать изо всех сил, но зловещая аура Тёмного не позволила ему сдвинуться с места.

— С возвращением, — гулко поприветствовал его Согхерон.

— Невозможно, — сперва Ардук даже испугался собственного голоса. — Я... Я жив?

— Конечно, — фантом в доспехах кивнул, клацнув шлемом о панцирь. — Живее, чем когда-либо.

— Но я умер!

— Да, — Согхерон не спорил. — Как без Света не бывает Тени, так и Жизни неразрывна со Смертью. Тебе ещё предстоит познать суть мироздания, Ардук.

— Как я здесь оказался!? — не унимался гаальтец.

— Тебе было суждено вернуться в эти залы с момента, когда я оставил на тебе свою метку. Это был вопрос времени.

— Янек...

— Янек — большой молодец. Люблю людей, которые держат своё слово.

— Отпусти меня!

— Не могу. Я же обещал, что ты станешь королём, помнишь? Но для этого нам придётся изрядно попотеть, как вы выражаетесь.

— Чего ты хочешь?

— Для начала — остановить одну злобную тварь, — Согхерон зарычал, и голос его эхом прошёл по пустой цитадели. — Того, кто обрёк моих людей на страдания и остался безнаказанным много лет назад. Демона, что успел пустить свои корни слишком далеко... Даже в ваш отряд.

— Демона? — Ардук с трудом верил своим ушам. — Но...

— Хватит разговоров, — фантом решительно шагнул вперёд и раскрошил потемневший череп бывшего короля своим массивным сапогом. — Нам предстоит много работы.

Ардук кивнул. Каким-то образом Согхерону удалось заставить его поверить. Возможно, сюда его действительно привела судьба. Демон должен быть наказан.

Свист и Разбег словно заново родились. Всё быстрее и быстрее они неслись по перевалу Чёрного Ключа. Теперь над ними не довлел тяжёлый взор Согхерона: напротив, он подгонял их, давал новые силы.

Янеку было непривычно слышать за спиной лишь скрип опустевшей повозки, но и поделаться он ничего не мог. Такова была его судьба. Судьба вечного странника. Спутники приходили и уходили, а неизменными оставались лишь кони, повозка, он сам и до боли знакомая дорога, ведущая в туманное будущее.

И всё же этот раз был особенным. Янек чувствовал, что смог добиться большего, чем обычно. Юральф, Варион, Агата, Паулина. Вместе они смогут повлиять на судьбу этого бескрайнего мира. И значило это куда больше, чем треклятая сделка с Согхероном.

Лошади, подгоняемые тёплым ветром, вновь примчали его в Вороний Утёс. С наступлением лета город ожил пуще прежнего и теперь был полон всевозможных путешественников. Здесьним гостям были неведомы страхи грядущей с Юга войны: они жили заботами сегодняшнего дня.

Спустя несколько дней Янеку подвернулась удача. Поздним вечером он встретился на Балконе с двумя внушительного вида бойцами, которым явно не терпелось убраться подальше от Вороньего Утёса.

— Итак, друзья мои, — начал Вермейер, представившись им. — Раз вы здесь, полагаю, вам известно о том, что я ищу в некотором роде «компанию». И, скорее всего, вы заинтересованы.

— Должны сразу тебя предупредить, Янек, — слегка виновато произнёс высокий парень со всколоченными волосами цвета соломы и полуторным мечём за спиной. — Мы сами не святые. Неделю назад мы сбежали из тюрьмы Черговского гарнизона. Не от хорошей жизни в дорогу пустились.

— Но мы и не бандиты какие! — добавил его брат: слегка сутылый бородач с двумя топорами на поясе.

— Что же вы натворили такого? — посмеиваясь, спросил Янек.

— Князьи шавки устроили погром на рынке, убили наших родных и друзей, — пояснил высокий. — Мы лишь дали им отпор. За что нас и швырнули в подвал.

— Так и казнили бы, не убеги мы, — добавил бородач. — Так что на земли Койва на путь заказан. Да и не хочется нам туда возвращаться.

— Да будет так, — Янек широко улыбнулся. — Поверьте, я странствовал с куда худшими преступниками. Теперь вы такие же, как и я. Вечные странники, корабли без пристани. На месте мне не усидеть, но и странствовать один я уже с трудом могу. Годы не

те, да и опасностей становится всё больше.

— Тогда куда двинемся? — спросил высокий мечник. — Здесь, вроде как, помощь наёмников не требуется.

— Поедем по тракту на Ярополь, — ответил Вермейер. — По пути заглянем в один монастырь. Сдаётся мне, нам потребуется опытный врачеватель.

— Могу посоветовать одну чудесную даму, — раздался сзади глубокий мужской голос. — У неё большой опыт в лечении путников.

Янек повернулся и оказался лицом к лицу со статным седобородым мужчиной в богатом кафтане цвета морской воды в ясную погоду.

— Благодарю за участие, сударь, но мы сами разберёмся, — Вермейер учтиво кивнул.

— Дело ваше, — мужчина в синем пожал широкими плечами. — Скажите, вы верите в судьбу?

— С судьбой я знаком хорошо. Даже слишком.

Янек жестом позвал своих новых спутников и отправился в сторону постоянного двора, где его уже дожидались отдохнувшие кони.

— Какая нынче погода в Вороньих горах? — крикнул ему в след таинственный любитель судьбы.

— Яснее, чем когда-либо, — не оборачиваясь, ответил Янек.

— Что ж, посмотрим, — еле слышно отреагировал мужчина. — Погода нынче весьма изменчива.

Янек про себя согласился, но ничего не ответил. Он уже думал о новой дороге, что предстояла ему, о Ярополе. Койв же теперь был в надёжных руках, как он считал. Хотел верить.

«Главное же — верить».

Больше книг на сайте - Knigolub.net